

Annotation

Это произведение одного из зачинателей детективного направления в литературе У. Коллинза не публиковалось в России многие годы.

Сложно переплетаются судьбы основных героев остросюжетного романа. Отношения отцов и детей исследуются в контексте эпохи, в ярких, подчас трагических ситуациях и образах.

-
- [Уилки КОЛЛИНЗ](#)
 - [КНИГА ПЕРВАЯ](#)
 - [Глава I. ПУТЕШЕСТВЕННИКИ](#)
 - [Глава II. ОСНОВАТЕЛЬНАЯ СТОРОНА ШОТЛАНДСКОГО ХАРАКТЕРА](#)
 - [Глава III. КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ](#)
 - [КНИГА ВТОРАЯ](#)
 - [Глава I. ТАЙНА ОЗАЙЯЗА МИДУИНТЕРА](#)
 - [Глава II. ЧЕЛОВЕК РАСКРЫЛСЯ](#)
 - [Глава III. ДЕНЬ И НОЧЬ](#)
 - [Глава IV. ТЕНЬ ПРОШЛОГО](#)
 - [Глава V. ТЕНЬ БУДУЩЕГО](#)
 - [Глава I. ПРЕДВЕЩАНИЕ БЕДЫ](#)
 - [Глава II. АЛЛЭН-ПОМЕЩИК](#)
 - [Глава III. ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ](#)
 - [Глава IV. ХОД СОБЫТИЙ](#)
 - [Глава V. МАГУШКА ОЛЬДЕРШО НАСТОРОЖЕ](#)
 - [Глава VI. МИДУИНТЕР В ЗАМЕЩАТЕЛЬСТВЕ](#)
 - [Глава VII. ЗАГОВОР УСЛОЖНЯЕТСЯ](#)
 - [Глава VIII. НОРФОЛЬКСКИЕ ОЗЕРА](#)
 - [Глава IX. СУДЬБА ИЛИ СЛУЧАЙ](#)
 - [Глава X. ПРЕДЧУВСТВИЕ СЛУЖАНКИ](#)
 - [Глава XI. МИСС ГУИЛЬТ «НА ЗЫБУЧЕМ ПЕСКЕ»](#)
 - [Глава XII. НЕБО ПОМРАЧАЕТСЯ](#)
 - [Глава XIII. УДАЛЕНИЕ](#)
 - [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке TheLib.Ru](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Уилки КОЛЛИНЗ
АРМАДЭЛЬ. ТОМ 1

Печатается по изданию 1866 года.

КНИГА ПЕРВАЯ

Глава I. ПУТЕШЕСТВЕННИКИ

На вильдбадских водах открылся сезон 1832 года.

Вечерний сумрак начал собираться над спокойным немецким городком; дилижанса ждали каждую минуту. Перед дверью главной гостиницы ожидали приезда первых посетителей сезона три главных лица в Вильдбаде со своими женами: бургомистр — представитель жителей, доктор — представитель вод, трактирщик — представитель своего собственного заведения. За этим избранным кружком в опрятном маленьком сквере перед гостиницей собрались городские жители, смешавшись с поселянами в их причудливых немецких костюмах. Все ожидали дилижанса: мужчины — в коротких черных куртках, узких черных панталонах, в треугольных пояровых шляпах; женщины — с длинными, светлыми косами, спускавшимися на затылок, в коротких шерстяных юбках, корсажи которых скромно закрывали шею. За этими группами резвились полненькие, белоголовые ребятишки. Таинственно отделившись от остальных жителей, музыканты собрались в уголке и ждали появления первых посетителей, чтобы приветствовать их первой серенадой в этом году. Свет майского вечера еще мелькал на вершине больших лесистых холмов, возвышавшихся над городом с правой стороны и с левой. Холодный ветер, начинавшийся перед закатом солнца, доносил благоухание сосен из Шварцвальда.

— Господин трактирщик, — сказала жена бургомистра, величая хозяина гостиницы его полным титулом, — к вам будут какие-нибудь иностранцы в этот первый день сезона?

— Госпожа бургомистерша, — отвечал трактирщик, платя ей за комплимент, — я жду двоих. Они написали, — один рукою слуги, другой, кажется, собственной своей рукою, — чтобы приготовить комнаты для них. Они оба из Англии, как я сужу по их именам. Однако, если вы попросите меня выговорить их имена, язык мой запнется; если же вы попросите меня сложить их, вот они: буква по букве, первое и второе по тому порядку, как они приедут. Первый знатный иностранец, по титулу мистер. Имя его состоит из восьми букв: А, р, м, а, д, э, л, ь; он больной и едет в своей собственной

карете; второй знатный иностранец, по титулу также мистер. Имя его состоит из четырех букв: Н, и, л, ь; он едет больной в дилижансе. Его превосходительство из восьми букв пишет ко мне рукою слуги, по-французски; его превосходительство из четырех букв пишет мне по-немецки. Комнаты для обоих готовы. Больше я не знаю ничего.

— Может быть, — намекнула бургомистерша, — вы, доктор, слышали об этих знаменитых иностранцах?

— Только об одном, и то не от него самого. Я получил известие от доктора его превосходительства из восьми букв, и болезнь его, кажется, неизлечима. Бог да поможет ему!

— Дилижанс! — закричал ребенок из толпы.

Музыканты схватили свои инструменты, и везде водворилась тишина. Вдали, в гуще леса, в вечерней тишине раздался слабый звук колокольчиков. Какой экипаж приближался: собственная ли карета мистера Армадэля или дилижанс с мистером Нилем?

— Играйте, друзья мои! — закричал бургомистр музыкантам. — Публичный или частный это экипаж — это первые больные в нынешнем сезоне. Пусть они найдут нас веселыми.

Оркестр заиграл веселый танец; дети в сквере топали ножками под музыку. В ту минуту родители их, стоявшие у двери гостиницы, расступились и обнаружили первую мрачную тень, спустившуюся на веселость и красоту этой сцены. В проход, сделанный с каждой стороны расступившейся толпой, последовала процессия дородных поселянок; каждая везла за собою пустое кресло на колесах, каждая ждала с вязаньем в руках несчастных, разбитых параличом, приезжавших раньше сотнями и приезжающих теперь тысячами на вильдбадские воды для облегчения.

Пока оркестр играл, пока дети танцевали, пока голоса разговаривавших звучали все громче, пока сильные молодые сиделки ожидаемых калек вязали, ненасытное женское любопытство обнаружилось в жене бургомистра. Она отвела трактирщицу в сторону и задала ей вопрос:

— Скажите мне хоть слово об этих двух иностранцах из Англии: говорилось ли в их письмах, что с ними будут дамы?

— С тем, который приедет в дилижансе, — нет, — отвечала трактирщица, — но с тем, который приедет в своей карете, — да. Он приедет с ребенком, он приедет с нянькой и, — заключила

трактирщица, искусно скрывая главное в ответе на вопрос, — он приедет с женой.

Бургомистерша просветлела; докторша, участвовавшая в разговоре, просияла; трактирщица значительно кивнула головой. В уме всех трех промелькнула одна и та же мысль в эту минуту: «Мы увидим моды!»

Через минуту началось внезапное движение в толпе, хор голосов провозгласил, что путешественники близко.

В это время дилижанс уже был виден, и всякое дальнейшее сомнение исчезло. Дилижанс приближался по длинной улице, которая вела к скверу, дилижанс, восхитительно выкрашенный желтой краской, дилижанс, привозивший первых посетителей сезона к дверям гостиницы. Из десяти путешественников, вышедших из среднего и заднего отделения дилижанса, приехавших из разных частей Германии, троих вынесли на руках и посадили в кресла на колесах, на которых повезли в квартиры, нанятые для них в городе. В переднем отделении сидели только два пассажира: мистер Ниль и его слуга. Опираясь на чужие руки с каждой стороны, иностранец — болезнь которого состояла в хромоте одной ноги — успел спуститься со ступенек дилижанса довольно легко. Пока он утверждался ногами на мостовой с помощью своей палки, не слишком ласково смотря на музыкантов, которые угощали прибывших вальсом из «Фрейшюца» [1], его наружность несколько охладила энтузиазм кружка, собравшегося встретить его.

Это был худощавый, высокий мужчина средних лет, с холодными серыми глазами и с длинной верхней губой, с нависшими бровями и выдававшимися скулами, человек, казавшийся именно тем, кем он был — шотландцем с головы до ног.

— Где хозяин этой гостиницы? — спросил он очень свободно по-немецки и с ледяной холодностью в обращении. — Позовите доктора, — сказал он, когда трактирщик представился ему. — Я хочу видеть его сейчас.

— Я здесь, — сказал доктор, выходя из дружеского кружка. — Я к вашим услугам.

— Благодарю, — сказал мистер Ниль, смотря на доктора, как все мы смотрим на собаку, которая является на наш свист. — Я буду рад посоветоваться с вами завтра утром в десять часов о моей болезни.

Теперь же я побеспокою вас поручением, которое я взялся вам передать. Мы перегнали дорожный экипаж одного господина англичанина, который, по-видимому, опасно болен. Дама, которая едет с ним, просила меня немедленно увидеться с вами по приезде и попросить вас помочь вынести больного из кареты. С курьером их что-то случилось, и они оставили его на дороге; они принуждены ехать очень медленно. Если вы будете здесь через час, вы успеете их принять. Вот то поручение, которое мне дали к вам. Кто этот господин, который, по-видимому, с таким нетерпением желает говорить со мной? Бургомистр? Если вы желаете видеть мой паспорт, мой слуга покажет вам. Нет? Вы желали встретить меня и предложить ваши услуги? Мне это чрезвычайно лестно. Если вы можете приказать оркестру перестать играть, вы сделаете мне одолжение: мои нервы раздражительны, а музыки я терпеть не могу. Мне не нужна вашей руки, я могу взойти наверх с помощью моей палки. Господин бургомистр и господин доктор, мы не должны задерживать друг друга долее. Желаю вам спокойной ночи.

И бургомистр, и доктор посмотрели вслед шотландцу, когда он, прихрамывая, поднимался по лестнице, и покачали головою с безмолвным неодобрением. Дамы по обыкновению сделали шаг далее и открыто выразили свое мнение самыми бесцеремонными словами. Этот человек имел дерзость пройти мимо, не обратив на них никакого внимания. Бургомистерша приписывала подобное оскорбление только врожденной свирепости дикаря. Докторша смотрела на это еще строже и считала такой поступок врожденной грубостью свиньи.

Ночь тихо спускалась на холмы. Звезды появились одна за другой, и первые огни замелькали в окнах гостиницы. Когда наступила темнота, последние группы встречавших разошлись из сквера. Могущественное безмолвие Шварцвальда воцарилось над долиной и как бы заставило смолкнуть уединенный городок.

Шли часы, и только фигура доктора, с беспокойством ходившего взад и вперед, мелькала в сквере. Прошло немало времени, прежде чем первые звуки, раздавшиеся в ночной тишине, дали ему знать о приближении экипажа. Медленно, как крестьянские дроги, въехал он в сквер и остановился у дверей гостиницы.

— Доктор здесь? — спросил женский голос по-французски из темной глубины кареты.

— Я здесь, — отвечал доктор, взяв свечу из рук трактирщика, отворяя дверцу кареты.

Первое лицо, на которое упал свет, было лицо говорившей женщины, молодой черноволосой красавицы, в черных глазах которой сверкали слезы. Второе лицо принадлежало морщинистой старой негритянке, сидевшей напротив дамы, на передней скамейке. Третье было лицо ребенка, спящего на коленях негритянки. Быстрым и нетерпеливым движением дама сделала негритянке знак выйти с ребенком из кареты.

— Пожалуйста, отведите их в наши комнаты! — сказала она трактирщице.

Сама дама вышла, когда ее просьба была исполнена. Тогда огонь в первый раз осветил задний угол кареты и четвертого путешественника.

Он лежал на тюфяке, его длинные и растрепанные волосы выбивались из-под черной ермолки; глаза, широко раскрытые, тревожно бегали по сторонам; само же лицо его, неподвижное и темное, казалось окаменелым, невозможно было понять, что оно выражает, каким оно было прежде. Глядя на мертвенное лицо путешественника, нельзя было и составить представления о его летах, звании, характере и наружности, которые он имел до болезни. Это было следствие поразившего его паралича. Глаза доктора скользнули по ногам, и паралич отвечал: я здесь. Глаза доктора, внимательно поднимавшиеся выше, задержались на мускулах рта, и паралич отвечал: я подвигаюсь.

При виде столь страшного и беспощадного бедствия ничего нельзя было сказать. Женщине, которая стояла и плакала у дверей кареты, можно было предложить только безмолвное сочувствие.

Когда больного несли на тюфяке через переднюю гостиницы, его блуждающие глаза встретились с глазами жены. Они остановились на ней на одно мгновение, и в это мгновение он заговорил:

— Где ребенок? — спросил больной по-английски, медленно и трудно произнося слова.

— Ребенок наверну, — отвечала жена слабым голосом.

— Моя письменная шкатулка?

— Она у меня в руках — посмотри! Я никому ее не доверила; я берегу ее для тебя.

Он закрыл глаза в первый раз после прибытия и не сказал ничего более. Осторожно отнесли его наверх. Жена шла по одну сторону, доктор, хранивший молчание, — по другую. Трактирщик и слуга, следовавшие сзади, видели, как дверь комнаты отворилась и затворилась за ними, слышали, как дама истерически зарыдала, как только осталась одна с доктором и больным. Доктор вышел через полчаса. Его лицо было очень бледным. Присутствующие закидали его вопросами и получили только один ответ:

— Подождите, пока я увижу его завтра. Не спрашивайте меня ни о чем сегодня.

Все знали привычки доктора и сделали дурное заключение, когда он торопливо ушел после этого ответа.

Таким образом, эти два англичанина приехали на вильдбадские воды в 1832 году.

Глава II. ОСНОВАТЕЛЬНАЯ СТОРОНА ШОТЛАНДСКОГО ХАРАКТЕРА

В десять часов на другое утро мистер Ниль, ждавший визита доктора, которому он сам назначил это время, взглянул на часы и понял, к удивлению своему, что он ждет напрасно. Было почти одиннадцать, когда дверь отворилась, наконец, и доктор вошел в комнату.

— Я назначил десять часов для вашего визита, — сказал мистер Ниль. — В моем отечестве доктор всегда аккуратен.

— А в моем отечестве, — отвечал доктор без малейшего смущения, — доктор точно так, как все другие люди, зависит от обстоятельств. Прошу вас принять мои извинения, что я так опоздал: меня задержало очень печальное обстоятельство — болезнь мистера Армадэля, карету которого вы обогнали на дороге вчера.

Мистер Ниль посмотрел на доктора с неприязнью и удивлением. В глазах доктора чувствовалось какое-то беспокойство, обращение доктора показывало какую-то озабоченность, которые мистер Ниль никак не мог объяснить себе. С минуту оба господина молча смотрели друг на друга. Их лица отличались резким национальным контрастом: лицо шотландца — длинное и худощавое, суровое и бледное; лицо немца — круглое и полное, румяное и мягкое. Первое имело такой вид, как будто никогда не было молодо, второе — как будто никогда не должно было состариться.

— Смею напомнить вам, — сказал мистер Ниль, — что мы теперь должны рассуждать о болезни моей, а не мистера Армадэля.

— Конечно, — отвечал доктор, как будто колеблясь между болезнью, которую он пришел лечить, и той, которую он только что оставил. — Вы, кажется, хромаете? Позвольте мне посмотреть вашу ногу.

Болезнь мистера Нилия, как ни серьезна могла она казаться в его глазах, не имела опасности с медицинской точки зрения. Он страдал от ревматизма в сгибе ноги. Необходимые вопросы были заданы, необходимые ответы были получены, необходимые ванны

предписаны. Через десять минут консультация была окончена, и больной многозначительно молчал, ожидая, чтобы доктор ушел.

— Я очень хорошо понимаю, — сказал доктор, вставая и несколько колеблясь, — что я задерживаю вас, но я вынужден просить вашего снисхождения, если я опять обращусь к болезни мистера Армадэля.

— Могу я спросить, что вас принуждает к этому?

— Обязанность христианина к умирающему, — отвечал доктор.

Мистер Ниль вздрогнул. Те вопросы, которые касались чувства его религиозной обязанности, затрагивали самую живую струну в его характере.

— Вы предъявили право на мое внимание, — сказал он серьезно. — Мое время принадлежит вам.

— Я не буду злоупотреблять вашей добротой, — отвечал доктор, опять садясь на свое место. — Я постараюсь рассказать все вкратце. Вот в чем дело. Господин Армадэль провел большую часть своей жизни в Вест-Индии, по его собственному признанию, он вел там разгульную и порочную жизнь. Вскоре после его женитьбы — три года тому назад — начали обнаруживаться первые симптомы паралича, и доктора предписали ему европейский климат. После отъезда из Вест-Индии он жил в Италии без всякой пользы для своего здоровья. Из Италии, до его последнего удара, он переехал в Швейцарию, а из Швейцарии был привезен сюда. Это я знаю из письма его доктора; остальное я могу сообщить вам из моих собственных наблюдений. Господина Армадэля прислали в Вильдбад слишком поздно: он уже почти мертв. Паралич быстро распространился кверху, и нижняя часть спинного мозга уже поражена. Он еще может немного шевелить руками, но в пальцах ничего не может держать. Он еще может произносить слова, но завтра или послезавтра может проснуться без языка. Проживет он самое большее неделю. По его собственной просьбе я сказал ему — так осторожно и так деликатно, как только мог, — то, что я теперь говорю вам. Результат был самый печальный. Я не могу даже описать вам, как сильно было волнение больного. Я решился спросить, не расстроены ли его дела. Ничуть не бывало. Завещание его находится в руках его душеприказчика в Лондоне, и он оставляет свою жену и своего сына с хорошим состоянием. Мой второй вопрос попал метко.

— Нет ли у вас чего-нибудь на душе, — спросил я, — что вы желаете сделать перед смертью и что еще не сделано?

Он вздохнул, и вздох этот выразил лучше слов: «Да».

— Не могу ли я помочь вам?

— Да. Я должен написать кое-что. Можете ли вы сделать, чтобы я мог держать перо?

Он мог бы точно так же спросить меня, не могу ли я сделать чудо. Я мог только сказать «нет».

— Если я буду диктовать, — продолжал он, — можете ли вы писать?

Опять я должен был сказать «нет». Я понимаю немного по-английски, но не могу ни говорить, ни писать на этом языке. Господин Армадэль понимает по-французски, когда говорят (как я говорю с ним) медленно, но он не может выражаться на этом языке, а по-немецки он совсем не знает. В таких затруднительных обстоятельствах я сказал то, что сказал бы всякий на моем месте:

— Зачем просить меня, госпожа Армадэль к вашим услугам в смежной комнате.

Прежде чем я успел встать со стула и сходить за его женой, он остановил меня. — не словами, а взглядом ужаса, который пригвоздил меня к месту.

— Уж конечно, — сказал я, — вашей жене приличнее всего написать то, что вы желаете.

— Менее всех! — отвечал он.

— Как! — говорю я. — Вы просите меня, иностранца и постороннего, писать под вашу диктовку то, что вы хотите скрыть от вашей жены!

Представьте себе мое удивление, когда он отвечал мне без малейшей нерешительности.

— Да.

Я сидел молча.

— Если вы не можете писать по-английски, — сказал он, — найдите кого-нибудь.

Я старался возражать. Он страшно застонал: это была мольба немая, похожая на мольбу собаки.

— Успокойтесь! Успокойтесь! — сказал я. — Я найду кого-нибудь.

— Сегодня же! — сказал он. — Прежде чем я останусь без языка, так, как теперь без рук.

— Сегодня, через час.

Он закрыл глаза и тотчас успокоился.

— Пока я буду ждать вас, — сказал он, — прикажите принести ко мне моего сына. — Он не выказывал нежности, когда говорил о своей жене, но я видел слезы на его щеках, когда он спросил о своем ребенке. Моя профессия не сделала меня суровым, как вы, может быть, думаете, и моему докторскому сердцу было так тяжело, когда я пошел за ребенком, как будто я совсем не был доктором. Боюсь, что вы посчитаете это слабостью с моей стороны.

Доктор с умоляющим видом посмотрел на мистера Ниля. Но он мог точно так же смотреть на скалу в Шварцвальде. Никто не мог бы вывести его из области простых фактов.

— Продолжайте, — сказал он. — Я полагаю, вы сказали мне еще не все.

— Вы, наверно, понимаете цель моего посещения, — отвечал доктор.

— Ваша цель довольно ясна. Вы приглашаете меня слепо связаться в дело подозрительное в высшей степени. Я не дам вам ответа до тех пор, пока не узнаю все подробнее. Сочли ли вы нужным сообщить жене этого человека, что произошло между вами, и просить у нее объяснения?

— Разумеется, — отвечал доктор, негодуя на сомнения в его человеколюбии, которое подразумевалось в этом вопросе. — Эта несчастная женщина любит и жалеет своего мужа. Как только мы остались одни, я сел возле нее и взял ее за руку. Почему же нет? Я стар и некрасив и, конечно, могу позволить себе такие вольности.

— Извините меня, — сказал непроницаемый шотландец, — и позвольте заметить вам, вы теряете нить рассказа.

— Очень может быть, — отвечал доктор со своей прежней веселостью. — Привычка моей нации — постоянно терять нить, а привычка вашего народа — постоянно находить ее. Какой пример порядка во вселенной и взаимной гармонии вещей!..

— Сделаете ли вы мне одолжение раз и навсегда ограничиться фактами? — перебил мистер Ниль, нахмурившись. — Могу я узнать,

сказала вам госпожа Армадэль, что муж ее желает заставить меня писать и почему он не хочет, чтобы писала она?

— Вот моя нить найдена. Благодарю, что вы отыскиали ее, — сказал доктор. — Вы услышите, что госпожа Армадэль сказала мне, расскажу ее собственными словами.

«Причина, по которой он лишает меня теперь своего доверия, — сказала она, — вероятно, та самая, которая всегда лишала меня его сердца. Я жена, с которой он венчался, но я не та женщина, которую он любит. Я знала, когда он женился на мне, что другой мужчина отнял у него любимую им женщину. Я думала, что смогу его заставить забыть ее. Я надеялась на это, когда выходила за него; я надеялась опять, когда родила ему сына. Нужно ли мне говорить вам, чем кончились мои надежды, — вы сами это видели». (Подождите, умоляю вас! Я не потерял нити рассказа, я следую за ней.) — Это все, что вы знаете? — спросил я.

«Когда мы были в Швейцарии, — отвечала она, — и когда болезнь его сделалась опасна, он узнал случайно, что женщина, которая отравила всю мою жизнь, так же как и я, родила сына. В ту минуту, когда он сделал это открытие — открытие, не заключавшее в себе ни малейшей важности, — им овладел смертельный страх — не за меня, не за себя, а за своего сына. В тот же самый день, не сказав мне ни слова, он послал за доктором. Я поступила низко, дурно — называйте это как хотите, — я подслушала у дверей. Я слышала, как он сказал: „Я должен сообщить кое-что моему сыну, когда он будет в таких летах, что поймет меня. Доживу ли я до этого?“ Доктор ничего не сказал, наверно. В тот же самый вечер, ни слова мне не говоря, он заперся в своей комнате. Что сделала бы на моем месте женщина, с которой обращались таким образом? Она сделала бы то же, что и я: она подслушала бы опять. Я слышала, как он говорил: „Я не доживу до этого, чтобы сказать ему. Я должен написать это, прежде чем умру“. Я слышала, как перо его скрипело, скрипело по бумаге, я слышала, как он стонал и рыдал, когда писал, я умоляла его именем Бога, чтобы он впустил меня. Жестокое перо скрипело, скрипело, это жестокое перо было единственным его ответом мне. Я ждала у двери несколько часов — не знаю даже, сколько времени. Вдруг скрип пера прекратился, и я не слыхала ничего более. Я тихо шепнула в замочную скважину, что я озябла и устала ждать. Я

сказала: „О мой возлюбленный,пусти меня!“ Мне даже не ответило скрипом жестокое перо, мне отвечало безмолвие. Всей силой моих слабых рук стучалась я в дверь. Пришли слуги и взломали дверь. Мы опоздали. Болезнь сделала свое дело: над этим роковым письмом его разбил паралич, над этим роковым письмом мы нашли его в таком состоянии, как вы видите его теперь. Слова, которые он просил вас писать, — те самые слова, которые он написал бы сам, если бы его до утра не разбил паралич. С того времени в письме оставалось пустое место, это-то пустое место он и просил вас заполнить». Вот какими словами миссис Армадэль говорила мне, в этих словах заключаются все сведения, какие я могу вам сообщить. Скажите, прошу вас, держался ли я нити? Показал ли я вам необходимость, которая привела меня сюда от смертного одра вашего соотечественника.

— До сих пор, — сказал мистер Ниль, — вы только показали мне ваше собственное волнение. Это дело слишком серьезно для того, чтоб обращаться с ним так, как вы обращаетесь теперь. Вы впутали меня в это дело, и я непременно хочу знать, как я должен действовать. Не поднимайте руки, они не имеют никакого отношения к вопросу. Если я должен быть замешан в этом таинственном письме, то благоразумие требует с моей стороны узнать, что заключается в этом письме? Миссис Армадэль, кажется, решилась сообщить вам бесчисленное множество семейных подробностей — в благодарность, я полагаю, за вежливое внимание, с каким вы взяли ее за руку. Могу я спросить, что она рассказала вам о письме ее мужа, о тех строках, которые были им написаны?

— Госпожа Армадэль не могла сказать мне ничего, — отвечал доктор с внезапной сухостью. Это показывало, что терпение изменяет ему. — Прежде чем она успокоилась настолько, чтобы подумать о письме, ее муж спросил о нем и велел запереть его в письменную шкатулку. Она знает, что он после старался закончить это письмо и что перо выпадало из его пальцев. Она знает, что, когда всякая надежда на его выздоровление исчезла, доктора посоветовали ему здешние знаменитые воды, наконец, она знает, что эта надежда напрасна, она знает, что я сказал ее мужу сегодня.

Нахмутив лоб, мистер Ниль сделался еще мрачнее. Он поглядел на доктора так, как будто доктор лично оскорбил его.

— Чем более я думаю о том положении, которое вы просите меня занять, — сказал он, — тем менее оно мне нравится. Можете ли вы утверждать положительно, что мистер Армадэль находится в здравом рассудке?

— Да, самым положительным образом.

— С согласия ли его жены вы пришли просить меня?

— Жена его послала меня к вам — к единственному англичанину в Вильдбаде — написать для вашего умирающего соотечественника то, что не может он написать сам и что никто здесь, кроме вас, не может написать.

Этот ответ не оставил мистеру Ниллю никакого повода к отказу, и все-таки шотландец сопротивлялся.

— Позвольте, — сказал он. — Вы утверждаете это горячо, но посмотрим, утверждаете ли вы это правильно. Посмотрим, действительно ли здесь нет никого, кроме меня, чтобы взять на себя эту ответственность. В Вильдбаде, во-первых, есть бургомистр: его официальное положение оправдывает его вмешательство.

— Конечно, никто так, как он, не годился бы для этого, — сказал доктор, — но он не знает никакого языка, кроме своего собственного.

— В Штутгарте есть английское посольство, — настаивал мистер Ниль.

— А сколько миль отсюда до Штутгарта? — возразил доктор. — Если мы пошлем туда сию минуту, мы не можем получить ответа из посольства раньше завтрашнего дня, а весьма вероятно, что умирающий завтра будет без языка. Я не знаю, безвредны или вредны его последние желания для его сына и для других, но я знаю, что их надо выполнить сейчас или никогда и что вы единственный человек, который может помочь ему.

Это заявление доктора прекратило спор и поставило мистера Нилля в необходимость сказать «да» и сделать неосторожный поступок или сказать «нет» и сделать поступок негуманный. Наступило молчание. Шотландец размышлял, немец наблюдал за ним.

Мистер Ниль заговорил первый, встав со стула.

— Меня принуждают насильно, — сказал он. — Мне ничего не остается, как только согласиться.

Впечатлительного доктора возмутила нелюбезность этого ответа.

— Ей-богу, желал бы я, — сказал он горячо, — знать по-английски настолько, чтобы занять ваше место у смертного одра мистера Армадэля!

— Исключая то, что вы призвали имя Господа Бога всеу, — отвечал шотландец, — я совершенно согласен с вами. Я сам бы этого желал.

Не говоря более ни слова, они вместе вышли из комнаты. Доктор показывал дорогу.

Глава III. КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ

Никто не ответил на стук доктора, когда он и его спутник остановились у дверей комнат мистера Армадэля. Они вошли без доклада и, заглянув в гостиную, увидели, что она пуста.

— Я должен видеть госпожу Армадэль, — сказал Ниль. — Я отказываюсь участвовать в этом деле, пока миссис Армадэль сама лично не даст мне разрешения.

— Госпожа Армадэль, вероятно, у своего мужа, — отвечал доктор.

Он подошел к двери в конце гостиной, поколебался и, обернувшись, с беспокойством взглянул на своего сердитого спутника.

— Я боюсь, что я говорил несколько жестоко, когда мы выходили из вашей комнаты, — сказал он. — Убедительно прошу вас простить меня. Прежде чем войдет эта бедная женщина, вы извините меня, я буду просить вас быть с нею кротким и внимательным.

— Нет, — сурово возразил шотландец. — Я вас не извиняю. Какое право дал я вам думать, что не умею быть кротким и внимательным к кому бы то ни было?

Доктор увидел, что все его слова бесполезны.

— Еще раз прошу вас простить меня, — сказал он и оставил в покое неприступного иностранца.

Ниль отошел к окну и машинально стал смотреть на открывавшийся из окна вид.

Был полдень, солнце сияло ярко, было тепло. Весь маленький Вильдбад оживился и посветлел с наступлением весенней погоды. Тяжелые телеги, управляемые чернолицыми угольщиками, катились из леса мимо окна с драгоценным грузом угля. Время от времени длинные плоты со строевым лесом проносились мимо домов по реке, протекающей через город, направляясь к отдаленному Рейну. Высоко и круто возвышались над остроконечными деревянными зданиями на берегу реки горы, увенчанные соснами во всем великолепии свежей зелени. На лесных дорожках, извивавшихся в траве между деревьев, виднелись светлые весенние платья женщин и детей, собиравших лесные цветы. Внизу, в аллее, близ ручья, лавки маленького базара,

открывавшегося вместе с началом сезона, предлагали свои блестящие безделушки. Дети заглядывались на игрушки, девушки складывали свое вязанье, когда проходили мимо, горожане вежливо раскланивались друг с другом. Теплое полуденное солнце привлекло на прогулку и больных, которые медленно двигались на колесных стульях в сопровождении медицинских сестер.

Шотландец глядел на эту сцену глазами, не примечавшими ее красоты. Он размышлял о том, что скажет женщине, когда она войдет. Он думал об условиях, какие он может поставить, прежде чем возьмет перо в руки у смертного одра ее мужа.

— Госпожа Армадэль здесь, — вдруг сказал доктор, прервав его размышления.

Он тотчас обернулся и увидел перед собой освещенную полуденным солнцем смуглую женщину с выразительным лицом, большими томными глазами и прямым тонким носом, румяными губами, с черными как смоль волосами. От ее смуглых щек так и веяло зноем и здоровьем, роскошью молодости и женской силы... Женщина обратилась к Нилю со словами признательности. Ее маленькая смуглая ручка была протянута ему с безмолвным выражением благодарности, с приветствием, которым встречают друга. Первый раз в жизни шотландец был застигнут врасплох. Каждое осторожное слово, которое он обдумывал минуту тому назад, выскользнуло из его памяти. Его непроницаемая броня обычного подозрения, обычного самообладания, обычной сдержанности, никогда не спадавшая с него в присутствии женщины, исчезла теперь при виде этой женщины и преклонила его перед нею как побежденного. Он взял руку, протянутую ему, и в поклоне его молча выразилась первая благородная дань ее полу.

Она, со своей стороны, смутилась. Обычная женская проницательность, которая при более благоприятных обстоятельствах позволила бы сразу понять причину его замешательства, не помогла ей теперь. Госпожа Армадэль приписала, видимо, его холодность и недовольство нежеланию помочь, не заметила неожиданного впечатления, произведенного затем на шотландца ее красотой.

— Я не нахожу слов благодарности, — сказала она слабым голосом, стараясь не расплакаться. — Я только рассержу вас, если заговорю.

Губы ее начали дрожать, она молча отступила назад и отвернулась.

Доктор, спокойно наблюдавший за происходящим из своего угла, подошел и отвел миссис Армадэль к креслу.

— Не бойтесь его, — прошептал он ей на ухо, по-отцовски погладив женщину по плечу, — шотландец крепок как железо, но, судя по его лицу, в ваших руках он будет мягок как воск. Скажите ему то, о чем я вас просил, и отведем его в комнату вашего мужа, прежде чем шотландец успеет опомниться.

Госпожа Армадэль собралась с силами и подошла к окну, где стоял Ниль.

— Мой добрый друг, доктор сообщил мне, сэр, что вы колебались только относительно меня, — сказала она, низко опустив голову. Густой румянец пропал с ее лица, когда она это говорила. — Я очень вам признательна, но умоляю вас не думать обо мне. То, что желает мой муж... — Голос ее сорвался, она минуту подождала и продолжала:

— То, что желает мой муж в свои последние минуты, желаю и я.

На этот раз Ниль настолько успокоился, что мог отвечать ей. Тихим, спокойным голосом попросил он ее не говорить ничего более.

— Я только желал оказать вам помощь и внимание, — сказал он. — Теперь я еще желаю избавить вас от огорчения.

Когда он говорил это, что-то похожее на краску медленно выступило на его бледном лице. Глаза госпожи Армадэль смотрели на него с надеждой и мольбой, и шотландец с раскаянием вспомнил о своих размышлениях у окна до ее прихода.

Доктор отворил дверь, которая вела в комнату мистера Армадэля, и замер в безмолвном ожидании. Миссис Армадэль вошла первая, через минуту за ней последовал мистер Ниль. Теперь он уже не мог уйти от ответственности, которая была навязана ему почти насильно, мосты к отступлению были сожжены.

Комната была убрана с типичным немецким вкусом; теплый солнечный свет весело струился по стенам, освещал ее. Купидоны [2] и цветы были нарисованы на потолке, яркие ленты украшали белые занавеси у окон, вызолоченные часы красовались на камине, обитом бархатом, зеркала сияли на стенах, пестрые цветы испещряли ковер. Среди этого обилия предметов, блеска, света лежал больной,

разбитый параличом, с блуждающими глазами, с неподвижной нижней частью лица, голову его подпирало высокое изголовье, безжизненные, высохшие руки лежали на одеяле. У изголовья стояла старая, молчаливая, с морщинистым лицом черная няня, а на одеяле между распростертыми руками отца сидел ребенок в беленьком платьице, занимаясь какой-то игрушкой. Когда дверь отворилась и вошла миссис Армадэль, мальчик катал игрушку — солдата верхом на лошади — взад и вперед между безжизненными руками отца, блуждающие глаза которого следили за игрушкой. Украдкой мистер Армадэль с нежностью смотрел на сына. Без слез на эту сцену нельзя было смотреть.

В ту минуту, когда Ниль показался в дверях, эти блуждающие глаза остановились, а затем обратились на незнакомца. В них можно было прочесть какой-то вопрос. Но вот неподвижные губы с усилием зашевелились, невнятно произнесли:

— Это вы?

Ниль приблизился к кровати, миссис Армадэль отошла и ждала с доктором в дальнем углу комнаты. Ребенок, когда подошел незнакомец, поднял голову, раскрыл свои карие глазки, с удивлением посмотрел на Ниля, а потом продолжал играть.

— Мне рассказали о вашем печальном положении, сэр, — сказал мистер Ниль. — Я пришел сюда выполнить ваше пожелание, так как эту услугу никто, кроме меня, как сообщил доктор, не может оказать вам в этом немецком городе. Меня зовут Ниль, я служу в Эдинбурге чиновником при королевской печати ^[3]. Смею надеяться, что ваше доверие ко мне не будет обмануто.

Глаза прелестной жены Армадэля теперь не смущали его. Он разговаривал с больным спокойно и рассудительно, без своей обычной суровости и с чувством сострадания в голосе. Обстановка у смертного одра произвела на шотландца сильное впечатление.

— Вы желаете, чтобы я написал что-то для вас? — продолжал он, терпеливо ожидая ответа.

— Да, — сказал умирающий, и страстное желание, которое язык его не имел сил выразить, отразилось в его глазах. — Я не владею рукой и скоро не смогу говорить. Пишите.

Прежде чем мистер Ниль успел что-то сказать, он услышал шелест женского платья. Миссис Армадэль передвигала небольшой

письменный стол через всю комнату к кровати. Если Ниль хотел принять предосторожности, которые должны были гарантировать его от всех нежелательных последствий, то сделать это надо было теперь или никогда. Шотландец стоял спиной к миссис Армадэль и очень осторожно задал больному вопрос, тщательно подбирая слова.

— Могу я спросить, сэр, прежде чем возьму перо в руки, что вы желаете мне диктовать?

Беспокойные глаза больного сверкнули гневом, губы его зашевелились, но он не ответил.

Мистер Ниль осторожно задал другой вопрос иного содержания.

— Когда я напишу то, что вы желаете мне продиктовать, что надо будет сделать с этой бумагой?

На этот раз ответ был дан:

— Запечатайте ее при мне и отправьте на почту к моему...

Его речь на этом вдруг прервалась, и он жалобно посмотрел на Нилю, как бы желая, чтобы он подсказал то слово, которое сам не в силах был произнести.

— Вы хотите сказать — к вашему душеприказчику?

— Да.

— Я должен буду отправить на почту письмо?

Ответа не последовало.

— Могу я спросить, не изменяет ли это письмо ваше завещание?

— Нисколько.

Ниль ненадолго задумался. Тайна окутывала всю эту историю. Одно, что проливалось хоть немного какой-то свет, была та странная история неоконченного письма, которую доктор передал ему словами миссис Армадэль. Чем ближе приближался мистер Ниль к выполнению взятой на себя ответственности, тем более казалось ему, что дело это очень серьезное. Не задать ли ему еще вопрос, прежде чем он возьмет перо и свяжет себя с этими людьми окончательно? Когда это сомнение промелькнуло в голове его, шотландец почувствовал, что шелковое платье миссис Армадэль коснулось его, ее нежная смуглая рука тихо легла на его руку, ее прекрасные черные глаза глядели на него с нескрываемой мольбой.

— Мой муж очень тревожится, — шепнула она, — успокойте его, сядьте за письменный стол.

Просьба была произнесена ее устами, устами той, которая имела больше прав колебаться, устами жены, которой не раскрывалась эта тайна. Многие люди в положении мистера Ниля в этот момент отказались бы от всякой осторожности. И шотландец отказался, только не совсем.

— Я буду писать, что вы пожелаете, — обратился он к мистеру Армадэлю. — Я запечатаю эту бумагу в вашем присутствии и сам отправлю ее на почту к вашему душеприказчику, но, обязуясь сделать это, я должен просить вас понять, что я действую совершенно втемную, и извинить меня, если я предоставлю себе абсолютную свободу действий, когда ваше желание, относительно того, чтобы письмо было написано и отправлено на почту, будет исполнено.

— Вы даете мне обещание?

— Если вы желаете моего обещания, сэра, я дам его, с условием, названным мною.

— Исполните ваше условие и сдержите ваше обещание. Мою письменную шкатулку, — прибавил он, первый раз взглянув на жену.

Она поспешно пересекла комнату, чтобы взять шкатулку, стоявшую в углу на стуле. Возвратившись со шкатулкой, миссис сделала знак негритянке, которая стояла молча на том же самом месте. Эта женщина подошла, по знаку госпожи, взять ребенка с постели. В ту минуту, когда она дотронулась до него, глаза отца, прежде устремленные на шкатулку, обратились на негритянку с выражением большого недовольства.

— Нет! — сказал он.

— Нет! — повторил тоненьким голоском ребенок, все еще забавлявшийся своей игрушкой и не хотевший, видимо, оставлять своего места на постели.

Негритянка вышла из комнаты, а ребенок с торжеством продолжал швырять своего игрушечного солдата на скомканном одеяле, которое лежало на груди его отца.

На хорошеньком лице матери появилось выражение ревности, когда она поглядела на ребенка.

— Отпереть шкатулку? — спросила миссис, с досадой оттолкнув протянутую сыном игрушку.

Взгляд мужа сказал «да», и она сунула руку под его изголовье — там был спрятан ключ. Миссис Армадэль отперла шкатулку и вынула

оттуда несколько небольших листков, сшитых вместе.

— Это? — спросила она, показывая их.

— Да, — ответил он. — Ты можешь теперь идти.

Шотландец, сидевший за письменным столом, и доктор, в углу приготавливавший специальную микстуру, переглянулись с беспокойством, которое ни один из них не мог скрыть. Слова, которыми муж изгонял жену из комнаты, были произнесены. Минута настала.

— Ты можешь идти теперь, — повторил Армадэль с нетерпением.

Она посмотрела на ребенка, спокойно игравшего на постели; смертельная бледность разлилась по ее лицу. Она бросила взгляд на роковое письмо, содержание которого было для нее тайной, и мука ревности, ревности к той другой женщине, которая была черной тенью и отравой ее жизни, сжала ей сердце. Сделав несколько шагов от кровати, она остановилась и повернула назад. Исполненная чувством любви и отчаяния, она прижала свои губы к щекам умирающего мужа и в последний раз обратилась к нему с мольбой. Ее горькие слезы капали на его лицо, когда она шепнула ему:

— О, Аллэн! Подумай, как я тебя любила! Подумай, как я старалась сделать тебя счастливым! Подумай, как скоро я лишусь тебя! О, мой возлюбленный! Не отсылай меня!

Слова умоляли за нее, поцелуй умолял за нее, воспоминание о любви, отданной ему и не получившей взаимности, видимо, тронуло сердце умирающего так, как еще ничто не трогало его со дня их брака. Тяжелый вздох вырвался у Армадэля. Он посмотрел на нее и заколебался.

— Позволь мне остаться, — шепнула она, еще крепче прижавшись своим лицом к его лицу.

— Это только огорчит тебя, — шепнул он ей в ответ.

— Ничто не огорчит меня так, как если ты вышлешь меня отсюда.

Он молчал. Она видела, что он думает, и также ждала.

— Если я позволю тебе остаться...

— Да! Да!

— Ты уйдешь, когда я тебе скажу?

— Уйду.

— Ты даешь клятву?

Оковы, связывавшие его язык, как будто спали на минуту в порыве страшного волнения, которое вызвала ее страстная мольба. Он произнес эти странные слова так внятно, как никогда еще в этой комнате не говорил.

— Я даю клятву, — сказала она и, упав на колени у кровати, страстно поцеловала его руку.

Оба посторонних, присутствующих в комнате, отвернулись как бы по взаимной договоренности. Наступило молчание. Тишину не нарушало ничего, кроме шума, производимого игрушкой, которую ребенок перекидывал на постели.

Доктор первый нарушил оцепенение. Он подошел к больному и с беспокойством осмотрел его. Миссис Армадэль встала с колен и, выполняя волю мужа, отнесла листки, которые она вынула из шкатулки, к столу, за которым сидел мистер Ниль. Раскрасневшаяся, выглядевшая еще прелестнее прежнего, она наклонилась к нему, подавая написанное. Добиваясь своей цели с упрямством женщины, страдающей от ревности, она шепнула Ниллю:

— Читайте с начала. Я должна и хочу это слышать!

Глаза женщины с мольбой смотрели прямо в глаза Ниллю; ее дыхание коснулось щек шотландца. Прежде чем он успел ответить, прежде чем он успел подумать, она уже вернулась к постели своего мужа. Она говорила с Нилем одно мгновение, и этого мгновения было достаточно для того, чтобы ее красота подчинила шотландца ее воле. Досадуя на свою неспособность сопротивляться госпоже Армадэль, он просмотрел листки письма до того самого места, где перо выпало из руки писавшего и оставило на бумаге чернильное пятно, затем опять возвратился к его началу и произнес, обращаясь к больному, слова в пользу его жены, которые она сама вложила в уста Нилля.

— Может быть, сэръ, вам угодно сделать несколько поправок, — начал он.

Внешне все его внимание было устремлено на письмо, и он делал вид, будто раздражение от всего происходившего опять овладело им.

— Не прочесть ли вам то, что уже написано? — продолжал шотландец.

Миссис Армадэль, сидевшая у изголовья мужа с одной стороны, и доктор, положивший пальцы на пульс больного с другой стороны,

ждали с беспокойством, конечно, различной степени, ответа на вопрос Нилия. Господин Армадэль перевел взгляд с ребенка на жену.

— Ты хочешь слышать? — спросил он.

Она дышала быстро и порывисто, рука ее ласково легла на руку мужа, она молча наклонила голову. Муж молчал, как бы тайно совещаясь со своими мыслями и не спуская глаз с жены. Наконец он решился.

— Читайте, — произнес он еле слышно, — и остановитесь, когда я вам скажу.

Был уже почти час, и колокол, призывавший постояльцев к раннему обеду в гостинице, раздался. Быстрые шаги и говор стали слышны в комнате, когда Ниль разложил написанное на столе перед собой и прочел начальные фразы:

— "Я адресую это письмо к моему сыну, когда мой сын дойдет до таких лет, что будет в состоянии понять. Так как я лишился всякой надежды видеть взрослым моего сына, мне остается только написать то, что мне хотелось бы сказать ему со временем самому, изустно.

Я имею три цели для того, чтобы написать это письмо. Во-первых, открыть обстоятельства, сопровождавшие брак одной англичанки, знакомой мне, на острове Мадера (Мадейра). Во-вторых, бросить настоящий свет на смерть ее мужа, случившуюся, несколько времени спустя, на французском корабле «La Grace de Dieu» («Милость Божия»). В-третьих, предостеречь моего сына об опасности, ожидающей его, — опасности, которая поднимется из могилы его отца, когда земля закроется над его пеплом.

История брака англичанки начинается с того времени, когда я получил в наследство большое армадэльское имение и принял роковое имя Армадэль.

Я единственный оставшийся в живых сын покойного Мэтью Рентмора из Барбадоса. Я родился в нашем фамильном поместье на этом острове и лишился моего отца, когда был еще ребенком. Мать моя слепо любила меня, она не отказывала мне ни в чем; она позволяла мне жить, как я хочу. Моя юность и мое детство были проведены в праздности и в потворстве собственным страстям между рабами, для которых моя воля была закон. Я сомневаюсь, есть ли во всей Англии джентльмен моего происхождения и звания, такой невежда, как я. Я сомневаюсь, был ли молодой человек на этом свете,

страсти которого оставались без всякого контроля, как мои во времена моей юности.

Матери моей, как романтической женщине, не нравилось простое имя моего отца. Меня назвали Аллэном, в честь богатого кузена моего отца, покойного Аллэна Армадэля, который имел поместье у нас по соседству, самое большое и самое производительное на острове, и согласился быть моим крестным отцом заочно. Мистер Армадэль никогда не был в своем Вест-Индском имении. Он жил в Англии, и, прислав мне обыкновенный подарок на крестины, он потом много лет не имел никаких сношений с моими родителями. Мне минул двадцать один год перед тем, как мы получили известие от мистера Армадэля. По этому случаю мать моя получила от него письмо, в котором он спрашивал, жив ли я еще, и предлагал, ни более ни менее (если я жив), как сделать меня наследником своего Вест-Индского имения.

Это неожиданное богатство доставалось мне единственно вследствие дурного поведения сына мистера Армадэля — его единственного сына. Молодой человек осрамил себя безвозвратно, бросил свой дом отверженником, и вследствие этого отец отказался от него навсегда. Не имея около себя никакого родственника мужского пола, который мог бы быть его наследником, Армадэль подумал о сыне кузена и своем крестном сыне и предложил мне свое Вест-Индское поместье и моим наследникам после меня, с единственным условием, чтобы я и мои наследники приняли его фамилию. Предложение было принято с признательностью, и взяты законные меры, чтобы переменить мою фамилию в колонии и в Англии. Со следующей же почтой мистер Армадэль получил известие, что на его условия согласны. Завещание его было изменено в мою пользу, и неделю спустя смерть моего благодетеля сделала меня богатейшим человеком в Барбадосе.

Это было первым звеном в цепи событий. Шесть недель спустя случилось второе событие.

В конторе в моем поместье была вакансия на место клерка, и занять его явился молодой человек моих лет, только что приехавший на остров. Он представился под именем Фергуса Ингльби. Впечатления управляли мной во всем. Я не знал никаких законов, кроме своих собственных прихотей, и приезжий молодой человек понравился мне в ту самую минуту, когда я взглянул на него. У него

было обращение джентльмена, и он обладал самыми привлекательными качествами в общении, с какими когда-либо случалось мне встречаться еще при моей неопытности в обществе. Когда я услышал, что аттестаты, привезенные им с собою, были найдены неудовлетворительными, я вмешался и настоял, чтобы он получил это место. Моя воля была закон, и он получил его.

Мать моя с первого взгляда почувствовала отвращение и недоверие к Ингльби. Когда она увидела, что близость между нами быстро возростала, когда она увидела, что я допустил этого подчиненного мне молодого человека к короткой дружбе со мною и к доверию (я жил с моими подчиненными всю жизнь, и мне это нравилось), она делала всевозможные усилия, чтобы разлучить нас. Ей не удалось ни одно. Наконец она решилась попробовать единственное оставшееся средство — убедить меня решиться на путешествие, о котором я часто думал, путешествие в Англию.

Прежде чем она заговорила со мной об этом, она решилась заинтересовать меня мыслью увидеть Англию так, как я никогда не был еще заинтересован. Она написала к своему старому другу и старому поклоннику, покойному Стивену Блэнчарду, владельцу поместья Торп-Эмброс в Норфольке и вдовцу с семейством. После я узнал, что мать моя ссылалась на их привязанность (которую, кажется, не одобрили родители с той и с другой стороны) и что, прося мистера Блэнчарда принять ее сына, когда он приедет в Англию, она справлялась о его дочери и намекала на возможность брака, соединившего бы оба семейства, если бы молодая девушка и я понравились друг другу. Мы были партией равной во всех отношениях, и воспоминание моей матери о ее девической привязанности к мистеру Блэнчарду делало надежду на мой брак с дочерью ее старого поклонника самой счастливой и приятной надеждой, какую только она могла себе представить. Обо всем этом я не знал ничего до тех пор, пока ответ мистера Блэнчарда не был получен в Барбадосе. Тогда моя мать показала мне письмо и прямо поставила передо мной искушение, которое должно было разлучить меня с Фергусом Ингльби.

Письмо мистера Блэнчарда было написано с острова Мадера. Он был нездоров, и его послали туда доктора попытать, не принесет ли ему пользу климат. Его дочь была с ним. Искренно сочувствуя всем

надеждам и желаниям моей матери, он предложил мне, если я намерен вскоре оставить Барбадос, заехать на Мадеру по дороге в Англию и сделать ему визит в его временном местопребывании на острове. Если же этого нельзя, он назначал время, в которое надеялся воротиться в Англию и когда я могу надеяться найти прием в его доме в Торп-Эмброзе. В заключение он извинился, что не пишет подробно, объясняя, что зрение его ослабло и что он ослушался приказа доктора, поддавшись искушению написать своему старому другу своей собственной рукой.

Как ни любезно написано было это письмо, оно само по себе имело бы мало на меня влияния, но кроме письма был прислан миниатюрный портрет мисс Блэнчард. На задней стороне портрета отец ее написал полушутливо-полунежно: «Я не могу просить мою дочь писать вместо меня, по обыкновению не сказав ей о ваших расспросах и не заставив ее краснеть. Я посылаю ее портрет без ее ведома, пусть он отвечает за нее. Это хороший портрет хорошей девушки. Если ваш сын понравится ей и если он понравится мне, в чем я уверен, мы, может быть, доживем, мой добрый друг, до того, что увидим наших детей тем, чем мы сами могли быть когда-то — мужем и женой». Мать моя отдала мне миниатюрный портрет вместе с письмом. Этот портрет тотчас поразил меня — не могу сказать почему, не могу сказать, каким образом, — как еще ничего в этом роде не поразило меня прежде.

Умы, тверже моего, могли бы приписать необыкновенное впечатление, произведенное на меня этим портретом, расстроенному состоянию души моей в то время, утомлению, которое произвели во мне в последние месяцы мои низкие удовольствия, неопределенному стремлению к новым интересам и к новым надеждам, порожденному этим утомлением. Я не пытался допрашивать себя: тогда я верил в судьбу, я и теперь в судьбу верю. Для меня довольно было знать, что первое ощущение чего-то лучшего в моей натуре было возбуждено лицом этой девушки, смотревшей на меня с портрета так, как ни одно женское лицо еще не смотрело на меня никогда. В этих нежных глазах, в возможности сделать это кроткое создание моей женой я видел предназначение моей судьбы. Портрет, который попал в мои руки так странно, так неожиданно, был безмолвным вестником счастья, близкого мне, присланный предостеречь, ободрить, оживить

меня, пока еще не поздно. Я положил портрет под мое изголовье на ночь, я снова посмотрел на него утром. Мое вчерашнее убеждение осталось так же сильно, мое суеверие — если захотят так назвать это — указывало мне непреодолимо путь, по которому я должен идти. В гавани находился корабль, отправлявшийся в Англию через две недели. Он должен был зайти и на Мадеру. Я отбыл на этом корабле".

До сих пор шотландца никто не прерывал, но при последних словах раздался другой голос, тихий и дрожащий, прервавший читающего.

— Она была блондинка? — спросил этот голос. — Или брюнетка, как я?

Ниль замолчал и поднял глаза. Доктор все еще сидел в изголовье, машинально положив пальцы на пульс больного. Ребенок, пропустивший время своего дневного сна, продолжал, но уже вяло играть со своей новой игрушкой. Глаза отца наблюдали за ним с восхищением и нежностью. Миссис Армадэль выпустила руку мужа и сидела, отвернувшись от него. Глаза ее горели, яркий румянец выступил на смуглых щеках, когда она настойчиво повторила вопрос:

— Она была блондинка или брюнетка, как я?

— Блондинка, — отвечал муж, не смотря на нее.

Она заломила руки, лежавшие на коленях, и не сказала ничего больше. Нависшие брови мистера Нила поползли зловеще вниз, когда он вернулся к рассказу. Шотландец испытывал большое неудовольствие — он поймал себя на мысли, что испытывает тайное сострадание к ней.

— "Я сказал, — продолжалось в письме, — что Ингльби был допущен к короткости в отношениях со мной. Мне было жаль оставить его, и меня огорчили его очевидное удивление и досада, когда он услышал, что я уезжаю. Для собственного оправдания я показал ему письмо и портрет и сказал ему всю правду. Интерес, возбужденный в нем портретом, едва ли был меньше моего. Он расспрашивал меня о фамилии и состоянии мисс Блэнчард с сочувствием истинного друга и подкрепил мое уважение и мое доверие к нему, великодушно поощряя меня стремиться к моей новой цели. Когда мы расстались, я был здоров и весел. Прежде чем мы встретились на следующий день, меня внезапно поразила болезнь, угрожавшая и моему рассудку, и моей жизни.

Я не имею доказательств против Ингльби. На острове была не одна женщина, которую я оскорбил до самых крайних пределов, за которые уже не может быть прощения и мщение которой могло поразить меня в то время. Я не могу обвинить никого, я только могу сказать, что мою жизнь спасла моя старая черная няня и что эта женщина впоследствии призналась, что она употребила противоядие, известное неграм против яда, употребляемого неграми же в той стране. Когда настали первые дни выздоровления, корабль, на котором я взял место, уже давно отплыл. Когда я спросил об Ингльби, мне сказали, что он уехал. Доказательства его непростительных проступков были мне представлены, против которых не устояло даже мое пристрастие к нему. Он был выгнан из конторы в первые дни моей болезни, и о нем ничего более не было известно, кроме того, что он оставил остров.

Во все время моей болезни портрет лежал под моим изголовьем, во все время моего выздоровления он был моим единственным утешением, когда я вспоминал о прошлом, и моим единственным ободрением, когда я думал о будущем. Никакие слова не могут описать, до какой степени эта первая фантазия утвердилась во мне. Этому помогли время, одиночество и страдания. Мать моя при всем своем желании этого брака была изумлена неожиданным успехом своего плана. Она написала к мистеру Блэнчарду о моей болезни, но ответа не получила. Она предложила написать опять, если я обещаю не оставлять ее до моего совершенного выздоровления. Мое нетерпение не знало границ. Другой корабль в гавани давал мне новую возможность уехать на Мадеру. Прочитав еще раз пригласительное письмо мистера Блэнчарда, я надеялся, что я найду еще его на острове, если воспользуюсь этим случаем. Несмотря на просьбы моей матери, я настоял, чтобы взять место на втором корабле, и на этот раз, когда корабль отплыл, я был на нем.

Перемена принесла мне пользу: морской воздух сделал из меня человека. После необыкновенно быстрого путешествия я достиг цели моего странствования. В прекрасный тихий вечер, которого никогда не забуду, я стоял один на берегу, прижимая ее портрет к моей груди, и увидел белые стены дома, где, я знал, живет она.

Я обошел вокруг сада, чтобы успокоиться, прежде чем войду. Осмелившись войти в калитку, я заглянул в сад и увидел там женщину,

стоявшую на лугу. Она обернулась лицом ко мне, и я увидел оригинал моего портрета, осуществление моей мечты! Бесполезно, хуже чем бесполезно писать об этом теперь. Скажу только, что все обещания, которые портрет дал моему воображению, живая женщина оправдала в моих глазах в ту минуту, когда я в первый раз взглянул на нее. Скажу только это, и ничего больше.

Я был так взволнован, что не мог решиться представиться ей. Я воротился назад, не примеченный ею, и, направившись к парадной двери, спросил прежде ее отца. Мистер Блэнчард ушел в свою комнату и не принимал никого. Услышав это, я собрался с мужеством и спросил мисс Блэнчард. Слуга улыбнулся.

— Наша молодая барыня уж не мисс Блэнчард, сэр, — сказал он, — она замужем.

Эти слова поразили бы многих в моем положении. Они разгорячили мою пылкую кровь, и я схватил слугу за горло в припадке бешенства.

— Это ложь! — закричал я, как будто говорил с одним из невольников в моем поместье.

— Это правда, — отвечал слуга, вырываясь от меня. — Муж ее здесь, в доме.

— Кто он? Говори, негодяй!

Слуга отвечал, назвав мое собственное имя:

— Аллэн Армадэль.

Теперь вы можете угадать правду. Фергус Ингльби был отверженным сыном, чье имя и чье наследство взял я.

Рассказ о том, как был произведен этот обман, необходим для объяснения (я не скажу — для оправдания) моего участия в происшествиях, последовавших за моим приездом на Мадеру.

По собственному признанию Ингльби, он приехал в Барбадос, узнав о смерти своего отца и о моем праве на его наследство, с решительным намерением ограбить меня и сделать мне вред. Мое опрометчивое доверие доставило ему такой удобный случай, на который он никогда не мог надеяться. Он перехватил письмо, которое мать моя написала мистеру Блэнчарду в начале моей болезни, сам побудил отказать ему от места и уехал на Мадеру на том самом корабле, на котором должен был ехать я. Приехав на остров, он подождал, пока корабль отправится дальше, а потом представился

мистеру Блэнчарду, не под чужим именем, о котором я продолжаю говорить о нем здесь, но под тем именем, которое, конечно, принадлежало столько же ему, сколько и мне, — под именем Аллэна Армадэля. Обман сначала представлял немного затруднений. Ему приходилось иметь дело только с больным стариком, который не видел мою мать почти половину своей жизни, и с невинной девушкой, которая никогда ее не видела. Он довольно узнал во время службы у меня, чтобы отвечать на немногие вопросы, которые задавали ему, так же хорошо, как мог бы отвечать я сам. Его наружность и обращение, его привлекательные манеры с женщинами, его хитрость и находчивость сделали остальное. Пока я лежал в постели больной, он приобрел привязанность мисс Блэнчард. Пока я мечтал над портретом в первые дни моего выздоровления, он получил уже согласие мистера Блэнчарда на брак, прежде чем он с дочерью уедет с острова.

До сих пор слабость зрения мистера Блэнчарда помогала обману. Он посылал в письме поклоны моей матери и получал выдуманные ответы. Но когда предложение жениха было принято и день свадьбы назначен, мистер Блэнчард счел долгом написать к своему старому другу, спросить ее формального согласия и пригласить на свадьбу. Он мог написать только часть письма, остальное было dokonчено под его диктовку мисс Блэнчард. Ингльби, уверенный в сердце своей жертвы, встретил ее, когда она выходила из комнаты отца с письмом, и сказал ей правду. Она была еще несовершеннолетняя, и положение было серьезно. Если отдать письмо на почту, не оставалось никаких средств, кроме разлуки или бегства при таких обстоятельствах, которые делали обман почти верным. Можно было заранее узнать, куда отправляется каждый корабль, а яхта, на которой Блэнчард приехал на Мадеру, еще ждала в пристани, чтобы отвезти его обратно в Англию. Оставалось только продолжать обман, перехватив письмо, и признаться во всем, когда они уже будут обвенчаны. Какие искусные и убедительные доводы употребил Ингльби, как низко воспользовался он ее любовью и ее доверием, чтобы сделать ее такой же, как и он сам? Он успел заставить ее унизиться до обмана. Письмо не дошло до своего назначения, и с согласия дочери доверие отца было употреблено во зло.

Оставалось только сочинить ответ от моей матери, которого ожидал Блэнчард. У Ингльби было письмо моей матери, украденное

им, но он не умел подделаться под ее почерк. Мисс Блэнчард, согласившаяся на обман, отказалась принять деятельное участие в подделке письма. В этих затруднительных обстоятельствах Ингльби нашел готовое орудие в двенадцатилетней девочке-сироте, отличавшейся изумительной способностью к обману, к которой мисс Блэнчард романтически прирастилась и которую она привезла с собой из Англии, чтобы приучить к должности своей горничной. Искусство этой девочки устранило единственное серьезное препятствие. Я видел подделанный почерк моей матери в письме, написанном под диктовку Ингльби и (следует сказать постыдную истину) с ведома ее молодой госпожи, и думаю, что я был бы обманут сам. Я видел впоследствии эту девочку, и кровь моя закипела при взгляде на нее. Если она теперь жива, горе тем, кто полагается на нее! Никогда более фальшивого и более безжалостного создания не существовало на свете.

Подложное письмо проложило безопасный путь к браку, а когда я дошел до дома, они были уже (как слуга сказал мне) мужем и женой. Приезд мой только ускорил признание, которое они оба условились сделать. Ингльби сам, без всякого стыда признался во всем. Ему нечего было терять этим признанием: он был обвенчан, а состояние его жены не зависело от воли отца. Пропускаю все, что последовало за этим — мое свидание с дочерью, мое свидание с отцом — и перехожу к результатам. Два дня пастор, венчавший их, сумел не допустить свидания между Ингльби и мной. На третий день мне удалось. Я и человек, смертельно оскорбивший меня, встретились с глазу на глаз, лицом к лицу.

Вспомни, как мое доверие было употреблено во зло! Вспомни, как единственная добрая цель моей жизни была разрушена! Вспомни сильные страсти, вкоренившиеся в моей натуре и никогда не сдерживаемые, а потом представь себе, что произошло между нами! Мне же нужно рассказать только конец. Он был выше и сильнее меня и воспользовался своим скотским преимуществом со скотской свирепостью. Он ударил меня.

Подумай об оскорблениях, полученных мною от этого человека. Он довершил все этим ударом!

Я отправился к одному английскому офицеру, который ехал вместе со мною из Барбадоса. Я сказал ему правду, и он согласился,

что дуэль неизбежна. В то время дуэль имела свои формальности и свои установленные законы. Он начал говорить о них. Я остановил его.

— Мы возьмем в правую руку по пистолету, — сказал я, — а в левой руке будем держать конец носового платка, через этот платок мы будем стреляться.

Офицер встал и посмотрел на меня так, как будто я лично оскорбил его.

— Вы просите меня присутствовать при убийстве и самоубийстве, — сказал он. — Я не соглашаюсь быть вашим секундантом.

Он вышел из комнаты. Как только он ушел, я написал те самые слова, какие я сказал офицеру, и послал их к Ингльби. Пока ждал ответа, я сел перед зеркалом и посмотрел на знак, оставленный на моем лице ударом, нанесенным им. «У многих есть кровь на руках и на совести, — думал я, — по причине не такой важной, как эта».

Посланный воротился с ответом Ингльби. Он назначал дуэль в три часа на следующий день в уединенном месте в глубине острова. Я думал, что делать, если он откажет, письмо его освободило меня от моего ужасного намерения.

Я был признателен Ингльби — да, положительно признателен ему — за то, что он написал такой ответ.

На следующий день я пошел в назначенное место. Его там не было. Я ждал два часа, он все не приходил. Наконец истина промелькнула в голове моей. «Кто раз был трусом, тот всегда будет трусом», — подумал я. Я воротился в дом мистера Блэнчарда. Прежде чем я дошел, мною овладело внезапное предчувствие, и я повернул к пристани. Я был прав, мне следовало идти на пристань. Корабль, отправлявшийся в Лиссабон в этот день, доставил Ингльби случай убежать от меня вместе со своей женой. Его ответ на мой вызов был дан нарочно с целью отослать меня подальше, во внутрь острова. Еще раз поверил я Фергусу Ингльби, и еще раз его хитрая находчивость одержала верх надо мной!

Я спросил того, кто мне сказал об отъезде Ингльби, знал ли мистер Блэнчард о бегстве своей дочери. Он узнал о нем, когда корабль отплыл. На этот раз я взял урок в хитрости у Ингльби. Вместо

того чтобы показаться в дом мистера Блэнчарда, я пошел прежде взглянуть на его яхту.

Увиденное сказало мне, что владелец яхты, может быть, скрыл бы правду. Я нашел на ней все в суматохе подготовки к неожиданному отъезду. Весь экипаж был на яхте, за исключением нескольких матросов, которые были отпущены на берег и находились в глубине острова, никто не знал где. Когда я узнал, что шкипер старался заменить их самыми лучшими матросами, каких только мог найти в такое короткое время, я немедленно решился. Я знал обязанности матроса на яхте довольно хорошо, потому что у меня была своя собственная яхта и я сам ею управлял. Поспешив в город, я переоделся в матросское платье и, воротившись на пристань, предложил себя волонтером в экипаж. Я не знал, что шкипер прочел на моем лице. Мои ответы на его вопросы удовлетворили его, однако он смотрел на меня и колебался. Но выбор был небольшой, и я был принят. Через час Блэнчард приехал на яхту, его проводили в каюту; он страшно страдал и душой и телом. Через час мы были в море в беззвездную ночь, при свежем ветре.

Так, как я и предполагал, мы гнались за кораблем, на котором Ингльби с женой уехал с острова в этот день. Этот корабль был французский и принадлежал купцу, занимавшемуся перевозкой строевого леса; он назывался «La Grace de Dieu» («Милость Божия»). О нем ничего не было известно, кроме того, что он шел в Лиссабон, сбился с пути и зашел на Мадеру почти без людей и без припасов.

Последний недостаток был устранен, а первый нет. Наши моряки не хвалили ни прочность судна, ни экипаж, набранный из бродяг. Когда эти два серьезных факта были сообщены мистери Блэнчарду, жестокие слова, сказанные им дочери в первом пылу огорчения, когда он узнал, что она помогла обманывать его, все еще терзали ему сердце. Тем не менее он тотчас решил предложить дочери и зятю убежище на своей собственной яхте и заверить, что не даст ее негодному мужу пострадать от моих рук. Яхта была гораздо скорее на ходу, чем корабль со строевым лесом. Не было никакого сомнения, что мы нагоним «La Grace de Dieu»; надо было бояться только одного, чтобы мы не миновали ее в темноте.

Когда мы вышли в море, ветер вдруг спал, и настала душная ночь. Когда отдали приказ спускать брамстенги и убирать большие паруса,

мы все знали, чего мы должны ожидать. Через час разразилась буря; гром гремел над нашими головами; яхта была водоизмещением в триста тонн и так крепка, какой только дерево и железо могли ее сделать. Ею управлял шкипер, вполне понимавший свое дело, и она держалась отлично. Когда настало новое утро, ветер все еще дувший с юго-запада, несколько стих, и море не так бушевало. Перед самым рассветом мы услышали сквозь свист ветра пушечный выстрел. Матросы, по тревоге собравшиеся на палубе, переглянулись и сказали: «Это он».

На рассвете мы увидели корабль. Он потерял фок-мачту и грот-мачту и не годился никуда. На яхте было три лодки. Шкипер, видевший признаки, что буря скоро возобновит свою ярость, решил спустить кормовые лодки, пока продолжалось затишье. Как ни мало было людей на погибающем корабле, все они не могли поместиться в одной лодке а послать обе лодки казалось не так опасно в критическом положении погоды, как посылать два раза по одной лодке с яхты на корабль. Для одной безопасной поездки, по-видимому, время было, но никто не мог, взглянув на небо сказать, что вторая поездка завершится благополучно.

Лодками управляли волонтеры. Я находился во второй. Когда первая лодка подошла к кораблю — это было так затруднительно и опасно, словами не могу описать, — все находившиеся на корабле хотели разом броситься в лодку. Если бы она не отчалила, жизнь многих принесена была бы в жертву. Когда наша лодка подошла к кораблю, мы условились, что четверо из нас взойдут на палубу, двое, я в том числе, должны были заботиться о спасении дочери мистера Блэнчарда, а другие двое удерживать остальных трусов, если они будут стараться прежде броситься в лодку. Остальные трое — квартирмейстер и два гребца — оставались в лодке, чтобы не допустить ее столкновения с кораблем. Что увидели другие, когда вошли на палубу «La Grace de Dieu», я не знаю; я же увидел ту женщину, которой я лишился, женщину, вероломно отнятую у меня, лежавшую в обмороке на палубе. Мы спустили ее в лодку. Остальной экипаж, пять человек, силой заставили спускаться по порядку. Я спустился последним, и, когда корабль покачнулся к нам, пустая палуба, на которой не виднелось ни живой души от носа до кормы, показала, что экипаж лодки сделал свое дело. При громком вое быстро

поднимавшейся бури мы гребли в обратный путь, к яхте, спасая свою жизнь.

Сильные шквалы показывали, что новая буря приближается от юга к северу. Шкипер, выждав удобный случай, повернул яхту, чтобы наготове встретить бурю. Прежде чем последний из наших матросов вошел опять на яхту, буря разразилась со свирепостью урагана. Лодка наша потонула, но никто не погиб. Опять устремились мы к югу на произвол ветра. Я был на палубе вместе с остальными, наблюдая за одним оборванным парусом, который мы решились поставить, чтобы заменить его другим, если его сорвет ветер, когда помощник шкипера подошел ко мне и закричал мне в ухо сквозь рев бури:

— Она пришла в чувство в каюте и спрашивает мужа. Где он?

Этого никто не знал. Яхту обыскали с одного конца до другого и не нашли его. Матросов всех перекликали, несмотря на погоду: его не было между нами. Экипаж с обеих лодок допросили. С первой экипаж мог только сказать, что он ничего не знал о тех, кого брал, и о тех, кого не взял. Экипаж со второй лодки мог только сказать, что привез на яхту всех, оставленных первой лодкой на палубе корабля. Некого было обвинять, но в то же время нельзя было опровергать факта, что этот человек пропал.

Весь этот день буря, свирепствовавшая все с той же силой, не давала нам никакой возможности воротиться и обыскать разбитый корабль. Для яхты оставалась только единственная надежда бежать на фордевин ^[4]. К вечеру буря, гнавшая нас к югу от Мадеры, начала наконец уменьшаться, ветер опять переменился и позволил нам направиться к острову. Рано на следующее утро вошли мы в гавань. Мистер Блэнчард и его дочь были свезены на берег, шкипер поехал с ними и предупредил нас, что он по возвращении сообщит что-то такое, касающееся всего экипажа.

Нас собрали на палубе, и шкипер, воротившись на яхту, передал нам приказание мистера Блэнчарда воротиться на корабль и отыскать пропавшего. Мы были обязаны это сделать для самого Ингльби и для его жены, которая, по словам докторов, должна была лишиться рассудка, если не примут мер для ее успокоения. Мы могли быть почти уверены, что найдем корабль еще непотопленным, потому что груз леса будет держать его над водою до тех пор, пока его корпус не распадется. Если этот человек был на корабле — живой или

мертвый, — его следовало найти и привезти назад. А если буря станет уменьшаться, не было никакой причины, почему бы матросам при надлежащей помощи не привести назад корабль и с согласия их хозяина не получить своей доли в деньгах, выдаваемых за спасение судов, вместе с служащими на яхте.

Экипаж три раза крикнул громкое «ура!» и принялся снаряжать яхту в море. Только я один не захотел участвовать в этом предприятии. Я сказал, что буря расстроила меня, что я болен и нуждаюсь в отдыхе. Все поглядели мне вслед, когда я уходил мимо них с яхты, но ни один не заговорил со мной.

Я ждал целый день в таверне на пристани первых известий с разбитого корабля. Они были привезены к ночи лоцманской лодкой, которая участвовала в мероприятиях по спасению корабля. Его нашли еще на поверхности воды, а тело утонувшего Ингльби — в каюте. На рассвете следующего утра покойника привезли на яхте, и в тот же самый день похоронили на протестантском кладбище..."

— Остановитесь! — раздался голос Армадэля, прежде чем читавший успел перевернуть новый лист и начать следующий параграф.

В комнате произошли перемены и в слушателях тоже, с тех пор как мистер Ниль в последний раз поднимал глаза от рассказа. Солнечный луч освещал предсмертное ложе, и ребенок спокойно заснул в лучах этого золотистого света. Физиономия отца очевидно изменилась. Мускулы нижней части лица, еще до сих пор не шевелившиеся, теперь пришли в движение, вызванные возбуждением измученной души. Увидев капли пота, тяжело выступившие на лбу, доктор встал, чтобы помочь умирающему. С другой стороны кровати стул жены стоял пустой. В ту минуту, когда ее муж прервал чтение, она отодвинулась за кровать, подальше от его глаз. Прислонившись к стене, она стояла, скрываясь от мужа и устремив глаза с жадным нетерпением на листки в руке мистера Нила.

Еще через минуту молчание опять было прервано мистером Армадэлем.

— Где она? — спросил он, сердито смотря на пустой стул жены.

Доктор указал на нее. Ей ничего больше не оставалось, как выступить вперед. Она подошла медленно и стала перед ним.

— Ты обещала уйти, когда я скажу тебе, — сказал он. — Ступай теперь.

Мистер Ниль старался придать твердость своей руке, державшей листки рукописи, но она дрожала вопреки его воле. Подозрение, медленно возникавшее в его душе, пока он читал, перешло в уверенность, когда он услышал эти слова. Письмо обнаруживало одно обстоятельство за другим до тех пор, пока теперь дошло до последнего открытия. Перед этим открытием умирающий решил заранее остановить голос читавшего, прежде чем позволить своей жене слушать рассказ. Тут была тайна, которую сын его должен был узнать впоследствии и которую мать никогда не должна была узнать. От этого намерения самые нежные мольбы его жены не отвлекли его, и теперь жена его это узнала из его собственных уст.

Она не дала ему ответа. Она стояла и смотрела на него, смотрела с последней мольбой, может быть, с последним прощанием. Глаза его не отвечали ей, безжалостно отвернулись они от нее к спящему мальчику. Она безмолвно отошла от кровати. Не взглянув на ребенка, не сказав ни слова двум посторонним, смотревшим на нее, едва переводя дух, она сдержала данное обещание и в абсолютном молчании вышла из комнаты.

Что-то в ее наружности, когда она уходила, потрясло самообладание обоих мужчин, которые присутствовали при этом. Когда дверь затворилась за нею, они инстинктивно возмутились против того, чтобы действовать в неизвестности. Доктор первый выразил свое желание. Он просил позволения у своего пациента уйти до окончания чтения письма. Пациент не согласился.

Мистер Ниль заговорил затем подробнее и серьезнее.

— Доктор привык к своей профессии, — начал он, а я привык в моей сохранять тайны других. Но мой долг, прежде чем мы пойдем дальше, спросить, действительно ли вы понимаете, какое странное положение занимаем мы относительно друг друга. Вы сейчас лишили миссис Армадэль при нас вашего доверия, а теперь предлагаете это доверие людям, совершенно для вас посторонним.

— Да, — сказал Армадэль. — Именно потому, что вы посторонние.

Как ни коротки были эти слова, из них можно было вывести такое заключение, которое не могло успокоить недоверчивость. Мистер

Ниль прямо выразил это.

— Вам нужна помощь моя и доктора, — сказал он. — Должен ли я понять, что вы совершенно равнодушны к впечатлению, какое окончание этого письма может произвести на нас?

— Да. Я вас не щажу. Я не щажу себя. Я щажу мою жену.

— Вы принуждаете меня сделать вывод, сэр, очень серьезный, — сказал мистер Ниль. — Если я должен кончить это письмо под вашу диктовку, я буду просить у вас позволения — так как я уже прочел громко большую часть этого письма — прочесть громко остальное при этом господине как свидетеле.

Читайте!

С серьезным сомнением доктор опять сел на свой стул. С серьезным сомнением мистер Ниль перевернул листок и прочел следующее:

— "Мне остается сказать еще несколько слов, прежде чем я оставлю в покое умершего. Я описал, как нашли его тело, но я не описал, при каких обстоятельствах скончался он.

Известно было, что он находился на палубе, когда лодки с яхты приближались к разбитому кораблю, а потом в суматохе, возбужденной паническим страхом экипажа, он пропал. В то время вода была пяти футов глубины в каюте и быстро поднималась. Нечего было сомневаться, что он сам добровольно попал в эту воду. Ящик с драгоценными вещами его жены был найден на полу под ним и объяснял его присутствие в каюте. Он знал, что приближается помощь, и, весьма естественно, сошел вниз постараться спасти ящик. Менее вероятности было, хотя и это можно было заключить, что смерть его была результатом какого-нибудь несчастья, случившегося с ним, когда он нырнул в воду, и которое на минуту лишило его чувств. Но открытие, сделанное экипажем яхты, прямо указывало на одно обстоятельство, которое вызвало ужас у всех. Когда поиски привели матросов в каюту, они нашли люк и дверь запертыми. Не запер ли кто каюту, не зная, что он был там? Отложив в сторону панический страх экипажа, не было никакой причины запираить каюту, прежде чем уйти с разбитого корабля. Оставалось другое предположение: не заперла ли с умыслом чья-нибудь безжалостная рука этого человека и дала ему утонуть, когда вода, возвысившись, покрыла его?

Да, безжалостная рука заперла его и дала ему утонуть. Это была моя рука".

Шотландец выскочил из-за стола. Доктор задрожал, сидя возле кровати. Оба посмотрели на умирающего злодея, подавшись одинаковому отвращению, сраженные сбывшимся одинаковым предчувствием. Он лежал, держа на своей груди голову ребенка, лишенный сочувствия людей, проклятый божеским правосудием. Он лежал одинокий, как Каин, и смотрел на них.

В ту минуту, когда шотландец и доктор встали, дверь, ведущая в другую комнату, тяжело зашаталась и звук, похожий на падение, донесшийся оттуда, заставил обернуться обоих. Стоя ближе к двери, доктор отворил ее, прошел в другую комнату и тотчас опять затворил дверь за собой. Мистер Ниль повернулся спиной к кровати и ждал, что будет. Звук, не разбудивший ребенка, не привлек также внимания и отца. Его собственные слова отвлекли больного далеко от всего того, что происходило у его смертного одра. Его беспомощное тело вернулось на разбитый корабль, и призрак его безжизненной руки запирает дверь каюты.

В другой комнате раздался звонок, говор голосов, поспешные шаги. Через некоторое время доктор воротился.

— Она подслушивала? — тихо спросил его мистер Ниль по-немецки.

— Женщины приводят ее в чувство, — шепнул ему доктор в ответ. — Она слышала все. Скажите, ради Бога, что нам теперь делать?

Прежде чем Ниль успел ответить, заговорил мистер Армадэль. Появление доктора возвратило его к настоящему.

— Продолжайте, — сказал он, — как будто ничего не случилось.

— Я не хочу далее вмешиваться в вашу гнусную тайну, — возразил Ниль. — По вашему собственному признанию, вы — убийца. Если это письмо должно быть кончено, не требуйте, чтобы я писал за вас.

— Вы дали мне обещание, — был ответ, сказанный с тем же невозмутимым самообладанием. — Вы должны писать вместо меня или нарушить ваше слово.

Мистер Ниль молчал с минуту. Перед ним лежал человек, защищенный от ненависти своих ближних тенью смерти, человек,

которого люди не могли более осуждать, который уже не мог бояться людских законов, который уже не был чувствителен ни к чему, кроме своего последнего, твердого намерения кончить письмо к своему сыну.

Ниль отвел доктора в сторону.

— Одно слово, — сказал он по-немецки. — Вы по-прежнему утверждаете, что он может остаться без языка, прежде чем мы успеем послать в Штутгарт?

— Посмотрите на его губы, — отвечал доктор, — и судите сами.

Губы больного отвечали за него; чтение рассказа оставило уже на них свой след. Искривление углов рта, которое было уже приметно, когда Ниль вошел в комнату, теперь обнаружилось самым очевидным образом. Произношение становилось труднее с каждым словом, которое произносил больной. Положение было безнадежное. После минутной нерешительности Ниль сделал последнюю попытку отстранить себя.

— Теперь, когда глаза мои открыты, — сказал он сурово, — неужели вы осмелитесь заставлять меня сдержать слово, которое вы принудили меня дать вам слепо?

— Нет, — отвечал Армадэль, — я предоставляю вам свободу нарушить ваше слово.

Взгляд, сопровождавший этот ответ, задел гордость шотландца за самую чувствительную струну. Когда он заговорил, то уже сидел на своем прежнем месте у стола.

— Еще никто не говорил, что я нарушил мое слово, — сердито возразил он. — И даже вы не скажете обо мне этого теперь. Помните! Если вы принуждаете меня сдержать мое обещание, я принуждаю вас исполнить мое условие. Я выговорил себе свободу действия и предостерегаю вас, что я употреблю ее как сам заблагорассужу, как только освобожусь от вашего присутствия.

— Помните, что он умирает, — кротко умолял доктор.

— Садитесь на ваше место, — сказал Ниль, указывая на пустой стул. — То, что осталось прочесть, я хочу прочесть при вас. Что остается написать, я напишу только при вас. Вы привели меня сюда, я имею право настаивать и настаиваю, чтобы вы остались свидетелем до конца.

Доктор без всяких возражений покорился своей судьбе. Ниль взял опять рукопись и прочел остальное, не прерывая чтения.

— "Не сказав ни слова в свою защиту, я сознался в моей вине, не сказав ни слова в свою защиту, я расскажу, как преступление было совершено.

Я вовсе не думал о нем, когда увидел его жену, лежавшую без чувств на палубе. Я исполнил свое дело, бережно спустив ее в лодку. Тогда, только тогда мысль о нем воротилась ко мне. В суматохе, когда матросы с яхты насильно удерживали матросов с корабля, я имел случай незаметно отыскать его. Я не знал, уехал ли он в первой лодке или еще оставался на палубе. Я поднялся по трапу и увидел, что он выходит из каюты с пустыми руками и весь мокрый. Посмотрев на лодку с беспокойством (меня он не приметил), он понял, что есть еще время, прежде чем лодка отчалит.

«Еще раз!» — сказал он сам себе и исчез, чтобы сделать последнее усилие отыскать ящик с драгоценными вещами. Злой демон шепнул мне на ухо: «Не убивай его как человека, а утопи как собаку!» Он был под водой, когда я запер люк, но голова возвышалась над поверхностью, прежде чем я успел запереть дверь каюты. Я посмотрел на него, и он взглянул на меня, когда я запер дверь прямо перед ним. Через минуту я воротился к последнему матросу, оставшемуся на палубе. Еще через минуту было уже поздно раскаиваться: буря грозила нам гибелью, и гребцы на лодке спасали свою жизнь, спеша удалиться от корабля.

Сын мой! Я преследую тебя из могилы признанием, от которого моя любовь охотно избавила бы тебя. Читай далее, и ты узнаешь, для чего я это делаю.

Я ничего не скажу о моих мучениях, я не буду просить сострадания к моей памяти. Мое сердце страшно замирает, рука моя страшно дрожит, когда я пишу эти строки, это заставляет меня спешить кончить мой рассказ. Я уехал с острова, не осмелившись взглянуть в последний раз на женщину, которую я погубил так безжалостно, которой я сделал такой страшный вред. Когда я уехал, вся тяжесть подозрения, возбужденного смертью Ингльби, пала на экипаж французского корабля. Не было никакой причины обвинять в этом убийстве кого-нибудь из экипажа, но он состоял по большей части из бродяг, способных на всякое преступление. Всех их

допросили. Только впоследствии услышал я случайно, что подозрение наконец пало на меня. Одна вдова узнала по неопределенному описанию странного человека, находившегося в числе экипажа яхты и исчезнувшего на другой день неизвестно куда. Одна вдова знала, почему ее муж был убит и кто совершил это преступление. Когда она сделала это открытие, по острову разнесся ложный слух о моей смерти. Может быть, я был обязан этому слуху моим избавлением от судебного преследования, может быть (никто, кроме Ингльби, не видел, как я запираю дверь каюты), улики не было достаточно для того, чтобы дать повод к следствию. Может быть, вдове были неприятны открытия, какие могли последовать за публичным доносом на меня, основанным только на ее подозрении. Как бы ни было, преступление, сделанное мною втайне, осталось ненаказанным до сих пор.

Я уехал с Мадеры в Вест-Индию. Первое известие, полученное мной по приезде в Барбадос, было известие о смерти моей матери. У меня не хватило духа возвратиться на прежнее место. Я не имел мужества решиться жить дома в одиночестве, подвергаясь мучению, чтобы мои страшные воспоминания грызли мое сердце и день и ночь. Не сходя на берег, не показываясь никому, я ушел на корабле так далеко, куда только он мог отвезти меня — на остров Тринидад.

Там я увидел в первый раз твою мать. Долг мой был сказать ей правду, а я вероломно сохранил свою тайну. Долг мой требовал не допустить ее до безвозвратного жертвования своей свободой и своим счастьем для такого человека, как я. А между тем я оскорбил ее, женившись на ней. Если она будет еще жива, когда ты прочтешь это письмо, из сострадания скрой от нее правду. Я могу заглаживать мою вину только тем, что до самого конца не дам ей подозревать, за кого она вышла. Жалей ее так, как я жалел. Пусть это письмо будет священной тайной между отцом и сыном.

В то время когда ты родился, здоровье мое рушилось. Несколько месяцев спустя, в первые дни моего выздоровления, тебя принесли ко мне и сказали, что тебя окрестили во время моей болезни. Твоя мать поступила как все любящие матери — она назвала своего первенца именем его отца. Ты также Аллэн Армадэль. Даже в то время, даже тогда, когда я еще находился в счастливом неведении и не знал того, что узнал после, меня мучило предчувствие, когда я смотрел на тебя и думал об этом роковом имени.

Как только я мог пуститься в путь, меня вытребовали в мое поместье в Барбадос. В голове моей промелькнула мысль — она, вероятно, покажется тебе странной — отказаться от условия, которое принуждало моего сына, так же как и меня, носить имя Армадэль, или лишиться армадэльского имени, но даже в то время слухи об освобождении невольников — об освобождении, которое теперь уже близко, — быстро распространялись по колонии. Никто не мог сказать, насколько упала бы ценность Вест-Индских имений, если бы эта угрожающая перемена случилась. Никто не мог сказать, если бы я возвратил тебе мое собственное отцовское имя и оставил тебе только мое родительское наследство, что ты не пожалел бы когда-нибудь об обширном армадэльском поместье, и, может быть, я слепо осудил бы на бедность твою мать и тебя. Заметь, как все роковые случайности скопились одна к другой! Заметь, как твое имя и твоя фамилия остались за тобой, вопреки моему желанию.

Мое здоровье поправилось на родине, но только на время. Я опять занемог, и доктора предписали мне ехать в Европу. Избегая Англии (ты догадываешься почему), я поехал с тобой и твоей матерью во Францию. Из Франции мы переехали в Италию. Мы жили то здесь, то там. Все было бесполезно. Смерть овладела мной, смерть преследовала меня, куда бы я ни поехал. Я легче переносил свою участь, потому что у меня была отрада, которую я не заслужил. Теперь ты, может быть, с ужасом будешь вспоминать обо мне, а тогда ты утешал меня. Только ты согревал мое сердце. Последние проблески моего счастья на земле давал мне мой маленький сын.

Из Италии мы переехали в Лозанну, откуда я теперь пишу тебе. Нынешняя почта принесла такие подробные известия, которых я еще не получал, о вдове убитого. Это письмо лежит передо мной, когда я пишу. Оно от друга моей юности, который видел эту женщину и говорил с нею, который первый сообщил ей, что слух о моей смерти на Мадере был неверен. Он пишет, что не понял сильного волнения, которое она выказала, услышав, что я еще жив, женат и имею маленького сына. Он спрашивает меня, не могу ли я это объяснить. Он говорит о ней с сочувствием — как о молодой и прелестной женщине, заживо похоронившей себя в одной рыбацкой деревне на девонширском берегу. Отец ее умер, ее родные отделились от нее, не одобряя ее брака. Его слова пронзили бы меня в самое сердце, если бы

не одно место в этом письме, которое овладело всем моим вниманием и принудило меня написать рассказ, заключающийся на этих страницах.

Теперь я знаю — чего я никогда не подозревал до тех пор, пока не получил от него письма, — теперь я знаю, что вдова человека, в смерти которого виновен я, родила ребенка после смерти ее мужа. Этот ребенок — мальчик, годом старше моего сына. Уверенная в моей смерти, его мать поступила так, как мать моего сына: она назвала своего сына именем его отца. И во втором поколении есть два Аллена Армадэля, как были в первом. Причинив смертельный вред отцам, это роковое сходство имен, вероятно, причинит такой же вред и сыновьям.

Безвинные люди, пожалуй, не увидят ничего до сих пор, кроме ряда событий, которые не могли привести ни к чему. Я, имея на совести смерть этого человека, я, сходя в могилу ненаказанный за преступление и не загладив его, вижу то, чего не могут различить люди безвинные: я вижу опасность в будущем, происходящую от прошлой опасности, — вероломство, возбужденное его вероломством, и преступление, порожденное моим преступлением. Неужели страх, потрясающий меня до глубины души, есть не что иное, как призрак, вызванный суеверием умирающего? Я заглядываю в книгу, уважаемую всеми христианами, и эта книга говорит мне, что грех родителей взыщется на детях. Я заглядываю в свет и вижу около себя живых свидетелей этой страшной истины. Я вижу, как пороки, заражавшие отца, переходят к сыну и заражают также и его, как стыд, обесславивший имя отца, переходит к сыну и обесславит его. Я оглядываюсь вокруг себя и вижу, как мое преступление созревает в будущем от тех самых обстоятельств, которые посеяли его в прошлом, и перейдет, как наследственная зараза зла, от меня к моему сыну".

Этими строчками кончалось письмо, на этом месте удар поразил больного, и перо выпало из его рук.

Он знал это место, он помнил эти слова. В ту минуту, когда замолк голос чтеца, больной взглянул на доктора.

— Я приготовил, что следует теперь, — сказал он, все медленнее произнося слова, — помогите мне досказать.

Доктор дал ему возбуждительное лекарство и сделал знак Нилю повременить. Через несколько минут пламя угасающей души опять вспыхнуло в его глазах. Употребляя мужественные усилия для того,

чтобы выговорить слова, он просил шотландца взять перо и произнес окончательные фразы рассказа, по мере того как память напоминала их ему одну за другой в следующих словах:

— "Пожалуй, не верь убеждениям умирающего, но я торжественно умоляю тебя: исполни мою последнюю просьбу. Сын мой! Единственная надежда, которую я оставляю тебе, зависит от одного великого сомнения — сомнения, властны мы или нет над нашей собственной судьбой. Может быть, свобода воли может победить судьбу человека, и, осужденные на неизбежную смерть, мы неизбежно стремимся только к ней одной, а не к тому, что ей предшествует. Если так, то уважай, если бы даже не уважал ничего другого, предостережение, которое я даю тебе из моей могилы: никогда, до самого дня смерти не допускай к себе ни одной души, которая прямо или косвенно имела бы какое-нибудь отношение к преступлению, совершенному твоим отцом. Избегай вдовы человека, которого я убил, если эта вдова еще жива; избегай девушки, злодейская рука которой устранила препятствие к этому браку, если эта девушка находится еще у нее в услужении, а более всего избегай человека, который носит одно имя с тобою. Ослушайся лучшего твоего благодетеля, если его влияние захочет сблизить тебя с ним. Брось женщину, которая любит тебя, если эта женщина будет служить связью между ним и тобою; скрывайся от него под чужим именем, поставь горы и моря между вами. Будь неблагодарен, будь мстителен, будь всем, что будет наиболее противно твоему кроткому характеру, скорее чем жить под одной кровлею и дышать одним воздухом с этим человеком. Не допускай, чтобы оба Армадэля встретились на этом свете никогда, никогда! Никогда!

Вот только таким образом ты можешь избавиться от опасности, если только можешь. Поступай так всю твою жизнь, если дорожишь твоей ненавистью и твоим счастьем!

Я кончил. Если бы я мог употребить не столь сильное влияние, которое будет на тебя иметь это признание для того, чтобы преклонить тебя к моей воле, я избавил бы тебя от открытия, заключавшегося в этих страницах. Ты лежишь на груди моей и спишь невинным сном ребенка, между тем как рука постороннего пишет тебе эти слова, по мере того как я произношу их. Подумай, как сильно должно быть мое убеждение, если я имею мужество на моем

смертном одре омрачить всю твою юную жизнь с самого начала преступлением твоего отца. Подумай — и остерегайся. Подумай — и прости мне, если можешь".

На этом письмо кончалось. Это были последние слова отца к сыну.

Неумолимо верный к своей вынужденной обязанности, Ниль положил перо и прочел вслух строчки, написанные им.

— Не нужно ли еще что прибавить? — спросил он своим холодным, твердым голосом.

Прибавлять было нечего. Ниль сложил листки, вложил их в конверт и запечатал печатью Армадэля.

— Адрес? — спросил он, не расставаясь со своим безжалостным и деловым формализмом.

«Аллэну Армадэлю-младшему, — написал он со слов, продиктованных умирающим. — Поручается Годфри Гэммику, эсквайру. В контору Гэммика и Риджа, Линкольн-Инн-Фильдз, в Лондоне».

Написав адрес, Ниль ждал и думал.

— Ваш душеприказчик должен распечатать это письмо? — спросил он.

— Нет! Он должен отдать это письмо моему сыну, когда он будет в таких летах, что будет в состоянии понять его.

— В таком случае, — продолжал Ниль, продумавший все вопросы с неумолимой аккуратностью, — я напишу записку, в которой и повторю ваши собственные слова, как вы сейчас произнесли их, и объясню, по каким обстоятельствам мой почерк появился на этом документе.

Он написал записку в самых кратких и ясных выражениях, прочел ее вслух, как читал предыдущее, подписал свое имя и адрес в конце, потом заставил подписать доктора как свидетеля всего происходившего и того положения, в котором находился мистер Армадэль. Сделав это, он вложил письмо во второй конверт, запечатал, как первый, и адресовал к мистеру Гэммику, прибавив к адресу «в собственные руки».

— Вы непременно желаете, чтобы я отправил это на почту? — спросил он, вставая с письмом в руке.

— Дайте ему время подумать, — сказал доктор. — Ради этого ребенка дайте ему время подумать. Одна минута может изменить его намерение.

— Я даю ему пять минут, — отвечал Ниль, положив часы на стол, неумолимо точный до самого конца.

Они ждали, и оба внимательно смотрели на Армадэля. Разительные перемены, уже появившиеся в нем, быстро умножались. Движение, которое постоянное душевное волнение сообщало мускулам лица, начало под тем же опасным влиянием распространяться книзу. Его прежде беспомощные руки уже не лежали неподвижно: они шевелились на простыне. При виде этих зловещих симптомов доктор обернулся с испугом и сделал Нилью знак подойти ближе.

Спрашивайте сейчас, — сказал он. — Если вы будете ждать пять минут, вы опоздаете.

Ниль подошел к кровати. Он тоже заметил движение рук.

— Это дурной знак? — спросил он. Доктор с тревожным видом кивнул головой.

— Предлагайте ваш вопрос сейчас, — повторил он, — а то будет слишком поздно.

Ниль поднес письмо к глазам умирающего.

— Вы знаете, что это?

— Мое письмо.

— Вы непременно настаиваете, чтобы я отправил его на почту?

Больной в последний раз собрал все свои силы и ответил:

— Да!

Ниль подошел к двери с письмом в руке. Немец сделал за ним несколько шагов и раскрыл уже губы, чтобы просить его немного подождать, но встретился с неумолимыми глазами шотландца и воротился к постели. Дверь за Нилем затворилась, и они расстались, не сказав больше ни слова.

Доктор, присев у постели, шепнул умирающему:

— Позвольте мне возвратить его, еще есть время. Вопрос повис в воздухе, ответа не было. Ничто не показывало, что больной обратил внимание на него или даже слышал этот вопрос. Глаза его с ребенка перешли на собственно судорожно подергивающуюся руку и с умоляющим видом обратились на сострадательного врача,

наклонившегося к нему. Доктор поднял руку Армадэля, остановился, проследил за глазами отца, обращенными на ребенка, и, поняв его последнее желание, положил руку умирающего на голову мальчика. Рука дотронулась до нее и еще сильнее задрожала. Через минуту трепет, овладевший рукой, распространился по всей верхней части тела. Лицо из бледного сделалось красным, из красного багровым, из багрового опять бледным, потом судорожно подергивавшиеся руки замерли в неподвижности, и цвет лица уже не переменялся.

Окно в смежной комнате было открыто, когда доктор вышел от умершего с ребенком на руках. Он посмотрел в окно и увидел на улице Ниля, медленно возвращавшегося в гостиницу.

— Где письмо? — спросил он.

Двух слов было достаточно шотландцу для ответа:

— На почте.

КНИГА ВТОРАЯ

Глава I. ТАЙНА ОЗАЙЯЗА МИДУИНТЕРА

В теплую майскую ночь 1851 года ректор Децимус Брок, находившийся в это время на острове Мэн, удалился в свою спальню в Кэстльтоуне. Серьезная ответственность тяготила его душу, и он не мог еще сообразить, какими способами он может освободиться от неприятного положения, в которое его поставили настоящие обстоятельства.

Ректор дошел до того зрелого периода человеческой жизни, в которой умный человек научился уже уклоняться (так часто, как только позволяет его характер) от всех бесполезных столкновений со своими собственными заботами. Оставив всякое дальнейшее старание принять какое-нибудь решение в том непредвиденном случае, который теперь смущал его, мистер Брок спокойно уселся на кровати и старался сообразить, действительно ли так серьезен этот непредвиденный случай, как он до сих пор думал. Следуя по этому новому пути из лабиринта своего недоумения, мистер Брок совершенно неожиданно устремился к цели посредством самого неприятного из всех странствований для человека — воспоминаниям по прошедшим годам своей собственной жизни.

События тех прошлых лет, воспоминания о тех же самых лицах, более или менее вызывавших его беспокойство, которое теперь мешало пастору заснуть, одно за другим возникали в памяти мистера Брока. Беспокойная память вернула ректора к случившемуся четырнадцать лет тому назад, когда он имел в своем пасторате на сомерсетширском берегу Бристольского канала свидание с одной дамой, совершенно незнакомой для него и для всех в этом месте, которая явилась к нему в кабинет.

Дама эта была блондинка, черты лица ее сохранились хорошо. Она была еще молода, а может быть, и казалась моложе своих лет. В выражении лица ее проступала меланхолия, а в голосе — печаль и страдание. Однако это чувствовалось настолько, чтобы показать, что она имела огорчения, но не настолько, чтобы навязать эти огорчения вниманию других. Дама привела с собой прекрасного белокурого семилетнего мальчика, которого представила пастору как своего сына

и в самом начале разговора отослала его играть в сад. Прежде чем она вошла в кабинет пастора, передала ему свою визитную карточку, на которой стояло имя миссис Армадэль. Мистер Брок заинтересовался ею, еще не услышав того, о чем она будет говорить, и, когда она отослала сына, он ждал с некоторым беспокойством, что скажет ему дама.

Миссис Армадэль прежде всего сообщила ректору, что она вдова. Муж ее погиб в кораблекрушении вскоре после их брака, во время путешествия из Мадеры в Лиссабон. После этого несчастья отец привез ее в Англию, а сын родился после смерти отца, случившейся вскоре в фамильном поместье в Норфольке. После смерти ее отца остававшиеся у нее родственники (два брата) совершенно отдалили ее от себя, и — как она боялась — навсегда. Некоторое время жила она в Девонширском графстве, посвятив себя воспитанию сына, который теперь находился уже в таких летах, когда для него были потребны уроки не одной матери. Оставляя в стороне вопрос о том, как ей не хотелось расставаться с сыном в ее одиноком положении, она особенно желала не посылать его в школу к чужим людям. Любимой ее мыслью было воспитать сына дома, чтобы уберечь от всяких столкновений с искушениями и опасностями света. Имея эти цели в виду, она не могла уже оставаться там, где она жила до сих пор (там пастор не был способен занять место воспитателя). Она собрала сведения и узнала, что для нее годится дом поблизости пастората мистера Брока и что мистер Брок прежде имел обыкновение брать учеников. Узнав об этом, она осмелилась явиться сама с рекомендациями, но без формального представления спросить, не согласится ли мистер Брок взять к себе учеником ее сына, если она предложит выгодные условия.

Если бы миссис Армадэль не имела никакой личной привлекательности или если бы мистер Брок был женат, то, вероятно, поездка вдовы была бы предпринята напрасно. Теперь же ректор, рассмотрев рекомендации, предоставленные ему, просил дать ему время на размышление. Когда это время прошло, он исполнил желание миссис Армадэль — взял на себя воспитание ее сына.

Это было первое происшествие в ряду событий. Оно случилось в 1837 году. Память мистера Брока, переносясь вперед к настоящему, напомнила ему второе происшествие, случившееся в 1845 году.

Местом действия все еще была рыбацья деревенька на сомерсетширском берегу, а действующие лица — опять миссис Армадэль и ее сын. В протекшие восемь лет ответственность мистера Брока не слишком тяготила его: мальчик мало подавал повода к беспокойству своей матери и своему воспитателю. Конечно, успехи в ученье шли медленно, но скорее от природной неспособности сосредоточить внимание на занятии, чем от недостатка способности понять урок. Нельзя было опровергать, что его характер был страстный в высшей степени. Он действовал необдуманно, по первому впечатлению, и сгоряча делал заключение. С другой стороны в его пользу можно сказать то, что его характер был самый откровенный. Более великодушного, любящего, кроткого мальчика трудно было бы найти. Особенная оригинальность характера и природное здравомыслие во всех его наклонностях избавили его от многих опасностей, которым неизбежно подвергала система воспитания его матери. Он имел совершенно английскую любовь к морю и ко всему, что к морю относилось, и, когда он вырос наконец, нельзя было отвлечь его от берега моря и от верфи. Однажды мать с досадой и удивлением застала его работающим там. Он признался, что все его мечты в будущем заключаются в том, чтобы иметь свою собственную верфь, а настоящей целью его было научиться построить лодку для себя. Благоразумно предвидя, что такое занятие в свободные часы может примирить мальчика с неимением товарищей его звания и лет, мистер Брок уговорил миссис Армадэль с немалым трудом позволить сыну продолжать выбранное им занятие. В период второго происшествия в жизни ректора молодой Армадэль настолько научился корабельному мастерству, что достиг цели своих желаний и собственными руками заложил киль своей первой лодки.

В один летний день, вскоре после того как Аллэну исполнилось шестнадцать лет, мистер Брок оставил своего ученика прилежно работающим на верфи и пошел провести вечер с миссис Армадэль, взяв с собой «Таймс».

В годы, прошедшие после первой их встречи, отношения ректора и его соседки давно уже установились. Первые попытки к тому, чтобы заслужить расположение вдовы — попытки, которые заставил сделать мистера Брока его возрастающий интерес к миссис Армадэль в первое время их знакомства, она тактично приняла со своей стороны

просьбой, заставившей его никогда не говорить об этом более. Она уверила пастора раз и навсегда, что единственное место в ее сердце, которое он мог надеяться занять, было место друга. Он настолько любил ее, что рад был принять все, что она хотела предложить ему. Они сделались и оставались друзьями с того времени. Ревнивое опасение, что другой мужчина будет иметь успех там, где он потерпел неудачу, не вносило горечи в спокойные отношения ректора с любимой им женщиной. Из немногих мужчин, живших в этих окрестностях, миссис Армадэль никого не допускала к короткому знакомству с собой. Она добровольно погребла себя в своем сельском уединении, и никакие радости света, которые могли бы прельстить других женщин в ее положении и в ее летах, на нее не имели ни малейшего действия. Мистер Брок, со своей газетой являвшийся с постоянной аккуратностью за ее чайным столом три раза в неделю, сообщал ей все, что она желала знать о внешнем мире, окружавшем тесные и неизменные границы ее ежедневной жизни.

В тот вечер, о котором идет речь, мистер Брок сел в кресло, в котором он всегда сидел, выпил чашку чая, которую он всегда пил, и развернул газету, которую он всегда читал вслух миссис Армадэль, которая всегда слушала его, прислонившись к спинке того же дивана и всегда с той же самой работой в руках.

— Господи Боже мой! — закричал ректор, с удивлением устремив глаза на первую страницу газеты.

Никогда такого вступления к вечернему чтению не случилось слышать миссис Армадэль. Она с любопытством подняла глаза и попросила своего почтенного друга удостоить ее объяснением.

— Я не верю своим глазам, — сказал Брок. — Здесь есть объявление, миссис Армадэль, адресованное вашему сыну.

Без дальнейших предисловий он прочел следующее объявление:

— «Если эти строки попадутся на глаза Аллэна Армадэля, его просят: или пожаловать лично, или прислать свой адрес к гг. Гэммику и Риджу (в Лондоне, в Линкольн-Инн), которые имеют сообщить ему важное дело, касающееся его. Всякий, кто может сообщить гг. Г. и Р. где можно найти Аллэна Армадэля, делает большое одолжение. Для предупреждения ошибок необходимо заметить, что находящийся неизвестно где Аллэн Армадэль — юноша пятнадцати лет и что это объявление напечатано по желанию его родных и друзей».

— Другие родные и другие друзья, — сказала миссис Армадэль. — Это объявление относится не к моему сыну.

Тон, которым она говорила, удивил Брока. Перемена в ее лице неприятно поразила его. Ее нежный цвет щек принял какой-то мертвенно-бледный оттенок. Она отвернулась от своего гостя со страшной смесью замешательства и испуга. Миссис, казалось, вдруг постарела на десять лет.

— Это имя такое необыкновенное, — сказал Брок, вообразив, что он оскорбил ее, и стараясь извиниться. — Казалось решительно невозможным, чтоб могло быть два человека....

— Их два, — перебила миссис Армадэль. — Аллэну, как вам известно, шестнадцать лет. Если вы опять взглянете на объявление, вы найдете, что человеку, находящемуся неизвестно где, только пятнадцать лет. Хотя он носит ту же фамилию и то же имя, он, слава Богу, вовсе не родня моему сыну. Пока я жива, главной целью моих надежд и моих молитв будет то, чтобы Аллэн никогда его не видел и даже никогда о нем не слышал. Мой добрый друг, я вижу, что удивляю вас. Простите ли вы мне, если я не объясню вам эти странные обстоятельства? В моей прежней жизни были такие несчастья и такие огорчения, что мне слишком тяжело говорить о них даже вам. Поможете ли вы мне забыть это время, никогда не упоминая об этом? Хотите ли вы сделать еще более: хотите обещать мне не говорить об этом Аллэну и сделать так, чтобы эта газета не попала к нему на глаза?

Мистер Брок дал требуемое обещание и оставил миссис Армадэль одну.

Ректор был так долго и так искренно привязан к миссис Армадэль, что не мог смотреть на нее с малейшим недоверием. Но бесполезно будет отрицать, что его несколько разочаровало ее недоверие к нему и что он с любопытством смотрел на объявление не раз, возвращаясь домой. Теперь было довольно ясно, что причина, заставившая Армадэль похоронить себя и сына заживо в отдаленной деревеньке, заключалась не столько в том, чтобы держать его на глазах, сколько в том, чтобы не допустить однофамильца сына найти его. Почему она опасалась их встречи? За себя или за Аллэна опасалась она этого? Благородное доверие мистера Брока к его другу не позволяло ему разрешить загадку предположением о каком-нибудь проступке миссис Армадэль в прошлом — проступке, с которым

соединялись бы те мучительные воспоминания, о которых она намекала, или то отчуждение ее братьев, которое разлучило ее на столько лет с родными и с домашним кровом. В этот вечер мистер Брок собственными руками уничтожил объявление; в этот вечер он решил, что никогда более не будет думать об этом предмете. На свете был другой Аллэн Армадэль, чужой по крови его ученику и бродяга, которого отыскивали по объявлению в газете. Этот случай открыл ему немного. Более — ради миссис Армадэль — он не желал узнать большего.

Это было второе происшествие из ряда событий, начавшихся со времени знакомства ректора с миссис Армадэль и ее сыном. Воспоминания мистера Брока, касаясь других событий и обстоятельств, остановились на третьем происшествии тысяча восемьсот пятидесятого года.

Пять прошедших к этому времени лет не сделали почти никакой перемены в характере Аллэна. Он просто сделался (употребляя собственные слова его воспитателя) из шестнадцатилетнего мальчишка молодым человеком двадцати одного года. Аллэн был такой же откровенный и великодушный, как прежде, точно такой же неизменно веселый, точно такой же опрометчивый и поддававшийся впечатлениям, увлекавшим его. Наклонность его к морю увеличивалась с годами. Начав строить лодку, он теперь с двумя работниками, которыми распорядился, уже строил яхту в тридцать пять тонн. Мистер Брок добросовестно старался привлечь его к более высоким стремлениям. Он возил его в Оксфорд посмотреть на университетскую жизнь, возил его в Лондон, чтобы развить его ум зрелищем достопримечательностей столицы. Перемена развлекала Аллэна, но ни в чем не изменила его. Он был так же недоступен для мирского честолюбия, как сам Диоген ^[5].

«Что лучше, — спрашивал этот философ, — постараться самому найти способ, как быть счастливым, или представить другим, не могут ли они отыскать этот способ для нас?»

С этой минуты мистер Брок предоставил характеру своего ученика развиваться на свободе. Аллэн непрерывно работал над своей яхтой.

Время, так мало изменившее сына, не так безвредно обошлось с матерью. Здоровье миссис Армадэль быстро разрушалось. По мере

того как покидали ее силы, характер ее изменялся к худшему. Она сделалась беспокойнее, более поддавалась болезненным опасениям и фантазиям и все менее чувствовала желание выходить из своей комнаты. После объявления в газете в течение пяти лет ничего не случилось такого, что напомнило бы ей неприятные происшествия ее прежней жизни. Между ректором и миссис не было произнесено более ни одного слова о запрещенном предмете, ни малейшего подозрения не было возбуждено в душе Аллена о существовании его однофамильца. А между тем, не имея ни малейшего повода к беспокойству, миссис Армадэль в последние годы как-то упорно и странно тревожилась за своего сына. Одно время она радовалась его фантазии строить яхту, что делало его счастливым и занятым в ее глазах. Немного времени спустя она с ужасом говорила о том, как он поплывет по вероломному океану, где ее муж нашел смерть. То в одном вопросе, то в другом она выводила сына из терпения, как этого никогда не случалось в то время, когда она была здоровее и счастливее. Мистер Брок не раз опасался серьезного разлада между ними. Но природная кротость Аллена, подкрепляемая его любовью к матери, помогла ему переносить эти испытания. Ни одного сурового слова, ни одного жесткого взгляда не вырвалось у него в ее присутствии, он был исполнен к ней неизменной любви и терпения.

Таково было положение сына, матери и друга, когда следующее достопримечательное происшествие случилось с ними. В один пасмурный день в первых числах ноября, когда мистер Брок сочинял проповедь, его посетил хозяин деревенской гостиницы.

После предварительных извинений трактирщик сообщил важное дело, которое привело его в пасторат. Несколько часов назад земледельцы, работавшие в окрестностях, привели в гостиницу молодого человека. Они нашли его расхаживающим по полю их хозяина в таком сильном расстройстве, что приняли это за помешательство. Трактирщик дал приют бедному молодому человеку и послал за доктором, который, осмотрев больного, объявил, что он страдает воспалением в мозгу и что переезд его в ближайший город, в котором есть госпиталь или лечебница при рабочем доме, по всей вероятности, будет губелен для его здоровья. Услышав это и приметив, что вся поклажа незнакомца заключается в небольшом дорожном мешке, который был найден возле него на поле, трактирщик тотчас

отправился посоветоваться с ректором, что ему делать в таком серьезном и непредвиденном случае.

Мистер Брок был не только ректором, но и судьей этого округа и нисколько не затруднился относительно того, что теперь следует делать. Он надел шляпу и отправился с трактирщиком в гостиницу.

У дверей гостиницы к ним присоединился Аллэн, узнавший о случившемся от других и ожидавший мистера Брока, чтоб посмотреть на незнакомца. В эту же минуту к ним присоединился деревенский доктор, и все четверо пошли в гостиницу.

Они нашли сына трактирщика с одной стороны, а дворника с другой, удерживавших незнакомца на стуле. Молодой, худощавый и невысокого роста, он был так силен в эту минуту, что даже двоим трудно было сладить с ним. Его смуглый цвет лица, большие блестящие карие глаза, черные усы и такая же борода придавали ему вид уроженца юга. Платье незнакомца было несколько изношено, но белье чистое. Смуглые руки нервно подергивались и во многих местах были покрыты синими шрамами от старых ран. Палец одной ноги, с которой он сбросил башмак, ухватился за ножку стула сквозь чулок с той большой силой, которую можно только видеть у тех, кто привык ходить босиком. При том неистовом бешенстве, в котором он теперь находился, невозможно было приметить ничего более. Посоветовавшись с мистером Броком, доктор под своим личным надзором велел перенести больного в тихую спальню в задней стороне дома. Вскоре после того его платье и дорожный мешок были принесены вниз и осмотрены в надежде найти какую-нибудь нить, которая подала бы возможность написать к его друзьям.

В дорожном мешке не было ничего, кроме перемены платья и двух книг — трагедии Софокла на греческом языке и «Фауста» Гете на немецком. Обе книги были истерты от чтения, а на заглавном листе каждой были написаны начальные буквы. О. М. Более ничего в мешке не нашлось.

Потом осмотрели платье, которое было на этом человеке когда его нашли в поле. Из кармана постепенно были вынуты кошелек, в котором лежали соверен [6] и несколько шиллингов, трубка, кисет, носовой платок и роговой стакан. Последняя вещь найдена была небрежно скомканной в нагрудном кармане сюртука. Это был аттестат, подписанный и с числом, но без адреса. Судя по этому

документу, история незнакомца была очень печальная. Он недолгое время занимал место учителя в школе, и в начале его болезни ему отказали из опасения, что его болезнь может быть заразительна и что, следовательно, все заведение может пострадать. Ни малейшего обвинения в дурном поведении не было в аттестате, напротив, школьный учитель с удовольствием свидетельствовал о его способностях и его характере и горячо желал, чтобы он выздоровел в каком-нибудь другом месте.

Аттестат, объяснявший несколько историю этого человека, послужил еще одной цели — он указывал, что заглавные буквы на книге принадлежали его имени. И судья, и трактирщик узнали, что он носил странное и необыкновенное имя — Озайяз Мидуинтер.

Мистер Брок положил в сторону аттестат, подозревая, что школьный учитель с намерением не писал свой адрес, чтобы уклониться от всякой ответственности в случае смерти его коллеги. Во всяком случае, очевидно, было бесполезно при существующих обстоятельствах отыскивать друзей несчастного, если только он имел их. Его привели в гостиницу, и по долгу обыкновенного человеколюбия он должен был остаться пока в гостинице. Затруднение насчет издержек, если бы болезнь приняла затяжное течение, можно было устранить благотворительной подпиской в этих окрестностях или сбором после обедни в церкви. Заверив трактирщика, что он подумает по этому вопросу и даст ему знать, как он решится, мистер Брок ушел из гостиницы, не заметив, что оставил там Аллэна.

Прежде чем он отошел шагов на пятьдесят, Аллэн нагнал его. В то время пока продолжался осмотр вещей в гостинице, Аллэн был необыкновенно молчалив и серьезен, но теперь к нему возвратилась его обыкновенная веселость. Посторонний подумал бы, что ему недостает самого обыкновенного чувства сострадания.

— Какое это печальное обстоятельство! — сказал ректор. — Я, право, не знаю, что лучше сделать для этого несчастного человека.

— Можете успокоиться, сэр, — отвечал Армадэль со своим обыкновенным чистосердечием. — Я уже все решил с трактирщиком несколько минут тому назад.

— Вы! — воскликнул Брок с чрезвычайным удивлением.

— Я только сделал несколько простых распоряжений, — продолжал Аллэн. — Наш приятель, учитель, будет иметь все нужное, и с ним станут обращаться как с принцем, а когда доктору и трактирщику понадобятся деньги, они обратятся ко мне.

— Любезный Аллэн, — кротко заметил мистер Брок, когда вы научитесь думать, прежде чем действовать по вашим великодушным впечатлениям? Вы уже истратили гораздо больше денег на вашу яхту, чем позволяют ваши средства...

— Подумайте только! Мы положили третьего дня первые доски на палубе, — сказал Аллэн, переходя к новому предмету со своей обыкновенной непосредственностью. Сделано столько, что по ней уже можно ходить, если только голова не закружится. Я помогу вам подняться по лестнице, мистер Брок, если вы придете посмотреть.

— Выслушайте меня, — настаивал ректор. — Я теперь говорю не о яхте, то есть я упомянул о яхте только для примера....

— И прекрасного примера, — заметил неисправимый Аллэн. — Найдите мне во всей Англии маленькую яхту такой величины, красивее моей, и я завтра же брошу ее строить... О чем мы разговаривали, сэр? Я боюсь, что мы несколько отошли от темы.

— Я боюсь, что один из нас имеет привычку терять нить разговора каждый раз, как раскрывает рот, — возразил Брок. — Полно, полно, Аллэн! Это дело серьезное. Вы взяли на себя расходы, которые не будете в состоянии заплатить. Заметьте, я вовсе не порицаю вас за ваше доброе чувство к этому бедному человеку....

— Не отчаивайтесь за него, сэр, он выздоровеет, он будет совсем здоров через неделю. Отличный человек, я в этом не сомневаюсь! — продолжал Аллэн, который имел привычку верить каждому и не отчаиваться ни в чем. — Не пригласите ли вы его обедать, когда он выздоровеет, мистер Брок? Мне хотелось бы знать, когда мы все трое будем дружески сидеть за вином, как ему досталось такое необыкновенное имя — Озайяз Мидуинтер. Ей-богу, отцу его следовало бы стыдиться самого себя.

— Будете вы отвечать мне на один вопрос, прежде чем я уйду домой? — спросил ректор, с тревогой останавливаясь у своей калитки. — Счет этого человека за квартиру и за лечение может простираться до двадцати или тридцати фунтов, прежде чем он выздоровеет, если только он выздоровеет. Как вы это заплатите?

— Что говорит канцлер казначейства, когда запутается в своих отчетах и не знает, как ему выпутаться? — спросил Аллэн. — Он всегда говорит своему благородному другу, что он готов сократить расход в том или другом....

— То есть оставляя резерв на всякий случай? — намекнул Брок.

— Именно, — сказал Аллэн. — Я похож на канцлера казначейства. Я оставляю в своих расходах резерв — яхта поглощает не все мои доходы. Если у меня недостает фунта два — не бойтесь, сэр. Во мне нет гордости, я пойду по кругу со шляпой и пополнию недостаток сбором с соседей. Позвольте! О чем мы? Опять мы отвлеклись. О! Я вспомнил. Мы говорили о деньгах. Вот чего я не могу вбить в мою тупую голову, — заключил Аллэн, не сознавая, что он проповедует идеи социализма пастору. — Почему все так хлопочут о том, чтоб денег иметь больше? Почему людям, у которых есть лишние деньги, не отдать их тем, у кого их нет, и таким образом все на свете было бы гладко и хорошо? Вы всегда мне говорите, чтоб я старался развивать хорошие идеи, мистер Брок. Вот эта идея, кажется мне, совсем не дурна.

Мистер Брок шутливо задел своего ученика тростью.

— Ступайте на свою яхту, — сказал он. — Все идеи, какие только могли уместиться в вашей легкомысленной голове, оставьте на яхте в вашем ящике с инструментами. «Как кончит этот мальчик? — продолжал ректор, оставшись один. — Этого не может сказать ни один человек. Я почти жалею, зачем я взял на себя ответственность за его воспитание».

Прошло три недели, прежде чем незнакомец, носивший такое странное имя, почувствовал себя лучше. В это время Аллэн постоянно справлялся о нем в гостинице. И как только больному позволили принимать посетителей, Аллэн первый появился у его кровати. До сих пор ученик мистера Брока не проявлял особого интереса к одному из немногих романтических происшествий, нарушивших однообразие деревенской жизни: он не допустил никакой неосторожности и не подвергнул себя порицанию. Но по мере того как проходили дни, молодой Армадэль стал оставаться в гостинице гораздо долее прежнего, и доктор (человек пожилой и осторожный) посоветовал ректору принять надлежащие меры. Мистер Брок немедленно последовал этому совету и увидел, что Аллэн под влиянием своей

обычной впечатлительности ведет себя опрометчиво. Он сильно привязался к изгнанному учителю и пригласил Озайяза Мидуинтера поселиться в этих краях навсегда, видя в нем своего искреннего друга.

Прежде чем мистер Брок сообразил, как ему действовать в таком непредвиденном обстоятельстве, он получил записку от матери Аллена, просившей своего старого друга навестить ее. Ректор нашел миссис Армадэль в сильном волнении, вызванном свиданием с сыном. Аллен провел с ней все утро и все время говорил только о своем новом друге. Человек с ужасным именем (так называла его бедная миссис Армадэль) расспрашивал Аллена с большой пытливостью о нем самом и его родных, но о своей собственной жизни не сказал ни слова. В прежнее время, намекнул он, привык к мореплаванию. К несчастью, Аллен, влюбленный в море, с восторгом услышал это, и между ними тотчас установилась еще более крепкая связь. Испытывая огромное недоверие к незнакомцу только потому, что он был незнакомцем, — это казалось мистеру Броку довольно безрассудно, — миссис Армадэль уговорила ректора идти в гостиницу, не теряя ни минуты, и непременно заставить незнакомца подробно объяснить, кто он.

— Разузнайте все о его отце и матери, — сказала она со своей женской требовательностью. — Удостоверьтесь, прежде чем оставите его, что это не бродяга, странствующий под чужим именем.

— Любезная миссис Армадэль, — возразил ректор, послушно взяв шляпу, — во всем другом, пожалуй, мы можем сомневаться, но имя этого человека должно быть настоящее. Никакое человеческое существо в здравом рассудке не назовет себя Озайязом Мидуинтером.

— Может быть, вы правы, а я ошибаюсь, только, пожалуйста, повидайтесь с ним, — настаивала миссис Армадэль. — Ступайте и не щадите его, мистер Брок. Мы должны твердо знать, не нарочно ли притворился он больным?

Бесполезно было спорить с ней. Если бы весь медицинский факультет дал свидетельство о болезни этого человека, в теперешнем настроении миссис Армадэль не поверила бы и факультету. Мистер Брок выбрал самый благополучный способ, чтобы выпутаться из затруднения: он не сказал ничего и немедленно отправился в гостиницу.

На Озайяза Мидуинтера, оправившегося от болезни, страшно было смотреть. Его обритая голова, обвязанная старым желтым

шелковым носовым платком, его смуглые впалые щеки, его блестящие карие глаза, неестественно большие и какие-то дикие, растрепанная черная борода, длинные, гибкие пальцы, исхудалые от болезни до того, что походили больше на когти, — все произвело на ректора тяжелое впечатление уже в самом начале свидания. Когда прошло первое неприятное чувство, последовавшее затем было также не весьма приятным. Мистер Брок не мог скрыть от себя, что поведение незнакомца было не в его пользу. Существует мнение, что если человек честен, то он чувствует себя спокойно, прямо смотря на тех, с кем он говорит. Если этот человек не честен, то в разговоре он старается смотреть в сторону, и это выдает его нечестность. Очень может быть, что бегающие глаза незнакомца были следствием той болезни, которая захватила весь его организм и ощущалась в каждом подергивании его худощавого и гибкого тела. У пышущего здоровьем ректора по коже пробегали мурашки при каждом движении гибких смуглых пальцев учителя и при каждом судорожном подергивании его смуглого лица.

«Прости меня, Господи! — думал Брок, вспомнив об Аллэне и его матери. — А я желал бы придумать способ выгнать Озайяз Мидуинтера опять на все четыре стороны!»

Разговор, начавшийся между ними, был очень осторожный. Брок искусно пробовал разузнать все, необходимое ему, но, как ни старался, его вежливо оставляли в неведении насчет того, что ему хотелось знать. С начала до конца разговора Озайяз Мидуинтер ушел от всех попыток ректора разведать его. Он начал уверением, которому невозможно было поверить, глядя на него, — он объявил, что ему только двадцать лет. Все, что можно было попросить его рассказать о школе, наводило на мысль о том, что одно воспоминание о ней было ужасно для него. Он занимал место учителя только десять дней, когда первые признаки болезни заставили отказать ему. Как он добрался до поля, на котором его нашли, — этого он не мог сказать. Незнакомец помнил, что долго ехал по железной дороге с намерением (если только он имел какое-нибудь намерение), о котором он теперь не мог вспомнить, а потом шел по направлению к берегу пешком целый день или целую ночь — наверно он не знал. Море осталось в его памяти, когда рассудок начал ему изменять. Озайяз Мидуинтер в детстве служил на море, потом бросил это место и поступил к книгопродавцу

в одном провинциальном городке. И работу книгопродавца бросил и попробовал поступить учителем в школу. На этот раз из школы уволили его, и Мидуинтер должен был выбрать что-нибудь другое. Но незнакомец был уверен, что, возмись он за что бы то ни было, неудача (в которой некого было обвинять, кроме него самого) ожидает его рано или поздно. Друзей, к которым он мог бы обратиться, у Озайяса Мидуинтера не было, а о родственниках он не желает говорить. Он думает, что они, может быть, умерли, а они думают, может быть, что он умер. Нечего опровергать, что это печальное признание в его лета. Это может повредить ему в мнении других и без сомнения вредит в мнении господина, разговаривающего с ним в эту минуту.

Эти странные ответы были даны таким тоном и с таким спокойствием, которые вовсе не показывали горечи с одной стороны и равнодушия с другой. Озайяс Мидуинтер в двадцать лет говорил о своей жизни, как мог бы говорить Озайяс Мидуинтер семидесяти лет, терпеливо перенесший долгие утомительные годы.

Два обстоятельства говорили против того недоверия, с каким мистер Брок смотрел на Озайяса. Он написал в банк, находившийся в отдаленной части Англии, в котором лежали его деньги, взял их оттуда и заплатил доктору и трактирщику. Человек непорядочный, поступив таким образом, не считал бы себя обязанным никому, расплатившись по счетам. Озайяс Мидуинтер говорил о тех, кому он был обязан, особенно об Аллэне, с такой горячей признательностью, что это не только удивительно, но и тягостно было слышать. С большой искренностью восхищался он, что с ним поступили по-христиански в христианской земле. Он говорил о том, что Аллэн взял на себя все издержки по содержанию и лечению его, с признательностью и удивлением.

— Я никогда не встречал человека, похожего на него! Я никогда не слышал ни о ком, кто походил бы на него! — восторгался бывший учитель.

Через минуту этот проблеск признания, сверкнувший, как молния, опять погас во мраке. Его блуждающий взор по-прежнему устремился в сторону от мистера Брока, а голос стал опять неестественно твердым и спокойным.

— Извините, сэр, — сказал он, — я привык к тому, чтобы меня преследовали, обманывали, морили голодом. Все другое кажется мне странным.

Чувствуя к этому человеку и влечение, и отвращение, Брок, прощаясь, протянул было руку, поддавшись минутному побуждению, а потом с замешательством отдернул ее.

— Вы имели доброе намерение, сэр, — сказал Озайяз Мидуинтер, скрестив руки за спиной. — Я не обижаюсь на то, что вы передумали. Тому, кто не может дать о себе отчет, не может подать руки джентльмен, находящийся в таком положении, как вы.

Брок ушел из гостиницы в совершенном недоумении. Прежде чем отправиться к миссис Армадэль, он пошел за ее сыном. Была надежда, что незнакомец забывал свою осторожность в разговоре с Аллэном, и при чистосердечии Аллэна нечего было бояться, что он скроет от ректора то, что происходило между ним и больным.

Тут опять дипломатия Брока не достигла желаемых результатов. Когда Аллэн заговорил, он болтал о своем новом друге с обычным легкомыслием, но он не сказал ничего важного, потому что ему самому ничего не было известно. Они разговаривали о строительстве яхты и мореплавании целыми часами, и Аллэн получил много драгоценных сведений от Мидуинтера. Они обсуждали с помощью диаграмм различные варианты вопроса: как спустить яхту на воду? Иногда они переходили и к другим предметам разговора, о которых Аллэн не мог припомнить в беседе. Неужели Мидуинтер ничего не упоминал о своих родных во время этих дружеских разговоров? Ничего, кроме того, что с ним обошлись нехорошо, черт побери его родных! Высказывал ли он неудовольствие относительно своего странного имени? Ни малейшего! Он подал пример, будучи человеком умным, смеяться над этим именем, к черту его имя! Оно казалось очень хорошим, когда к нему привыкали. Что нашел в Мидуинтере Аллэн? Почему он так к нему привязался? Аллэн нашел в нем то, чего не находил в других. Озайяз не походил ни на кого в этих окрестностях. Все другие были скроены по одному образцу. Каждый был здоров, силен, тупоголов, белокур и грубоват. Каждый пил пиво, курил трубку целый день, ездил на лучшей лошади, охотился с лучшей собакой и пил лучшее вино за своим обедом каждый день. Каждый обмывался каждое утро холодной водой и расхаживал в

морозную погоду точно так как все. Каждый хвастался своими долгами и думал, что держать пари на скачках — самый достойный подвиг, какой только может совершить человеческое существо. Конечно, это были хорошие люди в своем роде, но они все походили друг на друга. Встретить такого человека, как Мидуинтер, было истинной находкой. Такого человека, который не был скроен по местному образцу и поступки которого имели то огромное достоинство в этом краю, что они имели свою особенность.

Оставив все увещевания до более удобного случая, ректор вернулся к миссис Армадэль. Он не мог скрыть от себя, что мать Аллена была сама виновата в настоящем необдуманном поступке Аллена. Если бы он меньше знался с мелким дворянством по соседству и побольше увидел достопримечательностей внешнего мира на родине и за границей, удовольствие пользоваться обществом Озайяза Мидуинтера было бы для него менее привлекательным.

Сознавая неудовлетворительный результат своего посещения Мидуинтера, мистер Брок немало беспокоился о том, как примут его донесение. Его предчувствия скоро оправдались. Как он ни старался смягчить подозрительное нежелание учителя рассказать о себе самом, миссис Армадэль воспользовалась этим для оправдания самых строгих мер, которые она намеревалась принять для того, чтобы разлучить сына с ним. Если ректор не хочет вмешиваться в это дело, она объявила, что сама намерена написать к Озайязу Мидуинтеру. Возражения раздражили ее до такой степени, что она изумила мистера Брока, напомнив ему разговор, происходивший между ними, когда было прочитано объявление в газете. Она запальчиво уверяла, что пропавший Армадэль, о котором говорилось в этом объявлении, и странствующий Мидуинтер, находившийся в деревенской гостинице, может быть, один и тот же человек. Ректор напрасно убеждал ее в том, что невероятно, чтобы кто-нибудь на свете, особенно молодой человек, решился назваться таким именем, если оно действительно не принадлежало ему. Миссис Армадэль ничто не могло успокоить, кроме решительной покорности ее воле. Опасаясь последствий, которые могли бы вызвать сопротивление ей при слабом состоянии ее здоровья, и предвидя возможность серьезного раздора между матерью и сыном, мистер Брок взял на себя обязанность снова повидаться с Мидуинтером и сказать ему прямо, что он должен или подробно

объяснить, кто он, или прекратить свою дружбу с Аллэном. Взамен этого он потребовал от миссис Армадэль две уступки: чтобы она терпеливо ждала, пока доктор позволит больному пуститься в путь, и чтобы в этот промежуток времени остерегалась упоминать об этом ее сыну.

Через неделю после этой беседы Мидуинтер уже мог выезжать в кабриолете, принадлежавшем гостинице, которым правил Армадэль; через десять дней доктор объявил, что он может пуститься в путь. Вечером этого дня мистер Брок встретил Аллэна и его друга в одном из перелесков, где они наслаждались последними лучами зимнего солнца. Он подождал, пока молодые люди расстались, и потом пошел вслед за учителем в гостиницу.

Намерение ректора во что бы то ни стало выполнить волю миссис чуть было не было отложено, когда он, приближаясь к этому одинокому человеку, увидел, как учитель медленно шел, как висел его поношенный сюртук на исхудалом теле и как тяжело опирался он на свою нескладную деревянную палку. Не желая слишком постепенно задавать мучительные для учителя вопросы, мистер Брок сперва сделал ему маленький комплимент относительно круга его чтения, имея в виду том Софокла и том Гете, найденные в его дорожном мешке, и спросил, как давно знаком он с немецким и греческим языками. Чуткий слух Мидуинтера, видимо, уловил что-то странное в голосе Брока. Он подозрительно посмотрел в лицо ректора.

— Вы имеете что-то сказать мне, — сказал он, — но не то, что вы теперь говорите.

Нечего было делать, надо было принимать вызов. Очень деликатно, с разными отступлениями, которые учитель выслушал не перебивая, Брок мало-помалу все ближе подвигался к цели разговора. Задолго до того как человек с обычным умом догадался бы, к чему ведет эта речь, Озайяз Мидуинтер сказал ректору, что ему не нужно говорить более.

— Я понимаю вас, сэр, — сказал учитель. — Миссис Армадэль имеет определенное положение в свете, и мистеру Армадэлю нечего скрывать, нечего стыдиться. Я согласен с вами, что не гожусь ему в товарищи. Самая большая признательность, которую я могу высказать за его доброту, состоит в том, чтобы не пользоваться ею более. Можете быть уверены, что я завтра же уеду отсюда.

Он не сказал ни слова больше и не захотел ничего слушать. С самообладанием, которое в его лета и при его темпераменте было изумительно, он вежливо снял шляпу, поклонился и возвратился в гостиницу один.

Брок дурно спал в эту ночь. Результат свидания в переулке сделал еще труднее задачу понять загадочного Озайяза Мидуинтера.

На следующее утро ректору было принесено из гостиницы письмо, и посланный заявил, что приезжий джентльмен уехал. В письме лежало второе незапечатанное письмо к Аллэну и содержалась просьба к воспитателю Аллэна прежде прочесть письмо самому, а потом или отдать или нет — как сам он заблагорассудит. Письмо было изумительно короткое: оно начиналось и кончалось такими словами:

*"Не осуждайте мистера Брока. Мистер Брок прав. Благодарю вас. Прощайте.
О. М."*

Ректор передал письмо по назначению, это разумеется само собой, и в то же время написал к миссис Армадэль несколько строк, чтобы успокоить ее известием об отъезде учителя. Сделав это, Брок стал ждать своего ученика, который, вероятно, придет тотчас по получении письма, и ждал его весьма беспокойно. В поведении Мидуинтера могла заключаться какая-нибудь глубоко затаенная причина, но до сих пор было невозможно отрицать, что поступки его опровергали недоверие ректора и оправдывали доброе мнение Аллэна.

Утро проходило, а Аллэн не являлся. Не найдя его на верфи, где строилась яхта, Брок отправился к миссис Армадэль и там получил такое сообщение от слуги, которое заставило его отправиться в гостиницу. Трактирщик тотчас рассказал, что мистер Армадэль приходил в гостиницу с распечатанным письмом в руке и настоятельно требовал показать, по какой дороге поехал его друг. В первый раз трактирщик видел мистера Армадэля разгневанным, а девушка, прислуживавшая в гостинице, по глупости рассказала еще об одном обстоятельстве, которое подлило масла в огонь. Она сообщила, что слышала, как мистер Мидуинтер заперся в своей комнате ночью и громко рыдал. Это ничтожное, по мнению трактирщика,

обстоятельство вызвало ярость мистера Армадэля. Он начал ругаться, бросился в конюшню, заставил конюха оседлать ему лошадь и поскакал во весь опор по той дороге, по которой Озайяз Мидуинтер поехал рано утром.

Поручив трактирщику не говорить о поступке Аллэна, если кто-нибудь из слуг миссис Армадэль придет в гостиницу, Брок вернулся домой и с беспокойством ждал, что же будет дальше.

К его огромному облегчению, ученик явился в пасторат довольно поздно в этот же день. Аллэн вел себя с достоинством и говорил с твердой решимостью, совершенно новой для его старого друга. Не ожидая расспросов, он сам все рассказал со своей обыкновенной прямоотой. Аллэн нагнал Мидуинтера на дороге и сначала старался уговорить его возвратиться, а потом захотел узнать, куда он едет, и, наконец, угрожал не отставать от него и таким образом вырвал признание, что тот едет попытать счастья в Лондон. Добившись ответа, Аллэн спросил адрес своего друга в Лондоне, и, хотя друг умолял его не настаивать, он все-таки получил адрес, обратившись к признательности Мидуинтера, за что, искренне стыдясь самого себя, впоследствии выпросил прощение Мидуинтера.

— Я люблю этого бедного человека и не брошу его, — заключил Аллэн, стукнув кулаком по столу. — Не бойтесь, что я рассержу матушку. Я предоставлю вам говорить с нею, мистер Брок, когда и как вы хотите, а я прибавлю только вот что для того, чтобы кончить это дело, — адрес друга в моей записной книжке. Я в первый раз твердо держусь моего намерения. Я дам вам и моей матери время подумать об этом, а когда это время пройдет, если мой друг Мидуинтер не приедет ко мне, я поеду к моему другу Мидуинтеру.

На том дело вроде и кончилось, но это только казалось... Вот какие были последствия того, что изгнанного учителя опять отправили на все четыре стороны.

Прошел месяц, и настал новый год — 1851. Вспоминая этот короткий промежуток времени, Брок мысленно остановился с тяжелым сердцем на самом печальном, самом трагическом событии из всего ряда происшествий — смерти миссис Армадэль.

Первое предостережение о приближавшемся несчастье было получено вскоре после отъезда учителя, в декабре, и произошло из

обстоятельства, мучительно тяготившего воспоминания ректора с того самого времени.

Через три дня после отъезда Мидуинтера в Лондон к мистеру Броку, когда он шел по деревне, обратилась опрятно одетая женщина в черном шелковом платье, в такой же шляпке и в красной шали. Эта женщина была совершенно незнакома мистеру Броку. Она попросила его указать дорогу к дому миссис Армадэль. Незнакомка задала свой вопрос, не поднимая густой черной вуали, закрывавшей ее лицо. Брок, указав ей дорогу, заметил, что это была замечательно изящная и грациозная женщина. Он смотрел ей вслед, когда она поклонилась и отошла от него, спрашивая себя, кто бы могла быть гостья миссис Армадэль.

Четверть часа спустя дама все еще с опущенной вуалью опять прошла мимо мистера Брока в гостиницу и поговорила там с трактирщицей. Увидев, что трактирщик после этого поспешил в конюшню, мистер Брок спросил его: не уезжает ли эта дама? Да, она приехала со станции железной дороги в омнибусе, но теперь отправляется в экипаже, нанятом ею в гостинице.

Ректор пошел дальше, удивляясь, почему его мысли с любопытством возвращаются к женщине, совершенно ему незнакомой. Вернувшись домой, он узнал, что его ждет деревенский доктор с поручением от матери Аллэна. Час назад за доктором прибежали от миссис Армадэль. Тот нашел ее в сильном нервном припадке, вызванном, как слуги подозревали, неожиданной и, может быть, неприятной гостьей, которая была у нее в это утро. Доктор сделал все необходимое и не ожидал никаких опасных последствий. Узнав, что его пациентка желает немедленно видеть мистера Брока, он счел нужным исполнить ее желание и взялся сам зайти в пасторат.

Испытывая к миссис Армадэль более глубокое участие, чем ее доктор, мистер Брок, войдя в комнату, увидел на лице ее, когда она повернулась к нему, тревожные признаки, дававшие повод к серьезному опасению. Миссис не дала ему случая успокоить ее. Она не стала отвечать на его расспросы. Она желала слышать ответы только на свои вопросы, и она решительно добивалась этих ответов: видел ли мистер Брок женщину, которая осмелилась прийти к ней в это утро? Да. Видел ли ее Аллэн? Нет. Аллэн работал все время после завтрака и теперь еще был на своей верфи. Этот последний ответ

ректора, по-видимому, успокоил миссис Армадэль. Она задала следующий вопрос — самый странный из всех — гораздо спокойнее: как думает ректор, согласится ли Аллэн оставить свою яхту на время и поехать с матерью подыскать новый дом в какой-нибудь другой части Англии? С величайшим изумлением мистер Брок спросил, по какой причине миссис Армадэль желает оставить свое настоящее местопребывание? Названная причина, когда миссис Армадэль объяснила ее, еще более увеличила удивление ректора — за первым посещением этой женщины может последовать второе, но скорее, чем она появится опять, скорее, чем может случиться, что Аллэн увидит ее и будет говорить с нею, миссис Армадэль хотела уехать из Англии, даже если окажется необходимым доживать остаток дней на чужой земле. Призвав на помощь свою судейскую опытность, мистер Брок спросил, не приходила ли эта женщина просить денег. Да, хотя она была одета прилично, она, сделав упор на свои «стесненные обстоятельства», просила денег и получила их, но вопрос о деньгах не имел никакого значения. Главное — необходимость уехать до возвращения этой женщины. Удивляясь все более и более, Брок осмелился задать еще вопрос: давно ли миссис Армадэль встречалась в последний раз со своею гостьей? Да, с того времени прошло столько же лет, сколько теперь Аллэну — двадцать один год.

Услышав этот ответ, ректор решил задать другой вопрос, вспомнив то, что он слышал от миссис Армадэль в ходе доверительной беседы. Он спросил:

— Эта особа имеет какое-нибудь отношение к тягостным воспоминаниям о вашей прежней жизни?

— Да, с тягостными воспоминаниями о времени моего замужества, — отвечала миссис Армадэль. — Она принимала участие, будучи ребенком, в одном обстоятельстве, о котором я должна думать со стыдом и горестью до самой моей смерти.

Брок заметил, как изменился голос его старого друга и с какой неохотой дала она этот ответ.

— Не можете ли вы мне рассказать о ней подробнее, не упоминая о себе? — продолжал он. — Я уверен, что я могу защитить вас, если вы только поможете мне немножко. Ее имя, например. Вы можете сказать мне ее имя?

Миссис Армадэль покачала головой.

— Имя, под которым я ее знала, — сказала она, — будет для вас бесполезно. Она вышла замуж после того — она сама мне так сказала.

— И не сказала, как ее зовут теперь?

— Она не хотела сказать.

— Вы знаете что-нибудь о ее родных?

— Только о тех родных, каких она имела, будучи ребенком. Они называли себя ее дядей и тетей. Это были люди низкого происхождения, они бросили ее в школе в поместье моего отца. Мы о них ничего потом не слыхали.

— Она осталась на попечении вашего отца?

— Она осталась на моем попечении, то есть она поехала с нами. Именно в то время мы уезжали из Англии на Мадеру. Отец мой позволил мне взять ее с собой и приучить ее к должности моей горничной.

При этих словах миссис Армадэль в замешательстве остановилась. Мистер Брок мягко старался заставить ее продолжать. Это было бесполезно. Она вскочила в сильном волнении и начала ходить по комнате взад и вперед.

— Не спрашивайте меня более! — закричала она громким и сердитым голосом. — Я рассталась с ней, когда ей было только двенадцать лет. Я не видела ее и никогда не слыхала о ней до сих пор. Я не знаю, как она нашла меня после стольких прошедших лет, я знаю только, что она нашла меня. Теперь она найдет Аллэна и вольет в душу моего сына яд против меня. Помогите мне уехать от нее! Помогите мне увезти Аллэна, прежде чем она вернется!

Ректор не задавал более вопросов — было бы жестоко принуждать ее объясняться подробнее. Прежде всего было необходимо успокоить ее обещанием исполнить ее желание, потом надо было убедить пригласить другого доктора. Брок успел достигнуть последнего, напомнив, что ей нужны силы для путешествия и что ее всегдашний доктор скорее вылечит ее, если ему поможет совет другого хорошего доктора. Преодолев таким способом ее обычное нежелание видеть посторонних, ректор тотчас отправился к Аллэну и, деликатно скрыв, что миссис Армадэль говорила ему, сообщил, что его мать была серьезно больна. Аллэн не хотел и слышать о том, чтобы послать слугу за доктором. Он тотчас сам

поехал на железную дорогу и пригласил доктора из Бристоля телеграфной депешей.

На следующее утро доктор приехал, и опасения Брока подтвердились. Деревенский доктор с самого начала не понял болезни, теперь было уже поздно поправлять его ошибку. Потрясение вчерашнего утра довершило дело. Дни миссис Армадэль были сочтены.

Сын, нежно любивший ее, старый друг, для которого ее жизнь была драгоценна, тщетно надеялись до самого конца. Через месяц после приезда бристольского доктора всякая надежда исчезла, и Аллэн пролил первые горькие слезы в своей жизни на могиле своей матери.

Она умерла спокойнее, чем Брок предполагал, оставив все свое маленькое состояние сыну и поручив его попечению своего единственного друга. Ректор умолял миссис позволить ему написать ее братьям и постараться примирить их с нею, пока еще не поздно. Она отвечала с грустью, что теперь уже поздно. Но в свой последний час она обратилась с просьбой, в которой был единственный намек на те прошлые горести, которые так тяготили ее в последующей жизни и которые трижды становились, как тени зла, между ректором и нею. Даже на своем смертном одре она не хотела объяснить историю прошлого. Она посмотрела на Аллэна, стоявшего на коленях возле кровати, и шепнула Броку:

— Не позволяйте его соименнику приближаться к сыну! Не допустите, чтобы эта женщина отыскала его!

Ни одного слова более не вырвалось у нее о несчастиях, пережитых ею в прошлом, или бедах, которых она опасалась в будущем. Тайну, которую миссис Армадэль скрывала от сына и от друга, она унесла с собой в могилу.

Когда последний долг любви и уважения был исполнен, Брок счел своей обязанностью, как душеприказчик покойной, уведомить ее братьев о ее смерти. Полагая, что он имеет дело с людьми, которые, вероятно, ошибочно перетолкуют его поступок, если он не объяснит положение Аллэна, он позаботился напомнить им, что сын миссис Армадэль обеспечен и что цель его письма состоит только в том, чтобы сообщить о кончине их сестры. Оба письма были отправлены в половине января, и с первою почтой ответы были получены. Первое

письмо, распечатанное ректором, было написано не старшим братом, а единственным сыном старшего брата. Молодой человек после смерти своего отца недавно получил в наследство Норфолькское поместье. Он писал дружелюбно и чистосердечно и уверял мистера Брока, что, как ни сильно отец его был предубежден против миссис Армадэль, его неприязненное чувство не распространялось на ее сына. Ему только хотелось бы прибавить, что он будет очень рад принять своего кузена в Торп-Эмброзе, когда бы он ни вздумал приехать к нему.

Второе письмо было совсем не так приятно, как первое. Младший брат был еще жив и не отступал от своего намерения ни простить, ни забыть. Он уведомлял мистера Брока, что выбор мужа его покойной сестрой и ее поступок с отцом во время ее замужества сделали невозможными всякую привязанность или уважение с его стороны, следовательно, и его племяннику, и ему самому были бы тягостны личные сношения. Он говорил в общих выражениях о неприятностях, разлучивших его с покойной сестрой, только для того, чтобы, уверить мистера Брока, что о личном знакомстве с молодым Армадзлем нечего было и думать, и в заключение просил позволения прекратить переписку.

Мистер Брок благоразумно уничтожил тут же второе письмо и, показав Аллэну приглашение его кузена, посоветовал ему отправиться в Торп-Эмброс так скоро, как только он будет чувствовать себя в силах встречаться с посторонними. Аллэн выслушал этот совет довольно терпеливо, но отказался воспользоваться им.

— Я охотно пожму руку моему кузену, если встречу с ним, — сказал он, — но я не буду гостем в том доме, в котором с моей матерью так дурно обошлись.

Брок твердо возражал Аллэну, стараясь показать это обстоятельство в его настоящем свете. Даже в то время, когда он еще не знал о происшествиях, уже угрожавших своим приближением, одинокое положение Аллэна в свете возбуждало серьезное беспокойство его старого друга и воспитателя.. Поездка в Торп-Эмброс открывала возможность для Аллэна приобрести друзей и связи, приличные его званию и возрасту, но Аллэна уговорить было невозможно. Он упорно и безрассудно не поддавался убеждениям, и ректору ничего более не оставалось, как прекратить этот разговор.

Недели проходили однообразно одна за другой. Аллэн не выказывал легкомыслия, свойственного его летам и характеру, стойко перенося несчастье, сделавшее его сиротой.

Он построил и спустил на воду свою яхту, но даже работники заметили, что это занятие потеряло для него интерес. Молодому человеку как-то было несвойственно предаваться горести так, как Аллэн предавался ей теперь. По мере приближения весны Брок начал тревожиться относительно того, что будет, если Аллэна не развлечет немедленно переменой места. После многих размышлений ректор решился на поездку в Париж и даже далее, на юг, если его спутник изъявит желание путешествовать по континенту. Согласие Аллэна на это предложение смягчило его упорный отказ познакомиться с кузеном. Он охотно соглашался ехать с Броком, куда ему было угодно. Ректор поспешил воспользоваться его согласием, и в половине марта оба спутника отправились в Париж через Лондон.

В Лондоне мистер Брок неожиданно почувствовал новое сильное беспокойство. Неприятное воспоминание об Озайзе Мидуинтере, забытое с начала декабря, опять выплыло на поверхность и стало ректору еще неприятнее прежнего в самом начале путешествия.

Положение Брока в этом сложном деле было довольно затруднительно с самого первого появления Мидуинтера. Теперь же положение это стало еще более невыгодным. Обстоятельства сложились так, что разногласия между Аллэном и его матерью относительно учителя не имели никакого отношения к болезни, ускорившей смерть миссис Армадэль. Намерение Аллэна воздержаться от раздражительных слов и нежелание Брока касаться неприятного события заставляли их обоих молчать о Мидуинтере в присутствии миссис Армадэль в те три дня, которые прошли между отъездом учителя и появлением незнакомой женщины в деревне. В период горя и страданий, последовавших после кончины матери, не было возможности начинать разговор об учителе. Немного успокоившись после похорон, Аллэн упорно подчеркивал свое участие в судьбе нового друга. Он написал Мидуинтеру о своем несчастье и предлагал (если только ректор формально не воспротивится этому) навестить его, прежде чем они отправятся в Париж на следующее утро. Что было делать Броку? Нельзя было отрицать, что поведение Мидуинтера опровергало необоснованное

недоверие к нему миссис Армадэль. Если бы ректор, не имея никакой убедительной причины, на которую он мог сослаться, и не имея никакого права вмешиваться, кроме того права, которое предоставляла ему вежливость Аллэна, отказался одобрить предполагаемое посещение, тогда он должен был сказать «прости» прежнему доверию воспитателя и ученика в предполагаемом путешествии. Окруженный затруднениями, которыми, может быть, пренебрег бы менее справедливый и менее добрый человек, Брок сказал слова предостережения при расставании и (чувствуя более доверия к скромности и самоотвержению Мидуинтера, чем ему хотелось признаться даже себе самому) предоставил Аллэну полную свободу поступать по-своему.

Погуляв около часа по улицам в отсутствие своего воспитанника, ректор вернулся в гостиницу и увидел газету на столике в зале, присел просмотреть ее. Глаза его, рассеяно остановившиеся на первой странице, немедленно были прикованы к самому первому объявлению, которое было напечатано в начале столбца. Имя таинственного соименника Аллэна было выделено крупными буквами, на этот раз вместе с предложением награды. Вот в чем заключалось это объявление:

«Предполагаемый умершим. — К приходским причетникам, могильщикам и другим: двадцать фунтов награды будет выдано тому, кто доставит доказательство смерти Аллэна Армадэля, единственного сына покойного Аллэна Армадэля из Барбадоса, родившегося на этом острове в 1730. Для подробных сведений просят обратиться к гг. Гэммику и Риджу в Линкольн-Инн-Фильдз в Лондоне».

Даже вовсе непыльное воображение мистера Брока наполнилось каким-то суеверным страхом, когда он опять положил газету. Мало-помалу им овладело смутное подозрение, что весь ряд событий, последовавших за первым появлением имени соименника Аллэна в газетах шесть лет тому назад, соединялся между собой какой-то таинственной связью и упорно стремился к какой-то непонятной цели. Сам не зная почему, он начал тревожиться отсутствием Аллэна, сам не зная почему, он начал с нетерпением желать увезти своего воспитанника из Англии, прежде чем случится что-нибудь до завтрашнего дня.

Через час ректора несколько успокоило возвращение Аллена в гостиницу. Молодой человек был раздосадован и не в духе. Он нашел квартиру Мидуинтера, но не застал его дома. Хозяйка его могла сказать Аллену только то, что Мидуинтер ушел в свое обычное время обедать в ближайшую ресторацию и не возвратился в обычный час. Аллен пошел в ресторацию и узнал, что Мидуинтер был там хорошо известен. Он всегда имел обыкновение после умеренного обеда с полчаса читать газету. В этот день после обеда он взял газету, как всегда, потом вдруг бросил ее и ушел, неизвестно куда чрезвычайно поспешно. Не имея возможности добиться дальнейших сведений, Аллен оставил записку в квартире Мидуинтера, сообщая ему свой адрес и прося его прийти проститься с ним до его отъезда в Париж.

Вечер прошел, а друг не явился. Наступило утро. Не встретив никаких препятствий, мистер Брок и его воспитанник уехали из Лондона. До сих пор судьба благоприятствовала ректору. Озайяз Мидуинтер, неприятным образом появившись на их пути, весьма кстати опять исчез из глаз. Что же произошло потом?

Подвигаясь опять от прошлого к настоящему, память мистера Брока напомнила ему происшествие, случившееся только три недели назад, у апреля.

По всей видимости, цепь событий порвалась наконец. Новое происшествие не имело никакого отношения (и по его мнению, и по мнению Аллена) к лицам, являвшимся, или к обстоятельствам, случившимся в прошедшее время.

Путешественники доехали только до Парижа. Перемена оживила Аллена, и он тем более чувствовал себя готовым наслаждаться новизною сцены, окружавшей его, что получил письмо от Мидуинтера, сообщавшее известие, которое самому мистеру Броку показалось многообещающим для будущего. Отставной учитель уходил по делам, когда Аллен был в его квартире. Одно случайное обстоятельство в тот день дало ему возможность вступить в сношения с его родственниками. Результат удивил его неожиданностью — ему был обеспечен небольшой доход на всю жизнь. Его будущие планы теперь, когда это неожиданное счастье выпало ему на его долю, были еще не решены. Но если Аллен желал знать, на что он решится впоследствии, его агент в Лондоне, адрес которого был приложен к

письму, будет принимать письма, адресованные к нему, и сообщит мистеру Армадэлю его будущий адрес.

Получив это письмо, Аллэн схватил перо со своей обыкновенной опрометчивостью и настойчиво приглашал Мидуинтера путешествовать вместе с ним и с мистером Броком. Прошли последние дни марта, а никакого ответа на это предложение не было получено. Настали первые дни апреля, и 7-го числа этого месяца Аллэн наконец нашел письмо за утренним чаем на столе. Он схватил письмо, посмотрел на адрес и опять нетерпеливо бросил письмо. Почерк был не Мидуинтера. Аллэн кончил завтрак, прежде чем позаботился прочесть, что ему пишет его корреспондент.

По окончании завтрака Армадэль лениво распечатал письмо. Он начал читать его с крайним равнодушием, а кончил с громким криком удивления, вскочив со стула. Весьма естественно удивляясь такому необыкновенному порыву, Брок взял письмо, которое Аллэн перебросил к нему через стол. Прежде чем он кончил читать, руки его опустились на колени, и изумление, выразившееся на лице его воспитанника, отразилось на его собственном лице.

Действительно, и Аллэн, и ректор имели основательные причины потерять хладнокровие. Письмо, поразившее их обоих, содержало в себе известие, которое сначала казалось просто невероятным. Письмо было из Норфолька и заключало в себе следующее. В одну неделю смерть поразила троих в семействе Торп-Эмброском, и Аллэн Армадэль был в настоящую минуту наследником имени, приносявшего восемь тысяч годового дохода.

При втором чтении письма ректор и его воспитанник осмыслили подробности, ускользнувшие от них при первом чтении. Письмо это было от фамильного нотариуса из Торп-Эмброза. Сообщив Аллэну о смерти его кузена Эртера, скончавшегося двадцати пяти лет от роду, о смерти его дяди Генри, скончавшегося сорока восьми лет, и о смерти его кузена Джона, скончавшегося двадцати одного года, нотариус сообщал вкратце содержание завещания мистера Блэнчарда. Права наследников мужского пола — как это почти всегда бывает в подобных случаях — имели преимущество перед правами наследников женского пола. По смерти Эртера и его наследников поместье переходило к Генри и его наследникам. Если бы их не было, оно бы переходило к сыновьям сестры Генри, а если бы их не было, то

к ближайшему наследнику мужского пола. Оба молодых человека, Эртер и Джон, умерли холостыми, и Генри Блэнчард умер, оставив только дочь, следовательно, Аллэн был ближайшим наследником Торп-Эмбросского имения, назначенным в завещании. Сообщив это странное известие, нотариус просил мистера Армадэля почтить его уведомлением и прибавлял в заключение, что он готов сообщить все подробности, какие только пожелает мистер Армадэль.

Бесполезно было терять время на то, чтобы удивляться событию, возможность которого никогда не приходила в голову ни Аллэну, ни его матери. Не оставалось ничего более, как тотчас возвратиться в Англию. На следующий день путешественники опять остановились в лондонской гостинице, и дело было передано кому следовало. Начались переписка и совещания, и все важные подробности открылись одна за другой до тех пор, пока все сведения не были собраны с надлежащей ясностью и полнотой.

Вот странная история смерти трех человек.

В то время когда мистер Брок написал к родственникам миссис Армадэль о ее кончине (это было в январе), в семействе Торп-Эмбросском считалось пять человек: Эртер Блэнчард, владелец поместья, живший в большом доме со своей матерью, Генри Блэнчард, дядя, живший по соседству, вдовец с двумя детьми, с сыном и дочерью. Для того чтобы теснее соединить фамильные связи, Эртер Блэнчард был помолвлен со своей кузиной. Свадьба должна была совершиться с большими празднествами летом, когда молодой девице исполнится двадцать лет.

В феврале произошли перемены в семействе. Присмотрев признаки нездоровья у сына, Генри Блэнчард уехал из Норфолька с молодым человеком по совету доктора попытаться, что сделает для больного итальянский климат. В первых числах марта Эртер Блэнчард также уехал из Торп-Эмброза только на несколько дней по делу, требовавшему его присутствия в Лондоне. Дело это привело его в Сити. Досадуя на бесконечные препятствия на улице, он воротился на западный конец Лондона на пароходе, где и встретил свою смерть.

Когда пароход отчаливал от пристани, Эртер заметил женщину, находившуюся возле него и выказывавшую какую-то странную нерешимость при входе на пароход. Она была последняя из пассажиров, вошедших на пароход. Она была опрятно одета, в черном

шелковом платье, в красной шали, и лицо ее было покрыто густой вуалью. Эртер Блэнчард был поражен редкой грациозностью и изяществом ее фигуры и почувствовал любопытство, свойственное молодому человеку. Он захотел увидеть ее лицо. Она не поднимала вуали, не поворачивала головы в ту сторону, где стоял Эртер. Сделав несколько шагов по палубе назад и вперед, она вдруг подошла к корме. Через минуту рулевой с испугом вскрикнул, пароход немедленно остановили — эта женщина кинулась за борт.

Все пассажиры бросились на одну сторону, чтобы посмотреть. Один Эртер Блэнчард без малейшей нерешимости бросился в реку. Он отлично плавал и схватил женщину, когда она появилась на поверхности в первый раз. Помощь была под рукой, их обоих благополучно переправили на берег: женщину отвезли в ближайшую полицию, где ее скоро привели в чувство; ее спаситель сказал свое имя и свой адрес — как обыкновенно делают в подобных случаях — дежурному инспектору, который благоразумно посоветовал ему принять теплую ванну и послать в свою квартиру за сухим платьем. Эртер Блэнчард, который с самого детства не болел, посмеялся над этой предосторожностью и возвратился домой в кэбе. На следующий день он заболел и не мог явиться к допросу. Через две недели он умер.

Известие об этом несчастье Генри Блэнчард и его сын получили в Милане. Через час они уже были на дороге в Англию. Снег на Альпах растаял ранее обыкновенного в этот год, и дорога была особенно опасна. Отец и сын, ехавшие в своем экипаже, встретились на горе с возвращавшейся почтой. Предостережения, которые имели бы действие при обыкновенных обстоятельствах, теперь оба англичанина не хотели слушать. Нетерпение поскорее возвратиться домой после катастрофы, случившейся в их семействе, не допускало промедления. Щедрая награда, предложенная ямщикам, побудила их ехать. Экипаж продолжал путь и затерялся в тумане. Его увидели опять уже на дне пропасти. Люди, лошади и экипаж — все было раздавлено лавиной.

Таким образом, жизнь трех человек скосила смерть. По совпадению событий покушение неизвестной женщины на самоубийство сделало Аллена Армадэля наследником Торп-Эмбросского поместья.

Кто была эта женщина? Человек, спасший ее жизнь, этого не знал. Судья, допрашивавший ее, пастор, увещевавший ее, стенограф,

записывавший ее ответы для печати, этого не знали. От нее выслушали с удивлением, что, хотя она была прилично одета, она находилась в стесненных обстоятельствах. Она выразила глубокое отчаяние, но назвала себя именем, очевидно, ложным и рассказала какую-то пошлую историю, которая, как по всему видно, была выдумана ею, и наотрез отказалась сообщить, где находятся ее друзья. Одна дама, бывшая членом какого-то благотворительного заведения, заинтересованная ее необыкновенным изяществом и красотой, вызвалась взять ее на попечение и привести в лучшее расположение состояние ее души. В первый же день опыт оказался неудовлетворителен, а на второй день незнакомка убежала, и, хотя пастор, особенно заинтересованный в этом деле, старался отыскать ее, все поиски оказались бесполезны.

Пока производились эти бесполезные расследования, предпринятые по желанию Аллэна, нотариусы завершили первоначальные формальности, относившиеся к введению во владение имением. Теперь новому владельцу в Торп-Эмброзе оставалось только решить, когда он поселится в поместье, законным владельцем которого теперь он был.

Предоставленный своему собственному желанию в этом деле, Аллэн решил его со своим обыкновенным пылким великодушием. Он сразу же отказался вступить во владение до тех пор, пока миссис Блэнчард и ее племянница, которым из вежливости позволили до этого времени оставаться в их прежнем доме, оправятся от несчастья, постигшего их, и будут в состоянии сами решить, что им делать дальше. Вслед за этим намерением началась переписка, заключавшая со стороны Аллэна неограниченное предложение всего что он только мог дать в доме, которого он еще не видел, а со стороны дам скромная и неохотная готовность воспользоваться великодушием молодого джентльмена относительно времени их пребывания в поместье. К удивлению своих нотариусов, Аллэн вошел однажды утром в их контору вместе с мистером Броком и объявил с совершенным спокойствием, что дамы были так добры и избавили его от необходимости распорядиться и что из уважения к их удобствам он намерен поселиться в Торп-Эмброзе не раньше как через два месяца. Нотариусы вытаращили глаза на Аллэна. А Аллэн, пораженный их реакцией, вытаращил глаза на них.

— Чему вы удивляетесь, господа? — спросил он с ребяческим изумлением в своих веселых голубых глазах. — Почему мне не дать дамам два месяца, если они этого желают? Пусть бедняжки пользуются временем. Мои права и мое положение? О! Фи-фи! Я не тороплюсь сделаться приходским сквайром, это не в моем вкусе. Что я намерен делать в эти два месяца? То же, что я сделал бы во всяком случае, остались бы дамы или нет. Я намерен поехать по морю: вот что я люблю. У меня есть новая яхта дома в Сомерсетшире, яхта, которую построил я сам. Я вот что скажу вам, сэр, — продолжал Аллэн, схватив за руку нотариуса в пылу своих дружеских намерений, — по вашему лицу видно, что вам нужно отдохнуть на свежем воздухе. Поедемте-ка со мной на моем новом корабле, и пусть ваши коллеги едут тоже, если хотят, и главный клерк, кстати, такого прекрасного человека еще не случилось мне встречать. Места довольно. Я подарю мистеру Броку ковер и стол в каюту. Черт побери Торп-Эмброс! Вы хотите сказать, что, если бы вы сами построили яхту, как я, вы уехали бы в любое поместье, между тем как ваша красавица яхта сидела бы, как утка на воде, у себя дома и ждала, пока вы вздумаете испробовать ее? Вы, юристы, мастера на аргументы. А вы что думаете об этом моем аргументе? Я думаю, что он неопровержим, и завтра же отправлюсь в Сомерсетшир.

С этими словами новый обладатель восьми тысяч годового дохода бросился в контору старшего клерка и пригласил его поехать по морю, так ударив его по плечу, что это ясно услышали его хозяева в смежной комнате. Нотариусы с вопросительным удивлением посмотрели на мистера Брока. Клиента, который мог сделаться английским помещиком и не торопился занять это положение при первой возможности, им не случилось еще встречать.

— Он, должно быть, был очень странно воспитан, — сказали нотариусы ректору.

Пропустив в своих воспоминаниях еще месяц, Брок дошел до настоящего времени — до своей спальни в Кэстльтоуне, в которой он сидел и думал с волнением, которое упорно мешало ему заснуть. Это беспокойство было врагом, таким обычным теперь для душевного состояния ректора. Оно овладело им в Сомерсетшире шесть месяцев тому назад и теперь последовало за ним до острова Мэн в виде Озайза Мидуинтера.

Перемена в будущих планах Аллэна не произвела никакого изменения в его упорном пристрастии к изгнаннику в деревенской гостинице. В ходе своих совещаний с нотариусами он нашел время посетить Мидуинтера, и на обратном пути в Сомерсетшир с ними ехал друг Аллэна по его личному приглашению. Волосы на обритой голове бывшего учителя опять отросли, одежда его обнаруживала появление денежных средств, но во всех других отношениях человек этот не изменился. Он встречал недоверие мистера Брока с прежней безропотной покорностью. Он сохранял тоже подозрительное молчание о его родных и его прежней жизни. Он говорил о доброте Аллэна к нему с тем же самым необузданным пылом признательности и удивления.

— Я сделал все, что мог, сэр, — сказал он Броку, когда Аллэн спал в вагоне. — Я скрывался от мистера Армадэля и даже не ответил на его последнее письмо ко мне. Более этого я сделать не могу. Я не прошу вас подумать о моих собственных чувствах к единственному человеческому существу, никогда не подозревавшему меня и никогда не обращавшемуся дурно со мной. Я могу сопротивляться моим собственным чувствам, но не могу сопротивляться этому молодому джентльмену. Никто на свете не может сравниться с ним. Если мы опять будем принуждены расстаться, это будет уже его дело, а не мое. Хозяин свистнул собаку, — сказал этот странный человек с минутной вспышкой скрытой страсти, и в его диких карих глазах выступили слезы гнева, — и жестоко, сэр, осуждать собаку, когда она является на этот свист.

Опять человеколюбие мистера Брока пересилило его осторожность. Он решил — надо ждать и посмотреть, что выйдет из этих отношений.

Дни проходили, яхта была оснащена, состоялась поездка на уэльский берег, и таинственный Мидуинтер остался все тем же Мидуинтером. Поездка на маленькой яхте не представляла большой привлекательности для человека в летах, но мистер Брок отправился все-таки на яхте, только бы не отпустить Аллэна одного с его новым другом.

Не заставит ли во время их поездки тесная беседа трех человек разговориться Мидуинтера о его собственных делах? Нет. Он охотно говорил о других предметах, особенно если Аллэн начинал о них

разговор, но у него не вырвалось ни одного слова о себе самом. Мистер Брок пробовал задавать ему вопросы о его недавнем наследстве и получил в ответ то же, что слышал когда-то в сомерсетширской гостинице. Мидуинтер называл странной случайностью то обстоятельство, что положение мистера Армадэля и его неожиданно изменилось к лучшему в одно и то же время, но тут сходство и кончалось. Ему досталось небольшое состояние, хотя это достаточно для его потребностей. Наследство не примирило его с родными, потому что деньги были даны ему не из доброты, а по праву. Что же касается до обстоятельства, которое привело его к общению с друзьями, то о нем не стоило упоминать, потому что временное возобновление отношений не дало положительных результатов. Из этого ничего не вышло, кроме денег, а с деньгами появилось беспокойство, которое волновало его иногда, когда он просыпался рано утром.

При этих последних словах он вдруг замолчал, как будто раз в жизни его осторожность изменила ему. Брок воспользовался этим случаем и прямо спросил, какого свойства это беспокойство могло быть. Не относилось ли оно к деньгам? Нет, оно относилось к письму, которое ждало его много лет. Получил он это письмо? Нет еще. Оно было поручено одному из партнеров фирмы, управлявшему делами по его наследству. Этот партнер находился в отсутствии, и письмо, запечатое между его собственными бумагами, нельзя было достать до его возвращения. Его ждали в последних числах, и, если бы Мидуинтер знал наверняка, куда привезет его яхта к концу этого месяца, он написал бы, чтобы ему туда переслано было письмо. Не имел ли он каких-нибудь семейных причин для беспокойства? Никаких, сколько ему было известно. Ему любопытно было видеть, что ждало его столько лет, и более ничего. Так он отвечал на вопросы ректора, повернув свое смуглое лицо к низкому борту яхты и держа в своих гибких смуглых руках удочку.

При попутном ветре и благоприятной погоде маленькая яхта делала чудеса в своем пробном рейсе. Прежде чем прошло время, назначенное для рейса, яхта дошла уже до Голигзда, и Аллэн, жаждая приключений в еще не известных ему областях, смело объявил, что путешествие продолжится до острова Мэн. Удостоверившись от людей, опытных в этом деле, что погода обещает благоприятное

плавание и что в случае какой-нибудь непредвиденной необходимости для возвращения до железной дороги легко доехать на пароходе из Дугласа до Ливерпуля, мистер Брок согласился на предложение своего воспитанника. В тот же час написал он к нотариусам Аллэна и в свой пасторат, чтобы все письма присылались в Дуглас, на острове Мэн. В почтовой конторе он встретил Мидуинтера, который только что опустил письмо в ящик. Вспомнив, что он сказал на яхте, Брок заключил, что они оба приняли ту же предосторожность, и распорядился, чтобы его корреспонденция присылалась туда же.

В этот же вечер они отправились на остров Мэн. Несколько часов все шло хорошо, но с заходом солнца появились признаки наступающей перемены. С темнотой ветер стал свежеть, и вопрос о том, крепкое ли морское судно построил Аллэн со своими работниками, в первый раз подвергся серьезной пробе. Целую ночь, напрасно стараясь направиться к Голигэду, маленькая яхта оставалась в открытом море и храбро выдерживала свое испытание. На следующее утро показался остров Мэн, и яхта благополучно пристала у Кэстльтоуна. Осмотр показал, что все повреждения легко исправить в одну неделю. Путешественники остались в Кэстльтоуне. Аллэн следил за ремонтом, Брок осматривал окрестности, а Мидуинтер каждый день странствовал в Дуглас и обратно пешком, справляясь о письмах. Первый получил письмо Аллэн.

— Опять надоедают эти нотариусы! — вот все, что он сказал, когда прочел письмо, и, сказав, сунул его в карман. Потом пришла очередь ректора. На пятый день пребывания их в Кэстльтоуне Брок нашел письмо из Сомерсетшира, ждавшее его в гостинице. Его принес Мидуинтер, и оно заключало в себе известия, совершенно расстроившие все планы мистера Брока. Пастор, взявшийся заменить его во время отсутствия, был неожиданно отозван домой, и мистеру Броку ничего более не оставалось (это было в пятницу), как отправиться на следующее утро из Дугласа в Ливерпуль и возвратиться по железной дороге в субботу вечером, чтобы успеть к воскресной службе.

Прочтя это письмо и покоровшись перемене своих планов так терпеливо, как только мог, ректор перешел к следующему вопросу, требовавшему также серьезного обсуждения. Озабоченный тяжелой ответственностью в отношении Аллэна и сознавая, что его недоверие

к новому другу Аллена не уменьшилось, он спрашивал себя, как он должен поступить в этом непредвиденном случае относительно молодых людей, бывших его спутниками в этой поездке.

Брок задал себе этот вопрос в пятницу и все еще напрасно отыскивал ответ один в своей комнате утром в субботу. Был только конец мая, а пребывание дам в Торп-Эмброзе, если только они сами не вздумают сократить его, должно было продолжиться до половины июня. Даже если бы работы на яхте были кончены (а этого не было), под каким предлогом торопить Аллена воротиться в Сомерсетшир? Оставалось одно: оставить его тут, то есть, другими словами, в самом опасном периоде его жизни на произвол судьбы, оставить с человеком, с которым он встретился в деревенской гостинице и который до сих пор был для него совершенно чужим и малоизвестным.

Отчаявшись придумать что-либо лучшее для разрешения этого трудного вопроса, Брок стал соображать, какое впечатление произвел собственно на него Мидуинтер во время последней беседы на яхте.

Несмотря на свою молодость, отставной учитель, очевидно, вел разгульную и разнообразную жизнь. Он видел и наблюдал в ней более, чем многие люди, вдвое его старше. Разговор его содержал странную смесь здравого смысла и нелепости: в одно время — суровой серьезности, а в другое — причудливого юмора. Он мог говорить о книгах как человек, истинно наслаждавшийся ими. Он мог братья за руль как моряк, знавший свои обязанности. Он мог петь, рассказывать истории, стряпать, взбираться на мачты, накрывать стол для обеда со странным насмешливым восторгом от своей собственной ловкости. Эти и другие подобные качества, по мере того как его веселость оживлялась во время этой поездки, делали понятным причину, в чем заключалась его привлекательность для Аллена. Но разве на этом останавливались все открытия? Разве этот человек не проявил случайно своего характера в присутствии ректора? Очень немного, и это немного выставило его нравственно в весьма непривлекательном виде. Он, очевидно, жил в разных сомнительных местах, знакомство с мошенническими штуками бродяг обнаруживалось в нем время от времени, слова в неприятно сильных выражениях срывались с его языка, а что было еще более тревожным признаком — он обыкновенно спал легким и подозрительным сном человека, привыкшего смыкать глаза с недоверием к тому обществу, которое находится под одной

кровлей с ним. До самой последней минуты, в которую ректор видел его — до этого самого вечера, — его поведение было постоянно скрытным и непонятным в высшей степени. Когда он принес в гостиницу письмо мистеру Броку, он таинственно исчез из дома, не велел ничего сказать об этом своим спутникам и не показав никому, получил он сам или нет письмо. С наступлением ночи он украдкой возвратился в темноте — Аллэн поймал его на лестнице, горя нетерпением рассказать о перемене в планах ректора, — выслушал новость, не сделав никакого замечания, и с угрюмым видом заперся в своей комнате. Что можно было сказать в его пользу против таких признаков характера, как подозрительный взгляд, упорная сдержанность в обращении с ректором, зловещее молчание о его родных и друзьях? Мало или ничего: весь итог его достоинств начинался и кончался его признательностью Аллэну.

Брок встал с постели, зажег свечу и, погрузившись в свои мысли, рассеянно смотрел в темноту. Перемена места не принесла с собой новых идей. Воспоминания о прошлой жизни вполне убедили ректора, что его настоящая ответственность основывалась не на одних причудливых причинах, и, дойдя до этой мысли, он, стоя у окна, не мог придумать ничего. В голове было пусто и темно, тревожное сострадание соответствовало беспросветной темноте ночи.

«Если бы у меня был хоть один друг, к кому я мог бы обратиться, — думал ректор, — если бы я мог найти хоть кого-нибудь, кто помог бы мне...»

В ту минуту, когда эта мысль промелькнула в голове его, послышался тихий стук в дверь, и голос в коридоре произнес чуть слышно:

— Позвольте мне войти.

После минутного молчания, взяв себя в руки, Брок отворил дверь и очутился в час ночи лицом к лицу на пороге своей спальни с Озайязом Мидуинтером.

— Вы больны? — спросил ректор, как только удивление позволило ему заговорить.

— Я пришел сюда откровенно объясниться, — был тихий ответ. — Вы позволите мне войти?

С этими словами он вошел в комнату, потупив глаза. Губы его были страшно бледны, а в руках он что-то прятал за спиной.

— Я увидел огонь в щель вашей двери, — продолжал он, не поднимая глаз и не отнимая рук из-за спины. — Я знаю, какое беспокойство не дает вам спать. Вы уезжаете завтра утром, и вам неприятно оставить мистера Армадэля.

Как мистер Брок ни был изумлен, он увидел серьезную необходимость объясниться откровенно с человеком, который пришел к нему в такое время, и сказал ему следующие слова.

— Вы угадали, — отвечал он, — я занимаю место отца Аллэну Армадэлю и, естественно, не желаю оставить Аллэна в его лета с человеком, неизвестным мне.

Озайяз Мидуинтер сделал шаг к столу. Его блуждающие глаза остановились на Новом Завете, лежавшем на столе.

— Вы много лет читали эту книгу вашим прихожанам, — сказал он. — Научила ли она вас милосердию к вашим несчастным ближним?

Не ожидая ответа, он первый раз взглянул в лицо мистеру Броку и медленно выставил вперед свою руку.

— Прочтите это, — сказал он. — И ради Христа пожалейте обо мне, когда узнаете, кто я.

Он положил на стол письмо в несколько листов. Это было то самое письмо, которое Ниль отправил на почту в Вильдбаде девятнадцать лет назад.

Глава II. ЧЕЛОВЕК РАСКРЫЛСЯ

Влажный, холодный воздух наступающего рассвета врывается в открытое окно, когда Брок дочитал последние строчки признания. Он молча положил письмо, не поднимая глаз. Первый удар открытия поразил его душу, потом все прошло. В его лета и с его привычкой к размышлению в голове не могло вдруг уместиться все открытие, потрясшее его. Сердце Брока, когда он закрыл рукопись, обратилось к воспоминанию о женщине, которая была любимым другом его недавней и более счастливой жизни. Все его мысли были устремлены на печальную тайну ее измены родному отцу, обнаружившуюся в этом письме.

Ректора отвлекло от собственного огорчения сотрясение стола, у которого он сидел, от тяжело положенной на этот стол руки. Он заставил себя успокоиться и поднял глаза.

Перед ним в смешанном свете желтого огня свечи и слабого серого рассвета молча стоял наследник рокового имени Армадэля.

Брок задрожал, представив себе ужас настоящего и еще более мрачные перспективы будущего. Все это пронеслось в уме при виде лица этого человека. Этот человек понял мысли ректора и заговорил первым.

— Разве преступление моего отца смотрит на вас из моих глаз? — спросил он. — Разве призрак утопленного последовал за мной в эту комнату?

Страдание и волнение, сдерживаемые им, потрясли его руку, лежавшую еще на столе, и прервали голос до такой степени, что он понизился до шепота.

— Я не имею желания обращаться с вами иначе, как того требуют справедливость и доброта, — отвечал Брок. Будьте и вы ко мне справедливы и поверьте, что я не способен к жестокости требовать от вас ответственности за преступление вашего отца.

Этот ответ, по-видимому, успокоил Мидуинтера. Он молча потупил голову и взял письмо со стола.

— Вы все прочли? — спросил он спокойно.

— Каждое слово, от начала до конца.

— Поступил ли я откровенно с вами? Сделал ли Озайяз Мидуинтер...

— Вы все еще называете себя этим именем, — перебил Брок. — Теперь, когда ваше настоящее имя известно мне?

— С тех пор как я прочел признания моего отца, — было ответом, — я люблю мое безобразное имя еще более прежнего. Позвольте мне повторить вопрос, который я хотел предложить вам: сделал ли Озайяз Мидуинтер все, что мог, для того чтобы сообщить мистеру Броку все, что нужно было ему знать?

Ректор уклонился от прямого ответа.

— Немногие в вашем положении, — сказал он, — имели бы мужество показать мне это письмо.

— Не слишком полагайтесь, сэр, на бродягу, которого вы встретили в гостинице, до тех пор, пока не узнаете о нем подробнее, чем знали до сих пор. Вы узнали тайну моего происхождения, но вам еще не известна история моей жизни. Вы должны узнать ее и узнаете, прежде чем оставите меня одного с мистером Армадэлем. Угодно вам подождать и отдохнуть немного или я должен рассказывать вам теперь?

— Теперь, — отвечал Брок, все еще так же мало, как прежде, понимавший настоящий характер человека, находившегося перед ним.

Все, что Озайяз Мидуинтер делал, было против него. Он выражался равнодушным, почти дерзким тоном, который оттолкнул бы сочувствие всякого человека, слушавшего его. Вместо того чтобы разместиться у стола и прямо рассказывать свою историю ректору, он молча и нелюбезно отошел к окну, сел, отвернувшись, и машинально перевертывал листы письма своего отца, пока дошел до последнего. Устремив глаза на окончательные строчки рукописи, со странной смесью грусти и небрежности в голосе он начал обещанный рассказ в следующих словах.

— Вы узнали обо мне прежде всего из признаний моего отца. Он упоминает, что я был ребенком, спящим на его груди, когда он проговорил последние слова на этом свете и когда рука постороннего написала их под его диктовку у его смертного одра. Имя этого постороннего, как вы, может быть, заметили на конверте, Александр Ниль, чиновник при королевской печати в Эдинбурге. Первые

воспоминания мои относятся к Александру Нилю, побившему меня хлыстом (наверно, я это заслужил) в качестве моего отчима.

— Разве вы не помните вашу мать в то же время? — спросил Брок.

— Да, я помню, что она переделывала для меня поношенное старое платье, а для детей от второго мужа покупала прекрасные новые платья. Я помню, что слуги насмехались над моим старым платьем, а отчим опять побил меня хлыстом за то, что я рассердился и разорвал мои изношенные платья. Мои следующие воспоминания переносятся на два года позже. Я помню, что меня заперли в чулан на хлеб и на воду и что я удивлялся, отчего отчим мой и мать ненавидят меня. Я только вчера решил этот вопрос и разгадал тайну, когда письмо моего отца было мне отдано. Мать моя и отчим знали, что случилось на французском корабле, производившем торг строевым лесом, и обоим хорошо было известно, что постыдная тайна, которую им хотелось бы скрыть от всех на свете, со временем будет открыта мне. Помешать этому не было никакой возможности — признание находилось в руках душеприказчика, и я, несчастный мальчик, с африканской смуглостью моей матери на лице, с убийственными страстями отца моего в сердце, был наследником их тайны, вопреки всем их желаниям скрыть ее от меня! Я не удивляюсь, зачем меня били хлыстом, одевали в старое платье, сажали на хлеб и на воду в чулан — это были все наказания естественные, сэр, которыми ребенок начинал уже расплачиваться за преступление своего отца.

Брок посмотрел на смуглое лицо, все еще упорно отворачивавшееся от него, и спросил себя: «Что это? Совершенная ли нечувствительность бродяги, или отчаяние несчастного?»

— Следующие мои воспоминания относятся к школе, — продолжал молодой человек, — самой дешевой школе в дальнем уголке Шотландии. Меня отдали туда с самой дурной рекомендацией. Избавляю вас от рассказа о том, как учитель колотил меня в классе, а мальчики били во время игры. Наверно, в моем характере была врожденная неблагодарность — по крайней мере я убежал. Первый человек, встретивший меня, спросил, как меня зовут. Я был слишком молод и слишком глуп для того, чтобы понять, как было важно для меня скрыть мое имя, и разумеется, меня в тот же вечер отвели в школу. Последствия научили меня уроку, которого я с тех пор не

забывал. Два дня спустя, как настоящий бродяга, я убежал во второй раз. Дворовой собаке, вероятно, были даны инструкции: она остановила меня, прежде чем я успел выбежать из ворот. Вот ее знак, между прочим, на моей руке. Знаки ее хозяина я показать вам не могу — они все на моей спине. Можете ли вы поверить моему злему упрямству? Во мне сидел демон, которого никакая собака не могла выгнать. Я опять убежал, как только встал с постели, и на этот раз убежал совсем. Ночью я очутился в степи. Карман у меня был набит овсяной мукой из школы. Я лег на прекрасный мягкий вереск под большой серой скалой. Вы думаете, что я чувствовал свое одиночество? Нет! Я убежал от палки моего учителя, от пинков моих товарищей, от моей матери, от моего отчима, и, лежа в эту ночь под дружелюбной скалой, я чувствовал себя счастливейшим мальчиком во всей Шотландии.

Сквозь несчастное детство, рассказ о котором потряс ректора, начали просматриваться обстоятельства, которые вынудили мистера Брока начать постепенно уяснять, как мало было странного, как мало было непонятного в характере человека, говорившего теперь с ним.

— Я крепко заснул, — продолжал Мидуинтер, — под моей дружелюбной скалой. Когда я проснулся утром, я увидел дородного старика со скрипкой, сидевшего возле меня с одной стороны, и двух пляшущих собак в красных курточках — с другой. Опытность научила меня не говорить правды, когда этот человек задавал мне первые вопросы. Он настаивал, он дал мне позавтракать из своей сумки и позволил побегать с собаками.

— Я вот что скажу вам, — проговорил он, когда добился моего признания таким способом, — вам нужны три вещи, мой милый: вам нужен новый отец, новая семья, новое имя. Я буду вашим отцом, эти собаки будут ваши братья, а если вы обещаете мне хорошенько беречь мое имя, я дам вам его в придачу. Озайяз Мидуинтер-младший, вы хорошо позавтракали. Если вы хотите хорошо пообедать, пойдите со мной.

Он встал, собаки побежали за ним, а я побежал за собаками. Вы спросите: кто был мой новый отец? Полуцыган, сэр, пьяница, злодей и вор — и мой лучший друг! Разве не друг вам тот человек, который дает вам пищу, приют и воспитание? Озайяз Мидуинтер научил меня танцевать шотландский танец, кувыркаться, ходить на ходулях и петь

под его скрипку. Иногда мы странствовали и давали представления на ярмарках, иногда мы бывали в больших городах и восхищали компанию низкого разряда в тавернах. Я был премилый, превеселый одиннадцатилетний мальчик, и компания низкого разряда, особенно женщины, пристрастилась ко мне и к моим проворным ножкам. Я имел такие бродяжнические наклонности, что мне нравилась эта жизнь. Я жил, ел, пил и спал с собаками. Я не могу подумать равнодушно об этих бедных маленьких четвероногих моих братьях даже теперь. Много побоев досталось нам всем троим, много тяжелых дней отплясывали мы вместе, много ночей ночевали мы вместе на холодных холмах! Я не стараюсь огорчить вас, сэр, я только говорю вам правду. Эта жизнь, со всеми своими неприятностями, была по мне, и я любил цыгана, давшего мне свое имя, несмотря на то, что он был злодей.

— Вы любили человека, который вас бил! — с удивлением воскликнул Брок.

— Разве я не сказал вам, сэр, что я жил с собаками? Разве вы не слышали, что, чем хозяин больше бьет собаку, тем больше она любит его? Сотни несчастных мужчин, женщин и детей любили бы этого человека, как я его любил, если бы он всегда давал им то, что давал мне — изобильную пищу. Она была краденая по большей части, и мой новый цыган-отец был на нее щедр. Он редко бил нас, когда был трезв, но его забавлял наш вой, когда он был пьян. Он умер от пьянства и до последнего дыхания наслаждался своим любимым удовольствием. Однажды (я служил ему уже два года), накормив нас хорошим обедом в степи, он сел, прислонившись спиной к камню, и подозвал нас, чтобы доставить себе забаву — отколотить нас палкой. Сначала он заставил визжать собак, а потом подозвал меня. Я подошел весьма неохотно — он напился больше обыкновенного, а чем более он пил, тем больше ему нравилась послеобеденная забава. В этот день он был очень весел и ударил меня так сильно, что сам повалился от силы своего собственного удара. Он упал лицом в лужу и лежал там без движения. Я с собаками стоял поодаль и смотрел на него. Мы думали, что он притворяется, чтобы приманить нас ближе и отколотить опять. Он так долго притворялся, что мы наконец осмелились подойти к нему. Я долго не мог перевернуть его — он был тяжел. Когда я повернул его на спину, он был мертв. Мы кричали изо всех сил, но

собаки были малы и я был мал, а место уединенное: никто не пришел к нам на помощь. Я взял его скрипку и его палку, я сказал моим братьям: «Пойдемте! Мы теперь должны сами зарабатывать себе пропитание». И мы ушли с тяжелым сердцем и оставили его в степи. Как ни неестественно вам это может показаться, мне было жаль его. Я сохранил его безобразное имя во всех моих последующих странствованиях, а во мне осталось еще так много прежних наклонностей, что мне даже нравится звук этого имени. Мидуинтер или Армадэль — оставим пока мое имя, мы после поговорим о нем. Прежде вам нужно узнать обо мне самое худшее.

— Почему же не самое лучшее? — кротко спросил Брок.

— Благодарю вас, сэр, но я пришел сюда сказать правду. Мы перейдем, если вы позволите, к следующей главе в моей истории. После смерти нашего хозяина собакам и мне не посчастливилось. Я лишился одного из моих маленьких братьев — самого искусного плясуна. Его украли, и я нигде не мог отыскать его. Скрипку и ходули отнял у меня потом силой какой-то бродяга, который был сильнее меня. Эти несчастья сблизили Томми и меня — извините, сэр, я говорю о собаке — более прежнего. Я думаю, мы имели какое-то смутное предчувствие, что наши несчастья еще не кончились. Как бы то ни было, мы очень скоро расстались навсегда. Никто из нас не был вором (наш хозяин учил нас только плясать), но, несмотря на это, мы оба сделали набег на чужую собственность. Молодые существа, даже когда они умирают с голода, не могут устоять от желания побегать иногда в хорошую погоду. Мы с Томми не могли устоять от желания побегать на плантации одного джентльмена. Джентльмен берег свою дичь, а его лесничий знал свою обязанность. Я услышал ружейный выстрел — вы можете угадать остальное. Сохрани меня боже от несчастья еще когда-нибудь почувствовать такое огорчение, какое почувствовал я, когда поднял Томми мертвого и окровавленного! Лесничий хотел разлучить нас, я укусил его, как дикий зверь. Он ударил меня палкой, он мог точно так же пробовать ее удары на дереве. Этот шум услышали молодые девицы, ехавшие верхом мимо, — дочери того джентльмена, в поместье которого я забрался. Они были слишком хорошо воспитаны для того, чтобы возмутиться против священного права сохранять дичь, но это были девушки добрые, им стало жаль меня, и они взяли меня домой. Я помню, как

все мужчины — все записные охотники — громко расхохотались, когда я шел мимо окон со слезами, держа на руках мою мертвую собачку. Не думайте, что я жалуясь на их смех. Он оказал мне большую услугу: он возбудил негодование обеих девиц. Одна из них повела меня в сад и показала мне место, где я мог похоронить мою собачку, под цветами, с полной уверенностью, что ничья рука не потревожит ее. Другая девица пошла к отцу и уговорила его приютить маленького бродягу в доме помощником одного из слуг. Да, вы ехали на яхте с человеком, который когда-то был лакеем. Я видел, как вы смотрели на меня, когда я забавлял мистера Армадэля, накрывая на стол. Теперь вы знаете, почему я умею накрыть так искусно и не забываю ничего — мне посчастливилось видеть хороший свет, я помогал наполнять желудки и чистить сапоги. Жил я в людской недолго. Прежде чем я износил мою первую ливрею, в доме произошел скандал. Это была старая история, нечего рассказывать ее в сотый раз. На столе были оставлены деньги, они пропали. У всех слуг были аттестаты, кроме мальчика, который был взят так опрометчиво. Ну, мне «посчастливилось» в этом доме до конца: меня не преследовали за похищение того, до чего я не только не дотрагивался, но чего я даже не видел, — меня только выгнали. В одно утро отправился я в моем старом платье на могилу, в которой я похоронил Томми. Я поцеловал это место, я простился с моей умершей собачкой и очутился опять один на свете в зрелом тринадцатилетнем возрасте.

— В этом одиночестве и в таких нежных летах разве в голове вашей не промелькнула мысль возвратиться домой? — спросил Брок.

— Я в эту же самую ночь возвратился домой — я ночевал на горе. Какой другой был у меня дом? Дня через два я возвратился в большие города, в дурную компанию: сельская местность казалась теперь так пустынна для меня, когда я лишился собак! Меня скоро завербовали два моряка. Я был мальчик проворный, и меня сделали кают-юнгой на каботажном судне. Грязна койка кают-юнги, кормят его остатками, заставляют работать как взрослого, а уж как больно бьют! Корабль вошел в пристань на Гебридских островах. Я, по обыкновению, поступил неблагородно с моими благодетелями — опять убежал. Меня нашли какие-то женщины, полумертвого от голода, в северных пустынях острова Скай. Это было близ берега, и мне пришлось жить у

рыбаков. Мои новые хозяева меньше меня били, но зато приходилось мне терпеть и ветры, и непогоды, а работа была такая тяжелая, что могла бы убить мальчика не такого привычного, как я. Я все переносил, пока зима не наступила. Тогда рыбаки выгнали меня. Я их не порицаю: пищи было мало, а желудков много. Когда голод угрожал всей общине, зачем было держать мальчика, не принадлежавшего им? Большой город оставался моим единственным прибежищем в зимнее время. Я отправился в Глазго и чуть было не попал в львиную пасть. Я караулил пустую телегу в Брумилау, когда услышал голос моего отчима на тротуаре возле той лошади, около которой я стоял. Он встретился с каким-то знакомым, и, к моему ужасу и удивлению, они разговаривали обо мне. Спрятавшись за лошадью, я узнал из их разговора, что меня чуть было не захватили как раз перед моим поступлением на каботажное судно. В то время я сошелся с другим бродягой одних со мною лет, мы поссорились и разошлись. На другой день отчим мой разузнавал в этом самом округе. Он не решался (потому что не мог добиться описания примет ни одного из нас), за которым из двух мальчиков должен он гнаться. Ему сказали, что одного из них звали Браун, а другого Мидуинтер. Браун было именно такое обыкновенное имя, которое мог принять хитрый беглец, а Мидуинтер, напротив, было такое замечательное имя, которого всякий беглец должен был избегать. Погоня была направлена за Брауном, и это дало мне возможность убежать. После этого вы легко можете себе представить, решился ли я сохранить имя моего хозяина-цыгана. Но мое намерение не остановилось на этом, я решился совсем оставить мое отечество. Дня два разузнавал я об отходящих кораблях. Узнал, который идет прежде, и спрятался на нем. Голод вынуждал меня выйти из моего убежища, прежде чем лоцман уехал, но голод не был для меня новостью, и я оставался там. Лоцман уехал с корабля, тогда я явился на палубу, и ничего более не оставалось, как оставить меня или бросить за борт. Капитан сказал — я не сомневаюсь в справедливости его слов, — что он предпочел бы бросить меня за борт, но закон иногда стоит даже за такого бродягу, как я. Таким образом я вернулся к жизни моряка. На корабле я научился настолько, что мог быть ловок и полезен, как вы заметили, на яхте мистера Армадэля. Я ходил несколько раз на кораблях в разные части света и, может быть, на всю жизнь остался бы моряком, если бы мог сдерживать мой характер,

несмотря на раздражения, каким подвергали его. Я научился многому. Заключительную часть моего последнего путешествия в Бристольскую гавань я сделал в кандалах и попал в тюрьму в первый раз в жизни по обвинению в непослушании одному из офицеров. Вы слушали меня с необыкновенным терпением, сэр, и я с радостью могу сказать вам, что мы теперь недалеко от конца моего рассказа. Вы нашли книги, сколько мне помнится, когда рассматривали мою поклажу в сомерсетширской гостинице.

Брок отвечал утвердительно.

— Эти книги отмечают следующую перемену в моей жизни, и последнюю, прежде чем я занял место учителя в школе. Мое заключение было непродолжительно. Может быть, моя юность защитила меня, может быть, бристольские судьи приняли во внимание то время, которое я провел в кандалах на корабле. Как бы то ни было, мне только что минуло семнадцать лет, когда я опять очутился один на свете. У меня не было друзей, которые приняли бы меня, мне некуда было идти. Жизнь моряка после того, что случилось, казалась мне отвратительна. Я стоял в толпе на мосту в Бристоле, спрашивая себя, что теперь делать с моей свободой, когда она была мне возвращена. Изменился ли я в тюрьме или я чувствовал перемену в характере, наступающую с возмужалостью, не знаю, но прежняя способность к наслаждению бродяжнической жизнью совсем исчезла из моей натуры. Ужасное чувство одиночества преследовало меня, когда я ходил по Бристолю, ужасаясь тихих окрестностей после сумерек. Я смотрел на огни, мелькавшие в окнах, с жалкой завистью к счастливым людям, жившим в этих домах. В то время добрый совет значил бы для меня что-нибудь. Я и получил его. Полисмен посоветовал мне идти дальше. Он был совершенно прав. Что другое мог я сделать? Я взглянул на небо, и там сияла моя старая приятельница многих бессонных ночей, проведенных на море, — северная звезда.

«Все страны на свете равны для меня, пойду в твою сторону!» — думал я.

Но даже и звезда не хотела сопутствовать мне в этот вечер: она зашла за тучу и оставила меня одного на дожде и в темноте. Я пробрался под навес, заснул, и мне привиделось былое — как я служил моему цыгану-хозяину и жил с собаками. Боже! Чего не дал

бы я, проснувшись, чтобы почувствовать холодную мордочку Томми на моей руке! Зачем не спешу к концу? Вы не должны поощрять меня, сэр, слушая терпеливо. Постранствовав еще неделю, не имея никаких надежд в будущем, которые могли бы поддержать меня, я очутился на улицах Шрюсбюри и смотрел на окно книжной лавки. К двери подошел старик, осмотрелся вокруг и увидел меня.

«Хотите поработать? — спросил он. — Согласитесь ли взять дешево?» Надежда иметь какое-нибудь дело и сказать хоть слово человеческому существу показалась мне заманчивой, и я за шиллинг исполнял целый день грязную работу в кладовой книгопродавца. Я получил еще работу за ту же цену. Через неделю мне поручили уже мести лавку, закрывать ставни, потом стали поручать относить книги. Когда настал день расплаты и приказчик уволился, я занял его место. Удивительное счастье, скажете вы. Я наконец нашел друга. Я нашел самого безжалостного скрягу в Англии, и мне удалось попасть на это место только потому, что я брал дешевле всех. Работу в кладовой не брал за эту цену никто в городе, а я исполнил ее. Носильщик получал свое еженедельное жалованье, жалуясь каждую неделю. Я взял двумя шиллингами дешевле и не жаловался. Приказчик отказался по той причине, что он получает дурную пищу и дурную плату. Я получал половину его жалованья и был рад иметь то, чем он пренебрегал. Никогда два человека не сходились так хорошо друг с другом, как этот книгопродавец и я. Его единственной целью в жизни было найти кого-нибудь, кто работал бы для него за самое малое жалованье. Моей единственной целью было найти кого-нибудь, кто дал бы мне приют. Не имея никакой взаимной симпатии, ни малейшего признака какого бы то ни было чувства, неприязненного или дружелюбного, которое возродилось бы между нами, не желая друг другу спокойной ночи, когда мы расходились на лестнице, или доброго утра, когда мы встречались за прилавком, мы жили одни в этом доме, чужие друг другу от начала до конца, в продолжение двух лет. Печальная жизнь для юноши моих лет — не так ли? Вы — пастор и ученый, вы, наверно, можете угадать, что делало эту жизнь сносной для меня?

Брок вспомнил истертые книги, найденные в мешке учителя.

— Книги делали для вас сносной эту жизнь, — сказал он.

Глаза отверженника сверкнули новым блеском.

— Да, — сказал он, — книги великодушные друзья, встречавшие меня без подозрения, сострадательные хозяева, никогда не обращавшиеся дурно со мной! Единственные годы моей жизни, на которые я могу оглядываться с некоторой гордостью, те, которые я провел в доме скряги. Единственное чистое удовольствие, когда-либо вкушенное мной, нашел я на полках скряги. Рано и поздно в продолжительные зимние ночи и спокойные летние дни пил я из источника знаний, и никогда он не надоедал мне. Покупателей было мало, книги были по большей части серьезные и ученые. На мне не лежало никакой ответственности — счета все вел сам хозяин, и через мои руки шли небольшие суммы. Он скоро увидел, что на мою честность и на мое терпение положиться можно, как бы он ни обращался со мной. То, что я узнал о его характере со своей стороны, увеличило расстояние между нами до последних границ. Он тайно принимал опиум, он тратился на это, хотя во всем другом был скрягой. Он никогда не сознавался в своей слабости, а я никогда не говорил ему, что я заметил ее. Он имел свое удовольствие отдельно от меня, а я имел мое удовольствие отдельно от него. Неделю за неделей, месяц за месяцем сидели мы, не говоря друг другу дружеского слова, я — один с моей книгой на прилавке, он — один с своими счетами в комнате за лавкой, тускло виднеясь мне сквозь грязное стекло двери, иногда пристально смотря на цифры, иногда неподвижно остававшийся по целым часам в экстазе опьянения. Время проходило и не оставляло на нас следов. Прошли годы и не изменили нас. В одно утро при наступлении третьего года хозяин мой не вышел по обыкновению, чтоб дать мне завтрак. Я пошел вверх и нашел его больным в постели. Он не хотел доверить мне ключи от шкапа и не позволял послать за доктором. Я купил хлеба и воротился к моим книгам, так же мало сожалея о нем (я откровенно признаюсь в этом), как мало сожалел бы он обо мне при подобных обстоятельствах. Часа два спустя чтение мое было прервано приходом одного из наших покупателей, отставного доктора. Он пошел вверх. Я рад был отвязаться от него и вернулся к моим книгам. Он спустился и опять помешал мне.

«Я не очень вас люблю, мой милый, — сказал он, — но я считаю своей обязанностью сказать вам, что вам скоро придется искать себе другое место. Вас не очень любят в городе, и вам, может быть, будет

довольно трудно найти новое место. Достаньте от вашего хозяина аттестат, пока еще не поздно». Он говорил со мной холодно. Я также холодно поблагодарил его и в тот же день получил свой аттестат. Вы думаете, что мой хозяин дал мне его даром? Не такой был он человек! Он торговался со мной на своем смертном одре. Он оставался мне должен жалованья за целый месяц, и он не хотел написать мне аттестат до тех пор, пока я не обещал простить ему долг. Три дня спустя он умер, насладившись последним счастьем, что ему удалось обчесть своего приказчика.

«Ага! — шепнул он, когда доктор формально позвал меня проститься с ним. — Я достал тебя дешево!» Так ли жестока была палка Озайяза Мидуинтера, как эти слова? Не думаю. Ну вот, я опять очутился один на свете, но с лучшими надеждами на этот раз. Я научился читать по-латыни, по-немецки и по-гречески, и у меня был аттестат. Все оказалось бесполезно. Доктор был совершенно прав: меня не любили в городе. Низкий класс народа презирал меня за то, что я продал свои услуги скряге за скряжническую цену, на лучший же класс я произвел (Бог знает каким образом) то впечатление, что производил на всех, исключая мистера Армадэля, — неприятное впечатление с первого взгляда. Я не мог поправить этого впоследствии, и в порядочной части общества для меня не оставалось никакой надежды. Весьма вероятно, что я истратил бы всю небольшую сумму, накопленную в два года, если бы не явилось в одной местной газете объявление, по которому приглашался школьный учитель. Ничтожное жалованье поощрило меня искать это место, и я получил его. Как мне это удалось и что было со мной потом, мне не нужно говорить вам. Нить моей истории вся размотана. Моя бродяжническая жизнь лишилась своей таинственности, и вы все узнали обо мне, наконец.

Минутное молчание последовало за этими словами. Мидуинтер отошел от окна к столу с письмом из Вильбада в руках.

— Признание моего отца сказало вам, кто я, а мое признание объяснило вам, какова была моя жизнь, — обратился Мидуинтер к Броку, не садясь на стул, на который ректор указывал. — Я обещал откровенно объясниться, когда просил позволения войти в эту комнату. Сдержал ли я слово?

— В этом невозможно сомневаться, — отвечал Брок. — Вы получили право на мое доверие и мое сочувствие. Я был бы человеком бессердечным, если бы, зная ваше детство и вашу юность, не испытывал расположения к другу Аллена.

— Благодарю вас, сэр, — сказал Мидуинтер просто и серьезно.

Он сел напротив Брока у стола в первый раз.

— Через несколько часов вы уедете отсюда, — продолжал он. — Если я могу помочь вам уехать отсюда с спокойной душой, я это сделаю. Мы сказали еще не все. Мои будущие отношения с мистером Армадэлем еще не решены, и серьезный вопрос, возбужденный письмом моего отца, еще никто из нас не обсудил.

Он остановился и посмотрел с минутным нетерпением на свечу, еще горевшую на столе при утреннем свете. Усилие, чтобы говорить спокойно и стоически скрывать свои чувства, очевидно, становилось все труднее для него.

— Может быть, я помогу вашей решимости, — продолжал он, — если скажу вам, как я решился действовать относительно мистера Армадэля по поводу сходства наших имен, когда я в первый раз прочел это письмо и настолько успокоился, что был в состоянии подумать.

Он замолчал и бросил опять нетерпеливый взгляд на зажженную свечу.

— Вы извините странную прихоть странного человека? — спросил он со слабой улыбкой. — Мне хотелось бы задуть эту свечу, мне хотелось бы говорить о новом предмете при новом свете.

Он задул свечу, и первые лучи рассвета осветили комнату.

— Я должен опять просить вашего терпения, — продолжал он, — если возвращусь на минуту к себе и к моим обстоятельствам. Я уже сказал вам, что мой отчим старался найти меня через несколько лет после того, как я убежал из шотландской школы. Он сделал этот шаг не вследствие своего беспокойства обо мне, а просто как агент душеприказчика моего отца. В силу данного им распоряжения они должны были продать поместье в Барбадосе во время освобождения невольников и разорения Вест-Индского имения за сколько можно было его продать. Из капитала обязаны были отложить сумму на мое ежегодное воспитание. Эта ответственность принудила их употребить усилие, чтобы отыскать меня, усилие бесполезное, как вам уже

известно. Несколько позже, как я впоследствии узнал, в газетах было напечатано объявление, которого я никогда не видел. Еще позже, когда мне минул двадцать один год, явилось второе объявление, которое я видел, предлагавшее награду за доказательство моей смерти. Если бы я был жив, я имел право по совершеннолетию получить половину из капитала, вырученного от продажи поместья, если бы я умер, деньги переходили к моей матери. Я отправился к нотариусам и услышал от них то, что я сейчас сказал вам. После некоторых затруднений доказать мою личность — а после свидания с моим отчимом, который передал мне поручение моей матери, увеличившее безнадежно наше прежнее отчуждение, — мои права были признаны, и капитал укреплен за мной под моим настоящим именем.

Брок подвинулся к столу. Он теперь видел, к какой цели стремился говоривший.

— Два раза в год, — продолжал Мидуинтер, — я должен подписывать свое имя для того, чтобы получить мой доход. Во всякое другое время и при всяких других обстоятельствах я могу скрыть мою личность, под каким именем я хочу. Мистер Армадэль узнал меня в первый раз как Озайяза Мидуинтера, и до самой смерти он будет знать меня под этим именем. Каков бы ни был результат этого свидания, лишусь я вашего доверия или приобрету его, вы можете быть уверены в том, что ваш воспитанник никогда не узнает страшной тайны, вверенной мной вам. В этом намерении нет ничего необыкновенного — вам уже известно, что носить чужое имя для меня не составляет никакой жертвы. В моем поведении нет ничего похвального, оно естественно происходит от признательности благородного человека. Переберите в уме эти обстоятельства, сэр, и отложите в сторону мое отвращение обнаружить их мистеру Армадэлю. Если когда-нибудь придется рассказать историю имен, ее нельзя будет ограничить только открытием преступления моего отца, необходимо тогда обратиться к истории замужества миссис Армадэль. Я слышал, как ее сын говорил о ней, я знаю, как он любит ее память. Бог мне свидетель, что через меня он никогда не будет любить ее менее!

Как ни просто были сказаны эти слова, они возбудили самое глубокое сочувствие в натуре ректора: они возвратили его мысли к смертному одру миссис Армадэль. Перед Брокком сидел человек,

против которого она предостерегала его ради интересов своего сына, а этот человек по собственной своей воле наложил на себя обязательство уважать ее тайну ради ее сына! Воспоминание о своих прошлых усилиях уничтожить ту дружбу, из которой возникло это намерение, угнетало Брока. В первый раз он протянул руку Мидуинтеру.

— От имени ее сына я благодарю вас, — сказал он с жаром.

Мидуинтер ничего не ответил, а положил на стол перед Броком раскрытое письмо своего отца.

— Я, думаю, сказал все, что предписывал мне долг, — начал он, — прежде чем мы начнем делать соображения относительно этого письма. То, что могло показаться вам странным в моем поведении с вами и с мистером Армадэлем, теперь может объясниться само собой. Вы легко можете сообразить, какое любопытство и удивление почувствовал я, не зная тогда правды, когда звук имени мистера Армадэля изумил меня, как отголосок моего собственного имени. Вы легко поймете теперь, что я не решался сказать ему, что я его соименник, потому только, что боялся уронить себя, — в вашем мнении, если не в его, — признавшись, что я явился к вам под чужим именем. После того, что вы теперь слышали о моей бродяжнической жизни и о том низком обществе, в котором мне приходилось жить, вы не станете удивляться, почему я сохранял о себе такое упорное молчание в то время, когда я не чувствовал ответственности, которую признание моего отца наложило на меня. Мы можем вернуться к этим личным объяснениям в другое время, если вам угодно. Они не должны отвлекать нас от важнейших интересов, которые мы должны решить, прежде чем вы уедете отсюда. Теперь мы можем приступить...

Голос его ослабел, и он вдруг повернулся к окну, чтобы скрыть свое лицо от ректора.

— Мы теперь можем перейти, — повторил он, и рука его заметно дрожала, когда он держал листок, — к убийству на корабле, производившем торговлю строевым лесом, и к предостережению, данному мне из могилы моим отцом.

Тихо, как бы боясь разбудить Аллэна, спавшего в смежной комнате, прочел он ужасные слова, написанные шотландцем в Вильдбаде по мере того, как они выходили из уст его отца:

— «Избегай вдовы человека, которого я убил, если эта вдова еще жива; избегай девушки, злодейская рука которой устранила препятствия к этому браку, если эта девушка находится еще у нее в услужении; а более всего избегай человека, который носит одно имя с тобою. Ослушайся лучшего твоего благодетеля, если его влияние захочет сблизить тебя с ним. Брось женщину, которая любит тебя, если эта женщина будет служить связью между ним и тобою; скрывайся от него под чужим именем, поставь горы и моря между вами. Будь неблагодарен, будь мстителен, будь всем, что наиболее противно твоему кроткому характеру, чем жить под одной кровлей и дышать одним воздухом с этим человеком. Не допускай, чтобы оба Армадэля встретились на этом свете никогда, никогда! Никогда!»

Прочтя эти фразы, он оттолкнул от себя рукопись, не поднимая глаз. Скрытность, которую он несколько минут уже успел преодолеть, опять овладела им, опять глаза его блуждали по сторонам, опять голос его понизился. Посторонний, слышавший его историю и видевший его теперь, сказал бы: «Взгляд у него нечестный, обращение у него дурное. Он во всех отношениях достойный сын своего отца».

— Я должен задать вам еще вопрос, — заговорил Брок, в первый раз прервав молчание со своей стороны. — Зачем вы прочли это место в письме вашего отца?

— Для того, чтобы принудить себя сказать вам правду, — было ответом. — Вы должны знать, как много во мне отцовского, прежде чем вы допустите меня остаться другом мистера Армадэля. Я получил это письмо вчера утром. Какое-то предчувствие волновало меня, и я пошел к берегу моря, прежде чем распечатать письмо. Вы верите, что умершие могут возвращаться в мир, в котором они некогда жили? Я верю, что отец мой возвратился в этом ярком утреннем свете, сквозь блеск солнечных лучей и шум волн радостного моря и наблюдал, как я читал. Когда я дошел до слов, сейчас выслушанных вами, и когда я узнал, что именно то обстоятельство, которого он опасался перед смертью, действительно случилось, я почувствовал, как ужас, овладевший им в его последние минуты, овладевал мной. Я боролся с самим собой, как он желал этого. Я старался быть всем, что было наиболее противно моему кроткому характеру. Я старался думать безжалостно о том, чтобы поставить горы и моря между мной и человеком, который носит мое имя. Прошло несколько часов, прежде

чем я мог принудить себя возвратиться и подвергнуться риску встретить Аллэна Армадэля в этом доме. Когда он встретил меня вечером на лестнице, мне кажется, я взглянул ему в лицо, как мой отец глядел на его отца, когда дверь каюты затворилась между ними. Выводите какие вам угодно заключения, сэр. Скажите, если вы хотите, что отец мой оставил мне в наследство, между прочим, свою языческую веру в судьбу, я не стану этого оспаривать, я не стану опровергать, что весь вчерашний день я придерживался его суеверия. Настала ночь, а я еще не мог найти путь к более спокойным и светлым мыслям. Но наконец мне это удалось. Вы можете сказать в мою пользу то, что я наконец освободился от влияния этого ужасного письма. Знаете, что помогло мне?

— Ваш рассудок одержал верх?

— Я не могу рассуждать о том, что я чувствую.

— Вы успокоили вашу душу молитвой?

— Я не был в состоянии молиться.

— Однако что-нибудь привело же вас к лучшим чувствам и к настоящему взгляду на предмет?

— Привело.

— Что?

— Моя любовь к Аллэну Армадэлю.

Он бросил нерешительный, почти робкий взгляд на Брока, когда произнес эти слова, и вдруг, встав из-за стола, возвратился к окну.

— Разве я не имею права говорить о нем таким образом? — спросил он, скрывая свое лицо от ректора. — Разве я не знаю его довольно давно? Разве я не довольно уже сделал для него? Вспомните мою опытность разбираться в людях вообще, когда я в первый раз увидел его руку, протянутую мне, когда я в первый раз услышал его голос, говоривший со мной в той комнате, где лежал больной. В моем детстве я только и слышал, что чужая рука грозила мне или била меня. Его рука поправляла мое изголовье, трепала меня по плечу, подавала мне пищу и питье. Когда возмужал, я слышал голоса других людей, произносящие только насмешки, проклятия, шептавшиеся с гнусным недоверием. Его голос сказал мне: «Развеселитесь, Мидуинтер, мы скоро вас вылечим. Через неделю вы поправитесь настолько, что поедете со мной покататься по нашим сомерсетширским переулкам». Подумайте о палке цыгана, подумайте, как негодяи смеялись надо

мной, когда я проходил мимо их окон с моей умершей собачкой на руках. Подумайте о хозяине, который лишил меня жалованья за целый месяц на своем смертном одре, и спросите ваше собственное сердце: преувеличил ли жалкий несчастливец, с которым Аллэн Армадэль обошелся, как с равным и как с другом, когда сказал, что он любит его? Я люблю его! Это чувство обнаруживается во мне, я не могу его сдержать. Я люблю даже землю, по которой он ступает! Я отдал бы мою жизнь, да, жизнь, которая драгоценна для меня теперь, потому что его доброта сделала ее счастливой. Я говорю вам, что я отдал бы мою жизнь...

Слова замерли на его губах, истерические рыдания овладели им. Он протянул руку мистеру Броку с умоляющим движением, опустил голову и залился слезами.

Даже тут обнаружилась суровая дисциплина, которой научила этого человека жизнь. Он не ожидал сочувствия, он не рассчитывал на сострадательное уважение человека к человеческой слабости. Жестокая необходимость сдерживать себя не выходила из его мыслей, между тем как слезы лились по его щекам.

— Дайте мне одну минуту, — сказал он слабым голосом. — Я преодолею это сию минуту, я не стану расстраивать вас опять таким образом.

Верный своей решимости, он через минуту переборол себя и был в состоянии говорить спокойно.

— Мы вернемся, сэр, к тем лучшим мыслям, которые привели меня вчера, — продолжал он. — Я могу только повторить, что я никогда не освободился бы от влияния, которое произвело на меня это письмо, если бы я не любил Аллэна Армадэля со всей полнотой братской любви. Я сказал себе: «Если мысль расстаться с ним раздирает мне сердце, стало быть, эта мысль дурна!» Так я думал несколько часов тому назад, так я думаю и теперь. Я не могу поверить и не верю, чтобы дружба, возродившаяся только из доброты с одной стороны, только из признательности с другой, могла повести к дурному концу. Я не уменьшаю важности странных обстоятельств, сделавших нас соименниками, странных обстоятельств, которые свели нас и привязали друг к другу, странных обстоятельств, случившихся потом с каждым из нас отдельно — они все связываются между собой в моих мыслях, но они не устрашают меня. Я не верю, чтобы эти

обстоятельства произошли по определению судьбы для того, чтобы привести к дурному, я верю, что они случились по определению Господа для доброй цели. Будьте судьей, как священнослужитель, между умершим отцом, слова которого срываются теперь с его губ. Теперь, когда оба Аллэна Армадэля встретились во втором поколении, что я такое: орудие судьбы или провидения? Что предназначено мне сделать теперь, когда я дышу одним воздухом и живу под одной кровлей с сыном человека, убитого моим отцом? Продолжать ли преступление моего отца, нанося моему соименнику смертельный вред, или загладить преступление моего отца, посвятив ему всю мою жизнь? В силу этого лучшего побуждения я хочу решиться задать вам один простой вопрос, ради ответа на который я пришел сюда все рассказать. Ваш воспитанник стоит в начале своей новой карьеры в положении совершенно одиоком. Ему непременно нужен товарищ его лет, на которого он мог бы положиться. Наступило время, сэр, чтобы решить, могу я быть этим товарищем или нет. После всего, что вы слышали об Озайязе Мидуинтере, скажите мне прямо, позволяете ли вы ему остаться другом Аллэна Армадэля?

Брок отвечал на этот бесстрашно чистосердечный возрос с таким же бесстрашным чистосердечием:

— Я верю, что вы любите Аллэна, и верю, что вы сказали правду. На человека, который произвел на меня это впечатление, я обязан положиться. Я полагаюсь на вас.

Мидуинтер вскочил, его смуглое лицо покрылось густым румянцем. Глаза его наконец твердо и ясно остановились на лице ректора.

— Огня! — воскликнул он, отрывая страницы отцовского письма одну от другой. — Уничтожим последнюю связь, соединяющую нас с ужасным прошлым! Пусть мы увидим, что это признание превратится в груды пепла, прежде чем мы расстанемся.

— Подождите! — сказал Брок. — Прежде чем мы сожжем это письмо, мы должны еще раз пересмотреть его.

Оторванные листки рукописи выпали из рук Мидуинтера, Брок старательно подобрал их до последней страницы.

— Я смотрю на суеверие вашего отца совершенно так, как вы, — сказал ректор. — Но он дал вам одно предостережение, которым вам не следует пренебрегать (и для Аллэна, и для вас самих). Последняя

связь с прошлым не будет уничтожена, когда вы сожжете эти листки. Одно из действующих лиц этой вероломной и убийственной истории еще не умерло. Прочтите эти слова.

Он подвинул листок через стол, указывая пальцем на одну фразу. Волнение Мидуинтера сбило его с толку. Он обратил внимание не на ту фразу и прочел:

— «Избегай вдовы человека, которого я убил, если эта вдова еще жива».

— Не эту фразу, — сказал ректор, — а следующую. Мидуинтер прочел:

— «Избегай девушки, злодейская рука которой устранила препятствия к этому браку, если эта девушка находится еще у нее в услужении».

— Служанка и госпожа расстались, — сказал Брок, — по время замужества госпожи. Служанка и госпожа опять встретились в доме миссис Армадэль в Сомерсетшире в прошлом году. Я встретил сам эту женщину в деревне и знаю, что ее посещение ускорило смерть миссис Армадэль. Подождите несколько и успокойтесь, я вижу, что я испугал вас.

Мидуинтер подождал, как ему было сказано, румянец его сменился сероватой бледностью, а блеск светлых Карих глаз медленно исчезал. Слова ректора произвели на него очень сильное впечатление, на его лице виднелось более чем сомнение, виднелся испуг, в то время как он сидел, погружившись в свои мысли. Не возобновилась ли уже борьба прошлой ночи? Не почувствовал ли он, что ужас наследственного суеверия опять овладевает им?

— Вы можете помочь мне остерегаться ее? — спросил он после продолжительного молчания. — Можете вы сказать мне ее имя?

— Я могу только сказать вам, что миссис Армадэль сказала мне, — отвечал Брок. — Эта женщина призналась, что она вышла замуж в тот продолжительный промежуток, который прошел после ее разлуки с госпожой, но она не сказала ни слова о своей прошлой жизни. Она пришла к миссис Армадэль просить денег, получила их и ушла из тома, положительно отказавшись, когда ее спросили об этом, сказать свое замужнее имя.

— Вы видели ее в деревне. Какой она наружности?

— Она не поднимала вуали. Я не могу вам сказать.

— Вы можете сказать мне, что вы видели?

— Конечно. Я видел, когда она подошла ко мне, что ее походка очень грациозна, что у нее прекрасная фигура и что она несколько выше среднего роста. Я заметил, когда она спрашивала у меня дорогу к миссис Армадэль, что обращение ее было благородное, а голос замечательно нежен и привлекателен. Наконец, я вспомнил потом, что на ней была густая черная вуаль, черная шляпка, черное шелковое платье и красная шаль. Я чувствую, как важно для вас узнать о ней более подробные сведения, каких я не могу вам дать. Но, к несчастью...

Он остановился. Мидуинтер вдруг наклонился через стол и положил руку на руку Брока.

— Неужели вы знаете эту женщину? — спросил Брок, удивившись внезапной перемене в его обращении.

— Нет.

— Что же вас так изумило в моих словах?

— Вы помните ту женщину, которая бросилась в реку с парохода? — спросил Мидуинтер. — Женщину, которая была причиной смерти стольких человек, смерти, открывшей Аллэну Армадэлю путь к наследству Торп-Эмбросского имения?

— Я помню ее описание в полицейском донесении, — отвечал ректор.

— Эта женщина, — продолжал Мидуинтер, — имела грациозную походку и прекрасную фигуру. На этой женщине были черная вуаль, черная шляпка, черное шелковое платье и красная шаль...

Он остановился, отдернул руку от руки мистера Брока и опять сел на свой стул.

— Неужели это одна и та же женщина? — сказал он шепотом сам себе. — Неужели какая-то роковая судьба преследует меня во мраке, преследует нас в образе этой женщины?

Если это предположение было справедливо, то одно прошлое происшествие, по-видимому, несколько не относившееся к происшествиям, предшествовавшим ему, напротив, оказывалось единственным недостающим звеном в цепи событий. Здравый смысл мистера Брока инстинктивно опровергал это изумительное заключение. Он посмотрел на Мидуинтера с сочувственной улыбкой.

— Мой юный друг, — сказал он ласково, — точно ли до такой степени, как вы думаете, освободились вы от суеверия? Достойны ли те слова, которые вы сейчас произнесли, того доброго намерения, на которое вы решились вчера?

Голова Мидуинтера опустилась на грудь, румянец вспыхнул на его лице, он глубоко вздохнул.

— Вы начинаете сомневаться в моей искренности, — сказал он. — Я не могу вас осуждать.

— Я верю вашей искренности по-прежнему, — отвечал Брок. — Я только сомневаюсь, так ли сильно укрепили вы слабые стороны вашего характера, как вы предполагаете. Многие не выдерживали борьбы против себя самих гораздо чаще, чем с вами случалось это до сих пор, и все-таки в конце одерживали победу. Я вас не осуждаю, я не потерял к вам доверия, я только примечаю, что случилось, чтобы заставить вас остерегаться себя самого. Полно! Полно! Обратитесь к вашему здравому смыслу, и вы согласитесь со мной, что никакие признаки не оправдывают подозрения, что женщина, которую я встретил в Сомерсетшире, и женщина, которая покусилась на самоубийство в Лондоне, одна и та же. Неужели такой старик, как я, должен напомнить такому молодому человеку, как вы, что в Англии есть тысячи женщин с прекрасными фигурами, тысячи женщин, одевающихся в черное шелковое платье и красную шаль?

Мидуинтер с таким жаром ухватился за это замечание, что более суровому критику человечества, чем был мистер Брок, это показалось бы подозрительным.

— Вы совершенно правы, сэр, а я нет, — сказал он. — Десятки женщин отвечают этому описанию, как вы говорите. Я терял время на мои пустые фразы, когда должен был бы старательно сопоставить факты. Если эта женщина вздумает пробраться к Аллэну, я должен быть готов остановить ее.

Он начал тревожно перебирать листки рукописи, разбросанные на столе, и внимательно рассматривать одну страницу.

— Вот это поможет мне положительно, — продолжал он. — Это поможет мне узнать ее возраст. Ей было двенадцать лет во время замужества миссис Армадэль. Прибавьте год, ей будет тринадцать, прибавьте, сколько Аллэну (двадцать два года), и мы узнаем, что этой женщине теперь тридцать пять лет. Я знаю ее возраст и знаю, что она

имеет причины молчать о своей замужней жизни. Это уже кое-что значит для начала, и со временем это может повести к большему.

Он опять весело посмотрел на Брока.

— Встал ли я на настоящий путь теперь, сэр? Пользуюсь ли я как следует предосторожностью, о необходимости которой вы с такой добротой предостерегали меня?

— Вы оправдываете ваши здравые мысли, — отвечал ректор, поощряя его обуздать свое воображение с всегдашним недоверием англичанина к благороднейшей из человеческих способностей. — Вы пролагаете путь себе к более счастливой жизни.

— Вы думаете? — задумчиво спросил Мидуинтер.

Он опять порывлся между бумагами и остановился на одном из набросанных листков.

— Корабль! — вдруг воскликнул он, и румянец его опять исчез, а настроение в одно мгновение переменилось.

— Какой корабль? — спросил ректор.

— На котором было совершено это преступление, — сказал Мидуинтер, обнаружив первые признаки нетерпения, — корабль, на котором убийственная рука моего отца заперла дверь каюты.

— Что ж из этого? — спросил Брок.

Мидуинтер, по-видимому, не слышал вопроса. Глаза его были пристально устремлены на страницу, которую он читал.

— Французский корабль, занимавшийся перевозкой строевого леса, — продолжал он, говоря сам с собой, — французский корабль «La Grace de Dieu». Если вера моего отца в судьбу была справедлива, если рок преследовал меня шаг за шагом из могилы моего отца, то в одном из моих путешествий я встретился бы с этим кораблем.

Он опять посмотрел на Брока.

— Теперь я знаю наверно, — сказал он, — это две разные женщины, а не одно лицо.

Брок покачал головой.

— Я рад, что вы пришли к этому заключению, — сказал он, — но я желал бы, чтобы вы пришли к нему каким-нибудь другим способом.

Мидуинтер вскочил и, схватив листки рукописи обеими руками, бросил их в пустой камин.

— Ради Бога, позвольте мне сжечь их! — воскликнул он. — Пока останется еще одна страница, я буду ее читать, а пока я буду читать ее,

отец подчинит меня своему влиянию против моей воли!

Брок указал на коробочку со спичками. Через минуту рукопись загорелась. Когда огонь уничтожил последний лист бумаги, Мидуинтер с облегчением вздохнул.

— Я могу сказать, как Макбет ^[7]: «Теперь дело кончено, и я опять стал человеком!» — начал он с лихорадочной веселостью. — Вы, кажется, устали, сэр, и неудивительно, — прибавил он более тихим тоном. — Я слишком долго лишал вас сна, я не стану задерживать вас долее. Будьте уверены, я буду помнить то, что вы мне сказали. Будьте уверены, что я стану между Аллэном и всяким врагом, мужчиной или женщиной, которые приблизятся к нему. Благодарю вас, мистер Брок, тысячу, тысячу раз благодарю вас! Я вошел в эту комнату несчастнейшим из людей, я могу выйти теперь отсюда счастливее птичек, поющих на воле!

Когда он направился к двери, лучи восходящего солнца струились в окно на кучку пепла, черневшую в камине. Чувствительное воображение Мидуинтера тотчас вспыхнуло при этом зрелище.

— Посмотрите, — сказал он весело, — будущее сияет над пеплом прошедшего.

Необъяснимое сострадание к этому человеку, именно в ту минуту его жизни, когда он наименее нуждался в сострадании, прокралось в сердце ректора, когда дверь затворилась, а он опять остался один.

— Бедняжка! — сказал он, с тревогой удивляясь своему состраданию. — Бедняжка!

Глава III. ДЕНЬ И НОЧЬ

Прошли утренние часы, наступил и прошел полдень, и мистер Брок отправился в свое обратное путешествие домой.

Расставшись с ректором у дугласской пристани, оба молодых человека возвратились в Кэстльтоун и расстались там у дверей гостиницы. Аллэн пошел взглянуть на свою яхту, а Мидуинтер вошел в дом насладиться тем отдохновением, в котором он так нуждался после бессонной ночи.

Он запер ставни, закрыл дверь, но сон не смыкал его глаз. В первый день отсутствия ректора чувствительная натура Мидуинтера безрассудно увеличивала ответственность, которая теперь лежала на нем, — он должен оправдать доверие мистера Брока. Какой-то страх оставить Аллэна одного, даже на несколько часов, не позволял ему сомкнуть глаз, так что наконец для него стало скорее облегчением, чем неприятным усилием, быстро встать с постели и последовать за Аллэном по дороге, которая вела к яхте.

Ремонт маленькой яхты был почти закончен. День был ясный, с прохладным ветерком. На земле все было светло. Синие волны струились на солнце. Матросы пели за своей работой. Спустившись в каюту, Мидуинтер увидел своего друга, прилежно занимающегося приведением помещения в порядок. Обыкновенно не самый аккуратный из всех смертных, Аллэн время от времени вдруг начинал чувствовать преимущества порядка, и в подобных случаях им овладевала какая-то неистовая страсть к уборке. Он стоял на коленях, с большим усердием занимаясь своей работой, когда Мидуинтер спустился в каюту, и быстро приводил опрятное помещение в первобытный хаос с такой страстной энергией, на которую удивительно было смотреть.

— Вот какая каша! — сказа Аллэн, спокойно приподнимаясь на куче, самым им наваленной. — Знаете ли, мой милый, я начинаю жалеть, зачем я не оставил все, как было.

Мидуинтер улыбнулся и поспешил на помощь своему другу с проворством моряка.

Первая вещь, попавшаяся ему, была шкатулка Аллэна, в которой все было перевернуто вверх дном; половина разбросана по полу, где также лежала тряпка для обтирания пыли и метла. Укладывая в шкатулку вещи, Мидуинтер неожиданно увидел миниатюрный портрет старинного овального фасона, в рамке, осыпанной мелкими бриллиантами.

— Вы, кажется, не очень это цените, — сказал он. — Чей это портрет?

Аллэн наклонился через плечо Мидуинтера и посмотрел на портрет.

— Он принадлежал моей матери, — отвечал он, — и я чрезвычайно им дорожу. Это портрет моего отца.

Мидуинтер вдруг сунул портрет в руки Аллэну и отошел на противоположную сторону каюты.

— Вы лучше знаете, где должны лежать вещи в вашей шкатулке, — сказал он, стоя спиной к Аллэну. — Я буду убирать на этой стороне каюты, а вы убирайте на другой.

Он начал приводить в порядок вещи, разбросанные на столе и на полу, но точно будто судьба решила, что в это утро ему попадутся в руки все вещи его друга. Одна из первых вещей, взятых им, была банка с табаком Аллэна, заткнутая письмом вместо пробки.

— Вы знаете, что вы заткнули эту банку письмом? спросил Мидуинтер. — Не важное ли это письмо?

Аллэн тотчас его узнал. Это было первое письмо, полученное на острове Мэн, письмо, о котором Аллэн выразился таким образом: «Опять надоедают эти несносные нотариусы» и о котором он перестал думать со своей обыкновенной беспечностью.

— Вот что выходит, когда бываешь необыкновенно заботлив! — сказал Аллэн. — Вот пример моей чрезвычайной заботливости! Вы, может быть, не поверите, но я нарочно заткнул банку этим письмом. Каждый раз, когда я подхожу к банке, я увижу письмо. А каждый раз, когда я увижу письмо, я сам говорю себе: «Я должен отвечать на это». Тут не над чем смеяться, это было совершенно благоразумное распоряжение, если бы я только мог помнить, куда я ставлю банку. Не завязать ли мне узел на носовом платке? У вас чудная память, мой милый друг, может быть, вы напомните мне днем, если я забуду и об узле.

Мидуинтеру представился первый случай после отъезда Брока с пользой занять его место.

— Вот ваш письменный прибор, — сказал он. — Зачем тотчас не ответить на это письмо? Если вы опять отложите, вы можете забыть.

— Очень справедливо, — согласился Аллэн. — Но хуже всего то, что я никак не могу решиться, какой мне написать ответ. Мне нужен совет. Сядьте-ка здесь, и я все вам расскажу.

С громким ребяческим смехом, которому вторил Мидуинтер, заразившийся его веселостью, Аллэн снял с дивана кучу разных разностей, наваленных там, и освободил место для своего друга и для себя. В полном разгаре юношеской веселости оба молодых человека сели шуточно совещаться над письмом, затыкавшим вместо пробки банку с табаком. Это была достопамятная минута для обоих, как ни беспечно думали они об этом в то время. Прежде чем молодые люди встали со своих мест, они сделали первый безвозвратный шаг на мрачной и извилистой дороге их будущей жизни.

Вопрос, относительно которого Аллэн просил теперь совета своего друга, можно определить таким образом.

Пока отдавались различные распоряжения, относившиеся к Торп-Эмбросскому наследству, пока новый владелец поместья еще был в Лондоне, поднят был вопрос относительно того, кто будет управлять помещьем. Управляющий Блэнчардов, не теряя времени, письменно предложил свои услуги. Этот человек, совершенно порядочный и надежный, лишился милости нового владельца, потому что Аллэн, действуя по обыкновению, по своему первому впечатлению, решил во что бы то ни стало заставить Мидуинтера навсегда поселиться в Торп-Эмбросе. Аллэн определил, что место управителя годится именно для его друга по той простой причине, что это принудит его друга жить вместе с ним.

Аллэн письменно отказался от сделанного ему предложения, не посоветовавшись с Броком, неодобрения которого он имел причины опасаться, не сказав Мидуинтеру, который, вероятно, отказался бы от места, которое он по своей прежней жизни вовсе не способен был занимать. Вслед за этим решением началась переписка, и возникли два новых затруднения, которые, впрочем, Аллэн при помощи своих нотариусов легко успел решить. Первое затруднение, состоявшее в том, чтобы обревизовать счета управляющего, было решено

отправлением в Торп-Эмброс опытного счетчика. Второе затруднение, состоявшее в том, чтобы извлечь пользу из освободившегося коттеджа управляющего (Аллэн решил, что его друг будет жить в одном с ним доме), было устранено тем, что коттедж поручили отдать внаймы деятельному агенту в соседнем городе. На том распоряжения и закончились, когда Аллэн уехал из Лондона. Он и не слышал, и не думал более об этом, пока не получил письма от нотариуса на острове Мэн. В письме от нотариуса и в письме от агента — оба, полученные в один и тот же день, — заключались два предложения снять коттедж и уведомить так скоро, как ему только будет возможно, которое из двух он желает принять.

Очутившись лицом к лицу с необходимостью решить вопрос, о котором он забыл уже несколько дней, Аллэн вкратце объяснил своему другу обстоятельства этого дела, просил удостоить его советом. Вместо того чтобы рассмотреть оба предложения, Мидуинтер бесцеремонно отложил их в сторону и задал два весьма естественных и очень прямых вопроса о том, кто будет новый управляющий и почему он должен жить в доме Аллэна?

— Я скажу вам это, когда мы будем в Торп-Эмброзе, — сказал Аллэн, — а пока мы будем называть управляющего X. Y. Z, и скажем, что он будет жить со мною, потому что я дьявольски хитер и хочу иметь его на глазах. Вам нечего принимать такой удивленный вид. Я знаю этого человека очень коротко, с ним нужно обращаться умеючи. Если я заранее предложу ему место управляющего, скромность заставит его сказать «нет». Если же я схвачу его за горло, ни слова не сказав ему вперед, и когда некому будет, кроме него, занять это место, ему ничего больше не останется, как ради моих интересов сказать «да». X. Y. Z. — человек очень порядочный, могу вас уверить. Вы его увидите, когда мы приедем в Торп-Эмброс, и мне кажется, что вы с ним чрезвычайно хорошо сойдетесь.

Шутливость, мелькавшая в глазах Аллэна, лукавая значительность его тона выдали бы его тайну сметливому человеку. Мидуинтер же так мало подозревал, о ком идет речь, как и плотники, работавшие на палубе яхты.

— Разве теперь в имении нет управляющего? — спросил он, и на лице его выразилось ясно, что он вовсе не был доволен ответом

Аллэна. — Разве управлением имения никто не занимается все это время?

— Ничуть не бывало! — возразил Аллэн. — Дела идут «на полных парусах и при попутном ветре». Я не шучу, я только выражаюсь метафорически. Известный счетчик рассматривает ответы, а клерк нотариуса бывает в конторе раз в неделю. Оставим пока в покое нового управителя и скажите-ка мне, которого из двух жильцов выбрали бы вы на моем месте?

Мидуинтер развернул предложения и прочел их внимательно.

Первое предложение было от нотариуса торп-эмбросского, который первым сообщил Аллэну в Париж об огромном состоянии, доставшемся на его долю. Этот джентльмен писал, что он давно любовался коттеджем, очаровательно расположенным на границах Торп-Эмбросского парка. Он был холостяк, любивший серьезные занятия и искавший сельского уединения после утомительных деловых занятий. Он осмеливался утверждать, что мистер Армадэль, взяв его жильцом, мог рассчитывать на спокойного соседа и на то, что коттедж будет отдан в надежные руки.

Второе предложение делал тот агент, кому было поручено отдать внаймы коттедж от имени совершенно постороннего лица. Жилец, желавший нанять коттедж, был отставной армейский офицер, какой-то майор Мильрой. Его семейство состояло из больной жены и единственной дочери, молодой девушки. Рекомендации его были отличные, и он тоже очень желал нанять коттедж, так как спокойное местоположение было именно такое, какого требовало слабое состояние здоровья миссис Мильрой.

— Какой профессии отдать предпочтение? — спросил Аллэн. — Военной или судебной?

— Мне кажется, тут не может быть ни малейшего сомнения, — сказал Мидуинтер. — Нотариус уже переписывался с вами, стало быть, ему надо отдать предпочтение.

— Я знал, что вы это скажете. Сколько раз ни спрашивал я совета у других, я никогда не получал такой совет, какой был мне нужен. Вот, например, это дело, о найме коттеджа. Я не согласен с вами. Я хочу взять майора.

— Зачем?

Армадэль указал пальцем на ту часть письма, в которой перечислялось семейство майора, на эти два слова: молодая девица.

— Холостяк, любящий серьезные занятия, прогуливающийся по моему парку, — предмет не интересный, — сказал Аллэн, — а молодая девица интересна. Я нисколько не сомневаюсь, что мисс Мильрой очаровательна. Озайаз Мидуинтер, несмотря на вашу серьезную физиономию, подумайте о ее хорошеньком кисейном платице, развевающимся между вашими деревьями, подумайте о ее восхитительной ножке, ступающей в вашем фруктовом саду, о ее очаровательно свежих губках, касающихся ваших спелых персиков, подумайте о ее полненьких ручках, срывающих ваши ранние фиалки, о ее розовеньком носике, нюхающем ваши розы! Что предложит мне ученый холостяк взамен потери всего этого? Он предлагает мне какой-то темный предмет в штиблетах и парике. Нет! Нет! Справедливость — вещь хорошая, любезный друг, но, поверьте мне, мисс Мильрой лучше.

— Можете ли вы о чем бы то ни было говорить серьезно, Аллэн?

— Я постараюсь, если вы хотите. Я знаю, что мне следовало бы выбрать нотариуса, но что мне делать, если дочь майора не выходит у меня из головы?

Мидуинтер решительно возвратился к справедливому и разумному взгляду на предмет и настойчиво обращал на него внимание своего друга со всем убеждением, к какому только был способен. Выслушав его с примерным терпением, Аллэн очистил место на столе от наваленных на него вещей и вынул из кармана жилета полкроны.

— Мне пришла в голову совершенно новая идея, — сказал он. — Бросим жребий.

Нелепость этого предложения, сделанного богатым помещиком, была до крайности смешна. Мидуинтер не мог сохранить своей серьезности.

— Я буду бросать, — продолжал Аллэн, — а вы выкликайте. Мы, разумеется, должны отдать предпочтение армии: орел будет майор, а решетка — нотариус. Ну, глядите же!

Он бросил монету на стол.

— Решетка! — закричал Мидуинтер, потакая ребяческой шутке Аллэна.

Монета упала на стол орлом кверху.

— Неужели вы серьезно поступите таким образом? — спросил Мидуинтер, когда Аллэн отпер письменную шкатулку и обмакнул перо в чернила.

— О, конечно! — возразил Аллэн. — Случай и мисс Мильрой на моей стороне, двое против вас. Не к чему убеждать меня. Майору выпал жребий, и майор получит коттедж. Я не поручу этого нотариусам — они опять станут надоедать мне письмами. Я сам напишу.

Он написал ответ на оба предложения буквально в Две минуты. Один к агенту:

«Любезный сэр, я принимаю предложение майора Мильроя, пусть приезжает когда угодно. Искренно вам преданный Аллэн Армадэль».

Другой ответ к нотариусу:

«Любезный сэр, я сожалею, что обстоятельства не позволили мне принять вашего предложения. Искренно вам преданный и проч. и проч.»

— Люди всегда делают историю, когда надо писать письма, — заметил Аллэн, когда кончил. — А я нахожу, что писать письма довольно легко.

Он написал адрес на обоих письмах и наклеил почтовые марки, весело свистя. Пока писал, он не примечал, чем был занят его друг. Когда он кончил, его поразила внезапная тишина в каюте, и, подняв глаза, он заметил, что все внимание Мидуинтера было странно сосредоточено на монете, лежавшей на столе, Аллэн с удивлением перестал свистеть.

— Что вы делаете? — спросил он.

— Я только спрашиваю себя... — отвечал Мидуинтер.

— О чем? — приставал Аллэн.

— Я спрашиваю себя, — отвечал Мидуинтер, возвращая ему монету, — есть ли на свете то, что называется случаем?

Через полчаса оба письма были отправлены на почту, Аллэн, которому надзор за ремонтом на яхте оставлял до сих пор мало свободного времени, предложил прогуляться в Кэстльтоуне. Даже Мидуинтер, несмотря на тревожное желание заслужить доверие мистера Брока, не мог сказать ничего против такого невинного

намерения, и молодые люди отправились вместе посмотреть столицу острова Мэн.

Сомнительно, есть ли на земном шаре другой такой неинтересный город для приезжих, как Кэстльтоун. Там можно осмотреть внутреннюю пристань с раздвижным мостом для пропуска кораблей, наружную пристань, кончавшуюся крошечным маяком, откуда открывается вид на плоский берег и с правой, и с левой стороны. В центре города стоит покосившееся серое здание, называемое замком, и столб, посвященный какому-то губернатору Смелту, с плоской верхушкой для статуи, но статуи нет. Стоят также казармы, в которых размещается рота солдат. Господствующий цвет в городе бледно-серый. Немногие открытые лавки чередуются с другими лавками, запертыми и брошенными владельцами. Местные юноши молча курили, собравшись вместе под тенью стены. Оборванные дети просили машинально: «Подайте нам пенни!» И, прежде чем благотворительная рука успевала поискать в кармане, убегали со страхом и сомнением относительно человеколюбия господина, к которому они обращались. Кладбищенское безмолвие царило на улицах этого жалкого города. Только одно здание, вполне приличное на вид, утешало взор на этих унылых улицах. Посещаемое студентами из окрестной «Коллегии короля Вильгельма», это здание было занято кондитерской. Тут, по крайней мере, сквозь большое окно было на что посмотреть постороннему. В зале на высоких стульях сидели воспитанники коллегии, болтая ногами и медленно двигая челюстями и подчиняясь закону странного кэстльтоунского безмолвия, с важным видом насыщались пирожками в атмосфере полного молчания.

— Черт меня побери, если я в состоянии буду смотреть на этих мальчиков и на эти пирожки! — сказал Аллэн, оттащив своего друга от кондитерской. — Попробуем, не найдем ли мы чего-нибудь другого для развлечения на ближайшей улице.

Первый предмет для развлечения на ближайшей улице представился в виде лавки ваятеля и золотильщика, находящейся, видимо, в последней степени торгового упадка. На прилавке внутри ничего не выставлено, кроме склоненной головы мальчика, крепко спавшего в спокойном уединении этого места. В окне красовались три маленькие загаженные мухами рамы, небольшой лист бумаги,

запыленный от продолжительного небрежения, объявлявший, что это помещение отдается внаймы, одна раскрашенная гравюра, представлявшая ужасы пьянства и призывающая к самому свирепому воздержанию. Сюжет, представлявший пустую бутылку джина, необыкновенно обширный чердак, чтеца в перпендикулярном положении и умирающее семейство в горизонтальном положении, обращался к благоволению публики под привлекательным названием «Рука смерти». Намерение Аллена насильно выжать развлечение из Кэстльтоуна он долго пытался реализовать, но тут изменило ему. Он предложил попробовать прогуляться в каком-нибудь другом месте. Мидуинтер охотно согласился, и они отправились назад, в гостиницу собрать сведения о местных достопримечательностях. По милости своего характера Аллен часто фамильярно обращался с незнакомыми людьми и задавал им самые непродуманные вопросы. Вот и в этот раз после его вопросов на приезжих посыпался град сведений, относившихся ко всевозможным предметам. Кроме того, который привел их в гостиницу. Они сделали для себя разнообразные и интересные открытия, относившиеся к законам и постановлениям острова Мэн и к нравам и к обычаям местных жителей. Аллен с восхищением узнал, что обитатели острова Мэн говорили об Англии как о хорошо известном близлежащем острове, находящемся на некотором расстоянии от Дугласа — столицы острова Мэн. Оба англичанина узнали также, что этот островной народ пользовался своими собственными законами, публично провозглашаемыми раз в год губернатором и двумя главными судьями, стоящими на вершине старинного вала в фантастических костюмах, приличных этому случаю. Обладая этими завидными привилегиями, остров вдобавок пользовался еще правом иметь местный парламент, называемый Палатою Ключей. Это собрание далеко опередило парламент соседнего острова в том отношении, что его члены обходились без выборов народом и торжественно выбирали друг друга. С этими и многими другими местными обычаями познакомились самые разные посетители и служащие гостиницы, и вот так Аллен убил время самым бестолковым образом, пока все разошлись и болтовня прекратилась сама собой. Мидуинтер, говоривший в это время с трактирщиком, спокойно напомнил Аллену, зачем они пришли сюда. Самое лучшее место для прогулок на острове было на западном и

южном берегу. В той стороне был рыбацкий городок, называвшийся Порт Сент-Мэри, с гостиницей, в которой путешественники могли ночевать. Если Аллэн все еще был недоволен Кэстльтоуном и желал посмотреть что-нибудь другое, ему стоило только сказать, и тотчас будет готов экипаж. Аллэн ухватился за это предложение, и минут через десять он и Мидуинтер были на дороге к западным пустыням острова.

Таким образом, день отъезда мистера Брока прошел без всяких важных происшествий, и в эти часы даже тревожная заботливость Мидуинтера не могла найти никакого повода к опасению. Все было так до наступления вечера, который, по крайней мере, один из друзей должен был помнить до конца своей жизни.

Прежде чем путешественники успели отъехать на две мили, случилось несчастье: лошадь упала, и кучер сказал, что она больно ушиблась. Не оставалось ничего более, как послать за другим экипажем в Кэстльтоун или дойти до Порта Сент-Мэри пешком. Решившись на последнее, Мидуинтер и Аллэн отошли еще совсем недалеко, когда их догнал джентльмен, ехавший один в коляске. Он вежливо отрекомендовался врачом, живущим недалеко от Порта Сент-Мэри, и предложил молодым людям место в своей коляске. Всегда с радостью знакомившийся с новыми лицами, Аллэн тотчас принял это предложение. Он и доктор, которого звали Гаубери, сошлись и подружились в пять минут. Мидуинтер сидел позади них, храня осторожное молчание. Они расстались перед самым въездом в город, у дома мистера Гаубери. Аллэн шумно восхищался красивыми французскими окнами докторского домика, хорошеньким цветником и лугом и пожал доктору руку на прощание, как будто они знали друг друга с самого детства. В Порту Сент-Мэри оба друга очутились в другом Кэстльтоуне, только меньшего размера. Но местность, открытая, дикая, гористая, заслуживала внимания. Прогулка завершала этот день — бестолковый и праздный с начала до конца, до самого вечера. Постояв немного, чтобы полюбоваться солнцем, величественно закатывавшимся за вершины гор, и потолковав о мистере Броке и его обратном путешествии, молодые люди вернулись в гостиницу, заказав ужин пораньше. Ночь тем временем все приближалась, а вместе с ней и приключение, которое должно было случиться с друзьями, хотя все, что происходило с ними до сих пор,

вызывало только их смех. Ужин был дурно приготовлен, служанка — непозволительно глупа, старомодная сонетка [8] в зале осталась в руках Аллэна и разбила вдребезги пастушку из китайского фарфора на камине. Только такие ничтожные происшествия и случились, когда стемнело и в комнату были принесены зажженные свечи.

Находя, что Мидуинтер, вдвойне уставший от бессонной ночи и беспокойного дня, не расположен к разговору, Аллэн оставил его отдыхать на диване и вышел в коридор с надеждой, не найдет ли там кого, с кем можно поговорить. Тут еще одно ничтожное происшествие опять свело Аллэна и Гаубери и укрепило — к счастью или нет, это объяснится впоследствии, — знакомство с обеих сторон.

Буфет в гостинице находился на конце коридора, и трактирщица готовила там рюмку ликера для доктора, который зашел в гостиницу поболтать. Когда Аллэн попросил позволения принять участие и в питье и в разговоре, мистер Гаубери вежливо подал ему рюмку, наполненную трактирщицей. Это был холодный грог. Заметная перемена в лице Аллэна, когда он вдруг отодвинулся назад и спросил виски, не укрылась от глаз врача.

— Нервная антипатия, — сказал Гаубери, спокойно взяв рюмку.

Это замечание заставило Аллэна признаться, что он чувствовал непреодолимое отвращение, которого он имел глупость стыдиться, к запаху и вкусу водки. Все равно чем бы ни была разбавлена водка, присутствие ее тотчас ощущали органы его обоняния и вкуса и производили тошноту и головокружение, как только питье касалось его губ. После этого разговор перешел на антипатии вообще. Доктор признался со своей стороны, что он особенно этим интересовался и имел дома целую коллекцию любопытных случаев такого рода, и приглашал своего нового знакомого взглянуть на них, если ему нечего было более делать в этот вечер, через час, когда он, доктор, кончит свои визиты по больным.

Дружелюбно приняв это приглашение, которое простиралось и на Мидуинтера, если он желал им воспользоваться, Аллэн воротился в залу отыскать своего друга. Сонный Мидуинтер еще лежал на диване, газета выпала из его усталых рук.

— Я слышал ваш голос в коридоре, — сказал он сонным голосом. — С кем вы говорили?

— С доктором, — отвечал Аллэн. — Я пойду к нему через час выкурить с ним сигару. А вы пойдете?

Мидуинтер согласился с тяжелым вздохом. Он всегда избегал новых знакомств, а теперь еще как-то более обыкновенного ему не хотелось сделаться гостем мистера Гаубери. Однако ему ничего более не оставалось, как идти, потому что при неблагоприятии Аллэна его нельзя было никуда пускать одного, а особенно в дом человека незнакомого. Мистер Брок наверно не отпустил бы своего воспитанника одного в гости к доктору, а Мидуинтер все время тревожно сознавал, что он занимает место мистера Брока.

— Что мы будем делать до тех пор? — спросил Аллэн, осматриваясь вокруг. — Есть тут что-нибудь интересное? — прибавил он, заметив упавшую газету и поднимая ее с пола.

— Я так устал, что не мог читать. Если вы найдете что-нибудь интересное, прочтите вслух, — отвечал Мидуинтер, думая, что чтение поможет ему воздержаться от сна.

Большая часть газеты была посвящена выпискам из новых книг, изданных в Лондоне. Одно из сочинений, из которого были сделаны наиболее подробные выписки, заинтересовало Аллэна — это был рассказ о приключениях в австралийских пустынях. Попав на то место в выписке, где описывались страдания путешественников, заблудившихся в непроходимой пустыне и подвергавшихся опасности умереть от жажды, Аллэн объявил, что он нашел кое-что, от чего его друга мороз будет продирать по коже. Он начал читать вслух. Решившись не давать себе заснуть, Мидуинтер следил за каждой фразой приключений, не пропуская ни одного слова. Соповещение заблудившихся путешественников, когда им угрожала смерть от жажды; решимость продвигаться вперед, пока у них достанет сил; напрасные усилия собрать дождевую воду, когда полил проливной дождь; мимолетное облегчение, которое путешественники почувствовали, высасывая свою мокрую одежду; страдания, возобновившиеся через несколько часов; и как потом сильные бросили слабых ночью и далеко опередили их; полет птиц на рассвете; наконец, как заблудившиеся нашли широкую лужу, которая спасла им жизнь, — все это Мидуинтер выслушал с трудом. Голос Аллэна с каждой фразой все слабее раздавался в его ушах. Скоро слова постепенно исчезли, ничего не слышалось более, кроме медленно

понижавшегося голоса. Потом и в комнате стемнело, звуки заменились восхитительной тишиной, и усталый Мидуинтер спокойно заснул.

Его разбудил громкий звук колокольчика у запертой двери гостиницы. Он вскочил на ноги с проворством человека, которого жизнь приучила пробуждаться каждое мгновение. Взгляд, брошенный вокруг, показал ему, что комната пуста, а взгляд на часы показал, что время близится к полночи. Шум двери, растворенной сонным слугой, и шум быстрых шагов в коридоре наполнил его внезапным предчувствием чего-то недоброго. Он торопливо пошел было осведомиться, когда дверь в залу отворилась и перед ним очутился доктор.

— Мне жаль потревожить вас, — сказал Гаубери. — Не пугайтесь: ничего дурного не случилось.

— Где мой друг? — спросил Мидуинтер.

— На пристани, — отвечал доктор. — В некотором отношении на мне лежит ответственность за его поступок. Мне кажется, с ним следовало бы быть какому-нибудь осторожному человеку, такому, как, например, вы.

Этого намек было достаточно для Мидуинтера. Он и доктор немедленно отправились к пристани. Дорогой мистер Гаубери упомянул об обстоятельствах, заставивших его прийти в гостиницу.

Аккуратно в назначенный час Аллэн явился к доктору и объяснил ему, что он оставил своего друга так крепко спящим на диване, что у него не достало духу разбудить его. Вечер прошел приятно, разговор переходил на разные предметы, пока в несчастную минуту мистер Гаубери намекнул, что он любит кататься по воде и что у него есть собственная шлюпка у пристани. Этот любимый предмет так одушевил Аллэна, что гостеприимному хозяину не оставалось ничего более, как отправиться с Аллэном на пристань и показать ему шлюпку. Красота ночи, тихий ветерок сделали остальное, внушили Аллэну непреодолимое желание покататься по воде при лунном сиянии. Больные, удержавшие доктора, не дали ему возможность проводить его гостя, и доктор, сам не зная, что ему делать, решился побеспокоить Мидуинтера, скорее чем допустить мистера Армадэля (как ни привык он к морю) отправиться в море одному в полночь.

Во время этого объяснения Мидуинтер и доктор пришли к пристани. Армадэль был в шлюпке, поднимал парус и пел во все горло матросскую песню.

— Иди сюда, старый дружище! — закричал Аллэн. — Ты как раз поспел вовремя к прогулке при лунном сиянии!

Мидуинтер посоветовал прогуляться в шлюпке днем, а пока лечь в постель.

— В постель! — закричал Аллэн, легкомысленную веселость которого гостеприимство мистера Гаубери не могло остепенить. — Послушайте его, доктор! Подумаешь, что это девяностолетний старец! Лечь в постель! Экий старый соня! Посмотри-ка сюда и думай о постели, если можешь.

Он указал на море. Луна сияла на безоблачном небе, ночной ветерок тихо веял с берега, спокойные волны весело струились в тишине этой великолепной ночи. Мидуинтер повернулся к доктору с покорностью, благоразумной обстоятельствам. Он видел, что все его увещания пропали бы даром.

— В котором часу начнется прилив? — спросил он.

Гаубери сказал ему.

— Весла в шлюпке?

— Да.

— Я привык к морю, — сказал Мидуинтер, спускаясь со ступеней. — Вы можете быть уверены, что я буду беречь моего друга и шлюпку, — Прощайте, доктор, — закричал Аллэн. — Ваше виски с содовой — восхитительно, ваша шлюпка — красавица, а такого отличного человека, как вы, мне не случалось встречать.

Доктор засмеялся и махнул рукой. Шлюпка вышла из гавани. Мидуинтер правил рулем.

Сообразуясь с ветром, они скоро поравнялись с западным мысом Пульвашской бухты и решили вопрос: выйти ли в открытое море или держаться берега. Благоразумие требовало, в случае если ветер спадет, не удаляться от земли. Мидуинтер повернул шлюпку, и они плыли медленно по направлению к юго-западу вдоль берега.

Мало-помалу утесы становились выше, а в скалах, диких и зубчатых, появились расщелины, сияющие черными пропастями со стороны моря. У мыса, называемого Испанской Головой, Мидуинтер многозначительно посмотрел на свои часы, но Аллэн попросил еще

полчаса, чтобы взглянуть на знаменитый канал Соунд, к которому они быстро приближались и о котором он слышал разные удивительные истории от работников, чинивших его яхту. Новый курс, который согласие Мидуинтера на эту просьбу сделало необходимым в направлении движения шлюпки, позволил с одной стороны увидеть самые южные берега острова Мэн, а с другой — черные пропасти островка, называемого Каф и отделенного от твердой земли мрачным и опасным каналом Соунд.

Мидуинтер опять взглянул на часы, — Мы отъехали довольно далеко, — сказал он. — Станем под паруса.

— Постой!.. — закричал Аллэн с носа шлюпки. — Боже мой! Прямо перед нами разбитый корабль!

Мидуинтер повернул шлюпку посмотреть, куда указывал Аллэн. Там, на самой середине Соунда, между скалами, обрамлявшими канал с каждой стороны, лежал корабль. Он никогда уже не сможет встать на морские волны из своей могилы. На подводной скале одиноко, высоко и мрачно, как призрак, при желтоватом сиянии луны будет ждать своей окончательной гибели.

— Я знаю, какой это корабль, — сказал Аллэн в сильном волнении. — Я слышал, как работники на моей яхте говорили о нем вчера. Его занесло сюда в темную ночь. Это старый, жалкий купеческий корабль, Мидуинтер. Его купили на сломку корабельные маклеры. Подъедем взглянуть.

Мидуинтер колебался. Вся прежняя страсть к морской жизни побуждала его принять предложение Аллэна, но ветер спадал, и Мидуинтеру казалось подозрительным беспокойное течение воды в канале:

— В такое место опасно въехать в шлюпке, особенно когда оно неизвестно, — сказал он.

— Какой вздор! — возразил Аллэн. — Светло как днем, а этой шлюпке нужно только два фута глубины.

Прежде чем Мидуинтер успел ответить, течение понесло шлюпку в канал прямо к разбитому кораблю.

— Спустите парус, — спокойно сказал Мидуинтер, — и возьметесь за весла. Мы теперь быстро приближаемся к кораблю, хотим мы этого или нет.

Оба так привыкли управлять веслами, что успели направить шлюпку на более спокойную сторону канала, ту, которая была ближе к островку Каф. Когда они тихо приблизились к разбитому кораблю, Мидуинтер передал свое весло Аллэну и, выждав удобную минуту, ухватился лодочным крюком за руслени корабля. Через минуту шлюпка стояла безопасно под наветренной стороной корабля.

Лестница, используемая работниками, висела над руслениями. Мидуинтер поднялся по лестнице с веревкой во рту, прикрепил один конец веревки к кораблю, а другой спустил к Аллэну в лодку.

— Прикрепите эту веревку к лодке, — сказал он, — и подождите, пока я посмотрю, все ли безопасно на корабле.

С этими словами он исчез за бортом.

— Подождать? — повторил Аллэн, изумленный необыкновенной осторожностью своего друга. — Что это значит? Вот еще! Стану я ждать! Куда один, туда и другой!

Он зацепил конец веревки за переднюю банку шлюпки и, поднявшись на лестницу, через минуту стоял на палубе.

— Уж нет ли здесь чего страшного? — с насмешкой спросил он, встретившись со своим другом.

Мидуинтер улыбнулся.

— Ничего, — отвечал он, — но я хотел удостовериться, одни ли мы на корабле. Я обошел и осмотрел все кругом.

Аллэн прошелся по палубе и сделал критический обзор всему увиденному, с носа до кормы.

— Дрянной корабль! — сказал он. — Французы вообще лучше строят корабли.

Мидуинтер прошел через всю палубу и молча посмотрел на Аллэна.

— Французы? — повторил он через некоторое время. — Разве это корабль французский?

— Да.

— Почему вы это знаете?

— Работники, чинившие яхту, сказали мне. Они знают.

Мидуинтер подошел ближе. Его смуглое лицо показалось Аллэну необыкновенно бледно при лунном сиянии.

— Говорили они, какой торговлей занимался этот корабль?

— Да, торговлей строевым лесом.

Когда Аллэн ответил на этот вопрос, худощавая смуглая рука Мидуинтера схватила его крепко за плечо, а зубы Мидуинтера вдруг застучали, как у человека, вдруг охваченного сильным холодом.

— Вам сказали, как называется этот корабль? — спросил он голосом, вдруг понизившимся до шепота.

— Кажется, сказали, только я забыл. Потихе, мой любезный! Ваши длинные когти уж чересчур крепко ухватились за мое плечо.

— Не назывался ли он...

Мидуинтер замолчал, отнял свою руку и отер крупные капли пота, выступившие у него на лбу.

— Не назывался ли он «La Grace de Dieu»?

— Вы как это узнали? Точно, этот корабль называется «La Grace de Dieu».

Одним прыжком Мидуинтер вскочил на борт.

— Шлюпка!!! — воскликнул он с ужасом, голосом, раздавшимся далеко в ночной тишине и заставившим Аллэна тотчас броситься к нему.

Нижний конец небрежно прикрепленной веревки висел в воде, а впереди корабля, на полосе, проведенной лунным сиянием, виднелся уже далеко небольшой черный предмет. Лодка неслась по течению.

Глава IV. ТЕНЬ ПРОШЛОГО

Оба друга — один, стоя под темной тенью борта, другой, смело выступив на желтый свет луны, — обернулись и молча посмотрели друг на друга. Через минуту врожденный оптимизм Аллена позволил пошутить над сложившимся положением. Он сел верхом на борт и залился веселым смехом.

— Это моя вина, — сказал он, — но теперь горю не поможешь. Вот мы сами попались в ловушку, и лодку доктора поминай как звали! Выйдите из темноты, Мидуинтер, я совсем вас не вижу, а хочу знать, что нам теперь делать.

Мидуинтер не отвечал и не шевелился. Аллен сошел с борта и, взобравшись на фор-кастель, внимательно посмотрел на пролив.

— Одно верно, — сказал он, — при течении с этой стороны и при подводных скалах с той мы не можем выбраться отсюда вплавь. Вот это видно с этого конца корабля. Посмотрим, что будет с другого. Пробудитесь же, товарищ! — весело закричал он, проходя мимо Мидуинтера. — Пойдем посмотреть, что нам покажет корма.

Он пошел, засунув руки в карманы и напевая комическую песню.

Его приглашение не произвело, по-видимому, никакого впечатления на друга, но от легкого прикосновения его руки Мидуинтер вздрогнул и медленно вышел из тени борта.

— Пойдем! — закричал Аллен, перестав петь и оглядываясь.

Мидуинтер последовал за ним, все еще не говоря ни слова. Три раза он останавливался, прежде чем дошел до кормы. В первый раз для того, чтобы сбросить шляпу и откинуть волосы со лба и с висков, во второй раз для того, чтобы ухватиться за рым-болт, находившийся под рукой, потому что он зашатался от головокружения, но последний раз (хотя Аллен находился в нескольких ярдах впереди) для того, чтобы украдкой оглянуться с тайной осторожностью человека, полагающего, что чьи-то шаги звучат за ним в темноте.

— Нет еще! — прошептал он сам себе, устремив глаза в пустое пространство. — Я увижу его на корме, держащегося рукой за замок каюты.

На корме не было сора, наваленного в других частях корабля. Тут единственным предметом, видневшимся на гладкой поверхности палубы, была низкая деревянная постройка, в которой была сделана дверь в каюту и которая закрывала каютную лестницу. Руль и нактоуз были сняты, но вход в каюту и все, что к нему принадлежало, оставили нетронутым. Люк остался, и дверь была заперта.

Аллэн подошел прямо к корме и посмотрел на море через гакаборт: никакой лодки не виднелось на спокойной, освещенной лунной воде. Зная, что зрение Мидуинтера лучше, чем его, он позвал:

— Подите сюда и посмотрите, не виднеется ли какого-нибудь рыбака, который услышал бы наш крик.

Не слыша ответа, он оглянулся. Мидуинтер дошел за ним до каюты и остановился. Он позвал опять, громче, и нетерпеливо поманил его рукой. Мидуинтер услышал зов, поднял глаза, но не тронулся со своего места. Он стоял там, как будто дошел до борта корабля и не мог идти дальше.

Аллэн вернулся к нему. Нелегко было узнать, на что он смотрел, потому что Мидуинтер отвернулся от лунного света, но вот свет попал на лицо, и стало ясно, что глаза его были устремлены со странным вопросительным выражением на дверь каюты.

— На что тут смотреть? — спросил Аллэн. — Проверим, заперта ли она.

Он сделал шаг вперед, чтобы отворить ее, но рука Мидуинтера вдруг схватила его за воротник и принудила вернуться. Через минуту рука, не выпуская воротника, ослабла, как рука человека, теряющего силы.

— Я должен считать себя арестованным? — спросил Аллэн с изумленной улыбкой. — Почему, позвольте спросить, не спускаете вы глаз с двери каюты? Разве вы слышите подозрительный шум внизу? Не к чему пугать крыс — если вы об этом думаете, — с нами нет собак, а живых людей здесь не может быть, потому что они услышали бы нас и вышли бы уже на палубу. Мертвые? Это совершенно невозможно! Как же экипаж мог бы утонуть в районе, окруженном землей, если бы корабль не потонул вместе с ними, а этот корабль стоит себе твердо и сам говорит за себя. Как ваша рука дрожит! Что так пугает вас в этой сгнившей старой каюте? Отчего вы так дрожите? Нет ли здесь чего сверхъестественного? Уж не видите ли вы призрак?

— Я вижу два! — отвечал Мидуинтер, подчинившись безумному искушению открыть истину. — Два! — повторил он, и дыхание его вырвалось глубоко и тяжело, когда он тщетно старался удержать страшные слова. — Призрак человека, похожего на вас, утопающего в каюте и призрак человека, похожего на меня, запирающего за ним дверь!

Опять веселый смех молодого Армадэля громко и продолжительно раздался в тишине ночной.

— Он запирает дверь каюты, — сказал Аллэн, как только смех позволил ему говорить. — Это чертовски некрасивый поступок, мистер Мидуинтер, со стороны вашего призрака. После этого мне ничего более не остается, как выпустить мой призрак из каюты!

Превосходя в силе друга, он освободился от Мидуинтера.

— Вниз! — весело позвал он, положив сильную ладонь на ветхий замок и отворив настежь дверь каюты. — Призрак Аллэна Армадэля, выходи на палубу!

В страшном неведении истины он сунул голову в каюту и, смеясь, посмотрел на то самое место, где умер его убитый отец.

— Фу! — воскликнул он, вдруг отступив назад с явным отвращением. — Здесь воздух совсем испортился, и каюта полна воды.

Это была правда. Подводные скалы, о которые разбился корабль, пробили в днище доски, и вода прошла сквозь щели в нем. Здесь, где преступление было совершено, роковая параллель между прошлым и настоящим была очевидна. Какова была каюта при отцах, такова была она теперь при сыновьях.

Аллэн опять затворил дверь ногой, немало удивляясь внезапному молчанию своего друга с той минуты, когда он взялся за замок каютной двери. Когда он обернулся посмотреть, причина молчания немедленно обнаружилась. Мидуинтер упал на палубу и лежал без чувств перед дверью каюты. Лицо его, бледное и неподвижное, при лунном сиянии походило на лицо мертвеца.

В одну минуту Аллэн был возле него. Тщетно, положив голову Мидуинтера на свои колени, смотрел он вокруг корабля, ища какой-нибудь помощи.

— Что я буду делать? — сказал он сам себе в первом порыве испуга. — Ни капли воды поблизости, кроме испорченной воды в

каюте.

Внезапное воспоминание промелькнуло в голове, румянец вспыхнул на его лице. Он вынул из кармана оплетенную бутылку.

— Спасибо доктору за то, что он дал мне это перед нашим отъездом! — сказал юноша с жаром, наливая в рот Мидуинтера несколько капель виски из бутылки.

Это возбуждающее средство немедленно подействовало на чувствительную, нервную систему лежавшего в обмороке человека. Он слабо вздохнул и медленно раскрыл глаза.

— Не во сне ли привиделось мне? — спросил он, смутно смотря на лицо Аллэна.

Глаза его широко раскрылись, и взгляд устремился на изломанные мачты корабля, тянущиеся в черное небо. Он задрожал при виде их и спрятал лицо в колени Аллэна.

— Не сон! — прошептал он сам себе печально. О Боже мой! Это не сон!

— Вы слишком утомились за целый день, — сказал Аллэн, — и это проклятое наше приключение расстроило вас. Выпейте еще виски: это непременно принесет вам пользу. Вы можете сидеть один, если я прислоню вас к борту?

— Зачем один? Зачем вы хотите оставить меня? — спросил Мидуинтер.

Аллэн указал на еще стоявшие ванты.

— Вы не так здоровы, чтобы оставаться здесь до тех пор, пока работники придут утром, — сказал он. — Мы должны попасть на берег сейчас, если можно. Я взберусь, на ванты и хорошенько осмотрю все кругом: нет ли где дома, в котором услышали бы наш крик.

Даже в ту минуту, которая прошла, пока говорились эти слова, глаза Мидуинтера недоверчиво обратились на дверь каюты.

— Не подходите к ней! — шепнул он. — Не старайтесь отворить, ради Бога!

— Нет, нет, — отвечал Аллэн, потакая этой причуде. — Когда я спущусь с вантов, я прямо приду сюда.

Он сказал эти слова несколько принужденно, заметив в первый раз расстройство на лице Мидуинтера, которое огорчило и привело его в недоумение.

— Вы не сердитесь на меня? — сказал он с присущей ему добродушной простотой. — Я знаю, что то моя вина. Я скот и дурак, что смеялся над вами, когда мне следовало видеть, что вы больны. Мне очень жаль, Мидуинтер! Не сердитесь на меня!

Мидуинтер медленно поднял голову. Взгляд его с печальным участием долго и нежно остановился на встревоженном лице Аллэна.

— Сержусь ли я? — повторил он тихим и кротким голосом. — Сержусь ли я на вас? О, мой бедный Аллэн!

Разве вы заслуживаете порицания за то, что вы были добры ко мне, когда я лежал больной в старой гостинице? А я разве заслуживаю порицание за то, что я чувствовал вашу доброту с признательностью? Разве мы виноваты, что никогда не сомневались друг в друге и не знали, что мы слепо идем вместе по пути, который должен был привести нас сюда?

Наступает жестокое время, Аллэн, когда мы будем оплакивать тот день, в который мы встретились. Пожмите мою руку, брат, на краю пропасти. Пожмите мне руку, пока мы еще братья.

Аллэн быстро обернулся, убежденный, что рассудок Мидуинтера еще не оправился после обморока.

— Не забывайте виски! — сказал он весело, прыгнув на такелаж и взбираясь на бизань-мачту.

Был третий час, луна пропадала, и темнота, наступавшая перед рассветом, начинала собираться вокруг корабля. Позади Аллэна, смотревшего с высокой бизань-мачты, расстилалось широкое и пустынное море. Перед ним виднелись низкие, черные, торчащие скалы и неровные волны канала, плавно вливавшиеся в безбрежный океан. С правой руки величественно поднимались из воды скалы и возвышенности с травянистыми площадками; между ними покатые равнины и вересковые пустыни острова Мэн. С левой руки поднимались утесы и кручи острова Каф, то перерезанные глубокими черными ущельями, то закрытые длинными плоскогорьями, покрытыми травой и вереском. Ни с одного берега не слышалось ни малейшего звука, нигде не виднелось огней. Черные линии мачт корабля слабо вырисовывались в таинственной темноте. Ветер, дувший с земли, спал. Небольшие береговые волны разбивались без шума. Ни далеко, ни близко не слышно ничего, кроме печального

журчания воды, текущей в тишине, в которой земля и океан ждали наступающего дня.

Даже беззаботная натура Аллена почувствовала торжественное приближение этого часа. Звук собственного голоса испугал его, когда он посмотрел вниз и закричал своему другу:

— Я вижу один дом, направо.

Он опять посмотрел, чтобы удостовериться, на маленькое белое пятно, приютившееся в травянистой впадине.

— Это, кажется, каменный дом с забором, — продолжал он. — Я закричу на всякий случай.

Он обвил рукой веревку, приложил обе руки ко рту и вдруг опустил их, не решившись закричать.

«Как страшно тихо! — сказал он про себя. — Я боюсь кричать».

Он опять посмотрел на палубу.

— Я не испугаю вас, Мидуинтер? — спросил он с тревожным смехом.

Он опять посмотрел на слабый белый предмет в травянистой впадине.

«Незачем было приходить сюда по-пустому», — подумал он и опять приложил обе руки ко рту.

На этот раз он закричал изо всех сил:

— Эй, вы, там на берегу! Эй-эй!

Последние звуки его голоса затихли, но ему не отвечало ничто, кроме журчания воды.

Он посмотрел на своего друга и увидел темную фигуру Мидуинтера, ходившего взад и вперед по палубе, все не терявшего из виду каюту и не проходившего дальше каюты, когда он возвращался к корме.

«Он с нетерпением хочет уехать, — думал Аллен, — я опять попытаюсь».

Он опять крикнул и, наученный опытом, поднял свой голос до самого пронзительного тона. На этот раз ему отвечало не одно журчание; мычание испуганных коров поднялось из строения в зеленой впадине и уныло раздалось в тишине утреннего воздуха. Аллен ждал и прислушивался. Если это строение ферма, крики скота разбудят людей. Если это только хлевы — ничего более не будет.

Мычание испуганных коров поднималось и затихало. Прошло несколько, но не случилось ничего.

— Еще раз! — сказал Аллэн, смотря на неугомонную фигуру, проходившую внизу.

В третий раз он окликнул и в третий раз ждал и прислушивался.

В тот промежуток, когда смолкло мычание скота, он услышал позади себя, на противоположном берегу канала, на пустынном острове Каф, резкий и внезапный звук, похожий на отдаленный стук отодвигаемого дверного запора. Тотчас повернувшись в другую сторону, Аллэн напряг зрение, чтобы отыскать глазами дом. Последние слабые лучи бледнеющей луны дрожали там и сям на самых высоких скалах, но большие темные полосы лежали густо и черно на всей земле, и в этой темноте дома, если дом был там, нельзя было увидеть.

— Разбудил я кого-то наконец, — закричал Аллэн Мидуинтеру, все ходившему по палубе взад и вперед и странно равнодушному ко всему, что происходило около него. — Надо ждать ответного оклика.

Повернувшись лицом к острову, Аллэн стал звать на помощь.

На крик его не отвечали, а передразнили пронзительно и визгливо воплями, становившимися все более дикими, поднимавшимися из глубокого и отдаленного мрака и казавшимися ужасной смесью человеческого голоса и голоса зверя. Внезапное подозрение пробежало в мыслях Аллэна, голова его закружилась, и руки охладели. Едва переводя дух, он посмотрел в ту сторону, откуда передразнили его голос. После минутного молчания крики возобновились и слышались ближе. Вдруг фигура, похожая на мужскую, зачернелась на скале, начала прыгать и бегать при бледнеющем свете луны. Крики испуганной женщины смешались с криками прыгающей фигуры на скале. Красная искра сверкнула в темноте от свечи, зажженной в невидимом окне. Хриплый крик рассердившегося человека слышался сквозь весь этот шум. Вторая черная фигура появилась на скале, начала бороться с первой фигурой и исчезла вместе с ней в темноте. Крики становились слабее: крики женщины прекратились, хриплый мужской голос послышался опять. Он окликал корабль, но слова его нельзя было расслышать из-за дальнего расстояния, но их тон ясно выражал и ярость, и страх. Через минуту опять раздался стук дверного запора, красная искра погасла, и

весь островок опять погрузился в тишину и в темноту. Мычание скота на материке затихло, снова донеслось и прекратилось совсем. Холодно и уныло, по-прежнему слышалось журчание волн в мертвой тишине — единственный оставшийся звук, когда таинственное безмолвие этого часа спустилось с небес и покрыло разрушенный корабль.

Аллэн слез с бизань-мачты на палубу и опять подошел к своему другу.

— Нам надо подождать, пока приедут сюда работники, — сказал он, встретив Мидуинтера на половине дороги его непрерывной прогулки. — После того, что случилось, признаюсь, я не имею больше желания окликать землю. Подумайте, в том доме на берегу живет сумасшедший, а я разбудил его! Как это ужасно, не правда ли?

Мидуинтер остановился и минуту смотрел на Аллэна с видом человека, слушающего об обстоятельствах, совершенно для него посторонних. Казалось, если бы только это было возможно, он бы оставил совершенно без внимания то, что случилось на острове Каф.

— Ничего нет ужасного вне этого корабля, — сказал он. — В нем ужасно все.

Ответив этими странными словами, он повернулся и продолжал свою прогулку.

Аллэн поднял бутылку, лежавшую на палубе возле борта, и взбодрил себя плотком виски.

— На корабле есть один предмет не ужасный, вот этот, — возразил он, закупоривая бутылку, — а вот и другой, — прибавил Аллэн, вынимая из кармана сигару и закуривая ее. — Три часа! — продолжал он, смотря на часы и спокойно усаживаясь на палубу спиной к борту. — Скоро начнет светать, скоро нас развеселит пение птиц. Кажется, Мидуинтер, вы совсем оправились после вашего обморока. Как это вы можете ходить! Подите сюда, возьмите сигару и усадьтесь поудобнее. Что вам за охота таскаться взад и вперед с таким странным видом?

— Я жду, — отвечал Мидуинтер.

— Ждете? Чего?

— Того, что случится с вами или со мной, или с обоими нами, прежде чем мы сойдем с этого корабля.

— Покаясь вашему превосходному суждению, любезный друг, я думаю, что уже случилось довольно. Этого приключения совершенно достаточно, даже более, чем я желал бы.

Он опять хлебнул виски и продолжал болтать, куря сигару, со своей обыкновенной непринужденностью.

— У меня нет вашего чудного воображения, и я полагаю, что первое, что случится, будет появление лодки работников. Я подозреваю, что вы дали волю вашему странному воображению, пока оставались здесь один. Скажите, о чем вы думали, пока я там, на бизань-мачте, пугал коров?

Мидуинтер вдруг остановился.

— Что, если я скажу вам? — проговорил он.

— Что ж, скажите!

Мучительное искушение открыть истину, уже раз возбужденное безжалостной веселостью духа его товарища, овладело Мидуинтером во второй раз. Он прислонился в темноте к высокой мачте корабля и молча посмотрел на Аллэна, спокойно растянувшегося на палубе.

"Пробуди его, — нашептывал злой дух, — из его самодовольного неведения и этого безжалостного спокойствия. Покажи ему место, где это преступление было совершено. Пусть он знает наравне с тобой и почувствует твой страх. Скажи ему о письме, которое ты сжег, и о словах, которые огонь уничтожить не может, которые живут теперь в твоём воспоминании. Покажи ему твою душу, какова она была вчера, когда пробудила твою ослабевшую веру в собственные твои убеждения, когда ты оглядывался на твою жизнь, проведенную на море, и утешал себя воспоминанием, что во всех твоих путешествиях ты никогда не встречался с этим кораблем. Покажи ему твою душу, какова она теперь, когда этот корабль встретился тебе на повороте твоей новой жизни, в начале твоей дружбы с единственным человеком из всех людей на свете, которого твой отец предостерегал тебя избегать. Подумай о его предсмертных словах и шепни ему на ухо, чтобы и он также мог о них подумать: «Скрывайся от него под чужим именем, поставь горы и моря между вами. Будь неблагодарен, будь мстителен, будь всем, что будет наиболее противно твоему кроткому характеру, скорее чем жить под одной кровлей и дышать одним воздухом с этим человеком».

Так советовал искуситель. Как ядовитое испарение из могилы отца, отцовское влияние оживило душу сына.

Внезапное молчание удивило Аллэна. Он сонными глазами поглядел через плечо.

— Опять думает! — воскликнул он и зевнул с утомлением.

Мидуинтер вышел из темноты и подошел к Аллэну ближе, чем подходил до сих пор.

— Да, — сказал он, — я думаю о прошлом и о будущем.

— О прошлом и о будущем! — воскликнул Аллэн, усевшись поудобнее. — Я со своей стороны безмолвствую насчет прошлого для меня: это предмет неприятный. Прошлое означает потерю докторской шляпки. Будем говорить о будущем. Вы смотрели с практической точки зрения, как говорит милый старик Брок. Вы обдумали первый серьезный вопрос, касающийся нас обоих, когда мы воротимся в гостиницу, — вопрос о завтраке?

После минутной решимости Мидуинтер сделал шаг и оказался еще ближе.

— Я думал о вашем будущем и о моем, — сказал он. — Я думал о том времени, когда ваш путь и мой путь по жизни станут путями разными, а не единым.

— Вот и рассветает! — вскричал Аллэн. — Посмотрите на мачты, они уже ясно начинают обозначаться. Извините... Что вы говорили?

Мидуинтер не отвечал. Борьба между наследственным суеверием, побуждавшим его объясниться, и непобедимая привязанность к Аллэну, удерживавшая его, заставляли замереть слова на губах. Он отвернулся с безмолвным страданием.

«О, отец мой! — подумал он. — Лучше бы ты убил меня в тот день, когда я лежал на груди твоей, чем оставить меня жить с этим!»

— Что вы говорили о будущем? — приставал Аллэн. — Я смотрел на рассвет и не слышал.

Мидуинтер принудил себя и отвечал:

— Вы обращались со мной с вашей обыкновенной добротой, когда намеревались взять меня с собой в Торп-Эмброс. Я обдумал и рассудил, что мне лучше не показываться туда, где меня не знают и не ожидают.

Голос его ослабел, и он замолчал опять. Чем более он не решался, тем яснее картина счастливой жизни, от которой он отказывался, представлялась его воображению.

Мысли Аллена тотчас обратились к той мистификации о новом управителе, которую он разыгрывал со своим другом, когда они советовались в каюте яхты.

«Не начинает ли он подозревать? — спрашивал себя Аллен. — Я его испытаю».

— Говорите столько вздору, сколько хотите, любезный друг, — отвечал он, — но не забывайте, что вы обязались посмотреть, как я поселюсь в Торп-Эмброзе, и сказать мне ваше мнение о новом управителе.

Мидуинтер вдруг выступил вперед, прямо к Аллену.

— Я говорю не о вашем управителе и не о вашем поместье, — с гневом возразил он. — Я говорю о себе самом. Слышите? О себе самом! Я не гожусь вам в товарищи, вы не знаете, кто я.

Он отошел в темноту так же внезапно, как и вышел из нее.

— О Боже! Я не могу сказать ему? — сказал он себе шепотом.

На минуту только, на одну минуту Аллен был удивлен.

— Я не знаю, кто вы?

Даже когда он повторил эти слова, его веселая беспечность одержала верх. Он поднял бутылку с виски и значительно ею потряс.

— Спрашиваю вас, — продолжал он, — сколько вы выпили этого докторского лекарства, пока я сидел на бизань-мачте?

Его беспечный тон довел Мидуинтера до крайней степени раздражения. Он вышел опять на свет и сердито топнул ногой.

— Слушайте меня! — сказал он. — Вы не знаете и половины тех низких поступков, какие я делал в своей жизни. Я был работником у лавочника, я мел лавку, запирали ставни, я разносил книги по улицам и ждал денег моего хозяина у дверей его покупателей...

— А я никогда не делал и половины таких полезных вещей, — отвечал Аллен. — Милый и добрый друг, как трудолюбивы были вы в вашей жизни!

— Я был бродягой в моей жизни, — свирепо отвечал Мидуинтер. — Я был уличным скоморохом, странствовал с цыганами; я пел за полпенни с пляшущими собаками на большой дороге; я носил лакейскую ливрею и служил за столом; я был поваром на корабле и

чернорабочим у голодного рыбака! Что может иметь общего джентльмен в вашем положении с таким человеком, как я? Разве вы можете допустить меня в торп-эмбросское общество? Одно мое имя будет для вас упреком. Представьте себе лица ваших новых соседей, когда их лакеи доложат об Озайязе Мидуинтере и об Аллэне Армадэле!

Он хрипло засмеялся и повторил опять их имена с презрительной горечью, безжалостно подчеркивавшей контраст между ними.

Что-то в звуке его смеха неприятно подействовало даже на беспечную натуру Аллэна. Он приподнялся и серьезно заговорил в первый раз:

— Шутка шуткой, Мидуинтер, но вам не следует заводить ее слишком далеко. Я помню, вы и прежде говорили мне что-то в этом роде, когда я ухаживал за вами в Сомерсетшире. Вы принудили меня спросить вас, заслуживаю ли я, чтобы вы отталкивали меня от себя. Не принуждайте меня спросить вас об этом опять. Шутите сколько хотите, любезный друг, только другим образом, а это оскорбляет меня.

Как ни просты были эти слова и как ни просто они были сказаны, они в одно мгновение произвели переворот в душе Мидуинтера. Его впечатлительная натура была поражена, как от внезапного удара. Не говоря ни слова в ответ, он отошел на затененную часть корабля, сел на доски, наваленные между мачтами, и провел рукой по лбу с каким-то странным и расстроенным видом. Хотя он опять разделял веру отца своего в судьбу, хотя в душе его не было ни малейшей тени сомнения, что женщина, которую мистер Брок встретил в Сомерсетшире, и женщина, которая пыталась утопиться в Лондоне, — одна и та же, хотя весь ужас, овладевший им, когда он в первый раз прочел письмо из Вильдбада, охватил его опять, простые и благородные слова Аллэна в защиту их дружбы поразили его самое сердце с силой, более непреодолимой, чем сила его суеверия. Вследствие этого самого суеверия он теперь отыскивал в себе силы, которые могли бы поддержать его, пожертвовать своим чувством, которое могло как-то оскорбить добрые чувства друга.

— Зачем огорчать его? — шептал он сам себе. — Мы еще не дошли до конца. Позади нас стоит эта женщина во мраке. Зачем сопротивляться ему, когда вред сделан и предосторожность является

слишком поздно? Что должно быть, то будет, что могу я сделать с будущим и что может сделать он?

Он возвратился к Аллэну, сел возле него и взял его за руку.

— Простите меня, — сказал он кротко. — Я оскорбил вас в последний раз.

Прежде чем Аллэн успел ответить, Мидуинтер схватил бутылку с палубы.

— Вы попробовали лекарство доктора? — воскликнул он с внезапным усилием подражать веселости своего друга. — Почему же не попробовать и мне?

Аллэн был в восторге.

— Вот эта перемена к лучшему! — сказал он. — Мидуинтер опять стал самим собой. Слушайте! Вот поют птицы.

Он сам запел громким веселым голосом и ударил Мидуинтера по плечу со своим обычным искренним дружелюбием.

— Как вам удалось очистить вашу голову от этих проклятых глупостей? Знаете ли, что вы напугали меня, уверяя, что с которым-нибудь из нас случится что-нибудь, прежде чем мы сойдем с этого корабля?

— Чистый вздор! — возразил Мидуинтер презрительно. — Мне кажется, что голова моя еще не совсем в порядке после этой горячки, у меня на шляпе пчела, как говорят на севере. Будем говорить о чем-нибудь другом, о тех людях, которым вы отдали внаймы коттедж. Желал бы я знать, можно ли положиться на слова агента о семействе майора Мильроя? Может быть, у них в семействе еще есть женщина, кроме жены и дочери.

— Ого! — вскричал Аллэн. — Вы начинаете думать о нимфах между деревьями и о волокитстве в фруктовом аду? Еще женщина, э-э! Ну что, если в семейном кружке не найдется другой? Нам придется опять спускать полкроны, кому из нас удастся заслужить расположение мисс Мильрой.

Раз в жизни Мидуинтер заговорил так же беспечно и небрежно, как сам Аллэн:

— Нет, нет! — сказал он. — Хозяин коттеджа майора имеет первое право на внимание его дочери. Я удалюсь на задний план и буду ждать первой дамы, которая появится в Торп-Эмброзе.

— Очень хорошо! Я для этого прибью в парке приглашение к норфолькским женщинам, — сказал Аллэн. — Вы имеете какое-нибудь предпочтение к росту и цвету лица? Каких лет должна быть ваша возлюбленная?

Мидуинтер забавлялся своим суеверием, как человек забавляется своим ружьем, которое может убить его, или свирепым зверем, который может изуродовать его на всю жизнь. Он назвал лета женщины в черном платье и красной шали.

— Тридцати пяти, — сказал он.

Когда эти слова сорвались с его губ, поддельная веселость оставила его. Он встал, оставаясь непроницаемо глух ко всем насмешкам Аллэна над его необыкновенным ответом, и опять начал ходить по палубе в полном молчании. Мысль, преследовавшая его в час мрака, опять преследовала его теперь в час рассвета; вновь его душой овладело убеждение, что с Аллэном или с ним случится что-нибудь, прежде чем они оставят этот разрушенный корабль.

С каждой минутой небо на востоке светлело, темные места на палубе при дневном свете выглядели еще безобразнее, чем ночью. Ветер постепенно поднялся, и море заволновалось при утреннем свете. Даже холодное журчание воды в канале смягчило свой унылый звук, когда теплый поток света заструился на него от восходящего солнца. Мидуинтер остановился в носовой части корабля и обратил свои блуждающие мысли в прошлое. Веселое оживление этого часа царило всюду, куда бы он ни посмотрел. Радостная утренняя улыбка летнего неба, столь сострадательная к старой и утомленной земле, захватила своей красотой даже разрушенный корабль. Роса, сверкавшая на полях, блестела и на палубе, и ветхие снасти сияли столь же ярко, как и свежие зеленые листья на берегу. Этой красоты утра Мидуинтер не почувствовал, когда оглядывался вокруг. Его мысли обратились к товарищу, разделившему с ним его ночное приключение. Он вернулся на корму корабля и, приближаясь, заговорил с Аллэном. Не получив ответа, подошел ближе и посмотрел пристальнее на своего друга. Оставшись один, Аллэн поддался усталости. Голова его откинулась назад, шляпа упала. Он растянулся на палубе во весь рост и заснул глубоко и спокойно.

Мидуинтер продолжал свою прогулку. Он терзался в сомнении, его собственные прошлые мысли вдруг как будто стали ему чужды,

как мрачно его предчувствие не доверяло наступающему времени! И как безвредно наступило это время! Солнце поднималось на небе, час освобождения наступал все ближе и ближе, и из двух Армадэлей, заключенных на этом корабле, один спал в это скучное время, а другой, блуждая по палубе, смотрел на появление нового дня.

Солнце поднялось еще выше, утро наступало. С тайным недоверием к разрушенному кораблю, которое еще оставалось в нем, Мидуинтер рассматривал на ближнем берегу признаки пробуждающейся человеческой жизни. Земля была еще пустынна. Дым, который скоро должен был подняться из труб коттеджей, еще не поднимался.

После минутного размышления он вернулся на корму корабля посмотреть, не видна ли оттуда рыбацья лодка. Поглощенный на минуту в эту новую идею, он торопливо прошел мимо Аллэна, заметив только, что он еще спит. Еще один шаг, и Мидуинтер подошел бы уже к гакаборт, но этот шаг был остановлен звуком, раздавшимся позади него, звуком, похожим на слабый стон. Он обернулся и посмотрел на спящего на палубе, затем тихо встал на колени, придвинувшись ближе.

— Наступило! — прошептал он сам себе. — Не для меня, а для него.

Это наступило в светлой свежести утра, наступило в таинственном и страшном сновидении. Лицо, которое Мидуинтер только что видел совершенно спокойным, было теперь искажено страданием. Пот выступил крупными каплями на лбу Аллэна и смочил его кудрявые волосы. В его полураскрытых глазах виднелись только белки, его распростертые руки царапали палубу. Каждую минуту он стонал и бормотал что-то, но слова, вырывавшиеся у него, замирали. Он лежал так близко к другу, наклонившемуся над ним, и так далеко душою, что оба, может быть, были в совершенно различном мире: он лежал в мучительном сне, между тем как на яву утреннее солнце освещало его лицо.

Один вопрос, единственный, возник в душе человека, смотревшего на него. Что определил ему видеть во сне рок, заключивший его на этом разрушенном корабле?

Неужели вероломный сон раскрыл пределы могилы тому из этих двух Армадэлей, которого другой держал в неведении истины?

Неужели убийство отца обнаружилось сыну — тут, на том самом месте, где преступление было совершено, — в видении сна?

С этим вопросом, затемнившем все другое в его душе, сын убийцы стоял на палубе и смотрел на сына человека, которого убила рука его отца.

Борьба между спящим телом и бодрствующей душой усиливалась каждую минуту. Стоны спящего становились громче, руки поднимались и хватались за пустой воздух. Выдерживая борьбу со всепоглощающим страхом, который еще удерживал его, Мидуинтер тихо положил руку на лоб Аллэна. Как ни легко было прикосновение, какое-то таинственное сочувствие в спящем отвечало на него. Стоны его прекратились, и руки опустились медленно. Наступила минута неизвестности. Мидуинтер склонился ниже, дыхание его коснулось лица спящего. Прежде чем он успел вздохнуть в другой раз, Аллэн вскочил на колени, вскочил, как будто звук трубы коснулся его слуха.

— Вам привиделся сон, — сказал Мидуинтер, когда Аллэн дико посмотрел на него в первую минуту пробуждения.

Глаза Аллэна начали бродить по кораблю сначала смутно, потом с выражением гневного удивления.

— Разве мы еще здесь? — сказал он, когда Мидуинтер помог ему подняться на ноги. — Уж опять я не засну на этом проклятом корабле! — прибавил он через минуту.

Когда он произносил эти слова, глаза его друга с безмолвным вопросом рассматривали его лицо. Оба прошли по палубе.

— Расскажите мне ваш сон, — сказал Мидуинтер странно подозрительным тоном и со странно резким выражением.

— Я еще не могу вам рассказать, — отвечал Аллэн. — Подождите немножко, пока я опомнюсь.

Они опять прошли по палубе. Мидуинтер остановился и снова заговорил:

— Посмотрите на меня, Аллэн.

В лице Аллэна, когда он посмотрел на говорившего, было заметно и волнение, оставленное еще сном, и естественное удивление при странной просьбе, сделанной ему, но ни малейшей тени недоброжелательства или недоверия. Мидуинтер быстро отвернулся и скрыл, как мог, непреодолимую вспышку облегчения.

— У меня немножко расстроенный вид? — спросил Аллэн, взяв его за руку и опять увлекая его по палубе. — Не тревожьтесь обо мне, если точно я кажусь немножко расстроен, голова кружится, это скоро пройдет.

Несколько минут они ходили молча взад и вперед. Один старался прогнать из мыслей страшный сон, другой старался узнать, в чем мог состоять этот страшный сон. Освободившись от страха, теснившего его, суеверная натура Мидуинтера разом сделала другое заключение. Что, если спящему представилось видение не прошлого? Что, если сон раскрыл те неперевернутые страницы в книге будущего, в которых рассказывается история его наступающей жизни? Подозрение это увеличило в десять раз желание Мидуинтера проникнуть в тайну, которую Аллэн скрывал от него.

— Покойнее стала ваша голова? — спросил он. — Можете теперь вы рассказать мне ваш сон?

Пока он задавал этот вопрос, последняя достопамятная минута приключения на разрушенном корабле приближалась к концу.

Они дошли до кормы и только что вернулись, как Мидуинтер заговорил. Когда Аллэн раскрыл рот, чтобы отвечать, он машинально взглянул на море. Вместо ответа он вдруг побежал к гакаборту и замахал шляпой над головой с радостным криком.

Мидуинтер присоединился к нему и увидел большую шестивесельную шлюпку, прямо направлявшуюся в канал. Человек, который показался им знакомым, приподнялся и также замахал шляпой в ответ Аллэну. Лодка подъехала ближе, рулевой весело закричал им, и они узнали голос доктора.

— Слава Богу, вы здоровы и невредимы! — сказал Гаубери, когда они встретили его на палубе разрушенного корабля. — Какой ветер занес вас сюда?

Он смотрел на Мидуинтера, задавая этот вопрос, но Аллэн рассказал ему историю ночи, и Аллэн же стал расспрашивать доктора. Единственный всепоглощающий интерес в душе Мидуинтера — интерес проникнуть в тайну сна — делал его безмолвным. Не обращая внимания на то, что говорилось и делалось вокруг него, он наблюдал за Аллэном. Он следил за Аллэном, как собака, пока не настало время садиться в шлюпку. Зоркие глаза доктора Гаубери с любопытством примечали изменявшийся цвет его лица и непрерывную тревогу рук.

«Я не обменялся бы нервной системой с этим человеком, если бы мне предлагали за это огромное богатство», — думал доктор, когда взялся за руль, и приказал гребцам отчалить от корабля.

Оставив все объяснения до тех пор, пока они возвратятся в Порт Сент-Мэри, Гаубери поспешил удовлетворить любопытство Аллэна. Обстоятельства, заставившие его поспешить спасти своих вчерашних гостей, были довольно просты. Пропавшую лодку встретили в море рыбаки из порта Эрина на западной стороне острова, узнали лодку доктора и тотчас отправили гонца к нему в дом с расспросами. Узнав, что случилось, Гаубери испугался за безопасность Аллэна и его друга. Он немедленно позаботился об оказании помощи и по указаниям рыбаков прежде всего отправился в самое опасное место на этом берегу, единственное место, в котором в тихую погоду могло случиться несчастье со шлюпкой, управляемой опытными людьми, в канал Соунд. Объяснив таким образом свое удачное появление в канале, доктор гостеприимно настоял, чтобы его вечерние гости сделались и его утренними гостями. Еще было рано отправляться в гостиницу, и они найдут постели и завтрак в доме мистера Гаубери.

При первой паузе в разговоре между Аллэном и доктором Мидуинтер, не присоединявшийся к разговору и не слушавший его, дотронулся до руки своего друга.

— Вам лучше? — спросил он шепотом. — Вы скоро успокоитесь настолько, чтобы рассказать мне то, что я желаю знать.

Брови Аллэна нетерпеливо нахмурились. Его тон и упрямство, с каким Мидуинтер возвращался к нему, были равно неприятны для него. Он отвечал уже не со своей обыкновенной веселостью:

— Я полагаю, что вы не оставите меня в покое, пока я не расскажу вам. Стало быть, лучше кончить тотчас.

— Нет, — возразил Мидуинтер, посмотрев на доктора и на гребцов. — Не там, где другие могут слышать. И подождите, пока мы с вами будем одни.

— Если вы желаете, господа, посмотреть в последний раз на вашу ночную квартиру, — вмешался доктор, — теперь пора, через минуту берег закроет корабль.

Молча оба Армадэля посмотрели в последний раз на роковой корабль. Одиноким и погибшим нашли они разрушенный корабль в

таинственности летней ночи, одиноким и погибшим оставили они его в лучезарной красоте летнего утра.

Через час доктор поместил своих гостей в их спальнях и оставил их отдохнуть до завтрака. Только он ушел, двери из обеих комнат тихо отворились, и Аллэн и Мидуинтер встретились в коридоре.

— Вы можете спать после того, что случилось? — спросил Аллэн.

Мидуинтер покачал головой.

— Вы шли в мою комнату? — сказал он. — Для чего?

— Просить вас посидеть со мной. А вы зачем шли в мою комнату?

— Просить вас рассказать мне ваш сон.

— К черту этот сон! Я хочу забыть его.

— А я хочу его узнать.

Оба молчали, оба инстинктивно воздерживались сказать более. В первый раз с начала их дружбы между ними возникло неудовольствие по случаю этого сна. Прекрасный характер Аллэна остановил их на границах этого неудовольствия.

— Вы самый упрямый человек на свете, — сказал он. — Но если вы хотите знать мой сон, то, нечего делать, вы должны его узнать. Пойдемте в мою комнату, и я вам расскажу.

Он пошел вперед, Мидуинтер за ним. Дверь затворилась и заперла их вместе.

Глава V. ТЕНЬ БУДУЩЕГО

Когда Гаубери встретился со своими гостями в столовой, страшный контраст в их характерах, уже примеченный им, произвел на него еще большее впечатление. Один сидел за уставленным обильными кушаньями столом голодный и счастливый, переходя от блюда к блюду и уверяя, что он никогда в жизни не завтракал так отлично. Другой сидел поодаль у окна, не допив чашки, не доев с тарелки. Утреннее приветствие доктора верно выразило различные впечатления, которые оба друга произвели на него. Он ударил Алл, та по плечу и приветствовал его шуткой. Мидуинтеру он принужденно поклонился и сказал:

Я боюсь, что вы еще не оправились от ночной усталости.

— Это не ночь, доктор, привела его в уныние, — сказал Аллэн, — а то, что я рассказал ему. Заметьте, это не моя вина. Если бы я знал, что он верит снам, я не раскрыл бы рта.

— Снам? — повторил доктор, прямо посмотрев на Мидуинтера и ошибочно поняв значение слов Аллэна. — С вашей нервной системой вам следовало уже привыкнуть к снам.

— Вы не так поняли, доктор! — вскричал Аллэн. — Это я видел сон, а не он. Не изумляйтесь, я спал не в этом удобном доме, а на том проклятом корабле. Дело в том, что я заснул перед тем, как вы увезли нас с корабля, и не стану отпираться, что я видел очень гадкий сон. Когда мы воротились сюда...

— Зачем вы надоедаете мистеру Гаубери тем, что не может его интересовать? — заговорил Мидуинтер в первый раз и очень нетерпеливо.

— Извините, — возразил доктор довольно резко. — Сколько я знаю, это интересует меня.

— Вот это прекрасно, доктор! — сказал Аллэн. — Прошу и умоляю, заинтересуйтесь этим: я желал бы, чтобы вы выбили вздор из его головы. Как вы думаете, он убежден, что сон этот предостерегает меня избегать некоторых людей, и настойчиво уверяет, что один из этих людей он сам. Слышали вы что-нибудь подобное? Я очень старался объяснить ему все. Я говорил, что это предостережение

ничего более, как следствие дурного пищеварения. Вы не знаете, что я ел и пил за ужином у доктора. Вы думаете, что он меня послушал? Не такой он человек! Попробуйте вы. Вы врач, и он должен вас послушать. Будьте так добры, доктор, дайте мне свидетельство в том, что мой сон был следствием дурного пищеварения, я с удовольствием покажу вам язык.

— Достаточно посмотреть на ваше лицо, — сказал Гаубери. — Я сейчас дам вам свидетельство, что вы никогда в жизни не страдали от дурного пищеварения. Послушаем ваш сон и посмотрим, что мы можем из него извлечь, то есть если это для вас не неприятно.

Аллэн своей вилкой указал на Мидуинтера.

— Обратитесь к моему другу, — сказал он. — Он может лучше рассказать вам, нежели я. Поверите ли вы, он все записал с моих слов и заставил меня подписать, как будто это было «моим предсмертным признанием» перед тем, как я пойду на виселицу. Вынимай же, старикашка, я видел, как ты положил это в записную книжку. Вынимай!

— Вы серьезно этого желаете? — спросил Мидуинтер, очень неохотно вынимая записную книжку.

Такое недоверие в его собственном доме могло показаться доктору обидным. Гаубери вспыхнул.

— Пожалуйста, не читайте, если чувствуете малейшее нежелание, — сказал он с подчеркнутой вежливостью оскорбленного человека.

— Какой вздор! — закричал Аллэн! — Бросьте книжку сюда!

Вместо того чтобы исполнить эту просьбу, Мидуинтер вынул бумагу из записной книжки и, встав со своего места, подошел к Гаубери.

— Извините, — сказал он, сам подавая рукопись доктору.

Глаза его смотрели в сторону, а лицо помрачнело, когда он извинялся.

«Скрытный, угрюмый человек! — думал доктор, поблагодарив Мидуинтера с видимой вежливостью. — Его друг в тысячу раз лучше его».

Мидуинтер отошел к окну и опять сел молча со своей прежней, недоступной пониманию покорностью, которая когда-то привела в недоумение Брока.

— Читайте, доктор, — сказал Аллэн, когда Гаубери развернул рукопись. — Это рассказано не вокруг да около, как обыкновенно рассказываю я, но тут ничего не прибавлено и не убавлено. Тут все точь-в-точь, как я видел во сне, и точь-в-точь, как написал бы я сам, если бы думал, что это стоит записать, и если бы был мастер писать, а этого нет, — заключил Аллэн, спокойно мешая свой кофе. — Я только мастер писать письма, я мигом набрасываю их.

Гаубери разложил рукопись на столе и прочел эти строки:

"СОН АЛЛЭНА АРМАДЭЛЯ

Рано утром первого июня в тысяча восемьсот пятьдесят первом году я находился (по обстоятельствам, о которых нет никакой надобности упоминать здесь) один с моим другом — молодым человеком почти моих лет — на разрушенном французском корабле «La Grace de Dieu», который лежит в канале Соунд между материком острова Мэн и островком, называемым Каф. Не ложившись в постель прошлую ночь и чувствуя непреодолимую усталость, я заснул на палубе корабля. Я был совершенно здоров в то время. Солнце уже взошло, и мне привиделся сон. Вот, насколько я могу припомнить, что представлялось мне во сне в продолжение нескольких часов:

1. Первое, что я помню, было появление моего отца. Он молча взял меня за руки, и мы очутились в каюте какого-то корабля.

2. Вода медленно поднималась над нами в этой каюте. Я и мой отец вместе потонули в воде.

3. Наступил промежуток забвения, а потом мне показалось, что я остался один в темноте.

4. Я ждал.

5. Темнота раскрылась и показала мне видение, как в картине, широкого уединенного пруда, окруженного открытой местностью. Над дальним краем пруда я увидел безоблачное западное небо, покрасневшее от заходящего солнца.

6. На ближнем краю пруда стояла тень женщины.

7. Это была только тень. Мне не виделось никакого признака, по которому я мог бы узнать ее или сравнить с каким-нибудь живым существом. Длинное платье показало мне, что это была тень женщины, но не увидел ничего больше.

8. Настала опять темнота, а потом после некоторого промежутка раскрылась опять. Я очутился в комнате и стоял у длинного окна. Единственная мебель или украшение, виденное мной (или которое я помню), была небольшая статуя, стоявшая возле меня. Статуя была с левой руки, а окно с правой. Окно открывалось на луг и цветник, и дождь тяжело бил в стекла.

9. Я был в комнате не один, напротив меня у окна была тень мужчины.

10. Я видел не более, я знал не более об этой тени, как и о тени женщины. Но тень мужчины двигалась, протянула руки к статуе, и статуя упала на пол, разбившись вдребезги.

11. Со смутным ощущением, походившим отчасти на гнев, отчасти на огорчение, я наклонился посмотреть на обломки. Когда я опять приподнялся, тень исчезла, и я не видел ничего более.

12. Темнота открылась в третий раз и показала мне тень женщины и тень мужчины вместе.

13. Никакой окружающей сцены (и ничего, что я мог бы теперь припомнить) не виделось мне.

14. Тень мужчины была ближе. Тень женщины стояла позади. Оттуда, где она стояла, слышался звук будто тихо лившейся жидкости. Я видел, как она дотронулась до тени мужчины одной рукой, а другой подала ему рюмку. Он взял рюмку и подал ее мне. В ту минуту, когда я поднес ее к губам, смертельная слабость овладела мной с головы до ног. Когда я опомнился, тень исчезла, и третье видение кончилось.

15. Темнота замкнулась надо мной опять, и наступил промежуток забвения.

16. Я не сознавал ничего более, пока не почувствовал утреннего солнца на лице и не услышал, как друг мой сказал мне, что я проснулся от сна".

Прочтя рассказ внимательно, до последней строчки (под которой виднелась подпись Аллэна), доктор посмотрел через стол на Мидуинтера и начал похлопывать по рукописи с иронической улыбкой.

— У всякого свое мнение, — сказал он. — Я не согласен ни с кем из вас насчет этого сна. Вашу теорию, — прибавил он, смотря на Аллэна с улыбкой, — мы уже опровергли, надо еще поискать ужина,

которого ваш желудок не мог бы переварить. До моей теории сейчас придет очередь. Прежде обратим внимание на теорию вашего друга.

Он резко обернулся к Мидуинтеру, и ожидаемое торжество над человеком, который ему не нравился, слишком ясно виделось в его лице и обращении.

— Если я так понял, — продолжил он, — то вы полагаете, что этот сон служит сверхъестественным предостережением мистеру Армадэлю об опасных событиях, угрожающих ему, и об опасных людях, имеющих отношение к этим событиям, которых он должен был избегать. Могу я узнать, дошли ли вы до этого заключения потому, что всегда верите снам, или вы имеете свои причины приписывать особенную важность одному этому сну?

— Вы очень верно определили мое убеждение, — отвечал Мидуинтер, сердясь на выражение лица и голос доктора. — Извините меня, если я попрошу вас удовольствоваться этим заключением и позволить мне умолчать о моих причинах.

— Вот именно это он сказал и мне, — вмешался Аллэн, — а я думаю, что у него совсем нет никаких причин.

— Тише! Тише! — сказал Гаубери. — Мы можем рассуждать об этом предмете, не вмешиваясь ни в чьи тайны. Перейдем прежде к моей методе насчет снов. Мистер Мидуинтер, вероятно, не удивится, когда услышит, что я смотрю на эти вещи с практической точки зрения...

— Я совсем не удивлюсь, — возразил Мидуинтер. — Точка зрения медика, когда он должен решать проблему человечества, редко заходит далее его скальпеля.

Доктор со своей стороны немножко обиделся.

— Наши границы не так узки, — сказал он. — Но я охотно соглашусь с вами, что в ваших убеждениях есть некоторые пункты, в которые мы, доктора, не верим. Например, мы не верим, что рассудительный человек может приписывать сверхъестественную причину какому бы то ни было феномену, являющемуся его чувствам, до тех пор, пока он не удостоверится, что этот феномен нельзя объяснить естественным образом.

— Это очень справедливо! — воскликнул Аллэн. — Он метко попал в вас «скальпелем», доктор, а теперь вы оплатите ему тем же вашим «естественным объяснением». Послушаем.

— Извольте, — сказал Гаубери, — вот оно. В моей теории о снах нет ничего необыкновенного: эта теория принята большинством людей моей профессии. Сон есть воспроизведение в спящем состоянии мозга образов и впечатлений, произведенных на него наяву, и это воспроизведение бывает более или менее неполно и не лишено противоречий, так как действие некоторых способностей в спящем сдерживается более или менее влиянием сна. Не исследуя долее эту последнюю часть предмета — часть очень любопытную и интересную, — возьмем теорию вообще так, как я выставил ее, и приложим ее тотчас к сновидению, о котором идет речь.

Он взял рукопись со стола и оставил официальный тон (как профессор на лекции), в который он незаметно впал.

— Я вижу уже одно событие в этом сновидении, — продолжал он, — которое я знаю как воспроизведение впечатления наяву на мистера Армадэля в моем присутствии. Если он захочет помочь мне, сделав усилие над своей памятью, я не теряю надежды проследить весь ряд событий, записанных здесь до всего того, что он сказал, или думал, или видел, или делал в двадцать четыре часа или менее, предшествовавшие его сну на палубе разрушенного корабля.

— Я с величайшим удовольствием постараюсь припомнить, — сказал Аллэн. — С чего мы начнем?

— Начните с рассказа, что вы видели вчера, прежде чем я встретился с вами и с вашим другом на дороге, — отвечал Гаубери. — Когда вы встали и позавтракали, что было с вами потом?

— Мы взяли экипаж, — сказал Аллэн, — и поехали из Кэстльтоуна в Дуглас проводить моего старого друга мистера Брока на ливерпульский пароход. Мы возвратились в Кэстльтоун и расстались у дверей гостиницы. Мидуинтер пошел в комнаты, а я — к моей яхте на пристань. Кстати, доктор, вы обещали поехать с нами по морю, прежде чем мы уедем с острова Мэн.

— Очень благодарен, но будем продолжать. Что было потом?

Аллэн колебался. Мысли его разбрелись в разные стороны.

— Что вы делали на яхте?

— О, знаю! Я приводил каюту в порядок — даю вам честное слово, что я все там перевернул вверх дном. Друг мой приехал с берега на лодке и помог мне. Кстати, я еще не спрашивал вас: не повреждена ли ваша шляпка в прошлую ночь. Если с ней случилось

какое-нибудь повреждение, я непременно требую, чтобы мне позволили поправить ее.

Доктор отказался от дальнейших попыток воспользоваться памятью Аллэна.

— Я сомневаюсь, достигнем ли мы нашей цели таким образом, — сказал он. — Было бы лучше по порядку следовать за событиями в сновидении и предлагать вопросы, которые представятся сами, когда мы будем продолжать. Начнем с первых двух. Вы видели во сне, будто ваш отец явился вам и вы с ним очутились в каюте какого-то корабля, что вода поднялась над вами и что вы с ним потонули. Могу ли я спросить, заходили ли вы в каюту разбитого корабля?

— Я не мог зайти, — отвечал Аллэн, потому что каюта была полна воды. Я заглянул, увидел это и опять запер дверь.

— Очень хорошо, — сказал Гаубери. — Вот впечатления, сделанные наяву, обозначились довольно ясно. У вас в мыслях была каюта, и вода, и плеск волн в канале, сколько я знаю, не спрашивая, был последний в ваших ушах, когда вы заснули. Мысль об утоплении является так естественно из подобных впечатлений, что об этом нечего распространяться. Нет ли еще чего, прежде чем мы будем продолжать? Да! Еще одно обстоятельство остается объяснить.

— Самое важное обстоятельство, — заметил Мидуинтер, присоединяясь к разговору, но не вставая со своего места у окна.

— Вы говорите о наружности отца мистера Армадэля? Я приступал именно к этому, — отвечал Гаубери. — Отец ваш жив? — обратился он к Аллэну.

— Отец мой умер, прежде чем я родился.

Доктор вздрогнул.

— Это запутывается несколько, — сказал он. — Почему вы знаете, что фигура, явившаяся вам во сне, был ваш отец.

Аллэн опять колебался. Мидуинтер отодвинул несколько стул свой от окна и первый раз внимательно посмотрел на доктора.

— Ваш отец был в ваших мыслях, прежде чем вы заснули, — продолжал Гаубери. — Не думали ли вы о каком-нибудь портрете его?

— Разумеется, — отвечал Аллэн, вдруг ухватившись за потерянное воспоминание. — Мидуинтер! Помните миниатюрный портрет, который вы нашли на полу в каюте, когда мы приводили в

порядок яхту? Вы сказали, что я не дорожу этим портретом, а я сказал, что я дорожу, потому что это портрет моего отца...

— А лицо, виденное вами во сне, походило на лицо миниатюрного портрета? — спросил Гаубери.

— Точь-в-точь! Доктор, теперь это начинает становиться интересно!

— Что вы скажете теперь? — спросил Гаубери, опять обратившись к сидевшему у окна.

Мидуинтер торопливо встал со своего места и сел у стола с Аллэном. Так как он уже раз искал защиты от тирании своего суеверия в здравом смысле Брока, точно так и теперь, с такой же необдуманной горячностью, с таким же прямым и искренним намерением он искал прибежища в теории доктора о сновидениях.

— Я говорю, что говорит мой друг, — отвечал он, вдруг вспыхнув внезапным энтузиазмом. — Это начинает становиться интересным. Продолжайте, пожалуйста, продолжайте!

— Доктор посмотрел на своего странного гостя гораздо снисходительнее прежнего.

— Вы единственный мистик, с каким мне случалось встречаться, — сказал он, — который не опровергает очевидного. Я не отчаиваюсь обратить вас, прежде чем наше исследование дойдет до конца. Перейдем к следующему ряду событий, — продолжал он, заглянув на минуту в рукопись. — Промежуток забвения, последовавший за первым появлением в сновидении, можно легко объяснить. Он означает мгновенное прекращение умственного действия мозга, между тем как глубокая волна сна залила его, точно так, как ощущение одиночества в темноте обозначает возобновление этого действия до воспроизведения другого рода впечатлений. Посмотрим, каковы они. Уединенный пруд, окруженный открытой местностью, закат солнца на дальней стороне пруда и тень женщины с ближайшей стороны. Очень хорошо. Теперь примемся за это, мистер Армадэль, как этот пруд попал в вашу голову? Открытую местность вы видели по дороге из Кэстльтоуна сюда. Но у нас здесь нет ни прудов, ни озер. Вы не могли видеть их недавно, потому что приехали сюда после путешествия по морю. Не видели ли вы этого на картине? Не читали ли вы в книге или не разговаривали ли с вашим другом?

Аллэн взглянул на Мидуинтера.

— Я не помню, чтобы я разговаривал о прудах и озерах. А вы?

Вместо того чтобы отвечать на этот вопрос, Мидуинтер вдруг спросил доктора:

— Есть у вас последний номер мэнской газеты?

Доктор снял ее с полки буфета. Мидуинтер нашел страницу, заключающую те выписки из недавно изданного «Путешествия по Австралии», которые так заинтересовали Аллэна накануне и чтение которых кончилось глубоким сном его друга. Там, в том месте, где описывают страдания путешественников от жажды и открытие, спасшее их жизнь, в самом интересном месте рассказа явился широкий пруд, виденный Аллэном во сне.

— Не откладывайте газету, — сказал доктор, когда Мидуинтер показал ее ему с необходимым объяснением. — Прежде чем мы дойдем до конца исследования, очень может быть, что эти выписки понадобятся нам опять. Пруд мы нашли, а как закат солнца? Ни о чем подобном не упоминается в газетной выписке. Обратитесь снова к вашей памяти, мистер Армадэль. Нам нужны ваши впечатления наяву о закате солнца.

Опять Аллэн не мог найти ответа, и опять быстрая память Мидуинтера помогла ему в этом затруднении.

— Я думаю, что я могу добраться до этого впечатления так, как добрался до другого, — обратился он к доктору. — Когда мы приехали сюда вчера, мы долго ходили по холмам...

— Именно! — перебил Аллэн. — Помню. Солнце закатывалось, когда мы воротились в гостиницу ужинать, красное небо было так великолепно, что мы оба остановились посмотреть на него. Потом мы стали говорить о мистере Броке и далеко ли отъехал он. Моя память, может быть, медленно сначала воспроизводит прошлое, доктор, но когда я достаточно сосредоточиваюсь, остановить ее невозможно! Я еще не кончил и половины.

— Подождите минуточку из сострадания к памяти мистера Мидуинтера и моей, — сказал доктор. — Мы проследили ваши впечатления наяву: открытую местность, пруд и закат солнца, но тень женщины еще не объяснена. Можете вы найти нам оригинал этой таинственной фигуры в ландшафте вашего сна?

Аллэн пришел в прежнее недоумение, а Мидуинтер ждал, что будет, не спуская глаз с лица доктора. В первый раз в комнате

водворилось продолжительное молчание. Гаубери вопросительно смотрел то на Аллэна, то на его друга: никто из них не отвечал ему. Между тенью и ее оригиналом была огромная бездна таинственности, непроницаемая для всех троих.

— Терпение, — сказал спокойно доктор. — Оставим пока фигуру у пруда и попытаемся, не можем ли мы определить ее опять, по мере того как мы будем продолжать. Позвольте мне заметить, мистер Мидуинтер, что в тени узнать личность нелегко, но мы отчаиваться не будем. Эта неосязаемая дама озера может быть расшифрована, когда мы опять встретимся с нею.

Мидуинтер не отвечал. С этой минуты интерес его к исследованию начал ослабевать.

— Какая следующая сцена в сновидении? — продолжал Гаубери, принимаясь за рукопись. — Мистер Армадэль очутился в комнате, он стоит перед большим окном, выходящим на луг и цветник, и дождь бьет в стекла. Он видит в комнате только один предмет — небольшую статую, и единственный собеседник его — тень мужчины, стоящего напротив него. Тень протягивает руки, и статуя падает на пол и разбивается вдребезги, а мистер Армадэль в гневе и огорчении от этой катастрофы (заметьте, господа, здесь мыслительные способности спящего несколько пробуждаются, и сновидение рационально переходит на минуту от причины к действию) наклоняется и смотрит на разбитые куски. Когда он поднял опять голову, сцена исчезла, то есть в отливе и приливе сна настала очередь прилива, и мозг несколько успокоился. Что с вами, мистер Армадэль? Разве ваша непокорная память опять возвратилась к вам?

— Да, — отвечал Аллэн. — Эта разбитая статуя не что иное, как фарфоровая пастушка, которую я уронил с каминя в гостинице, когда я звонил в колокольчик, чтобы подавали ужин. Как хорошо у нас идет, не правда ли? Это все равно что отгадывать загадку. Теперь ваша очередь, Мидуинтер.

— Нет, — возразил доктор, — теперь моя очередь. Я предъявляю притязания на окно, цветник и луг, как на мою собственность. Вы найдете длинное окно, мистер Армадэль, в смежной комнате. Если вы посмотрите в окно, вы увидите цветник и луг, а если сделаете усилие над вашей чудной памятью, вы припомните, что вы обратили особенное внимание на мое красивое французское окно и мой

хорошенький цветник, когда я вез вас и вашего друга в Порт Сент-Мэри вчера.

— Совершенно справедливо, — отвечал Аллэн. — Но как же дождь, который я видел во сне? На прошлой неделе не было ни капли дождя.

Гаубери колебался. Газета, оставшаяся на столе, попалась ему на глаза.

— Если мы не вспомним ни о чем другом, — сказал он, — посмотрим, не можем ли мы найти дождь там, где мы нашли пруд.

Он внимательно пересмотрел выписки.

— Нашел! — воскликнул он. — Тут описывается дождь, упавший на страдавших жаждой австралийских путешественников и оставшийся в вашем воспоминании, когда вы читали вчера вашему другу эти выписки. Видите, мистер Мидуинтер, в этом сновидении смешались, по обыкновению, отдельные впечатления от случившегося наяву!

— А вы можете отыскать наяву впечатления, которые объяснили бы человеческую фигуру у окна? — спросил Мидуинтер. — Или мы должны пропустить тень мужчины, как мы уже пропустили тень женщины?

Он задал этот вопрос вежливо, но в тоне его голоса чувствовался сарказм, неприятно поразивший слух доктора и в одно мгновение взбудораживший в нем дух противоречия.

— Когда вы подбираете раковины на берегу, мистер Мидуинтер, вы обыкновенно начинаете с раковин, лежащих ближе к вам, — возразил он. — Мы теперь подбираем факты и берем прежде те, которые полегче. Пусть тень мужчины и тень женщины станут рядом. Мы не потеряем их из виду, обещаю вам. Все в свое время, любезный сэр, все в свое время.

Он тоже говорил вежливо, но саркастически. Краткое перемирие между оппонентами уже кончилось. Мидуинтер многозначительно возвратился на свое место, к окну. Доктор тотчас повернулся спиной к окну еще демонстративнее. Аллэн, никогда не оспаривавший ничьего мнения и не заглядывавший в глубину причин чужих поступков, весело барабанил по столу ручкой ножа.

— Продолжайте, доктор, — сказал он. — Моя чудная память свежее прежнего.

— Точно? — сказал Гаубери, опять возвращаясь к рукописи. — Вы помните, что случилось, когда мы с вами разговаривали с хозяйкой у буфета вчера вечером?

— Разумеется! Вы подали мне рюмку с грогом, которую трактирщица только что налила для вас, а я был принужден отказаться, потому что, как я вам сказал, вкус водки всегда вызывает у меня тошноту и слабость, с чем ни была бы она смешана.

— Точно так, — подтвердил доктор. — И это самое обстоятельство воспроизведено во сне. Вы видите тень мужчины и тень женщины вместе на этот раз. Вы слышите, как льется жидкость (водка из трактирной бутылки и вода из трактирной кружки); рюмку подает женская тень (трактирщица) мужской тени (мне), мужская тень подает рюмку вам (точь-в-точь как я), а слабость, которую вы мне описали, последовала за этим надлежащим образом. Мне неприятно сравнивать эти таинственные видения, мистер Мидуинтер, с такими жалкими и не романтическими оригиналами, как женщина, которая содержит гостиницу, и мужчина, который снабжает лекарствами провинциальный округ, но сам друг ваш скажет вам, что рюмка с грогом была приготовлена трактирщицей и перешла к нему через мои руки. Мы объяснили тени совершенно так, как я предполагал, и нам остается теперь только объяснить — а это можно сделать в двух словах, — каким образом они явились во сне. Воображение спящего после тщетных попыток отдельно воспроизвести те впечатления о докторе и трактирщице, которые наяву являлись вместе, пошло по настоящему пути и воспроизвело доктора и трактирщицу, как и следовало, вместе. Вот вам и все! Позвольте мне возвратить вам рукопись с благодарностью за ваше полное и поразительное подтверждение рациональной теории о сновидениях.

Сказав эти слова, Гаубери возвратил рукопись Мидуинтеру с безжалостной вежливостью победителя.

— Удивительно, ни одного пункта не пропущено с начала до конца! Клянусь Юпитером! — вскричал Аллэн с благоговением неведения. — Какая вещь — наука!

— Ни одного пункта не пропущено, как сказали вы, — самодовольно заметил доктор, — а между тем я сомневаюсь, удалось ли нам убедить вашего друга.

— Вы не убедили меня, — сказал Мидуинтер, — но я все-таки не беру на себя смелости уверять, что вы ошибаетесь.

Он говорил спокойно, почти грустно. Страшное убеждение в сверхъестественной причине сновидения, убеждение, от которого он старался освободиться, опять овладело им. Весь его интерес к аргументам доктора истощился, вся его чувствительность к реальности и доказательности этих аргументов пропала. Если бы дело шло о другом человеке, Гаубери смягчила бы такая уступка, какую теперь его противник делал ему, но он так искренно ненавидел Мидуинтера, что не мог оставить его спокойно пользоваться своим собственным мнением.

— Вы соглашаетесь, — спросил доктор еще задорнее прежнего, — что я проследил каждое событие в сновидении до соответствующего ему впечатления наяву на воображение мистера Армадэля?

— Я не имею желаний отрицать, что вы-то сделали, — покорно сказал Мидуинтер.

— Я сличил тени с их живыми оригиналами?

— Вы сличили их к полному удовлетворению моего друга и собственному вашему, но не к моему.

— Не к вашему? А вы можете сличить их?

— Нет, я могу только ждать, пока живые оригиналы обнаружатся в будущем.

— Вы говорите как оракул, мистер Мидуинтер! А теперь вы имеете какое-нибудь понятие о том, кто эти живые оригиналы?

— Имею. Я думаю, что наступающие события обнаружат, что оригиналом тени женщины будет одна особа, с которой друг мой еще не встречался, а оригиналом тени мужчины буду я сам.

Аллэн хотел что-то сказать, доктор остановил его.

— Пойдем друг друга яснее, — сказал он Мидуинтеру. — Оставим пока в стороне вопрос о вас самих и позвольте мне спросить: каким образом оригинал тени, не имеющей никаких отличительных признаков, можно отыскать в живой женщине, которую ваш друг еще не знает?

Румянец выступил на лице Мидуинтера. Он начинал чувствовать, что логика доктора сражала его беспощадно.

— Ландшафт в сновидении имеет отличительные признаки, — отвечал он, — и в этом ландшафте живая женщина явится, когда ее увидят в первый раз.

— То же самое случится, я полагаю, — продолжал доктор, — с мужской тенью, в которой вы настойчиво видите самого себя. В будущем вы будете соединены со статуей, разбитой в присутствии вашего друга, с длинным окном, выходящим в сад, и с проливным дождем, который будет бить в стекла. Вы говорите это?

— Говорю.

— Таким образом, я полагаю, объясняете вы и следующее видение. Вы и таинственная женщина будете стоять вдвоем в каком-нибудь неизвестном месте и подадите мистеру Армадэлю какую-то жидкость, тоже еще неизвестную, от которой ему сделается дурно. Вы серьезно мне скажете, что вы верите этому?

— Я серьезно вам говорю, что я этому верю.

— И по вашему мнению, когда это сновидение сбудется наяву, то счастье или жизнь мистера Армадэля подвергнется опасности.

— Я в этом твердо убежден.

Доктор встал, отложил в сторону свой скальпель, подумал с минуту и опять его взял.

— Один, последний вопрос, — сказал он. — Имеете вы какие-нибудь причины, чтоб объяснить, почему вы принимаете такой мистический взгляд, когда перед вами лежит неопровержимо рациональное объяснение сновидения?

— Никаких причин, — отвечал Мидуинтер, — которые я мог бы объяснить вам или вашему другу.

Доктор посмотрел на свои часы с видом человека, который вдруг вспомнил, что он понапрасну теряет время.

— У нас различные взгляды, — сказал он. — И если мы будем говорить до преставления света, мы все-таки не согласимся между собой. Извините меня, если я оставлю вас. Гораздо позже, нежели я думал. Мои утренние больные меня ждут в аптеке. Я убедил вас, мистер Армадэль, так что время, которое я убил на это рассуждение, еще не совсем потеряно. Пожалуйста, оставайтесь здесь и курите сигары, а я менее чем через час буду к вашим услугам.

Он дружески кивнул Аллэну, церемонно поклонился Мидуинтеру и вышел из комнаты. Тотчас по уходе доктора, Аллэн встал со своего

места и обратился к своему другу с той непреодолимой задушевностью в обращении, которая всегда находила путь к сочувствию Мидуинтера, с самого первого Дня, когда они встретились в сомерсетширской гостинице.

— Теперь, когда состязание между вами и доктором кончилось, — сказал Аллэн, — я со своей стороны скажу два слова: сделаете ли вы для меня то, что не хотите сделать для себя?

Лицо Мидуинтера внезапно просветлело.

— Я сделаю все, о чем вы меня попросите, — сказал он.

— Очень хорошо. Согласны вы с этой минуты никогда не упоминать в нашем разговоре об этом сне?

— Хорошо, если вы этого желаете.

— Сделаете ли вы еще более — согласитесь ли перестать думать об этом сне?

— Это будет трудно, Аллэн, но я постараюсь.

— Вот это хорошо! Теперь дайте мне этот листок бумажки, и разорвем его.

Он хотел вырвать рукопись из рук своего друга, но Мидуинтер был проворнее его и отдернул руку.

— Дайте! Дайте! — упрашивал Аллэн. — Я непременно хочу раскурить свою сигару этой бумагой.

Мидуинтер мучительно колебался, тяжело было сопротивляться Аллэну, но он сопротивлялся.

— Я подожду, — сказал он, — и пока еще не дам вам закурить вашу сигару этой бумагой.

— Сколько? До завтра?

— Дольше.

— Пока мы уедем с острова Мэн?

— Дольше.

— Черт побери! Дайте мне ясный ответ на простой вопрос: сколько времени хотите вы ждать?

Мидуинтер заботливо положил бумагу в свою записную книжку.

— Я подожду, пока мы приедем в Торп-Эмброз.

КНИГА ТРЕТЬЯ

Глава I. ПРЕДВЕЩАНИЕ БЕДЫ

1. "От Озайяза Мидуинтера к мистеру Броку

Торп-Эмброз.

Июня 15, 1851

Любезный мистер Брок, только час тому назад приехали мы сюда, когда слуги уже запирали дом на ночь. Аллэн лег в постель, устав от продолжительного путешествия, и оставил меня в комнате, называемой библиотекой, рассказать вам историю нашего путешествия в Норфольк. Привыкнув более его к усталости всякого рода, я могу, не смыкая глаз от дремоты, написать письмо, хотя часы на камине показывают полночь и мы ехали с десяти часов утра.

Последние известия о нас вы получили от Аллэна с острова Мэн. Если я не ошибаюсь, он писал вам о той ночи, которую мы провели на разбитом корабле. Простите меня, любезный мистер Брок, если я ничего не скажу об этом предмете, пока время не поможет мне думать об этом несколько спокойнее. Я должен выдержать опять жестокую борьбу с самим собой, но с помощью Божьей я снова одержу победу, непременно одержу.

Нет никакой необходимости надоедать вам подробностями о нашем путешествии по северным и западным округам острова или о небольшой поездке по морю, которую мы предприняли, когда были окончены поправки на яхте. Я лучше тотчас перейду к вчерашнему утру — четырнадцатого числа. Мы с вечерним приливом вошли в дугласскую пристань, и, как только почтовая контора была отперта, Аллэн по моему совету послал на берег за письмами. Посланный воротился только с одним письмом от прежней владельницы Торп-Эмброза — миссис Блэнчард.

Я думаю, вас следует уведомить о содержании этого письма, потому что оно имело серьезное влияние на планы Аллэна. Он все затеряет рано или поздно и уже потерял это письмо. Стало быть, я

должен сообщить вам сущность того, что написала ему миссис Блэнчард, так ясно, как только я могу.

Первая страница содержала в себе известие об отъезде этих дам из Торп-Эмброза. Они уехали третьего дня, тринадцатого числа. После больших колебаний наконец решились уехать за границу, к каким-то старым друзьям, поселившимся в Италии, в окрестностях Флоренции. Может быть, миссис Блэнчард с племянницей также там поселятся, если найдут удобный для них дом. Они обе любят и Италию, и итальянцев и имеют достаточное состояние для того, чтобы исполнять все свои прихоти. Старшая дама пользуется содержанием, назначенным ей по ее брачному контракту, а младшей досталось все состояние ее отца.

Вторую страницу в письме, по мнению Аллена, было весьма приятно читать. Отозвавшись в самых признательных выражениях о доброте, с какой Аллен позволил ее племяннице и ей самой оставаться в их прежнем доме сколько они пожелают, миссис Блэнчард прибавила, что внимание Аллена к ним произвело такое благоприятное впечатление на их друзей и прислугу, что они желали сделать ему публичный прием по приезду. Встреча фермеров в поместье, а главных особ в городе приготавливалась уже, и надо было вскоре ожидать письма от пастора, который спросит мистера Армадэля, когда он намерен вступить во владение своим норфолькским поместьем.

Вы можете угадать теперь причину нашего внезапного отъезда с острова Мэн. Первой и преобладающей идеей в голове вашего бывшего ученика, как только он прочел письмо миссис Блэнчард, было желание избавиться от публичного приема, и единственный способ, по которому он мог избегнуть этого, состоял в том, чтобы отправиться в Торп-Эмброз прежде, чем он получит письмо пастора. Я старался заставить его подумать, прежде чем он решится действовать по этому первому побуждению, но он начал укладывать свой чемодан со своей обыкновенной непобедимой веселостью. В десять минут он уложил, через пять отдал приказание своему экипажу отправляться с яхтой в Сомерсетшир. Ливерпульский пароход стоял в гавани, и мне не оставалось ничего более, как отправляться вместе с Алленом или отпустить его одного. Избавляю вас от подробностей нашего бурного переезда, от задержки в

Ливерпуле, о том, как мы опоздали к поезду. Вам известно, что мы приехали сюда благополучно, и этого довольно. Что думают слуги о внезапном появлении между ними нового сквайра — дело не важное. Что подумает комитет, устраивавший публичный прием, когда известие о приезде Аллена разгласится завтра, — вот это, я боюсь, несколько поважнее.

Упомянув о слугах, я могу, кстати, сообщить вам, что последняя часть письма миссис Блэнчард была посвящена, собственно, чтобы сообщить Аллену о домашней прислуге, которую она оставляла в замке. Все слуги, за исключением трех, ждали, не оставит ли их Аллен на прежнем месте. Два исключения объяснить легко: горничные миссис и мисс Блэнчард едут за границу со своими господами. Третье исключение представляет служанка, которой было отказано вдруг за то, что миссис Блэнчард таинственно называет «легкомысленным поведением с посторонним».

Я боюсь, что вы будете смеяться надо мной, но я должен сказать вам правду. Я сделался так недоверчив после того, что случилось с нами на острове Мэн, к самым пустячным неудачам, относящимся каким бы то ни было образом к вступлению Аллена в его новую жизнь, что я уже расспрашивал одного из здешних слуг об этой служанке, которой было отказано. Я мог узнать только, что какой-то незнакомец подозрительно шатался около дома, что служанка была так безобразна, что нечего было сомневаться в том, что он ухаживал за ней с каким-нибудь скрытым намерением и что после того, как ей отказали, его уже не видели в окрестностях. Я могу только надеяться, что Аллену не угрожают никакие неприятности с этой стороны. Что касается других остающихся слуг, то миссис Блэнчард описывает их, и мужчин и женщин, как вполне заслуживающих доверия, и я не сомневаюсь, что они останутся на своих местах.

Покончив с письмом миссис Блэнчард, я считаю обязанностью просить вас от имени Аллена приехать к нему и при первой представившейся возможности оставить Сомерсетшир. Хотя я не могу позволить себе думать, что мои желания могут иметь особенное влияние на ваше намерение принять это приглашение, я тем не менее должен признаться, что имею особенные причины с нетерпением желать видеть вас здесь. Аллен бессознательно возбудил во мне новое

беспокойство относительно моих будущих отношений с ним, и мне очень нужен ваш совет, как уничтожить это беспокойство.

Затруднение, приводящее меня в недоумение, относится к должности торп-эмбросского управителя. До сегодняшнего дня я знал только, что Аллэн составил какой-то план касательно этого и между прочим принял странное намерение отдать внаймы тот коттедж, в котором жил старый управитель. Вследствие того что новый управитель должен жить в его доме, одно слово, случайно вырвавшееся в разговоре во время нашего путешествия сюда, заставило Аллэна яснее выразиться, чем он выражался до тех пор, и я понял, к моему невыразимому удивлению, что место нового управителя назначалось мне!

Бесполезно говорить вам, как я чувствую этот новый пример доброты Аллэна. Первое удовольствие, когда я услышал от него, что я заслужил самое сильное доказательство его доверия ко мне, скоро омрачилось огорчением, которое примешивается ко всякому удовольствию, по крайней мере, к такому, которое до сих пор было известно мне. Никогда моя прошлая жизнь не казалась мне таким унылым воспоминанием, как она кажется мне теперь, когда я чувствую, как я неспособен занять место, которое предпочтительно перед всем другим на свете хотелось бы мне занимать в службе моего друга. Я собрался с мужеством и сказал ему, что я не имею никаких познаний и никакой опытности, какие следует иметь управителю. Он великодушно возразил мне, что я могу научиться, и обещал послать в Лондон за тем, кто пока занимал место управителя и, следовательно, мог научить меня. Как вы думаете, могу я научиться? Если вы это думаете, я буду трудиться день и ночь; но если — как я боюсь — обязанности управителя так серьезны, что им не может вдруг научиться такой неопытный и молодой человек, как я, тогда, пожалуйста, поспешите приехать в Торп-Эмброс и употребите ваше личное влияние над Аллэном. Ничто другое не заставит его помимо меня взять управителя, который будет подходить для этого места. Пожалуйста, пожалуйста, действуйте так, как вы сочтете лучшим для пользы Аллэна. Как ни был бы я огорчен, он этого не увидит.

Остаюсь, любезный мистер Брок, искренно вам признательный Озайяз Мидуинтер".

"P. S. Опять распечатываю письмо, чтобы прибавить еще несколько слов. Если вы видели по возвращении в Сомерсетшир женщину в черном платье и красной шали или слышали о ней, я надеюсь, вы не забудете сообщить мне об этом.

О. М."

2. "От миссис Ольдершо к мисс Гуильт

Дамский косметический магазин

Улица Диана, Пимлико.

Среда

Любезная Лидия, чтобы не пропустить почты, я пишу к вам после утомительного дня за моим делом на простой бумаге, так как я узнала новые известия после нашей последней встречи, которые считаю нужным сообщить вам как можно скорее.

Начну с начала. Старательно обдумав это дело, я совершенно убедилась, что вы сделаете благоразумно, если ничего не скажете молодому Армадэлю о Мадере и обо всем, что случилось там. Вы, конечно, занимали очень важное положение относительно его матери, вы тайно помогали ей обмануть ее родного отца. Вас отослали самым неблагодарным образом в самом нежном возрасте, как только вы помогли ей достигнуть ее цели, а когда вы вдруг явились к ней после двадцатилетней разлуки, вы нашли ее в расстроенном здоровье с взрослым сыном, которого она держала в совершенном неведении насчет истории ее замужества. Имеете ли вы такие преимущества с молодым джентльменом, пережившим ее? Если он не идиот, он не захочет верить вашим обвинениям, оскорбительным для памяти его матери. И так как у вас нет никаких доказательств после того продолжительного времени, чтобы убедить его, вам не удастся выкопать денег из золотых армадэльских руд. Заметьте! Я не оспариваю, что тяжелый долг признательности миссис Армадэль, после того что вы сделали для нее на Мадере, еще не заплачен и что сын ее должен расплатиться с вами, так как его мать ускользнула от вас. Только приступите к нему надлежащим образом, моя милая. Вот

что я осмелюсь вам посоветовать — приступите к нему надлежащим образом.

Но как это сделать? Этот вопрос приводит меня к моим новостям. Думали ли вы опять о вашем намерении очаровать этого счастливого молодого джентльмена вашей красотой и вашим замечательным остроумием? Эта мысль так неотступно преследовала меня после вашего отъезда, что я наконец послала записку моему нотариусу с поручением посмотреть завещание, по которому молодой Армадэль получил свое состояние. Результат оказался гораздо ободрительнее, чем мы с вами надеялись. После того что сообщил мне нотариус, не может быть ни малейшего сомнения относительно того, что вам следует сделать. В двух словах, Лидия: схватите быка за рога и выходите за него замуж!!!

Я говорю совершенно серьезно. Только убедите его сделать вас миссис Армадэль, а потом пусть уже узнает все. Пока он жив, вы можете сделать с ним такой уговор, какой хотите, а если он умрет, завещание дает вам право вопреки его воле — с детьми или без детей — получать доход с его поместья — тысячу двести фунтов в год пожизненно. В этом нет никакого сомнения: сам нотариус видел завещание. Разумеется, когда мистер Блэнчард писал это завещание, он имел в виду своего сына и его вдову, но так как наследник не поименован, то это относится теперь и к молодому Армадэлю, как при других обстоятельствах относилось бы к сыну мистера Блэнчарда. Какая возможность для вас после всех бедствий и опасностей, перенесенных вами, сделаться владельницей Торп-Эмброза, пока он жив, и иметь пожизненный доход, если он умрет! Подцепите его, моя бедная милочка, подцепите его во что бы то ни стало!

Наверное, вы приведете то же самое возражение, когда будете это читать, которое привели, когда мы говорили об этом намерении, то есть о ваших летах. Выслушайте меня. Вопрос состоит не в том, что вам минуло тридцать пять лет — признаемся в этой неприятной истине, — но в том, показывает ли ваша наружность ваши настоящие лета. Мое мнение в этом отношении должно быть самым лучшим в Лондоне. Я пользуюсь двадцатилетней опытностью между нашим прелестным полом, подновляя истертые старые лица, и положительно скажу что вы не кажетесь ни одним днем старше тридцати, если еще не моложе. Если вы последуете моему совету и секретно употребите

два секретных средства, я ручаюсь, что вы будете казаться еще тремя годами моложе. Я готова прозакладывать все деньги, какими я буду помогать вам в этом деле, если, когда я перемелю вас сызнова в моей чудной мельнице, вы будете казаться не старше чем двадцати семи лет какому бы то ни было мужчине на свете, кроме, разумеется, когда вы просыпаетесь в беспокойстве утром, и тогда, душа моя, вы будете старообразны и безобразны в вашей уединенной спальне, а это не значит ничего.

Но вы можете сказать: «При всем том я шестнадцатью годами старше его, и это будет против меня с самого начала». Так ли? Подумайте опять. Конечно, ваша собственная опытность могла показать вам, что самая обыкновенная из всех обыкновенных слабостей в молодых людях в возрасте этого Армадэля — слабость влюбляться в женщин старше их. Какие мужчины ценят нас в цвете нашей молодости (я имею основательные причины говорить о цветущей молодости: я получила сегодня пятьдесят гиней, сделав молодой женщину, которая по летам годится вам в матери), какие мужчины, говорю я, готовы обожать семнадцатилетних малюток? Веселые юные джентльмены? Нет! Лукавые, старые негодяи, перешедшие за сорокалетний возраст.

Какая же тут мораль, как говорится в сказках? Мораль состоит в том, что все возможности на успех с такой головой, как ваша, в вашу пользу. Если вам тяжело, как мне кажется, ваше одинокое положение, если вы знаете, какой очаровательной женщиной (в глазах мужчин) вы еще можете быть, когда захотите; если вся ваша прежняя решимость вернулась к вам после того припадка отчаяния на пароходе (признаюсь, довольно естественного при страшных неприятностях, которым вы подвергались), мне не нужно будет вас уговаривать, чтобы сделать эту попытку. Только подумайте, какой переворот! Если бы тот молокосос не бросился в реку за вами, этот молокосос не получил бы имени. Точно будто сама судьба определила, чтобы вы были миссис Армадэль Торп-Эмбросская! А кто может совладать со своей судьбой, как говорит поэт?

Напишите мне «да» или «нет» и верьте привязанности вашего старого друга Марии Ольдершо".

3. "От мисс Гуильт к миссис Ольдершо"

Ричмонд, четверг

Негодная старуха! Я не скажу ни «да», ни «нет», пока не посмотрюсь хорошенько в зеркало. Если бы вы истинно заботились о ком-нибудь, кроме вашей собственной негодной и старой персоны, вы знали бы, что от одной мысли опять выйти замуж — после того, что я перенесла, — меня мороз продирает по коже.

Но вы можете сообщить мне несколько более подробных сведений, пока я обдумываю, решиться мне или нет. У вас осталось моих денег двадцать фунтов от проданных вами моих вещей, пришлите мне десять фунтов на издержки, а другие десять употребите на секретные расспросы в Торп-Эмброзе. Я хочу знать, когда уедут Блэнчарды и придет молодой Армадэль. Уверены ли вы, что с ним так легко будет справиться, как вы думаете? Если он похож на свою лицемерную матушку, я скажу вам, что Иуда Искарот воскрес.

Мне очень удобно в этой квартире. В саду прекрасные цветы, а по утрам птицы будят меня восхитительным пением. Я взяла напрокат порядочное фортепьяно. Единственный человек, которым я хоть сколько-нибудь дорожу — не пугайтесь, он давно уже лежит в могиле под именем Бетховена, — служит мне собеседником в уединенные часы. И хозяйка тоже беседует со мной, если я позволяю ей. Я ненавижу женщин. Новый пастор сделал визит вчера другому жильцу и прошел мимо меня по лугу. Глаза мои еще ничего не потеряли, по крайней мере, хотя мне минуло тридцать пять лет; бедняжка просто покраснел, когда я взглянула на него. Как вы думаете, какой цвет приняло бы его лицо, если бы одна из птичек в саду шепнула ему на ухо истинную историю очаровательной мисс Гуильт?

Прощайте, матушка Ольдершо. Я сомневаюсь, могу ли я быть преданной вам или кому бы то ни было, но мы все пишем ложь в конце наших писем, не правда ли? Если вы любящий меня старый друг, я, разумеется, преданная вам Лидия Гуильт".

«P. S. Сохраните ваши противные притирания для ваших веснушчатых покупательниц, а до моей кожи не коснется ни одно из них, обещаю вам. Если вы действительно желаете быть полезной, постарайтесь отыскать успокоительное питье, которое помешало бы

мне скрежетать зубами во сне. Я скоро переломаю их, и тогда что станется с моею красотою, желала бы я знать?»

4. "От миссис Ольдершо к мисс Гуильт"

Дамский косметический магазин, вторник

Любезная Лидия, как жаль, что ваше письмо адресовано не к мистеру Армадэлю! Ваша грациозная смелость очаровала бы его. Меня она не растрогала: я, знаете, уже привыкла к ней. Зачем вы тратите ваше блестящее остроумие, душа моя, на вашу непроницаемую Ольдершо? Оно только выдыхается и портится. Постарайтесь быть серьезнее на этот раз, я имею для вас известия из Торп-Эмброза, с которыми шутить нельзя.

Через час после того, как я получила ваше письмо, я принялась разузнавать. Не зная, к каким последствиям это может привести, я думала, что безопаснее будет начать секретно. Вместо того чтобы употребить тех людей, которые находятся в моем распоряжении, которые знают вас и меня, я отправилась в контору Частных Справок на Шэдисайдской площади и передала это дело в руки инспектора, как совершенно посторонняя и не упоминая вовсе о вас. Признаюсь, это был не дешевый способ начинать дело, но это самый надежный, что всего важнее.

Мы с инспектором поняли друг друга в десять минут, и самый пригодный человек для этой цели — по наружности преневинный молодой человек — немедленно был призван. Он поехал в Торп-Эмброс через час после того, как я видела его. Я условилась, что приду в контору в субботу, в понедельник и сегодня за известиями. До сегодняшнего дня известий не было, но сегодня я нашла нашего агента, только что воротившегося в Лондон и приготовившегося сообщить мне подробный рассказ о своей поездке в Норфольк.

Прежде всего позвольте мне успокоить вас насчет ваших двух вопросов, я имею ответы на тот и на другой. Блэнчарды уезжают за границу тринадцатого числа, а Армадэль теперь крейсирует где-то с яхтой. В Торп-Эмброзе поговаривают сделать ему публичный прием и созвать митинг из местных знаменитостей для устройства этого. Речи и хлопоты в этих случаях обыкновенно берут много времени, и

думают, что публичный прием встретит нового сквайра не прежде, как в конце этого месяца.

Если бы ваш посланный сделал для нас только это, я думаю, что он все-таки заработал бы свои деньги. Но невинный молодой человек — настоящий иезуит с тем великим преимуществом перед всеми папистами, виденными мною, что на лице его не написана хитрость. Собрав эти сведения от служанок, он обратился с удивительной находчивостью к самой безобразной женщине во всем доме.

«Когда они хороши собой и могут выбирать, — объяснил он мне, — они теряют много драгоценного времени, выбирая возлюбленного. Когда они безобразны и не имеют возможности выбирать, они кидаются на обожателя, если он им попадется, как голодная собака на кость». Действуя по этим превосходным правилам, наш агент успел после неизбежного замедления обратиться к главной служанке в Торп-Эмброзе и овладел ее полным доверием при первом свидании. Старательно придерживаясь данных ему инструкций, он поощрял женщину к болтовне и, разумеется, выслушал все сплетни из людской. Большая часть, повторенная мне, не имела никакой важности, но, слушая терпеливо, я была наконец вознаграждена драгоценным открытием. Вот оно:

В Торп-Эмбросском парке есть коттедж. По каким-то неизвестным причинам молодой Армадэль захотел отдать его внаймы, и уже нашелся жилец — бедный отставной майор на половинном жалованье по имени Мильрой, человек кроткий, по рассказам, пристрастный к механическим занятиям, имеющий домашнюю неприятность в виде больной жены, которую не видел никто. «Ну что ж из этого?» — спросите вы с тем порывистым нетерпением, которое так к вам идет. Милая Лидия, не порывайтесь! Семейные дела этого человека серьезно касаются нас обеих, потому что, к несчастью, у этого человека есть дочь!

Вы можете вообразить, как я расспрашивала нашего агента и как наш агент рылся в своей памяти, когда я наткнулась на это открытие. Как не восхвалить женские болтливые языки! От мисс Блэнчард до ее горничной, от горничной мисс Блэнчард до горничной ее тетки, от горничной тетки мисс Блэнчард до безобразной служанки, от безобразной служанки до молодого человека с невинной наружностью источник болтовни влился наконец в настоящий

резервуар, и страдавшая жаждой миссис Ольдершо напилась из него. Сказать попросту, моя милая, вот в каком положении дело. Дочь майора — шестнадцатилетняя девочка, живая и хорошенькая (негодная девчонка!), дурно одевается (слава Богу!) и не отличается манерами (опять слава Богу!). Она была воспитана дома. Гувернантка, воспитывавшая ее, вышла замуж перед отъездом их отца в Торп-Эмброс. Воспитание ее требует окончания, и майор не знает, что ему делать. Никто из его друзей не может рекомендовать ему новую гувернантку, а ему хочется отдать дочь в школу. На том дело и остается пока, по собственным словам майора, как он объяснил во время утреннего визита, который отец и дочь сделали дамам в замке.

Вы получили мои обещанные новости и, я думаю, без труда согласитесь со мной, что армадэльское дело должно быть решено сейчас таким или другим образом. Если при вашей безнадежной будущности и при ваших фамильных правах на этого молодого человека вы решитесь отказаться от него, я буду иметь удовольствие прислать к вам ваши деньги (двадцать семь шиллингов оставшиеся) и посвящу себя совершенно моим собственным делам. Если, напротив, вы решитесь попробовать счастья в Торп-Эмбросе, тогда (нечего сомневаться, что майорская девчонка будет завлекать молодого сквайра) я буду рада слышать, как вы намерены победить двойное затруднение воспламенить мистера Армадэля и затмить мисс Мильрой. Любящая вас,
Мария Ольдершо".

5. "От мисс Гуильт к миссис Ольдершо

(Первый ответ.)

Ричмонд, среда, утро

Миссис Ольдершо, пришлите мне двадцать семь шиллингов и займитесь вашими собственными делами. Ваша Л. Г."

6. "От мисс Гуильт к миссис Ольдершо

(Второй ответ.)

Ричмонд, среда, вечер

Душа моя, оставьте у себя двадцать семь шиллингов и сожгите мое первое письмо. Я передумала.

Я написала первый раз после ужасной ночи, теперь я пишу после прогулки верхом, стакана бордоского и крылышка цыпленка. Достаточно этого объяснения? Пожалуйста, скажите: «Да», потому что мне хочется вернуться к своему фортепьяно.

Нет, я не могу еще вернуться, я прежде должна ответить на ваш вопрос. Но неужели вы имеете глупость предполагать, что я не вижу насквозь вас и цели вашего письма? Вы знаете так же хорошо, как и я, что затруднение, в котором находится майор, доставляет нам удобный случай, но вы хотите возложить на меня ответственность сделать первое предложение, не так ли? Что, если я поступлю так же, как и вы, и скажу вам обиняками: «Пожалуйста, не спрашивайте меня, как я намереваюсь воспламенить мистера Армадэля и затмить мисс Мильрой; вопрос так крут, что я, право, не могу на него отвечать». Вместо того спросите меня, не составляет ли скромное честолюбие моей жизни возможность сделаться гувернанткой мисс Мильрой? Да, если вы поможете мне достать аттестаты, миссис Ольдершо.

Вот вам! Если случится какое-нибудь серьезное несчастье (что весьма возможно), как будет приятно вспомнить, что виновата я сама!

Теперь, когда я сделала это для вас, сделаете ли вы что-нибудь для меня? Я хочу провести то короткое время, которое осталось у меня, по своему собственному желанию. Будьте сострадательны, миссис Ольдершо, и избавьте меня от скуки обдумывать все шансы за и против в этой новой моей попытке — словом, думайте за меня, пока я не буду принуждена думать сама.

Лучше мне больше не писать, а то я скажу что-нибудь свирепое, что вам не понравится. Я сегодня не в духе. Мне хотелось бы рассердить мужа, прибить ребенка или сделать что-нибудь в этом роде. Любите вы смотреть, как летние насекомые сгорают на свече? Я люблю иногда. Прощайте, миссис Иезевель. Чем дольше вы оставите меня здесь, тем лучше. Воздух мне полезен, и я имею очаровательный вид.

Л. Г."

7. "От миссис Ольдершо к мисс Гуильт Четверг

Любезная Лидия, другие в моем положении могли бы несколько обидеться тоном вашего последнего письма, но я так нежно привязана к вам! А когда я люблю кого-нибудь, этой особе очень трудно оскорбить меня. Не ездите верхом так далеко и пейте только полстакана бордоского. В следующий раз я не скажу ничего больше.

Не оставить ли нам нашу дуэль и не перейти ли тотчас к серьезным предметам? Как необыкновенно трудно женщинам понять друг друга, особенно когда они держат перо в руках. Но мы попробуем.

Начнем с того, что я поняла из вашего письма, что вы благоразумно решились на торп-эмбросскую попытку и хотите занять, если можете, превосходную позицию с самого начала, сделавшись членом семейства майора Мильроя. Если обстоятельства обратятся против вас и какая-нибудь другая женщина займет место гувернантки (об этом я скажу вам потом подробнее), вам не останется тогда ничего другого, как познакомиться с мистером Армадэлем в какой-нибудь другой роли. Во всяком случае вам будет нужна моя помощь, и, следовательно, первый вопрос, который нам остается решить, состоит в том, что я хочу и могу сделать для того, чтобы вам помочь.

Женщина с вашей наружностью, милая Лидия, с вашим обращением, с вашими способностями и с вашим воспитанием может явиться в обществе, когда только захочет, если только у нее есть деньги в кармане и возможность сослаться на рекомендацию порядочных людей в крайнем случае. Во-первых, поговорим о деньгах. Я обязуюсь найти их с условием, что вы прилично вознаградите меня, если одержите победу над Армадэлем. Ваше обещание вспомнить об этом вознаграждении должно быть обозначено цифрами и написано на бумаге моим нотариусом, и мы решим и подпишем, как только я увижу вас в Лондоне.

Теперь перейдем к рекомендациям. Тут опять я в вашем распоряжении — с другим условием. Вот оно: вы должны явиться в Торп-Эмброс под именем, которое вы приняли опять после вашего ужасного замужества, я говорю о вашем девическом имени Гуильт. Я

имею только одну причину настаивать на этом, я не желаю подвергаться бесполезному риску. Моя опытность, как секретной советницы моих клиентов в разных затруднительных романтических обстоятельствах, подсказала мне, что чужое имя девять раз из десяти бесполезный и очень опасный обман. Вас ничто не могло бы оправдать в желании назваться чужим именем, кроме опасения, что молодой Армадэль узнает вас — от этого опасения, по счастью, избавил нас поступок его матери, скрывшей в глубокой тайне от своего сына и от всех ее отношение к вам.

Следующее и последнее недоумение, которое остается решить, относится, душа моя, к возможности поступить гувернанткой в дом майора Мильроя. Попав туда, при вашем знании музыки и языков, если вы обуздаете ваш характер, вы можете удержаться на вашем месте. Единственное остающееся сомнение относится к тому, можете ли вы получить это место.

Так как майор находится теперь в затруднении насчет воспитания своей дочери, он, я думаю, напечатает объявление о гувернантке, и в таком случае по какому адресу назначит он писать к нему? В этом-то вся и штука. Если он даст адрес в Лондон — проститесь со всеми шансами в вашу пользу по той простой причине, что нам нельзя будет отличить его объявления от объявлений других людей, которым нужны гувернантки. Если, с другой стороны, счастье поможет нам и он назначит своим корреспондентам писать в лавку, в почтовую контору или куда бы то ни было в Торп-Эмброз, тогда мы очень ясно отличим его объявление от других. В этом последнем случае я не сомневаюсь — при рекомендациях, которые я доставлю вам, — что вы попадете в семейный круг майора. Мы имеем одно большое преимущество перед другими женщинами, которые будут отвечать на это объявление. Благодаря справкам, собранным на месте, я знаю, что майор Мильрой беден, и мы назначим ваше жалованье такой умеренной суммой, что она наверно прельстит его. Что касается слога письма, если мы с вами не можем сочинить скромной и интересной просьбы занять вакантное место, желала бы я знать, кто может?

Все это, впрочем, еще впереди. Пока мой совет: оставайтесь там, где вы, и мечтайте, сколько душе угодно, пока получите от меня известие. Я получаю «Таймс», и можете положиться, что мои опытные глаза не пропустят объявления. К счастью, мы можем ждать,

не вредя нашим интересам. Теперь нечего бояться, что эта девочка опередит вас. Публичный прием, как нам известно, будет готов не прежде как в конце этого месяца, а мы можем безусловно положиться, что тщеславие Армадэля не допустит его явиться в его новый дом, пока льстецы не соберутся его встретить. Подождем еще дней десять, по крайней мере, прежде чем откажемся от мысли о месте гувернантки и придумаем какой-нибудь другой план.

Странно, не правда ли, что так много зависит от решения этого бедного офицера? Я со своей стороны буду просыпаться каждое утро с одним и тем же вопросом в голове — если явится объявление майора, что назначит майор: Торп-Эмброс или Лондон?

Всегда, любезная Лидия, любящая вас Мария Ольдершо".

Глава II. АЛЛЭН-ПОМЕЩИК

Рано утром на другой день после своего первого ночлега в Торп-Эмброзе Аллэн встал и посмотрел на вид из окна спальни, чувствуя себя чужим в своем собственном доме.

Окно спальни находилось над большой парадной дверью с портиком, террасой и ступенями, а еще далее замыкали вид широкие аллеи парка. Утренний туман застилал верхушки деревьев, а коровы мирно паслись у железной ограды, отделявшей парк от дороги перед фасадом дома.

«Все это мое! — подумал Аллэн, со смутным изумлением смотря на собственные владения. — Пусть меня повесят, если я еще могу вбить это в мою голову. Все мое!»

Он оделся, вышел из комнаты и отправился по коридору, который вел к лестнице и к передней, отворяя двери, мимо которых проходил. Комнаты в этой части дома были спальня и туалетные, светлые, обширные, прекрасно меблированные и все пустые, кроме спальни, расположенной возле спальни Аллэна, которая была отведена Мидуинтеру. Тот еще спал, когда его друг заглянул к нему, видимо оттого, что просидел поздно над письмом к мистеру Броку. Аллэн дошел до конца первого коридора, повернул во второй и дошел до большой лестницы.

— Здесь нет ничего романтического, — сказал он себе, смотря с обитой прекрасным ковром каменной лестницы в светлую переднюю. — В этом доме ничего не расстроит нервов Мидуинтера.

Действительно, такого ничего не было. Крайне поверхностная наблюдательность Аллэна на этот раз не обманула его. Замок Торп-Эмбросский, выстроенный вместо срытого старого дома, стоял не более пятидесяти лет. Ничего живописного, ничего таинственного и романтического не было в нем нигде. Это был просто деревенский дом — произведение классической идеи, благоразумно обсужденной коммерческим английским умом. Если на него смотреть с наружной стороны, он походил на новейшую фабрику, старающуюся быть похожей на древний храм. С внутренней стороны это было чудо

роскошного комфорта во всех частях, начиная от фундамента до крыши.

«И прекрасно! — думал Аллэн, потихоньку спускаясь с широких ступеней. — Черт побери таинственность и романтизм! Пусть все будет опрятно и комфортабельно, вот что я говорю!»

Дойдя до передней, новый торп-эмброзский владелец поколебался и осмотрелся вокруг, не зная, куда повернуть. Четыре приемные комнаты в нижнем жилье отворялись в переднюю, по две с каждой стороны. Аллэн наудачу попробовал войти в ближайшую дверь с правой руки и очутился в гостиной. Здесь появились первые признаки жизни в самой привлекательной форме. Молодая девушка одна находилась в гостиной; тряпка для обметания пыли в ее руке показывала, какую должность она занимала в доме, но в эту минуту она была занята преимуществом прав природы над обязанностями службы, другими словами, она внимательно смотрела на свое лицо в зеркале над камином.

— Полно, полно! Не пугайтесь меня, — сказал Аллэн, когда девушка отскочила от зеркала и посмотрела на него в неопишемом замешательстве. — Я совершенно согласен с вами, моя милая, на ваше лицо стоит смотреть. Кто вы? Служанка? Как вас зовут? Сюзанна? Мне нравится ваше имя. Вы знаете, кто я, Сюзанна? Я ваш господин, хотя вы, может быть, этого не думали. Ваш аттестат? О, да! Миссис Блэнчард отлично вас аттестовала. Вы здесь останетесь, не бойтесь. Вы будете доброй девушкой, Сюзанна, и станете носить щегольские чепчики, и передники, и яркие ленты, будете казаться миленькой и хорошенькой и хорошо обметать пыль, не правда ли?

С этим перечислением обязанностей служанки Аллэн вернулся в переднюю и нашел там еще больше признаков жизни. Явился слуга в полотняной куртке, в широкополой шляпе и поклонился, как приличествовало подчиненному перед помещиком.

— Кто вы? — спросил Аллэн. — Не тот слуга, который впустил нас вчера? А! Кажется, не тот. Второй лакей? Аттестат? О, да, отличный аттестат. Разумеется, вы останетесь здесь. Вы можете быть моим камердинером? Мне камердинера не нужно, я сам могу одеваться и чистить свое платье и, если бы я умел чистить сапоги, ей-богу, мне было бы это приятно! Это какая комната? Утренняя? А это, разумеется, столовая. Господи, какой стол! Длиннее моей яхты.

Кстати, как вас зовут? Ричард? Я езжу на яхте, которую выстроил сам. Что вы думаете об этом? Вы, как мне кажется, годитесь в буфетчики на мою яхту. Если вы не страдаете морской болезнью. О! Вы страдаете? Ну, мы ничего более не скажем о яхте. А это какая комната? Ах, библиотека! Разумеется, она нужна скорее для мистера Мидуинтера, чем для меня. Мистер Мидуинтер — тот джентльмен, который приехал сюда со мною вчера. Помните, Ричард, что вы должны оказывать ему такое же внимание, как и мне. Где мы теперь? Это какая дверь сзади? В бильярдную и курильную? Хорошо. Еще дверь и еще лестница! Куда она ведет? И кто это идет? Не торопитесь, сударыня, вы уже не так молоды, как были когда-то, не торопитесь.

Предмет предостережений Аллена была толстая пожилая женщина. Четырнадцать ступеней отделяли ее от хозяина дома, она останавливалась четырнадцать раз, поднимаясь на них, и четырнадцать раз вздыхала. Природа, разнообразная во всем, до крайности разнообразна в женском поле. Наружность некоторых женщин напоминает амуров и граций, а наружность других — горшок с салом. Эта принадлежала к последним.

— Очень рад видеть вас в добром здоровье, — сказал Аллен, когда должность кухарки была ему названа. — Вас зовут Гриппер? Я считаю вас, миссис Гриппер, самой драгоценной особой в доме по той причине, что никто не любит так хорошо пообедать, как я. Сделать распоряжения? О, нет, я не буду делать распоряжений, я предоставляю все это вам. Крепкий бульон, баранина с подливкой — вот, по-моему, хороший стол... Пойдите! Вот еще кто-то другой. О! Буфетчик тоже драгоценный человек. Мы пересмотрим все вина в погребе, господин буфетчик, и, если после этого я не буду в состоянии сказать вам мое мнение, мы пересмотрим в другой раз. Говоря о вине... Вот еще идут на лестницу! Не беспокойтесь, вы все отлично аттестованы, и вы все останетесь у меня... О чем я говорил сейчас? Что-то о вине... Да! Я вот что скажу вам, господин буфетчик, новый хозяин не всякий день приезжает в Торп-Эмброс, и я желаю, чтобы мы все начали нашу жизнь в самых лучших отношениях. Угостите слуг в честь моего приезда и дайте им выпить, что они захотят, за мое здоровье. Жалко то сердце, миссис Гриппер, которое не радуется никогда. Нет! Я теперь не пойду в погреб, я хочу подышать чистым воздухом до чая. Где Ричард? Есть здесь сад? По которую сторону дома? Вам не надо

показывать мне дорогу, я пойду один, Ричард, и постараюсь заблудиться в моих собственных владениях.

С этими словами Аллэн сошел с террасы, весело посвистывая. Он кончил утром свои домашние дела самым удовлетворительным образом.

«Многие толкуют о том, как трудно управлять слугами, — подумал Аллэн... — Что они хотят этим сказать? Я вовсе не вижу никаких затруднений».

Он отпер калитку и вышел в рассадник, окружавший торпэмброзский сад.

«Славное тенистое местечко для того, чтобы выкурить сигару, — говорил Аллэн, расхаживая, засунув руки в карманы. — Желал бы я вбить себе в голову, что оно действительно принадлежит мне».

Рассадник вел в обширный цветник, ярко облитый лучами утреннего солнца. С одной стороны арка, пробитая в стене, вела в фруктовый сад, с другой терраса спускалась в нижний итальянский сад. Пройдя мимо фонтанов и статуй, Аллэн дошел до другого рассадника, который, по-видимому, вел в какую-то отдаленную часть парка. До сих пор не было ни видно, ни слышно ни одного человеческого существа, но когда Аллэн дошел до конца второго рассадника, ему что-то послышалось по другую сторону кустов. Он остановился и прислушался. Два человека громко говорили — старый мужской голос, в котором слышалось упрямство, и голос молодой женщины, в котором слышался сильный гнев.

— Напрасно, мисс, — доносился старый голос. — Я не должен этого позволять и не позволю. Что скажет мистер Армадэль?

— Если мистер Армадэль джентльмен, каким я его считаю, старый грубиян, — отвечал молодой голос, — он скажет: «Приходите ко мне в сад, мисс Мильрой, так часто, как только вам угодно, и берите столько букетов, сколько хотите».

Блестящие голубые глаза Аллэна лукаво сверкнули. Побуждаемый внезапной мыслью, он тихо дошел до конца рассадника, перепрыгнул через низкий забор и очутился в красивом небольшом зверинце, через который проходила усыпанная песком дорожка, на которой спиной к Аллэну стояла молодая девушка, стараясь пройти мимо старика с граблями в руках, упорно преграждавшего ей дорогу и качавшего с укором головой.

— Приходите ко мне в сад, мисс Мильрой, так часто, как только вам угодно, и берите столько букетов, сколько хотите, — вскричал Аллэн, точно повторяя ее собственные слова.

Молодая девушка вскрикнула и обернулась. Нижний край кисейного платья, который она придерживала спереди, выпал у нее из рук, и целая куча цветов рассыпалась по дорожке.

Прежде чем было произнесено другое слово, упрямый старик выступил вперед с чрезвычайным спокойствием и приступил к решению вопросов в своих личных интересах, как будто ничего не случилось и никого тут не было, кроме нового господина и его.

— Нижайше поздравляю вас с приездом в Торп-Эмброз, сэр, — сказал старец. — Меня зовут Абрагэм Сэдж. Я служу в здешнем саду более сорока лет и надеюсь, что вы позволите мне остаться на своем месте.

Таким образом, садовник говорил, имея в виду только свои собственные интересы, но говорил напрасно. Аллэн стоял на коленях на песочной дорожке и собирал упавшие цветы. В этот момент у него сложились первые впечатления о внешности мисс Мильрой. Она была и хороша, и нет. Она очаровывала, разочаровывала и восхищала опять. По признанным правилам красоты она была слишком мала и слишком развита для своих лет, а между тем немногие из мужчин пожелали бы, чтобы у нее была другая фигура. Ее хорошенькие ручки были такие пухленькие, что трудно было приметить, как они были красны от избытка молодости и здоровья. Ножки грациозно извинялись за старые и дурно сшитые башмаки, а плечи вполне вознаграждали за поношенное кисейное платье. Темно-карие глаза были прелестны, они светились чистым нежным светом, умом, нежностью и кротким веселым выражением, а волосы, насколько позволяла их видеть поношенная старая шляпа, были того светлого каштанового цвета, который по контрасту придает красоту темным глазам. Но кроме этих привлекательных черт были и несовершенства во внешности этой странной девушки. Нос ее был слишком короток, рот чересчур велик, лицо слишком кругло и румяно. Хорошая реалистическая фотография была бы к ней беспощадна, а скульпторы классической Греции с сожалением и с поклоном выпроводили бы ее из своей мастерской. Несмотря на все это, пояс, которым была опоясана мисс Мильрой, был все-таки поясом Венеры, и ключ, отпирающий все сердца, она всегда

носила с собой. Прежде чем Аллэн поднял вторую пригоршню цветов, он уже в нее влюбился.

— Пожалуйста, не беспокойтесь, мистер Армадэль, — сказала она, неохотно принимая цветы, которые Аллэн бросал к ней на платье. — Мне так стыдно! Я, право, не имела серьезного намерения так смело ворваться в ваш сад... Я так, проговорилась, право! Что мне сказать в извинение? О, мистер Армадэль, что вы должны думать обо мне?

Аллэн вдруг догадался, что ему следует сделать комплимент, и сказал его с третьей пригоршней цветов по-своему прямо и простодушно:

— Я скажу вам, что я думаю, мисс Мильрой. Я думаю, что самая приятнейшая прогулка в моей жизни та, которая сегодня утром привела меня сюда.

Он казался пылок и красив. Он обращался не к женщине, которой уже надоел восторг, а к девушке, только что начинавшей жизнь женщины, и во всяком случае ему не вредило его звание торп-эмбросского владельца. Выражение раскаяния на лице мисс Мильрой почти исчезло. Она потупила глаза, скромно и с улыбкой смотря на цветы, лежащие у нее на платье.

— Я заслуживаю строгого выговора, — сказала она, — а не комплиментов, мистер Армадэль, менее всего от вас!

— О да, вы их заслуживаете! — вскричал опрометчивый Аллэн, проворно вскочив на ноги. — Притом это не комплимент, это правда: вы самая хорошенькая.., извините, мисс Мильрой, на этот раз я проболтался.

Между определенными нормами поведения, которых должны придерживаться женщины, может быть, самой тяжелой в шестнадцать лет можно назвать серьезность. Мисс Мильрой едва удерживалась от смеха, улыбнулась, опять удержалась и успела сохранить серьезность.

Садовник, все еще стоявший тут же и терпеливо ожидавший удобного случая, посчитал, что теперь удобно воспользоваться в своих личных интересах первой паузой, наступившей после появления Аллэна в зверинце.

— Я нижайше поздравляю вас с приездом в Торп-Эмброс, сэр, — сказал Абрагэм Сэдж, упрямо начав свою речь во второй раз. — Меня зовут...

Прежде чем он успел произнести свое имя, мисс Мильрой случайно взглянула на упрямое лицо садовника и уже никак не могла хранить свою серьезность и громко расхохоталась. Аллэн, никогда не пропускавший случая последовать такому веселому примеру, тоже разразился хохотом. Благоразумный садовник не удивился и не обиделся, он дождался новой паузы и опять заговорил о своем в ту минуту, когда молодые люди перестали смеяться, чтобы перевести дух.

— Я служил садовником, — продолжал Абрагэм Сэдж, — более чем сорок лет...

Вы будете служить садовником еще сорок лет, если только замолчите и уберетесь отсюда! — воскликнул Аллэн, как только смех позволил ему говорить.

— Благодарю вас, сэр, — сказал садовник с чрезвычайной вежливостью, но не показывая признаков, что он замолчит или уйдет.

— Ну что ж? — спросил Аллэн.

Абрагэм Сэдж прокашлялся и повертел в руках грабли. Он смотрел на свой драгоценный инструмент с чрезвычайным интересом и вниманием, видя, по всей вероятности, не длинную ручку граблей, а хорошую перспективу вдаль, а в конце ее свои личные выгоды.

— Когда для вас будет удобнее, сэр, — продолжал этот непреклонный человек, — я желал бы почтительнейше поговорить с вами о моем сыне. Может быть, для вас будет удобнее после, сэр? Нижайше кланяюсь и благодарю. Сын мой трезв, привык к конюшням и принадлежит к английской церкви.

Отрекомендовав таким образом своего сына, Абрагэм Сэдж вскинул на плечо свои драгоценные грабли и медленно скрылся из виду.

— Если это образчик верного старого слуги, — сказал Аллэн, — то я скорее согласен, чтобы меня обманывал новый слуга. По крайней мере, вас он уже не будет беспокоить, мисс Мильрой. Все цветники в саду к вашим услугам и все фрукты летом, если только вам угодно будет приходить сюда кушать.

— О мистер Армадэль, как вы добры! Как мне вас благодарить?

Аллэну представилась возможность сделать новый комплимент, комплимент, который продлил бы их встречу.

— Вы можете оказать мне величайшую милость, — сказал он, — вы можете помочь мне получить приятное впечатление о моем саде.

— Боже мой! Каким образом? — невинно спросила мисс Мильрой.

Аллэн заключил свою мысль словами:

— Взяв меня с собой, мисс Мильрой, на вашу утреннюю прогулку.

Он улыбнулся и подал руку. Она со своей стороны увидела возможность пококетничать. Девушка подала ему свою руку, покраснела и вдруг отняла ее.

— Я не думаю, чтобы это было хорошо, мистер Армадэль, — сказала она, принявшись с глубочайшим старанием собирать цветы. — Не нужно ли нам пригласить сюда какую-нибудь пожилую даму? Кажется, мне не совсем прилично ходить с вами под руку, пока я не узнаю вас короче.

Я вынуждена об этом спросить. Я так мало образована, я так мало была в обществе, и один из друзей папа сказал однажды, что мое обращение слишком смело для моих лет. Вы как думаете?

— Я думаю, как хорошо, что здесь нет друга вашего папа, — отвечал откровенный Аллэн. — Я поссорился бы с ним непременно. Что касается общества, мисс Мильрой, никто его не знает меньше меня, но если бы с нами была здесь пожилая дама, я должен сказать, что ее присутствие было бы чрезвычайно некстати. Не угодно ли? — заключил Аллэн, во второй раз предлагая свою руку. — Пойдемте же!

Мисс Мильрой бросила на него нерешительный взгляд.

— Вы хуже вашего садовника, мистер Армадэль! — сказала она и опять в нерешительности потупила глаза. — Я уверена, что это нехорошо, — прибавила она и через минуту взяла Аллэна под руку без малейшей нерешительности.

Они пошли по усыпанному маргаритками лугу, молодые, веселые и счастливые, и солнце летнего утра безоблачно освещало их усыпанный цветами путь.

— Куда мы идем теперь? — спросил Аллэн. — В другой сад?

Она весело засмеялась.

— Как это странно, мистер Армадэль, что вы не знаете, когда все это принадлежит вам! Неужели вы видите Торп-Эмброс первый раз сегодня? Как это должно казаться вам странно! Нет, нет, не говорите

мне больше комплиментов, а то, пожалуй, вы вскружите мне голову. С нами нет пожилой дамы, и я сама должна заботиться о себе. Позвольте мне быть полезной, позвольте мне показать вашу собственность. Мы выйдем из этой калитки через дорогу в парк, а потом по сельскому мостику кругом плантации — куда вы думаете? Туда, где я живу, мистер Армадэль, в прехорошенький коттедж, который вы отдали внаймы папа. О, если бы вы знали, как мы обрадовались, когда могли его получить!

Она замолчала, посмотрела на своего спутника и остановила еще комплимент, готовый сорваться с губ неисправимого Аллэна.

— Я брошу вашу руку, — кокетливо сказала она, — если вы не перестанете! Мы очень обрадовались, получив коттедж, мистер Армадэль. Папа сказал, что он чувствует себя обязанным вам за это, в тот день, как мы получили ваше согласие. А я сказала, что я вам обязана, неделю тому назад.

— Вы, мисс Мильрой? — воскликнул Аллэн.

— Да. Вам, может быть, удивительно это слышать, но если бы вы не отдали этот коттедж папа, я, кажется, имела бы несчастье попасть в школу.

Аллэн вспомнил о монете, которую он бросал на столе в каюте в Кэстльтоуне.

«Если бы она знала, что я кидал для этого жребий!» — подумал он с раскаянием.

— Наверно, вы не понимаете, почему мне кажется так ужасно попасть в школу, — продолжала мисс Мильрой, истолковав по-другому молчание своего спутника. — Если бы я поступила в школу в детстве, то есть в таких летах, когда отдают других девушек, мне было бы теперь все равно, но тогда мне не удалось. Это было во время болезни мама и несчастных спекуляций папа, а так как папа некому было утешать, кроме меня, Я, разумеется, осталась дома. Напрасно вы смеетесь. Я была полезна, уверяю вас. Я помогла папа переносить неприятности, сидя у него на коленях после обеда и прося его рассказывать мне истории о всех замечательных людях, которых он знал, когда бывал в большом свете, здесь и за границей. Если бы я не развлекала его по вечерам, а его часы не занимали его днем...

— Его часы? — повторил Аллэн.

— О, да! Мне бы надо было сказать вам: у папа необыкновенный талант к механике. И вы это скажете, когда увидите его часы. Они, разумеется, не так велики, но совершенно по образцу знаменитых страсбургских часов. Только подумайте: он начал их, когда мне было восемь лет, и, хотя мне минуло теперь шестнадцать, они еще не кончены! Некоторые из наших друзей ужасно удивились, что он принялся за такую работу, когда начались его неприятности, но папа тотчас им напомнил, что Людовик XVI занялся слесарным мастерством, когда начались его неприятности, и тогда все остались совершенно довольны.

Она замолчала и покраснела.

— О, мистер Армадэль! — сказала она с искренним замешательством на этот раз. — Все мой несчастный язык — опять проболтался! Я уже разговариваю с вами, как будто знала вас несколько лет! Вот об этом-то говорил друг папа, когда уверял, что мое обращение слишком смело. Это совершенно справедливо. Я ужасно скоро становлюсь слишком непринужденной с теми...

Она вдруг замолчала и не закончила свою фразу — «которые мне нравятся».

— Нет, нет, продолжайте! — умолял Аллэн. — Я тоже имею недостаток быть фамильярным, притом мы должны быть фамильярны: мы такие близкие соседи. Я человек довольно необразованный и не знаю, как мне это сказать, но я желаю, чтобы ваш коттедж находился в дружеских отношениях с моим домом, а мой дом с вашим коттеджем. Вот моя мысль, выраженная неуклюжими словами. Продолжайте, мисс Мильрой, пожалуйста, продолжайте!

Она улыбнулась и заколебалась.

— Я не совсем помню, на чем я остановилась, — промолвила она. — Я только помню, что мне хотелось вам что-то сказать. Это все оттого, мистер Армадэль, что я иду с вами под руку, будет гораздо лучше, если вы согласитесь идти отдельно. Вы не соглашаетесь? Ну, когда так, напомните же мне, что такое хотела я вам сказать? На чем я остановилась, прежде чем заговорила о неприятностях и часах папа?

— Вы были в школе! — отвечал Аллэн, покопавшись в своей памяти.

— Не в школе, хотите вы сказать, — продолжала мисс Мильрой, — по милости вашей. Теперь я опять могу продолжать, и

это очень утешительно. Я говорю совершенно серьезно, мистер Армадэль, что, если бы вы не согласились отдать внаймы папа коттедж, меня отдали бы в школу. Вот как это получилось: когда мы начали переезжать, миссис Блэнчард была так добра, что прислала нам сказать, что ее слуги в нашем распоряжении, если нам нужна помощь. После этого нам с папа только оставалось пойти и поблагодарить ее. Мы видели миссис и мисс Блэнчард. Миссис была очаровательна, а мисс просто прелестна в трауре. Вы, наверно, восхищаетесь ею. Она высока, бледна и грациозна и, вероятно, совершенно оправдывает вашу идею о красоте?

— Ничуть не бывало, — отвечал Аллэн. — Моя идея о красоте в настоящую минуту...

Мисс Мильрой, опасаясь комплимента, тотчас отняла свою руку.

— Я хочу сказать, что я никогда не видел ни миссис Блэнчард, ни ее племянницы, — прибавил Аллэн, поспешно поправившись.

Мисс Мильрой сменила гнев на милость и опять взяла Аллэна под руку.

— Как это странно, что вы никогда их не видели! — продолжала она. — Вам решительно незнакомы все и вся, в Торп-Эмброзе! Вот когда мы посидели и поговорили немножко с мисс Блэнчард, я услышала, что миссис Блэнчард произнесла мое имя, и затаила дыхание. Она спрашивала папа: кончила ли я мое воспитание. Папа тотчас высказал свое главное затруднение. Надо вам знать, что моя прежняя гувернантка вышла замуж перед нашим приездом сюда и никто из наших друзей не мог рекомендовать нам другую, с умеренным жалованьем. «Мне сказали, миссис Блэнчард, люди, понимающие это лучше, чем я, — сказал папа, — что объявлять в газетах всегда риск. Это все падает на меня при расстроенном здоровье миссис Мильрой, и, кажется, я должен кончить тем, что отдам мою девочку в школу. Не знаете ли вы школы, которая была бы по средствам бедного человека?» Миссис Блэнчард покачала головой. Я готова была расцеловать ее за это. «Вся моя опытность, майор Мильрой, — сказала эта чудесная женщина, — говорит в пользу объявлений. Гувернантка моей племянницы была взята по объявлению, а вы можете вообразить, как она была нам полезна, когда я вам скажу, что она жила в нашем семействе более десяти лет». Я готова была упасть на колени перед миссис Блэнчард и сама

удивляюсь, как я этого не сделала! Папа был поражен в то время. Я это видела и заговорила об этом опять, когда мы возвращались домой. «Хотя я давно не бывал в свете, моя милая, — сказал папа, — я с первого взгляда узнаю знатную и умную женщину. Опытность миссис Блэнчард поставила объявления в новом свете, я должен об этом подумать». Он об этом подумал, и, хотя он не признался мне открыто, я знаю, что он решился напечатать объявление не позже, как вчера. Итак, если папа благодарит вас за коттедж, мистер Армадэль, и я тоже благодарю вас. Если бы не вы, мы никогда не познакомились бы с милой миссис Блэнчард, а если бы не милая миссис Блэнчард, меня отдали бы в школу.

Прежде чем Аллэн успел ответить, они обогнули плантацию и вышли к коттеджу. Описывать его было бы бесполезно. Вся вселенная уже знает его. Это был типичный коттедж первых уроков рисовального учителя, набросанный размашистым карандашом, с хорошенькой соломенной кровлей, с роскошными ползучими растениями, со скромными решетчатыми окнами, с сельским крыльцом, с проволочной клеткой — всего тут было сполна!

— Не правда ли, какая прелесть? — сказала мисс Мильрой. — Пожалуйста, войдите!

— Можно ли? — спросил Аллэн. — А если майор подумает, что слишком рано?

— Рано или поздно, я уверена, что папа будет очень рад видеть вас.

Она торопливо прошла по садовой тропинке и отворила дверь гостиной. Аллэн последовал за ней в маленькую комнатку и увидел на дальнем конце ее мужчину, сидевшего у старинного письменного стола спиной к гостю.

— Папа! Вот вам сюрприз! — сказала мисс Мильрой, отвлекая его от занятия. — Мистер Армадэль приехал в Торп-Эмброд, и я привела его к вам.

Майор вздрогнул и вскочил, растерявшись на минуту, немедленно оправился и подошел встретить своего молодого хозяина, гостеприимно протянув руку.

Человек с более опытной и с более тонкой наблюдательностью, чем Аллэн, прочел бы на лице майора Мильроя историю его жизни. Домашние неприятности, поразившие майора, ясно обнаружались в

его согбенном стане, в его исхудалых, морщинистых щеках сразу же, когда он встал со своего кресла. Неизменное влияние одного неменяющегося занятия и одной монотонной мысли выразилось потом в его обращении и в его задумчивом взгляде, когда дочь заговорила с ним. Через минуту, когда майор несколько оживился, принимая своего гостя, он вполне раскрылся как личность. Тогда в утомленных глазах майора мелькнуло слабое отражение его более счастливой молодости. В спокойном обращении майора произошла перемена, безошибочно показывавшая дарования, приобретенные давно в школе благородного общества. Это был человек, давно уже терпеливо находивший прибежище от своих неприятностей в одном занятии механикой, человек, только пробуждавшийся время от времени, чтобы увидеть себя опять тем, кем он когда-то был. Открывшись таким образом для всех глаз, какие могли правильно понять его, майор Мильрой стоял перед Аллэном в первое утро знакомства, которому было предназначено иметь влияние на жизнь Аллэна.

— Искренно рад видеть вас, мистер Армадэль, — сказал он, говоря монотонным и тихим голосом, свойственным людям, занятия которых бывают уединенны и однообразны. — Вы уже сделали мне одно одолжение, приняв меня вашим жильцом, а теперь вы делаете мне другое одолжение этим дружеским визитом. Если вы еще не завтракали, позвольте мне без церемонии пригласить вас сесть за наш маленький стол.

— С величайшим удовольствием, майор Мильрой, если я только вам не помешаю, — ответил Аллэн, восхищенный этим приемом. — С огорчением я услышал от мисс Мильрой, что миссис Мильрой нездорова. Может быть, мой неожиданный приход... Может быть, вид незнакомца...

— Я понимаю вашу нерешимость, — перебил майор, но она совершенно излишня. Болезнь миссис Мильрой не позволяет ей выходить из ее комнаты... Приготовлено ли уже все на столе, душа моя? — продолжал он, так круто переменив разговор, что более внимательный наблюдатель, чем Аллэн, мог бы подозревать, что этот разговор был ему неприятен. — Ты сделаешь чай?

Внимание мисс Мильрой, по-видимому, было уже занято, она не отвечала. Пока ее отец и Аллэн разменивались любезностями, она

приводила в порядок письменный стол и рассматривала разные вещи, разбросанные на нем, с необузданным любопытством избалованного ребенка. Через минуту после того, как майор заговорил с нею, она увидела бумажку, спрятанную между листьями пропускной ^[9] бумаги, схватила ее и тотчас обернулась с восклицанием удивления.

— Неужели мои глаза обманывают меня, папа? — спросила она. — Или вы точно писали объявление, когда я вошла?

— Я только что кончил, — отвечал ей отец. — Но, душа моя, мистер Армадэль здесь. Мы ждем завтрак.

— Мистер Армадэль все знает, — отвечала мисс Мильрой. — Я сказала ему в саду.

— О да! — вмешался Аллэн. — Пожалуйста, не обращайтесь со мной, как с посторонним, майор! Если оно насчет гувернантки, то я, хоть косвенно, замешан в этом.

Майор Мильрой улыбнулся. Прежде чем он успел ответить, его дочь, читавшая объявление, обратилась к нему во второй раз.

— О, папа! — сказала она. — Здесь есть одно, что мне не нравится. Зачем вы поставили начальные буквы имени бабушки в конце? Зачем вы приглашаете их писать в дом бабушки в Лондон?

— Душа моя! Твоя мать ничего не может сделать, как тебе известно. Что касается меня, даже если бы я поехал в Лондон и стал расспрашивать незнакомых дам о их характерах и дарованиях, я на это совершенно не способен. Твоей бабушке приличнее всего получать письма и наводить необходимые справки.

— Но я хочу сама читать письма, — настаивал избалованный ребенок. — Некоторые непременно будут забавны...

— Я не извиняюсь за такой бесцеремонный прием, мистер Армадэль, — обратился майор к Аллэну с веселой и добродушной улыбкой. — Он может служить вам предостережением, если вам случится жениться и иметь дочь, чтобы не избаловать ее, как сделал это я, потакая всем ее прихотям.

Аллэн засмеялся. Мисс Мильрой настаивала.

— Притом, — продолжала она, — я хотела бы сама выбрать, на какие письма отвечать, а на какие нет. Я думаю, что мне следует иметь голос в выборе гувернантки для меня. Зачем не объявить, папа, чтобы письма присылались сюда, в почтовую контору, или в какую-нибудь лавку? Когда мы с вами прочтем их, мы можем послать

выбранные письма к бабушке, и она может навести справки и выбрать лучшую гувернантку, как вы уже распорядились, не оставляя меня совершенно в неизвестности, что я считаю — наверно, и вы, мистер Армадэль? — совершенно бесчеловечным. Позвольте мне переменить адрес, папа, пожалуйста, душечка!

— Мы не получим завтрака, мистер Армадэль, если я не скажу «да», — возразил майор добродушно. — Поступай, как хочешь, моя милая, — обратился он к дочери. — Только бы твоя бабушка устроила для нас это дело, а остальное не имеет никакой важности.

Мисс Мильрой взяла перо, зачеркнула последнюю строчку в объявлении и написала другой адрес собственной рукой:

«Обратиться письменно к М. в почтовую контору в Торп-Эмброс в Норфольк».

— Вот, — сказала она, поспешно подходя к своему месту у чайного стола, — теперь объявление может отправляться в Лондон, и если оно доставит нам гувернантку, о папа! Кто такая будет она?.. Чай или кофе, мистер Армадэль? Мне, право, стыдно, что я заставила вас ждать. Но так успокоительно, — прибавила она лукаво, — кончить дело до завтрака!

Отец, дочь и гость сели вместе за маленький круглый столик, как добрые соседи и уже добрые друзья.

Три дня спустя один из лондонских рассыльных тоже до завтрака кончил свое дело. Его округом была улица Диана в Пимлико, и последнюю из утренних газет, которые он разносил, он оставил у миссис Ольдершо.

Глава III. ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ

Примерно час спустя после того, как Аллэн отправился осматривать свои владения, Мидуинтер встал и в свою очередь наслаждался при дневном свете великолепием нового дома.

Хорошо выспавшись, он сошел с большой лестницы так же весело, как Аллэн, и так же заглядывал во все обширные комнаты нижнего жилья, вне себя от удивления при виде красоты и роскоши, которые окружали его.

«Дом, в котором я служил, когда был мальчиком, был очень красив, — думал он, — но он ничто в сравнении с этим домом. Желал бы я знать, так ли был удивлен и восхищен Аллэн, как я?»

Красота летнего утра увлекла его в открытую дверь передней, как и его друга часом раньше. Он проворно сбежал со ступеней, напевая мотив, под который плясал в былое время. Даже воспоминания о его несчастном детстве были окрашены в это счастливое утро в светлые тона, сквозь которые он и смотрел на них.

«Если бы я не отвык, — думал он, облокотись на ограду и смотря в парк, — я попробовал бы одну из моих прежних штук на этой чудесной траве».

Он обернулся, заметил двух слуг, разговаривавших у кустарника, и спросил, где хозяин дома. Слуги с улыбкой указали на сад и сказали, что мистер Армадэль пошел туда более часа тому назад и встретил там мисс Мильрой. Мидуинтер пошел по тропинке через кустарник, но, дойдя до цветника, остановился, подумал и вернулся назад.

«Если Аллэн встретился с этой молодой девицей, — сказал он сам себе, — я ему не нужен».

Он засмеялся при этом философском выводе и пошел осматривать красоты Торп-Змброза с другой стороны дома. Пройдя угол передней стены здания, он спустился с нескольких ступеней, прошел по вымощенной дорожке, повернул за другой угол и очутился с задней стороны дома. Позади него находился ряд небольших комнат, расположенных в уровень со службами. Перед ним с дальней стороны небольшого садика возвышалась стена, закрытая лавровой изгородью

с дверью на одном конце, которая вела мимо конюшен к воротам, открывавшимся на большую дорогу. Приметив, что до сих пор он нашел только кратчайшую дорогу к дому, по которой ходили слуги и поставщики, Мидуинтер вернулся назад и посмотрел на окно одной из комнат в нижнем этаже, когда проходил мимо него. Людские, что ли, были эти комнаты? Нет, людские, очевидно, были с другой стороны нижнего жилья, а окно, на которое он взглянул, принадлежало кладовой. Следующие две комнаты в этом ряду были пусты. Четвертое окно, когда он подошел к нему, отличалось от остальных: оно служило также дверью и в эту минуту было открыто в сад.

Привлеченный книжными полками, которые он заметил на стенах, Мидуинтер вошел в эту комнату. Книги, которых было немного, недолго задержали его — на них достаточно было взглянуть и незачем было снимать с полок. Романы Вальтера Скотта, повести мисс Эджеворт и многих ее последователей, поэмы миссис Гэманс и несколько разрозненных томов иллюстрированных альманахов того времени составляли маленькую библиотеку. Мидуинтер повернулся, чтобы выйти из комнаты, когда предмет с одной стороны окна, прежде не замеченный им, привлек его внимание и остановил у порога. Это была статуэтка, стоящая на пьедестале, уменьшенная копия знаменитой Ниобеи в флорентийском музее. Мидуинтер перенес свой взгляд со статуэтки к окну с внезапным опасением, заставившим сердце его сильно забиться. Это было французское окно, а статуэтка стояла перед ним по левую руку. Он выпянул из окна с подозрением, которое еще не прочувствовал. Вид открывался перед ним на луг и на сад. С минуту воображение его смело боролось, чтобы избавиться от предчувствия, овладевшего им, и боролось напрасно. Тут как раз около него и как раз перед ним, безжалостно заставляя его возвратиться от счастливого настоящего к ужасному прошлому, была комната, которую Аллэн видел во Втором Видении Сна.

Мидуинтер, раздумывая, внимательно осматривался вокруг. В его лице и в его действиях было удивительно мало расстройств. Он осмотрел пристально каждый предмет в комнате, как будто это открытие скорее опечалило его, чем удивило. Какие-то заграничные циновки покрывали пол, два тростниковых стула и простой стол составляли всю мебель. Стены были обиты простыми обоями и пусты.

В одном месте дверь вела во внутренность дома, в другом стояла небольшая печка, в третьем висели книжные полки, уже примеченные Мидуинтером. Он вернулся к книгам и на этот раз снял некоторые с полок.

В первой, раскрытой им, обнаружил строчки, написанные женским почерком и чернилами, поблекшими от времени. Он прочел: «Джэн Армадэль от ее возлюбленного отца. Торп-Эмброс, октябрь, 1828».

Во второй, третьей и четвертой книгах была та же надпись. Так как Мидуинтер знал числа и людей, то это помогло ему сделать правильное заключение из того, что он прочитал. Эти книги, видимо, принадлежали матери Аллена, и она, должно быть, написала свое имя в промежуток времени от ее возвращения в Торп-Эмброс с Мадеры и рождения сына. Мидуинтер взял книгу с другой полки, из сочинений миссис Гэманс. Тут белый лист в начале книги был исписан с обеих сторон стихами, все рукой миссис Армадэль. Стихи эти имели заглавие «Прощание с Торп-Эмбросом, март 1829», — только два месяца спустя после рождения Аллена.

Не имея никаких литературных достоинств, эта маленькая поэма представляла единственный интерес для домашней истории, одна из страниц которой в ней раскрывалась. Та самая комната, где стоял Мидуинтер, была там описана — вид в сад, окно, открывавшееся в него, книжные полки, Ниобея и другие, более тленные украшения, разрушенные временем. Тут, в несогласии с братьями, убегая от своих друзей, вдова убитого заточилась, по собственному своему признанию, не имея никаких других утешений, кроме любви и прощения своего отца, до тех пор, пока не родился ее ребенок. Прощение отца и смерть его наполнили несколько стихов. К счастью, выражения раскаяния и отчаяния были слишком неопределенны, чтобы объяснить историю брака на Мадере читателю, не знавшему истины. Затем следовал намек на отчуждение писавшей от ее родных и на приближающийся отъезд из Торп-Эмброза. Потом выражалась решимость матери расстаться со всеми прежними воспоминаниями, не брать с собой ничего, даже малейшей безделицы, которая могла бы напомнить ей о несчастном прошлом, и начать ее новую жизнь в будущем с рождением ребенка, который оставался ее утешением и был теперь единственным существом на земле, способным еще

говорить ей о любви и надежде. Таким образом старая история пылкого чувства, находящего утешение в стихотворных фразах, ибо не от кого было ожидать утешения в жизни, была рассказана еще раз. Мидуинтер с тяжелым вздохом положил книгу назад на полку и не стал раскрывать никакой другой.

— Здесь, в деревенском доме, или там, на корабле, — сказал он с горечью, — следы преступления моего отца встречаются мне повсюду.

Он подошел к окну, остановился и оглядел эту уединенную, заброшенную комнатку.

— Неужели это случайность? — спросил он сам себя. — Место, где страдала его мать, он видел во сне, и первое утро в новом доме показало это место не ему, а мне. О, Аллэн! Аллэн! Как это кончится?

Только эта мысль промелькнула в его голове, как он услышал голос Аллэна, звавшего его по имени. Мидуинтер поспешно вышел в сад. В эту самую минуту Аллэн выбежал из-за угла, извиняясь скороговоркой, что забыл в обществе новых соседей законы гостеприимства и права на внимание его друга.

— Мне, правда, не было без вас скучно, — сказал Мидуинтер, — и я очень-очень рад слышать, что новые соседи произвели на вас такое приятное впечатление.

Он постарался, говоря это, перейти на другую сторону дома, но внимание Аллэна было привлечено открытым окном и уединенной комнаткой. Он немедленно туда вошел, Мидуинтер последовал за ним, наблюдая с растущим с каждой минутой беспокойством за тем, как Аллэн осмотрел комнату. Ни малейшее воспоминание о сновидении не возмутило спокойную душу Аллэна, ни малейшего намека на это сновидение не сорвалось с безмолвных губ его друга.

— Именно в таком месте я ожидал вас найти! — весело воскликнул Аллэн. — Маленькая уютная комнатка без претензий! Знаю я вас, мистер Мидуинтер! Вы будете ускользать сюда, когда будут приезжать гости, и мне кажется, что в этих печальных случаях и я буду следовать за вами... Что с вами? Вы как будто больны и не в духе. Голодны? Разумеется, непростительно с моей стороны, что я заставил вас ждать завтрак... Эта дверь ведет куда-нибудь, я полагаю. Попробуем войти в дом кратчайшим путем. Не бойтесь, что я не буду с вами завтракать. Я немного ел в коттедже, я услаждал мои глаза созерцанием прелестной мисс Мильрой, как говорят поэты. О,

милочка! Милочка! Как только вы взглянете на нее, она закружит вам голову. А что касается ее отца... Подождите, пока увидите его удивительные часы, они вдвое больше знаменитых страсбургских часов и так громко бьют, как никогда не случалось слышать мне!

Расточая похвалы своему новому другу, Аллэн торопливо повел Мидуинтера по каменным коридорам нижнего этажа, которые шли, как он удачно угадал, к лестнице, сообщавшейся с передней. Они прошли мимо людской. При виде кухарки и пылающего огня, увиденных ими в открытую дверь кухни, Аллэн закричал, забыв о своем положении хозяина дома:

— Ага, миссис Гриппер! Вот вы где с вашими горшками и кастрюлями и вашим пылающим очагом! Пожалуйста, поскорее завтрак. Яйца, сосиски, ветчину, почки, мармелад, салат, кофе и тому подобное! Друг мой и я принадлежим к немногим избранным, для которых особенно приятно стряпать. Мы оба гастрономы, миссис Гриппер, оба гурманы. Вы увидите, — продолжал Аллэн, когда они шли к лестнице, — я заставлю помолодеть это достойное существо, и я лучше доктора для миссис Гриппер. Когда она смеется, она трясет свои жирные бока и приводит в действие свою мышечную систему... А! Вот опять Сюзанна! Не прислоняйтесь к перилам, моя милая. Если вы боитесь толкнуть меня на лестнице, мне будет приятно толкнуть вас. Мидуинтер, она похожа на расцветшую розу, когда краснеет, не правда ли? Пойдите, Сюзанна! Я должен отдать некоторые приказания. Особенно занимайтесь комнатой мистера Мидуинтера, изо всех сил вытирайте пыль с его мебели до тех пор, пока не заболят ваши миленькие кругленькие ручки... Вздор, любезный друг! Я своих слуг еще не знаю, я только впервые даю им работу. Ну, Ричард, где мы будем завтракать? О, здесь! Между нами, Мидуинтер, эти великолепные комнаты слишком велики для меня. Мне кажется, что я никогда не буду в коротких отношениях с моей собственной мебелью. Мой любимый образ жизни — больше уюта, опрятности, кухонный стол и низкий потолок. Человеку немного нужно на земле и недолго нужно это немного. Цитата, кажется, приведена неверно, но она выражает мое мнение, и мы оставим ее без поправок до следующего случая...

— Извините, — перебил Мидуинтер, — вас здесь ждет что-то еще, не привлекающее вашего внимания.

Он несколько нетерпеливо указывал на письмо, лежавшее на столе. Он мог скрыть от Аллена злое открытие, сделанное им в то утро, но не мог преодолеть тайного недоверия к обстоятельствам, пробудившимся в его суеверной натуре, — инстинктивного подозрения ко всему, что случалось, как ни обыкновенно или ничтожно было обстоятельство, — в первый достопамятный день, когда началась жизнь в новом доме.

Аллен пробежал глазами письмо и бросил его через стол своему другу — Я ничего не понимаю, — сказал он. — А вы можете понять?

Мидуинтер медленно прочел письмо вслух:

— "Милостивый государь, надеюсь, вы простите, что я осмелился послать к вам несколько строк, которые вы найдете по приезде вашем в Торп-Эмброс. Если все равно по каким-нибудь обстоятельствам вы не располагены поручить ваши дела мистеру Дарчу..."

Мидуинтер вдруг остановился и подумал.

— Дарч — это наш приятель нотариус, — сказал Аллен, предположив, что Мидуинтер забыл это имя. Разве вы не помните, как мы бросали полкроны на столе в каюте, когда я получил два предложения насчет коттеджа? Орел — майор, решетка — стряпчий! Это стряпчий.

Не отвечая ничего, Мидуинтер продолжал читать письмо:

— "Если все равно по каким-нибудь обстоятельствам вы не располагены поручить ваши дела мистеру Дарчу, я прошу позволения сказать, что я буду очень рад заняться вашими делами, если вам угодно будет почтить меня вашим доверием. Вкладываю адрес моих поверенных в Лондоне, если вам угодно навести обо мне справки. Опять извиняясь в моей смелости, имею честь быть, милостивый государь, ваш покорнейший слуга.

А. Педгифт"

— По каким-нибудь обстоятельствам, — повторил Мидуинтер, положив письмо. — Какие обстоятельства могут помешать вам поручить ваши дела мистеру Дарчу?

— Ничего не может помешать мне, — сказал Аллэн, — кроме того, что Дарч был фамильным нотариусом. Он первый написал мне в Париж о моем наследстве, и, если У меня случатся дела, разумеется, я поручу их ему.

Мидуинтер все недоверчиво смотрел на открытое письмо, лежавшее на столе.

— Я очень боюсь, Аллэн, не случилось ли уже чего-нибудь, — сказал он. — Этот человек никогда не осмелился бы обратиться к вам с такой просьбой, если бы не имел причины предполагать, что он будет иметь успех. Если вы желаете с самого начала привести в порядок ваши дела, пошлите сказать мистеру Дарчу сегодня же утром, что вы здесь, и пока ничего не отвечайте на письмо мистера Педгифта.

Прежде чем они успели обменяться еще несколькими словами, лакей явился с завтраком. За ним пришел буфетчик, человек с необыкновенно вкрадчивым и приятным голосом, с вежливым обращением и с носом, похожим на луковицу. Всякий, кроме Аллэна, увидел бы по его лицу, что он вошел в комнату, с тем чтобы сообщить господину нечто особенное. Аллэн, не вникавший глубоко в суть событий и думавший о письме нотариуса, прямо приступил к нему с вопросом:

— Кто мистер Педгифт?

Буфетчик тотчас поспешил показать свои обширные познания. Мистер Педгифт был второй из двух нотариусов в городе. Он не так давно стал известен, не так богат и не так уважаем вообще, как старый мистер Дарч. Он не занимался делами самых знатных людей в графстве, не бывал в лучшем обществе, как старый мистер Дарч. Тем не менее это был человек способный в своем деле, известный своей честностью и знанием дела во всем округе, словом, после мистера Дарча лучший юрист, а по наружности выше его в том отношении, что Дарч был брюзгливым стариком, а Педгифт нет.

Сообщив эти сведения, буфетчик, благоразумно воспользовавшись выгодами своего положения, перескочил, не останавливаясь ни минуты, от мистера Педгифта к делу, которое привело его в столовую. Летний расчет приближался, и фермеры привыкли, чтобы им давали знать за неделю до обеда, который всегда давался в тот день, когда они вносили свои деньги. При таких не

терпящих отлагательства обстоятельствах и так как еще не было сделано никаких распоряжений и еще не назначен управляющий в Торп-Эмброс, то следовало какому-нибудь доверенному человеку взяться за это. Этим доверенным человеком был буфетчик, и поэтому он теперь осмелился побеспокоить своего господина на этот счет.

Тут Аллэн раскрыл было губы, чтобы прервать буфетчика, но его самого прервали, прежде чем он успел произнести слово.

— Подождите! — вмешался Мидуинтер, видя по лицу Аллэна, что он подвергается опасности быть публично провозглашенным в качестве управителя. — Подождите! — повторил он настойчиво. — Я прежде хочу с вами поговорить.

Вежливое обращение буфетчика не было нарушено внезапным вмешательством Мидуинтера и его собственным изгнанием со сцены. Только покрасневший нос обнаружил чувство оскорбления, охватившего его, когда он удалился. Надежды мистера Армадэля угостить своего друга и себя в этот день лучшим вином в погребе подвергались опасности, когда буфетчик ушел в нижний этаж.

— Шутки в сторону, Аллэн, — сказал Мидуинтер, когда они остались одни. — Ваших арендаторов должен принять в день уплаты арендных денег тот, кто действительно способен занять место управителя. При всем моем желании научиться я не могу понять это дело в одну неделю. Прошу вас, не поставьте себя в фальшивое положение относительно других людей из-за попечений о моем благосостоянии. Я никогда не прощу себе, если буду несчастной причиной...

— Потихе, потихе! — вскричал Аллэн, изумляясь необыкновенной серьезности своего друга. — Если я напишу в Лондон с сегодняшней почтой, чтобы тот человек, который прежде занимался здесь, приехал сюда, останетесь ли вы довольны?

Мидуинтер покачал головой.

— Времени немного, — сказал он, — а может быть, этот человек не свободен. Почему бы вам не написать к мистеру Дарчу? Пошлите к нему сейчас, прежде чем отойдет почта, и мы увидим, может ли он нам помочь.

Аллэн подошел к боковому столику, на котором лежали письменные принадлежности.

— Вы будете завтракать спокойно, неугомонный старикашка, — сказал он и написал к Дарчу со своей обыкновенной спартанской краткостью выражений:

"Милостивый государь!

Я уже здесь. Угодно вам сделать мне одолжение быть моим поверенным в делах? Я спрашиваю вас об этом потому, что мне нужно посоветоваться с вами сейчас. Пожалуйста, заезжайте ко мне сегодня и останьтесь обедать, если можно.

Искренно вам преданный Аллэн Армадэль".

Прочитав вслух это сочинение с нескрываемым восторгом к быстроте своих литературных способностей, Аллэн адресовал письмо мистеру Дарчу и позвонил в колокольчик.

— Отвезите это письмо сейчас, Ричард, и подождите ответа. Если в городе есть какие-нибудь новости, узнайте о них и привезите их с собой. Посмотрите, как я распоряжаюсь моими слугами! — продолжал Аллэн, подходя к своему другу, сидевшему за завтраком. — Посмотрите, как я вхожу в мои новые обязанности! Я не пробыл здесь еще и дня, а уже интересуюсь моими соседями.

По окончании завтрака оба друга пошли провести утро под тенью деревьев в парк. Настал полдень, а Ричард не являлся. Пробил час, а все еще не было ответа от мистера Дарча. Терпение Мидуинтера не могло выдержать этой медлительности. Он оставил Аллэна дремать на траве и пошел в дом узнать. Город находился в двух милях от Торп-Эмброза, но день был рыночный, и Ричарда, без сомнения, задержали его знакомые, с которыми он, наверно, встретился в городе.

Через полчаса посланный вернулся и поспешил сообщить ответ своему господину, лежавшему под деревом в парке.

— Мистер Дарч прислал ответ? — спросил Мидуинтер, видя, что Аллэн ленится задать этот вопрос.

— Мистер Дарч был занят, сэр. Он приказал мне сказать, что он сам пришлет ответ.

— Есть какие новости в городе? — сонным голосом спросил Аллэн, не давая себе труда раскрыть глаза.

— Нет, сэр, ничего особенного.

Подозрительно наблюдая за слугой, когда он дал этот ответ, Мидуинтер заметил в его лице, что он говорил не правду. Ричард, очевидно, находился в замешательстве и, очевидно, успокоился, когда молчание его господина позволило ему уйти. Подумав несколько, Мидуинтер пошел за ним и нагнал удалявшегося слугу на дорожке перед домом.

— Ричард, — сказал он спокойно, — справедливо ли я угадал, что в городе есть какие-то новости и что вы не хотите сообщить их вашему господину?

Слуга вздрогнул и изменился в лице.

— Я не знаю, как вы угадали это, сэр, но не могу опровергать, что вы угадали правду.

— Скажите мне, в чем состоят эти новости, а я возьму на себя ответственность передать их мистеру Армадэлю.

После некоторой нерешительности Ричард, внимательно рассмотрев со своей стороны лицо Мидуинтера, наконец решился повторить то, что он слышал в этот день в городе.

Известие о внезапном приезде Аллена в Торп-Эмброс разнеслось за несколько часов до прибытия туда слуги. Где он ни был, он везде находил, что господин его составлял предмет общих разговоров. Мнение главных лиц в городе, окрестных дворян и главных арендаторов поместья о поведении Аллена было вообще неблагоприятно. Только накануне комитет, образованный для устройства публичного приема нового сквайра, решил ход процессии, серьезный вопрос о триумфальных арках и назначил способного человека собирать подписку на флаги, цветы, фейерверк, угощение, оркестр. В неделю деньги могли быть собраны, и ректор написал бы к мистеру Армадэлю, прося его назначить день. А теперь Аллен добровольно пренебрег публичным приемом, желавшим его почтить! Все догадались (это, к несчастью, было справедливо), что его секретно уведомили об этом. Все объявили, что он умышленно прокрался в свой собственный дом, как вор, ночью, чтобы избавиться от вежливости своих соседей. Словом, обидчивая важность маленького городка была задета за живое, и не осталось и следа завидного положения Аллена в уважении его соседей.

С минуту Мидуинтер смотрел с безмолвным огорчением на вестника этого неприятного известия. Когда эта минута прошла,

сознание критического положения Аллена заставило Мидуинтера поискать средства против этого зла.

— Нравится ли вам ваш господин, Ричард, насколько вы могли узнать его в это короткое время?

На этот раз слуга отвечал без малейшей нерешимости:

— Более приятного и доброго господина, как мистер Армадэль, нельзя желать.

— Если вы это думаете, — продолжал Мидуинтер, — вы согласитесь сообщить мне некоторые сведения, которые помогут вашему господину помириться с его соседями. Пойдемте в дом.

Он прошел в библиотеку и, задав необходимые вопросы, записал имена и адреса самых влиятельных особ, живших в городе и в окрестностях. Сделав это, он вызвал главного лакея, а Ричард послал в конюшню сказать, чтобы коляска была заложена через час.

— Когда покойный мистер Блэнчард делал визиты соседям, вы ездили с ним или нет? — спросил он, когда вошел главный слуга. — Очень хорошо. Будьте готовы через час ехать с мистером Армадэлем.

Отдав это приказание, он пошел к Аллену со списком его соседей в руках. Он улыбнулся несколько грустно, сходя с лестницы.

«Кто подумал бы, — спрашивал он себя мысленно, — что мое лакейское знание господских обычаев когда-нибудь пригодится для Аллена?»

Предмет общего негодования невинно дремал на траве, шляпа спустилась ему на нос, жилет расстегнулся, а панталоны задрались кверху. Мидуинтер разбудил его без малейшей нерешительности и безжалостно повторил известие, сообщенное слугой. Аллен принял это весьма спокойно.

— Черт их побери! — вот все, что он сказал. — Выкурим еще сигару.

Мидуинтер взял сигару из его рук и настоял на том, чтобы он серьезно взглянул на это дело и помирился со своими оскорбленными соседями, лично отправившись к ним с извинением. Аллен с удивлением сел на траву и с испугом вытаращил глаза. Неужели Мидуинтер положительно хочет заставить его нарядиться во фрак, надеть круглую шляпу и чистые перчатки? Неужели он серьезно намеревается запереть его в коляске с лакеем на запятках, с визитными карточками в руках, заставить кататься из дома в дом и

говорить дуракам, что он просит у них извинения в том, что не позволил им выставить себя напоказ? Если что-нибудь столь крайне нелепое должно быть сделано, то, во всяком случае, это не может быть сделано в этот день: он обещал очаровательной мисс Мильрой зайти в коттедж и привести с собой Мидуинтера. Что ему была за нужда до хорошего мнения окрестных дворян? Единственных друзей, какие ему были нужны, он уже имел. Пусть все соседи повернутся к нему спиной, если хотят, торп-эмброзский сквайр ни капельки об этом не заботится.

Позволив ему истощить весь запас его возражений, Мидуинтер попробовал использовать свое личное влияние. Он дружески взял Аллэна за руку.

— Я буду просить вас о большой милости, — сказал он. — Если вы не хотите ехать к этим людям собственно для себя, поезжайте к ним для того, чтобы сделать удовольствие мне.

Аллэн застонал с отчаянием, вытаращил глаза с безмолвным удивлением на растревоженное лицо своего друга и покорно уступил. Когда Мидуинтер взял его под руку и повел домой, Аллэн печально посмотрел на коров, которые паслись спокойно в приятной тени.

— Не говорите это моим соседям, — сказал он, — но мне хотелось бы поменяться местами с одной из моих коров.

Мидуинтер оставил его одеться, дав слово вернуться, когда подадут коляску. Туалет Аллэна продолжался довольно долго. Он начал тем, что стал читать свои визитные карточки, потом рассматривать свой гардероб и посылать своих соседей в ад. Прежде чем он успел придумать третий способ к затяжке, необходимый предлог неожиданно представился вместе с появлением Ричарда, вошедшего с письмом в руке. Это был ответ, присланный мистером Дарчем. Аллэн шумно запер гардероб и обратил все внимание на письмо нотариуса. Оно содержало следующие строки:

"Милостивый государь!

Я получил ваше письмо сегодня, в котором вы удостоили сделать мне два предложения. Первое, чтобы я был вашим поверенным в делах, а второе, чтобы я приехал сегодня к вам. Относительно первого предложения я прошу позволения отказаться от него с благодарностью. Что касается второго, я сообщу вам, что

обстоятельства, дошедшие до моего ведома относительно коттеджа в Торп-Эмброзе, делают для меня невозможным принять ваше приглашение. Я узнал, милостивый государь, что мое предложение вы получили вместе с предложением майора Мильроя и что вы отдали предпочтение совершенно постороннему, обратившемуся к вам через агента, перед человеком, который верно служил вашим родственникам два поколения и первый сообщил вам о самом важном событии в вашей жизни. После этого образчика вашего уважения к правам обыкновенной вежливости и обыкновенной справедливости я не могу льстить себя надеждой, что я обладаю качествами, которые позволят мне занять место в списке ваших друзей.

Остаюсь, милостивый государь, ваш покорнейший слуга Джэмс Дарч".

— Остановите посланного! — вскричал Аллэн, с лицом, пылавшим от негодования. — Дайте мне перо, бумаги и чернила! Прекрасные люди живут в здешних окрестностях, все сговорилось делать мне неприятности!

Он схватил перо с неистовым вдохновением.

*"Милостивый государь!
Я презираю вас и ваше письмо..."*

Тут чернила сделали пятно, и писавшим овладела минутная нерешительность.

«Слишком сильное выражение, — подумал он. — Я напишу к нотариусу его же хладнокровным и колким слогом». Он опять начал на чистом листе бумаги:

"Милостивый государь!

Вы напомнили мне ирландскую поговорку: «Вся взаимность с одной стороны». Ваша взаимность вся с одной стороны. Вы отказываетесь быть моим поверенным в делах, а потом жалуетесь, что я отказался быть вашим хозяином".

Он самодовольно остановился над этими последними словами.

«Очень мило, — подумал он. — И аргумент, и меткий намек. Желал бы я знать, откуда взялась у меня такая способность к письмам?»

Он кончил свое письмо двумя фразами:

"Что касается того, что вы отказались от моего приглашения, то я прошу позволения у вас сообщить вам, что мне нисколько от того не хуже. Я безмерно рад, что не имею с вами никакого дела и как с другом и как с жильцом.

Аллэн Армадэль".

Он с восторгом посмотрел на свое сочинение, подписал его и велел отдать посланному.

«Толста должна быть шкура у Дарча, — думал он, — если это его не проймет».

Стук колес вдруг напомнил ему, что он должен был делать визиты, и Мидуинтер был на своем посту, прохаживаясь взад и вперед перед домом.

— Прочтите это, — закричал он, бросая ему письмо нотариуса. — Я написал ему ответ.

Он поспешил к гардеробу вынуть сюртук, в нем произошла удивительная перемена. Он не чувствовал теперь неохоты делать визиты. Приятное волнение, возбужденное в нем его ответом Дарчу, внушало ему желание показать себя перед соседями.

«Что ни говорили бы они обо мне, а уж не скажут, что я их боюсь».

Разгоряченный этой мыслью, он схватил шляпу и перчатки и торопливо вышел из комнаты, встретив Мидуинтера в коридоре с письмом нотариуса в руках.

— Не унывайте! — вскричал Аллэн, увидев беспокойство на лице своего друга и тотчас перетолковав его. — Если на помощь Дарча нельзя рассчитывать, Педгифт может нам помочь.

— Любезный Аллэн, я думал не об этом, а о письме мистера Дарча. Я не защищаю этого сердитого господина, то я боюсь, что мы должны согласиться, что он имеет некоторую причину жаловаться. Пожалуйста, не давайте ему другую возможность обвинять вас. Где ваш ответ на его письмо?

— Отправлен! — отвечал Аллэн. — Я всегда кую железо, пока оно горячо. Что слово, то удар — вот моя манера. Пожалуйста, мой милый, не тревожьтесь насчет управительских книг и дня арендной платы. Вот связка ключей, которую отдали мне вчера. Один из них отпирает комнату, где лежат книги управителя. Подите и прочтите их, пока я ворочусь. Даю вам честное слово, что я все устрою с Педгифтом прежде, чем вы меня увидите.

— Пойдите, — перебил Мидуинтер, решительно останавливая его, когда он хотел сесть в коляску. — Я ничего не говорю против того, что мистер Педгифт, может быть, достоин вашего доверия, потому что я не знаю ничего, что оправдывало бы мое недоверие к нему, но он не очень деликатно рекомендовал себя и не упомянул, что он знает о недружелюбном расположении к вам мистера Дарча. Подождите немного, прежде чем вы обратитесь к этому незнакомому для вас человеку, подождите, пока мы переговорим об этом сегодня.

— Подождать! — возразил Аллэн. — Разве я вам не говорил, что я кую железо, пока оно горячо? Положитесь на мою наблюдательность. Я рассмотрю Педгифта насквозь и буду поступать, соображаясь с этим. Не задерживайте меня дольше, ради Бога. Я нахожусь в прекрасном расположении поддразнить местных дворян, и, если не поеду тотчас, я боюсь, что жар мой остынет.

С этой превосходной причиной для торопливости Аллэн поспешил сесть в коляску, и, прежде чем можно было остановить его, он уже уехал.

Глава IV. ХОД СОБЫТИЙ

Лицо Мидуинтера омрачилось, когда коляска скрылась из виду.

Я сделал все, что мог, — сказал он, поворачивая к дому. — Если бы сам мистер Брок был здесь, и он не мог бы сделать больше.

Он посмотрел на связку ключей, которую Аллэн сунул ему в руку, и внезапно желание рассмотреть книги управителя овладело его чувствительной и заботливой натурой. Спросив дорогу в комнату, в которой были положены все управительские книги и бумаги, после того как коттедж был отдан внаймы, Мидуинтер сел за письменный стол и попробовал, может ли он разобрать все дела, относящиеся к Торп-Эмбросскому поместью. Результат показал ему, как велико было его неведение. Контракты, планы и даже корреспонденция показались ему написанными на неизвестном языке. Воспоминания его невольно с горечью обратились к двум годам уединенных занятий в лавке книгопродавца.

«Если бы я тогда научился делу, — думал он, — если бы я тогда знал, что общество поэтов и философов слишком высоко для такого бродяги, как я!»

Он сел в передней, и безмолвие ее тяжело ложилось на его приунывшую душу. Красота комнаты раздражала его, как оскорбление гордого богача.

— Да будет проклято это место! — сказал он, схватив свою шляпу и палку. — Мне нравится голая гора, на которой я, бывало, спал, лучше, чем этот дом.

Он нетерпеливо спустился с лестницы и остановился на порожке, соображая, с которой стороны ему надо выйти из парка. Если он пойдет по той дороге, по которой поехала коляска, он рискует помешать Аллэну, случайно встретившись с ним в городе. Если он выйдет в задние ворота, он знал свой характер слишком хорошо для того, чтобы сомневаться, что не пройдет мимо комнаты, виденной Аллэном во сне, не войдя в нее опять. Но оставалась еще одна дорога, по которой он пошел, а потом вернулся утром. Теперь нечего было бояться помешать Аллэну и дочери майора. Без дальнейшей

нерешительности Мидуинтер отправился по саду осмотреть открытую местность с этой стороны поместья.

Расстроенная происшествием этого дня, душа его была полна того язвительного и жестокого противодействия к неизбежной самоуверенности богатства, о котором так горячо мечтают счастливые и состоятельные и которое так горько знакомо несчастным бедным.

«Колокольчики не стоят ничего, — думал он, презрительно смотря на редкие и прелестные цветы, окружавшие его, — а маргаритки и ранункулы так же блестящи, как и самые лучшие из вас».

Он шел мимо искусно проведенных овалов и квадратов итальянского сада с равнодушием к симметрии и замысловатости их рисунка.

— Сколько фунтов стоили вы? — сказал он, презрительно оглядываясь на цветники, пройденные им.

Он вошел в кустарник, прошел зверинец и сельский мостик и дошел до коттеджа майора. Его находчивый ум сделал такое справедливое заключение при первом взгляде на этот коттедж. Он остановился перед калиткой взглянуть на красивый домик, который никогда не был бы пуст и никогда не отдан внаймы, если бы не намерение Аллена заставить своего друга занять место управителя.

Летний день был жарок, летний воздух был тих. В верхнем и нижнем этажах окна были открыты. Из одного из них в верхнем этаже раздавались голоса в тишине, царствовавшей в парке, когда Мидуинтер остановился с наружной стороны садового забора. Женский голос, жесткий и пронзительный, сердито жаловался. Голос, в котором исчезла вся свежесть, вся мелодичность и осталась только жесткая сила, раздавался громче всех. К нему время от времени примешивались более глубокие и спокойные, успокоительные и сострадательные тоны голоса мужского. Хотя расстояние было слишком велико, для того чтобы Мидуинтер мог расслышать слова, но он почувствовал неприличие оставаться так близко и пошел продолжать свою прогулку. В ту же минуту лицо молодой девушки (в ней легко можно было узнать мисс Мильрой по описанию Аллена) показалось в открытом окне. Выражение светлого и юного личика, так мило улыбавшегося Аллену, было утомленным и унылым. Рассеянно посмотрев в парк, она вдруг обернулась в комнату — по-видимому, ее

внимание было привлечено какими-то словами — и воскликнула с негодованием:

— О мама, мама, как вы можете говорить подобные вещи!

Эти слова долетели до ушей Мидуинтера, и он поспешно удалился, прежде чем мог услышать более, но ему суждено было узнать подробнее домашнее положение майора Мильроя. Когда Мидуинтер повернул за угол садового забора, мальчик из лавки подавал сверток служанке.

— Ну, какова ваша барыня сегодня? — спросил мальчик с бесстыдством своего сословия.

Служанка подняла руку, чтобы дать ему пощечину.

— Какова барыня! — повторила она, сердито качая головой, когда мальчик убежал. — Если бы Богу было угодно прибрать барыню, то всем в доме было бы хорошо.

Когда Аллэн с энтузиазмом описывал обитателей коттеджа своему другу, такой зловещей тени не было на светлой картине домашнего счастья. Было ясно, что тайна жильцов еще скрыта от хозяина. Через пять минут Мидуинтер дошел до калитки парка.

«Неужели мне суждено не видеть и не слышать ничего сегодня, что внушило бы моему сердцу надежду на будущее? — думал он, сердито хлопнув калиткой. — Даже жизнь тех, кому Аллэн отдал внаймы коттедж, омрачена домашним бедствием, которое, к несчастью, должен был открыть я!»

Он повернул на первую же дорогу, лежавшую перед ним, и шел, почти не примечая ничего, погруженный в свои мысли. Более часа прошел он, прежде чем ему пришло в голову пойти назад. Он посмотрел на часы и решился вернуться, чтобы встретить Аллэна по его возвращении. Через десять минут он дошел до перекрестка, у которого сходились три дороги, и вспомнил, что не приметил, по которой из этих трех дорог шел. Никаких ориентиров не было видно: местность с каждой стороны была пустынная и плоская, пересекаемая широкими канавами. Там и сям паслись коровы, вдали, над ивами, окаймлявшими низкий горизонт, возвышалась ветряная мельница, но не видно было ни одного дома, и ни одно человеческое существо не виднелось в перспективе трех дорог. Мидуинтер опянул на дорогу, которую он только что прошел. Там, к облегчению своему, Мидуинтер

увидел человека, быстро приближавшегося к нему. Видимо, у него он мог спросить, куда ему идти.

Человек — движущееся пятно на блестящей белой поверхности освещенной солнцем дороги — подошел. Одет он был с головы до ног в черное. Незнакомец был худощавый, пожилой, но почтенной наружности. На нем был бедный старый черный фрак, дешевый парик, не имевший притязания казаться его натуральными волосами. Короткие черные панталоны обнимали, как старые преданные слуги. Тонкие черные штиблеты скрывали, как могли, его некрасивые ноги. Черный креп увеличивал жалкий вид его поношенной старой шляпы. Черный шерстяной галстук окружал шею. Единственный цветной предмет — синий саржевый мешок, такой же тонкий, как он сам. Единственной привлекательной чертой на его гладко выбритом старом лице были зубы (такие же честные, как и парик), ясно говорившие всем любопытным глазам: «Мы ночи проводим на его столе, а дни в его рту».

Вся кровь, какая только была в теле этого человека, окрасила его щеки, когда Мидуинтер пошел к нему навстречу и спросил дорогу в Торп-Эмброс. Его слабые водянистые глазки забегали в разные стороны с испугом, на него тяжело было смотреть. Если бы он встретился со львом вместо человека и если бы несколько слов, обращенных к нему, выражали угрозу, а не вопрос, он едва ли мог казаться более сконфуженным и испуганным. Первый раз в жизни Мидуинтер увидел свое собственное застенчивое беспокойство в присутствии посторонних, отражающееся с силой нервного страдания, умноженное в десять раз на лице другого человека, который был так стар, что мог быть его отцом.

— Вы о чем говорите, сэръ, о городе или о замке? Извините, что я спрашиваю вас, но и тот и другой носят одно имя.

Он говорил с робкой кроткостью в голосе, со смягчающей улыбкой и с тревожной вежливостью в обращении. Все это показывало, что незнакомец привык получать грубые ответы взамен своей вежливости от тех, к кому он обращался.

— Я не знал, что и город, и замок имеют одно имя, — сказал Мидуинтер. — Я говорю о замке.

Он инстинктивно победил свою застенчивость, отвечая на эти слова с дружелюбием, которое было редко в нем в сношениях с

посторонними.

Человек жалкий, но почтенной наружности, по-видимому, с признательностью принял вежливость. Он повеселел и приободрился, его сухой палец указал на дорогу.

— Вот сюда, сэръ, — сказал он. — А когда вы опять дойдете до двух дорог, поверните на левую. Я жалею, что у меня есть дело в другой стороне, то есть в городе, я был бы рад пойти с вами и показать дорогу. Прекрасная летняя погода, сэръ, для прогулки! Вы не можете заблудиться, когда пойдете налево. О, пожалуйста, не говорите! Я боюсь, что я задержал вас, сэръ. Желая вам приятного обратного пути и прощайте!

К концу своей речи он опять лишился мужества и пошел по своей дороге, как будто в попытках Мидуинтера благодарить его заключались неприятности, с которыми слишком страшно было встретиться. Через две минуты его черная удаляющаяся фигура сделалась в дали опять движущимся пятном на белой поверхности освещенной солнцем дороги.

Этот человек странным образом мелькал в мыслях Мидуинтера, когда он возвращался домой. Он никак не мог объяснить себе этого. Ему никогда не приходило в голову, что ему могли напомнить его самого, когда он видел явные следы прошлого несчастья и настоящего нервного страдания в лице этого жалкого человека. Он рассердился на свое участие к этому случайному прохожему на большой дороге, как уже сердился на все, что с ним случилось в этот день.

— Неужели я сделал еще одно несчастное открытие? — спросил он себя нетерпеливо. — Желал бы я знать, увижу ли я опять этого человека? Кто это может быть?

Время должно было ответить на эти вопросы через несколько дней.

Аллэн еще не возвращался, когда Мидуинтер пришел домой. Ничего не случилось, кроме того, что майор Мильрой прислал извиниться, что «болезнь миссис Мильрой не позволяет ему принять мистера Армадэля сегодня». Было ясно, что припадки страдания (или капризов) миссис Мильрой не на шутку нарушали домашнее спокойствие. Выведя это естественное заключение, после того что он слышал близ коттеджа три часа тому назад, Мидуинтер ушел в

библиотеку ждать терпеливо между книгами возвращения своего друга.

Был уже седьмой час, когда в передней послышался знакомый веселый голос. Аллэн вбежал в библиотеку в чрезвычайном волнении и бесцеремонно толкнул Мидуинтера в то кресло, с которого он встал, прежде чем тот успел произнести слово.

— Вот вам загадка, старикашка! — закричал Аллэн. — Чем я похож на конюха, управляющего конюшнями Аугиаса [\[10\]](#), прежде чем Геркулес был позван вычистить конюшни? Тем, что я должен был сохранить мое место, а я наделал бед! Почему вы не смеетесь? Ей-Богу, он не видит этого сходства! Ну, постарайтесь опять; чем я похож на...

— Ради Бога, Аллэн, будьте серьезны хоть на минуту! — перебил Мидуинтер. — Вы не знаете, с каким нетерпением желаю я слышать, возвратите ли вы доброе мнение ваших соседей?

— Вот именно эта загадка и скажет вам! — возразил Аллэн. — Но если вы непременно хотите знать, то мое мнение таково, что вы лучше сделали бы, если бы не помешали мне сидеть под деревом в парке. Я должен вам сообщить, что я упал как раз тремя ступенями ниже в уважении местных дворян, с тех пор как я имел удовольствие видеть вас в последний раз.

— Вы вечно шутите! — с горечью сказал Мидуинтер. — Ну, если я не могу смеяться, я могу ждать.

— Любезный друг, я не шучу, я говорю правду. Вы услышите, что случилось, вы узнаете подробно о моем первом визите. Обещаю вам, что он может служить образцом для всех остальных. Во-первых, помните, что с самыми лучшими намерениями я начал дурно. Когда я отправился делать эти визиты, признаюсь, я был сердит на этого старого скота, нотариуса, и хотел свысока повести дело, но на дороге это как-то прошло. К первому семейству я приехал — повторяю вам — с самыми лучшими намерениями. О Боже, Боже! Мне пришлось ждать точно в такой же приемной с красивенькой оранжереей позади нее, которые я видел в каждом доме, в которых был потом. Везде были те же самые книги: книга религиозная, книга о герцоге Веллингтоне, книга об охоте, книга ни о чем особенном с прекрасными картинками. Явились папа с седыми волосами, с бакенбардами соломенного цвета, мама в прекрасном кружевном чепчике, с розовым лицом и молодая

мисс с полненькими щечками и в широких юбках. Не предполагайте, чтобы с моей стороны было хоть сколько-нибудь недружелюбия, я со всеми начал тем, что всем пожал руку. Это изумило их. Потом, когда я перешел к неприятному предмету о публичном приеме — даю вам честное слово, — я чрезвычайно так старался извиняться! Это не произвело ни малейшего эффекта. Они впускали мое извинение в одно ухо, а в другое выпускали и ждали, что я еще скажу. Некоторые потеряли бы бодрость, я попробовал с ними другой способ: я обратился к хозяину дома и сказал: «Дело в том, что я хотел избавиться от необходимости держать речь и сказать вам всем в глаза, что вы лучшие люди на свете и что я предлагаю тост за ваше здоровье, а вы встаете и говорите, что я лучший из людей и что вы благодарите меня, и таким образом каждый хвалит другого и надоедает другому». Вот как я сказал самым непринужденным и убедительным образом. Вы думаете, что кто-нибудь принял это так же дружелюбно, как я? Никто! Я думаю, что они уже приготовили речь для приема, с флагами и цветами, и втайне сердятся на меня, что я закрыл им рот, когда они только что приготавливались начинать. Как бы то ни было, когда мы доходили до речей (они ли начинали, или я), я падал в их уважении с первой из тех трех ступеней, о которых я вам говорил. Не предполагайте, чтобы я не делал усилий приподняться опять. Я делал отчаянные усилия. Я узнал, что они все с нетерпением желают знать, какую жизнь я вел, прежде чем получил в наследство Торп-Эмбросское поместье, и я употребил все силы, чтобы исполнить их желание. Что ж из этого вышло, как вы думаете? Черт меня побери, если я не обманул их ожидание во второй раз! Когда они узнали, что я не был ни в Итоне, ни в Герроу, ни в Оксфорде, ни в Кэмбридже, они онемели от изумления. Мне кажется, они вообразили меня каким-то отверженным. По крайней мере, они вдруг охладели, и я упал второй ступенью ниже в их уважении. Нужды нет! Я не поддался, я обещал вам употребить все мои силы и сделал это. Я попробовал завести веселый разговор о соседстве. Женщины ничего не говорили особенного, мужчины, к моему удивлению, начали обо мне сожалеть. Они говорили, что я не найду ни одной своры собак на двадцать миль кругом моего дома, и хотели приготовить меня к небрежности, с какой сохранялся Торп-Эмбросский парк. Я позволил им соболезновать, а потом, что вы думаете, я сделал? «О, не принимайте

этого к сердцу, — сказал я. — Я ни крошки не забочусь об охоте. Когда я встречаю на прогулке птичку, я никак не решусь убить ее, мне приятно видеть, как она летает и наслаждается жизнью». Надо бы вам видеть их лица! Прежде они считали меня отверженным, теперь сочли сумасшедшим. Мертвое молчание овладевало всеми, и я свалился еще со ступени в общем уважении. Так было и в одном доме, и в другом, и в третьем. Какой-то демон овладел всеми нами. То так, то сяк, а обнаруживалось, что я не мог говорить спичей, что я не получил университетского воспитания и что я мог находить удовольствие в верховой езде, не гоняясь за несчастной лисицей или бедным зайцем. Эти три несчастные мои порока неизвинительны, как кажется, в помещике (особенно, когда он начал тем, что уклонился от публичного приема). Мне кажется, впрочем, что у меня шло лучше с женами и дочерьми. Раньше или позже женщины заговаривали со мной о миссис Блэнчард и ее племяннице. Мы неизменно соглашались, что они поступили благоразумно, уехав во Флоренцию. Единственная причина, на которую опиралось наше мнение, состояла в том, что мы думали, что после их печальной потери душе их принесет пользу созерцание образцовых произведений итальянского искусства. Каждая из дам — я это торжественно уверяю — в каждом доме, в котором я был, рано или поздно заговаривала о потере миссис и мисс Блэнчард и об образцовых произведениях итальянского искусства. Что делали бы мы, если бы эта блестящая идея не помогла нам, я, право, не знаю. Приятнее всего в этих визитах было то, когда мы качали головами и объявляли, что образцовые произведения искусства утешат их. Что касается остального, остается сказать только одно: чем я мог быть в других местах, я не знаю. Мне известно только, что я здесь не на месте. Дайте мне знаться вперед по-своему и с моими немногими друзьями и просите у меня всего, чего вы хотите на свете, только не визитов к моим соседям.

Этой характерной просьбой Аллэн кончил свой рассказ. С минуту Мидуинтер молчал. Он позволил Аллэну говорить с начала до конца, не произнося ни слова со своей стороны. Неприятный результат этих визитов после того, что случилось в этот день, результат, угрожавший лишить Аллэна местного сочувствия в самом начале его местной карьеры, лишил Мидуинтера силы сопротивляться влиянию его

собственного суеверия. С усилием взглянул он на Аллэна и с усилием отвечал ему:

— Пусть будет по вашему желанию. Я жалею о том, что случилось, но я тем не менее обязан вам, Аллэн, за то, что вы сделали, о чем я вас просил.

Он опустил голову на грудь, и безропотность фаталиста, уже успокоившая его на разбитом корабле, успокоила его и теперь.

«Что должно быть, то будет, — подумал он опять. — Что могу я сделать с будущим и что может сделать он?»

— Развеселитесь! — сказал Аллэн. — Ваши дела, по крайней мере, преуспевают. Я сделал в городе один приятный визит, о котором я вам еще не говорил. Я видел Педгифта и его сына, который помогает ему в конторе. Это два самых веселых нотариуса, с которыми когда-либо случалось мне встречаться в моей жизни. Мало того, они могут представить именно того человека, который вам нужен, чтобы научить вас обязанностям управителя.

Мидуинтер быстро поднял глаза. Недоверие к открытию Аллэна ясно было написано на его лице, но он не сказал ничего.

— Я подумал о вас, — продолжал Аллэн, — как только выпил рюмку вина с обоими Педгифтами за наши дружеские отношения. Превосходный херес. Я велел купить такого же, но не об этом теперь речь. В двух словах я объяснил этим достойным людям ваше затруднительное положение, и в две секунды старик Педгифт понял все.

— У меня в конторе есть такой человек, — сказал он, — и, прежде чем наступит день арендного расчета, я с величайшим удовольствием отдам его в распоряжение вашего друга.

При этом последнем известии свое недоверие Мидуинтер выразил словами. Он подробно стал расспрашивать Аллэна. Оказалось, что этого человека звали Бэшуд. Он служил у мистера Педгифта уже несколько времени (как давно — Аллэн не мог вспомнить). Он был прежде управителем у норфолькского помещика (имя было забыто) в западном округе графства. Он лишился места управителя по каким-то домашним неприятностям, касавшимся его сына. В чем именно они состояли, Аллэн не знал. Педгифт ручался за него, Педгифт хотел прислать его в Торп-Эмброд дня за три до дня арендного расчета. Прежде его нельзя было отпустить по делам

конторы. Нечего было тревожиться. Педгифта рассмешила мысль, что с арендаторами может быть какое-нибудь затруднение. Дня три работы над управительскими книгами с помощью человека, практически понимающего это дело, будет достаточно для Мидуинтера, чтобы узнать все для проверки счетов, а другими делами можно заняться после.

— Вы сами видели этого Бэшуда, Аллэн? — спросил Мидуинтер.

— Нет, — отвечал Аллэн, — его не было в конторе. Мне сказали, что он приличный пожилой человек, несколько расстроенный своими неприятностями, несколько застенчивый в своем обращении с посторонними, но знающий дело, вполне и совершенно надежный человек — это собственные слова Педгифта.

Мидуинтер помолчал и подумал. Незнакомый человек, которого ему описывали, и тот, у которого он спрашивал дорогу, были замечательно похожи друг на друга. Не было ли это новым звеном в быстро подчиняющейся цепи событий? Мидуинтер решился быть вдвое осторожнее, когда это сомнение появилось в его голове.

— Когда придет мистер Бэшуд, — сказал он, — вы позволите мне поговорить с ним, прежде чем все будет решено?

— Разумеется! — отвечал Аллэн. — А теперь пока вот что я сделаю для вас, — прибавил он, посмотрев на свои часы. — Я представлю вас самой хорошенькой девушке в Норфольке. Мы как раз успеем сходить в коттедж перед обедом. Пойдемте, я вас представлю мисс Мильрой.

— Вы не можете меня представить мисс Мильрой сегодня — возразил Мидуинтер и повторил извинение, присланное майором.

Аллэн был удивлен и раздосадован, но намерение его заслужить доброе расположение обитателей коттеджа не поколебалось. После некоторого соображения он придумал способ воспользоваться неблагоприятными обстоятельствами.

— Я выражу благопристойное желание выздоровления миссис Мильрой, — сказал он серьезно. — Завтра утром я пошлю ей корзину земляники.

Ничего более не случилось в этот первый день в новом доме.

Единственное достойное внимания событие следующего дня был новый образчик дурного характера миссис Мильрой. Через полчаса после того, как корзина с земляникой была послана в коттедж, сиделка

больной принесла ее назад с кратким и резким ответом, кратко и резко выраженным:

— Миссис Мильрой кланяется и благодарит. Земляника вредна для нее.

Если этот любопытный прием вежливого поступка был сделан с намерением раздражить Аллэна, то он не достиг своей цели. Вместо того чтобы рассердиться на мать, он стал сочувствовать дочери и сказал только:

— Бедняжка, тяжела должна быть ее жизнь с такой матерью!

Он зашел в коттедж позднее, но мисс Мильрой нельзя было видеть: она была занята наверху. Майор принял своего гостя в рабочем переднике, еще более погруженный в свои удивительные часы и еще менее доступный внешним влияниям, чем Аллэн видел его при первом свидании. Его обращение было ласково, как прежде, но о жене нельзя было добиться от него ни слова, кроме того, что «миссис Мильрой не лучше со вчерашнего дня».

Два следующих дня прошли спокойно и без всяких происшествий. Аллэн настойчиво заходил в коттедж, но дочь майора видел только мельком у окна в верхнем этаже.

Ничего более не слышно было от мистера Педгифта, и появление мистера Бэшуда задерживалось. Мидуинтер не соглашался заняться управлением до тех пор, пока он не получит ответ мистера Брока на письмо, которое он послал к нему в вечер их приезда в Торп-Эмброс. Он был необыкновенно молчалив и спокоен и проводил большую часть времени в библиотеке с книгами. Время шло медленно. Местные дворяне нанесли Аллэну ответный визит, оставив только свои карточки. Никто больше не был. Погода была однообразно хороша. Аллэн сделался несколько растревожен и недоволен. Он начал сердиться на болезнь миссис Мильрой и думать с сожалением о своей яхте.

Следующий день, двадцатый, мистер Педгифт пришел сказать, что его клерк, мистер Бэшуд, лично явится в Торп-Эмброс на следующий день, а Мидуинтер получил от Брока ответ на свое письмо.

Письмо было написано 18-го числа, и известие, заключавшееся в нем, развеселило не только Аллэна, но и Мидуинтера. В тот день, в который мистер Брок писал, он собирался в Лондон по делу одного

больного родственника, опекуном которого он был. По окончании этого дела он надеялся найти в столице кого-нибудь из своих клерикальных друзей, которые взяли бы заменить его в пасторате, и в таком случае он намеревался быть в Торп-Эмброзе через неделю. Он хотел оставить рассуждение о многом, о чем писал ему Мидуинтер, до личного свидания. Но так как время было важно, то относительно места торп-эмбросского управителя он тотчас скажет, что он не видит, почему Мидуинтеру не стараться научиться обязанностям управителя и не успеть оказать драгоценные услуги его другу в этом отношении.

Оставив Мидуинтера читать и перечитывать приятное письмо ректора, как будто он хотел выучить каждую фразу наизусть, Аллэн решил ранее обычного зайти, по обыкновению, в коттедж, или, простыми словами, сделать четвертую попытку вступить в более короткое знакомство с мисс Мильрой. День начался благоприятно и, по-видимому, благоприятно должен был продолжаться. Когда Аллэн повернул за угол второго рассадника и вошел в зверинец, где в первый раз встретился с дочерью майора, он увидел мисс Мильрой, ходившую взад и вперед и, по всей вероятности, ожидавшую кого-то.

Она слегка вздрогнула при появлении Аллэна и без малейшей нерешительности пошла к нему навстречу. Она была неавантажна [11]. Цвет лица ее пострадал от заточения в доме, и заметное выражение замешательства омрачило ее хорошенькое личико.

— Я не смею признаться, мистер Армадэль, — сказала она поспешно, прежде чем Аллэн успел произнести слово, — но я пришла сюда в надежде встретить вас. Я была очень огорчена, я только сейчас узнала случайно о том, как мама приняла ягоды, которые вы были так добры прислать ей. Извините ее! Она очень больна уже несколько лет. Вы были так добры ко мне и к папа, что я никак не могла удержаться, чтобы не прийти сюда сказать вам, как я этим огорчена. Пожалуйста, простите и забудьте, мистер Армадэль.

Голос ее ослабел при последних словах, и от сильного желания помирить его с матерью она положила свою руку на его руку.

Аллэн несколько сконфузился. Ее очевидное убеждение, что он обиделся, и удивило его, и огорчило. Не зная, что ему делать, он последовал внутреннему побуждению и прежде всего взял руку мисс Мильрой.

— Любезная мисс Мильрой, если вы скажете еще слово, вы огорчите меня, — отвечал он, бессознательно прижимая к себе ее руку. — Я несколько не обиделся. Я приписал это — честное слово! — болезни миссис Мильрой. Обиделся! — вскричал он энергично, возвращаясь к комплиентам. — Мне хотелось бы, чтобы каждый день мне отсылали назад корзину с ягодами, если бы только я мог быть уверен, что это заставит вас прийти сюда утром.

Пропавший румянец мисс Мильрой опять начал появляться на ее щеках.

— О, мистер Армадэль! Доброта ваша бесконечна, — сказала она. — Вы не знаете, как вы меня успокоили!

Она замолчала, веселость возвратилась к ней, как к ребенку, и заблестала в глазах. Она с улыбкой застенчиво посмотрела Аллэну в лицо.

— Как вы думаете, — спросила она скромно, — не пора ли вам выпустить мою руку?

Глаза их встретились, Аллэн последовал внутреннему побуждению во второй раз. Вместо того чтобы выпустить ее руку, он поднес ее к губам и поцеловал. Вся яркость пропавшего румянца в одно мгновение вернулась на лицо мисс Мильрой. Она вырвала свою руку, как будто поцелуй Аллэна обжег ее.

— Я уверена, что это дурно, мистер Армадэль, — сказала она и быстро отвернулась, потому что невольно улыбнулась.

— Я сделал это в извинение за.., то, что я так долго держал вашу руку, — пролепетал Аллэн. — Извинение не может быть дурно или может?

Бывают случаи (хотя немного), когда женский ум оценивает обращение к силе чистого рассудка. Это был один из таких случаев. Отвлеченное предложение было сделано в извинение. Она соглашалась, что это составляло разницу.

— Я только надеюсь, — сказала маленькая кокетка, лукаво смотря на Аллэна, — что вы не ошибочно представляете мне это. Хотя теперь это ничего не значит, — прибавила она серьезно, качая головой. — Если мы и сделали несколько не совсем приличных поступков, мистер Армадэль, вряд ли мы будем иметь случай делать их еще.

— Неужели вы уезжаете! — с испугом воскликнул Аллэн.

— Хуже, мистер Армадэль. Моя новая гувернантка едет.

— Едет? — повторил Аллэн. — Уже едет?

— Почти едет, следовало мне сказать. Мы получили ответы на объявление сегодня утром. Папа и я распечатывали их и читали, и оба выбрали одно письмо из всех. Я выбрала его, потому что оно было написано так мило, а папа выбрал его, потому что требования были так умеренны. Он пошлет это письмо к бабушке в Лондон с сегодняшней почтой, и если она останется довольна расспросами, то гувернантка будет нанята. Вы не знаете, как ужасно я беспокоюсь: незнакомая гувернантка так страшна, но все-таки это лучше, чем поступить в школу, а я имею большие надежды на эту даму, потому что она написала такое письмо! Я говорила папа, что это уже почти примиряет меня с ее ужасным, неромантическим именем.

— Как ее зовут? — спросил Аллэн. — Браун? Гребб? Скрагс? Что-нибудь в этом роде?

— Нет, нет, не так отвратительно. Ее зовут Гуильт. Ужасно поэтично, не правда ли? Должно быть, та особа, на рекомендацию которой она ссылается, порядочная дама, потому что она живет в одной части Лондона с бабушкой... Пстойте, мистер Армадэль, мы не туда идем. Нет, я не могу смотреть на ваши хорошенькие цветы сегодня. Очень вам благодарна, но я не могу принять вашу руку, я уже слишком долго здесь оставалась. Папа ждет завтрак, и я должна бегом бежать назад. Благодарю вас за ваше снисхождение к мама, благодарю вас еще и еще. Прощайте.

— Вы не хотите пожать руку? — спросил Аллэн.

Она подала ему руку.

— Пожалуйста, без извинений, мистер Армадэль, — сказала она лукаво.

Опять глаза их встретились, и опять полненькая, кругленькая ручка была поднесена к губам Аллэна.

— На этот раз это не извинение! — вскричал Аллэн, поспешно защищаясь. — Это знак уважения.

Она отступила на несколько шагов и засмеялась.

— Уж вы не найдете меня опять в вашем саду, мистер Армадэль, — сказала она весело, — пока со мной не будет мисс Гуильт.

С этими словами прощания она подобрала платье и опрометью побежала из зверинца.

Аллэн смотрел ей вслед с безмолвным восторгом, пока она не скрылась из виду. Его второе свидание с мисс Мильрой произвело на него необыкновенное действие. Первый раз с тех пор, как он сделался владельцем Торп-Эмброза, погрузился он в серьезное соображение о том, какие обязанности налагало на него его новое положение в жизни.

— Вопрос состоит в том, — рассуждал Аллэн, — не лучше ли мне помириться с моими соседями, сделавшись женатым человеком? Я буду думать об этом целый день и, если мысли мои не переменятся, посоветуюсь с Мидуинтером завтра утром.

Когда настало утро и Аллэн сошел в столовую, решившись посоветоваться со своим другом относительно обязанностей к его соседям вообще и к мисс Мильрой в особенности, Мидуинтера тут не было. При расспросах оказалось, что его видели в передней, что он взял письмо, полученное с утренней почтой, и сейчас пошел в свою комнату. Аллэн немедленно поднялся опять на лестницу и постучал в дверь своего друга.

— Могу я войти? — спросил он.

— Не теперь, — было ответом.

— Вы получили письмо? — настаивал Аллэн. — какое-нибудь дурное известие? Случилось что-нибудь неприятное?

— Ничего. Я не совсем здоров сегодня. Не ждите меня завтракать, я приду так скоро, как только смогу.

Ничего более не было сказано ни тем, ни другим. Аллэн воротился в столовую несколько раздосадованный. Он решился начать совещание с Мидуинтером, и вот это совещание отложено на неопределенное время.

«Какой он странный! — думал Аллэн. — Что он может там делать, запершись один?»

Мидуинтер не делал ничего. Он сидел у окна с письмом, полученным в это утро. Почерк был мистера Брока, который писал следующее:

"Любезный Мидуинтер!

Я буквально имею только две минуты до отхода почты сказать вам, что я сейчас встретил в Кенсингтонском саду женщину, которую мы оба знаем под именем женщины в красной шали. Я пошел за нею и за ее спутницей (пожилой дамой почтенной наружности) до ее квартиры и ясно слышал имя Аллена, произносимое ими. Положитесь на меня, я не потеряю из виду этой женщины, пока не удостоверюсь, что она не замышляет каких-нибудь бед в Торп-Эмброзе, и ожидайте получить от меня известие, как только я узнаю, чем кончится это странное открытие.

Истинно вам преданный Дециму с Брок".

Прочитав это письмо во второй раз, Мидуинтер сложил его и спрятал в свой бумажник, рядом с рассказом о сновидении Аллена.

— Ваше открытие не кончится вами, мистер Брок, — сказал он. — Делайте что хотите с этой женщиной, а когда наступит время, эта женщина будет здесь.

Он посмотрел в зеркало, увидел, что настолько успокоился, что может встретиться с Алленом, и пошел вниз занять свое место за завтраком.

Глава V. МАТУШКА ОЛЬДЕРШО НАСТОРОЖЕ

1. "От миссис Ольдершо (улица Диана, Тимлико) к мисс Гуильт (Вест Плейс, Олд Бромптон)

Дамский косметический кабинет

20 июля.

8 часов вечера

Любезная Лидия. Уже прошло, как мне помнится, около трех часов с тех пор, как я бесцеремонно втокнула вас в мой дом в Вест Плейсе и, успев только сказать, чтобы вы подождали меня, закрыла дверь и оставила вас одну. Зная вашу чувствительную натуру, моя милая, я боюсь, что, прождав столько времени, вы уже решили, что мое обращение с вами, как с гостьей, беспримерно грубо.

А между тем, поверьте мне, я задержалась с объяснением своего странного поведения не по своей вине. Случилось затруднение деликатного свойства, одно из многих, случающихся в таких конфиденциальных делах, как мои. Это произошло в Кенсингтонском саду, где мы с вами прогуливались, чтобы подышать свежим воздухом. Я никак не смогу вернуться к вам еще несколько часов, но мне надо срочно предупредить вас. Пользуюсь свободной минутой и вот пишу вам.

Предупреждение первое. Ни в коем случае не выходите из дому в этот вечер. Днем тоже будьте очень осторожны и не выпядывайте из окон со стороны фасада. У меня есть причина опасаться, что некая очаровательная персона, гостящая сейчас у меня, то есть вы, моя милая, можете оказаться под наблюдением. Не волнуйтесь особенно и не проявляйте излишнее нетерпение. Вы узнаете почему.

Я могу объяснить все, только вернувшись к тому моменту, когда мы несчастливо встретились в саду с «милым» джентльменом, который был настолько «любезен», что «проводил» нас до самого дома.

Мы были уже у самой двери в мой дом, когда мне вдруг пришла в голову мысль, что пастор, следуя за нами до дому, был побуждаем к этому мотивом, объясняющимся не его изысканным вкусом, а причинами, которые намного опаснее для нас обеих. Короче, Лидия, я очень сомневаюсь, что мы имеем здесь дело с вашим новым воздыхателем, и, наоборот, сильно подозреваю, что мы вместо этого встретили в его лице нового врага. У меня не было времени сказать вам об этом. Времени хватило только для того, чтобы благополучно водворить вас в дом, не упустить пастора и попытаться проверить мои опасения, поступив по отношению к пастору так же, как он поступил. Я имею в виду, что я в свою очередь последовала за ним.

Сначала я держалась за ним на некотором расстоянии, проворачивая все в голове, сомневаясь, не обманываюсь ли я в своих подозрениях. Мы, моя милая, ничего не скрываем друг от друга, и вы поймете, в чем были мои сомнения.

Я не удивилась, что вы как будто узнали его. Он — не случайный человек, и вы видели его дважды в Сомерсетшире. Один раз, когда вы спросили, как пройти к дому миссис Армадэль, и второй раз, когда вы возвращались к железнодорожной станции. Но я была несколько озадачена тем, что и он вас узнал. Ведь ваша вуаль была опущена в те два раза в Сомерсетшире, а также, когда мы были в саду. Я сомневаюсь, что он запомнил вашу фигуру в летнем одеянии: ведь он видел ее только в зимнем платье. И несмотря на то, что мы разговаривали, когда он встретился (а ваш голос — одно из ваших очаровывающих достоинств), я сомневаюсь также, что он вспомнил вас по голосу. Тем не менее я была убеждена, что он узнал вас. «Как же это?» — спросите вы. Моя милая, к несчастью в тот момент мы говорили об Армадэле. Я твердо уверена, что это имя было тем словом в нашем разговоре, которое поразило его. А уж потом, когда он это услышал, ваш голос, наверное, и ваша фигура, вероятно, пришли к нему на память. Вы можете спросить: «Ну и что, если так?» Подумайте, Лидия, и скажите, разве не мог пастор в том месте, где жила миссис Армадэль, быть другом миссис Армадэль? А если он был ее другом, то первое лицо, к которому она могла обратиться за советом после того, как вы ее напугали, и после всего того, что вы неосторожно наговорили там по отношению к ее сыну, мог быть прежде всего священник тамошнего пастората.

Вы теперь поймете, почему я таким нецивилизованным образом оставила вас, и я могу теперь рассказывать о том, что произошло далее.

Я шла следом за стариком, пока он не свернул в тихую улочку, а затем обратилась к нему с выражением высочайшего уважения к церкви, которое (я тешу себя надеждой) отражалось в каждой черточке моего лица.

«Надеюсь, вы извините меня, — сказала я, — если я осмелюсь спросить, не узнали ли вы ту леди, которая прогуливалась со мной, когда вы проходили мимо нас в саду?»

«Надеюсь, вы извините меня, мадам, если я спрошу, почему вы задаете мне этот вопрос?» — только и ответил он.

«Я осмелюсь сказать вам, сэр, — сказала я, — если моя подруга не совсем незнакома для вас, то я хотела бы привлечь ваше внимание к очень деликатному предмету, связанному с леди, которая уже умерла, и ее сыном, который еще жив».

Он был сражен, я ясно это видела. В то же время у него хватило сил сдержаться, и он держал язык за зубами, ожидая, что я еще скажу.

«Если я ошибаюсь, сэр, предполагая, что вы узнали мою подругу, — проговорила я, — то извините меня. Но я с трудом могу поверить, что джентльмен вашей профессии станет шпионить за леди, которая ему совсем не знакома».

Тут я его поймала. Он покраснел (надо же, и это в его возрасте!) и выложил правду, надеясь защитить свою репутацию.

«Я встречал ту леди однажды и признаюсь, что узнал ее в саду, — сказал он. — Вы извините меня, если я уклонюсь от обсуждения вопроса, следовал ли я за ней с умыслом или без умысла. Если вы хотели удостовериться в том, что ваша подруга не совсем незнакома для меня, то теперь вы удостоверились в этом. И если у вас есть что-то особенное сказать мне, то оставляю на ваше усмотрение решить, пришло для этого время или нет».

Он ждал и смотрел по сторонам. Я ждала и смотрела по сторонам. Затем он сказал, что улица вряд ли подходящее место для разговора о деликатном предмете, но к себе домой тем не менее не пригласил. Вы, моя милая, наверное, наблюдали, как иногда две кошки подозрительно принохиваются одна к другой. Если наблюдали, то можете себе представить, какую картину мы представляли в этот

момент — я и пастор «Ну, так как, мадам, — сказал он наконец, — будем продолжать наш разговор, невзирая на обстоятельства?»

«Да, сэр, — ответила я, — к счастью, мы оба уже в таком возрасте, когда можно пренебречь этими обстоятельствами». (Я заметила, как эта старая калоша посмотрел на мои седые волосы и, видимо, решил, что его репутация не пострадает, если кто-нибудь увидит его со мною.) После всех этих виляний мы наконец заговорили по существу. Я начала говорить ему о своих опасениях, что его заинтересованность в вас не проистекает из дружеского расположения. Он с готовностью подтвердил это, конечно же заботясь и на этот раз больше о своей репутации. Потом я сказала, что как раз тогда, когда мы заметили, что он шел за нами, вы рассказывали о своем визите в Сомерсетшир, и я повторила все, что вы рассказали. Не волнуйтесь, моя милая, я делала это из принципа. Если вы хотите, чтобы блюдо вашей лжи проглотили, добавьте немного гарнира из правды. Так вот, почувствовав, что разбудила таким образом доверие «милого джентльмена», я сообщила, что вы стали совсем другой женщиной с тех пор, как он видел вас. Я оживила старую развалину — вашего мужа (конечно, не упоминая имен), переместила его по делам в Бразилию (первое, что пришло в голову) и пересказала письмо, которое он якобы написал и в котором он изъявлял готовность простить заблудшую жену, если та опомнится и вернется к нему. Я заверила пастора, что благородное поведение вашего мужа смягчило вашу грубую натуру. Потом, решив, что произвела на него нужное впечатление, я резко перешла к предмету, который, очевидно, больше всего интересовал его. Я сказала: «Как раз в то время, когда вы встретили нас, сэр, моя несчастная подруга рассказывала о ее поведении по отношению к миссис Армадэль и всячески сожалела о том, что так нехорошо вела себя. В порыве откровенности она раскрыла свое искреннее желание хоть как-нибудь загладить свою вину перед сыном миссис Армадэль, если только это возможно. И вот она попросила меня (поскольку не осмеливается показаться вам на глаза лично) узнать у вас, находится ли мистер Армадэль все еще в Сомерсетшире и не согласится ли он принять небольшими суммами те деньги, которые (она сознается в этом) она получила от миссис Армадэль путем вымогательства, спекулируя на ее страхе». Я именно так и сказала. Согласитесь, столь тонкую версию (так детально

продуманную во всем) вряд ли кто придумает. Камень и тот расплавился бы. Но этот сомерсетширский пастор оказался тверже камня. Хоть бы для вида скрыл, что не верит ни одному моему слову о вашем изменившемся характере, о вашем муже в Бразилии и о вашем желании непременно вернуть деньги! Куда там! Это было бы слишком для него! Воистину, надругательство, что такой человек служит в церкви. Такая бесчувственность неслыханна в человеке этой священной профессии!

«Ваша подруга намерена отбыть к своему мужу со следующим пароходом?» — вот все, что он соизволил сказать, когда я кончила.

Признаюсь, я была ошеломлена, очень разозлилась и выпалила: «Да, со следующим пароходом».

«Как же я свяжусь с нею?» — спросил он.

Я снова выпалила: «Письмом — через меня».

«А по какому адресу, мадам?»

Тут я ему снова вlepила: «Вы ведь сами узнали мой адрес, сэр, — сказала я. — В справочнике по адресу вы узнаете мое имя, если хотите узнать его самостоятельно. Впрочем, вот, пожалуйста, моя карточка».

«Большое спасибо, мадам. Если ваша подруга захочет связаться с мистером Армадэлем, то я тоже дам ей свою карточку».

«Спасибо, сэр».

«Спасибо, мадам».

«До свидания, сэр».

«До свидания, мадам».

Так мы расстались. Я пошла своей дорогой — у меня было свидание на работе, а он пошел своей дорогой — очень поспешно, что уже само по себе подозрительно. Что я не выношу в нем, так это его бессердечность. Господи, помоги тем людям, которые вынуждены посылать за ним в свой смертный час!

Соображение следующее: что же нам делать? Если мы не найдем способ вывести эту старую развалину из игры и скрыться от него, то он может разрушить все для нас в Торп-Эмброзе. Подождите меня, пока я не приду, надеюсь, свободной от головной боли по поводу другого затруднения, которое беспокоит меня сейчас здесь. Надо же так не повезти. Подумайте только, этот пасторишка оставляет свой приход и прибывает в Лондон именно в тот момент, когда мы

отозвались на объявление майора Мильроя и можем подвергнуться расспросам буквально на следующей неделе! Я не вынесу этого! Его епископ должен вмешаться.

Преданная вам Мария Ольдершо".

2. "От мисс Гуильт к миссис Ольдершо (Вест Плейс. 20 июня.)

Моя бедная милая старушка! Плохо же вы знаете мою чувствительную натуру, как вы изволили выразиться! Нисколько не обидевшись, когда вы оставили меня, я села за фортепьяно и, забыв обо всем на свете, играла до тех пор, пока не появился ваш посланный. Ваше письмо невыносимо. Я до изнеможения смеялась, читая его. Надо же придумать столь абсурдную историю, которую вы преподнесли сомерсетширскому священнику! Ничего забавнее я никогда не читала. А ваше интервью с ним на улице! Не смыть нам этого греха. Вот насладилась бы публика, если бы представить все это в виде фарса в каком-либо театре!

К счастью для нас обеих (если перейти к серьезным вещам), ваш посланный оказался довольно расторопным. Он послал наверх узнать, будет ли ответ. Это отвлекло меня от веселья, и у меня хватило ума послать вниз и сказать: «Да».

Какой-то бесцеремонный мужчина, герой книги, которую я когда-то читала, сказал, что никакая женщина не в состоянии держать в голове две мысли одновременно.

Заявляю вам, что вы почти убедили меня в том, что этот мужчина прав. Если вам удалось пробраться незамеченной на ваше рабочее место и если вы подозреваете, что ваш дом, где я сейчас нахожусь, под прицелом соглядатаев, то как же вы собираетесь вернуться сюда и позволить таким образом пастору снова напасть на ваш след? Что за безумие! Оставайтесь там, где вы есть. А когда справитесь со своим затруднением в Пимлико (здесь, конечно же, замешана женщина, ох уж эти женщины!), то потрудитесь, будьте добры, прочесть то, что у меня есть сказать вам о вашем затруднении в Бромптоне.

Во-первых, как вы и предполагали, дом находится под наблюдением.

Через полчаса после того, как вы оставили меня, мою игру на фортепьяно прервали громкие голоса на улице. Я подошла к окну. У дома напротив, где сдаются комнаты, стоял кэб. Какой-то пожилой человек, на вид почтенный прислужник, препирался с кэбманом о гонораре. Другой пожилой человек вышел из дому и остановил их. Затем этот пожилой человек вернулся в дом и осторожно занял свое место у фасадного окна. Вы знаете его, моя драгоценнейшая, несколько часов назад он показал себя беспардонным грубияном и усомнился, что вы говорите ему правду. Не бойтесь, он меня не заметил. Когда он взглянул вверх после того, как перепалка с кэбманом затихла, я уже была за занавеской. Еще один или два раза после этого я подходила к занавеске, и этого оказалось достаточно, чтобы убедиться, что он и его слуга будут, заменяя друг друга, дежурить денно и ночью у окна, чтобы постоянно держать ваш дом в поле зрения. Чтобы пастор догадывался о наших подлинных намерениях, это, конечно, невозможно. Но то, что он твердо уверен, что я замышляю против юного Армадэля что-то недоброе и что вы полностью подтвердили эту его уверенность, так же ясно, как дважды два четыре. И это случилось (как вы справедливо пишете мне) именно в тот момент, когда мы отозвались на объявление и когда в ближайшие несколько дней о нас могут расспрашивать доверенные майора!

Не правда ли, ужасная ситуация для нас с вами? К черту эту ситуацию. У нас есть прекрасный выход из нее. И это, матушка Ольдершо, благодаря тому, что я лично принудила вас предпринять не далее как три часа перед тем, как этот сомерсетширский священник встретился нам.

Неужто вы забыли ту милую небольшую перепалку между нами сегодня утром, сразу же после того, как мы обнаружили в газете объявление майора? Неужто вы забыли, как упорно я настаивала на мнении, что вас слишком хорошо знают в Лондоне, чтобы вам можно было безопасно от своего имени выдать мне рекомендацию или даже принять доверенное лицо майора в вашем доме (что вы, между прочим, поспешили предложить)? Не помните ли, в какой ярости вы пребывали, когда я положила конец нашему диспуту, заявив, что не сделаю ни шагу в нашем деле, пока не получу возможности обратиться с предложением к майору Мильрою, сообщив ему адрес, где вас совершенно не знают, и указав ему в качестве рекомендателя

чье угодно имя, только не ваше? Как вы посмотрели на меня, когда поняли, что вам ничего не остается делать, как согласиться со мной или выйти из игры! Как вы разъярились по поводу апартаментов на другой стороне парка! И как вы ворчали по поводу бесполезной траты денег, когда вернулись и сообщили о снятых по моему настоянию меблированных апартаментов в уважаемом Бэйсуотере!

Что вы думаете об этих меблированных апартаментов теперь, вы, глупая старая женщина? Нам грозит разоблачение, и у нас нет другой надежды спастись, как только сбежать от пастора под покровом темноты. И тут как раз кстати наши комнаты в Бэйсуотере, куда еще ни вы, ни я не привели любопытствующих незнакомцев. Они ждут, готовы поглотить нас. В них мы избавимся от тревожений и сможем спокойно ждать расспросов доверенных майора. Можете ли вы взглянуть наконец чуточку далее вашего носа? Может ли что-либо на белом свете помешать вам сегодня же вечером покинуть Пимлико и не далее как через полчаса после этого надежно укрыться в новых апартаментов, вполне соответствующих характеру моих рекомендаций? О! Фи, фи, матушка Ольдершо! На колени, старая злая фурия! И благодарите ваши звезды за то, что этим утром вам подвернулась такая каналья, как я!

Давайте вернемся теперь к единственному стоящему упоминания затруднению — к моему затруднению. Я под прицелом сижу в этом доме. Так как же мне воссоединиться с вами и не навести при этом пастора или его слугу на наш след?

Будучи по всем признакам заключенной здесь, я не вижу другого выбора, как попытаться осуществить старый, как мир, план побега с переодеванием. Я тут присматривалась к вашей служанке. Мы обе худощавы. Лицо и волосы, правда, очень разные, но она почти такая же, как я, по весу и размерам, а фигура у нее (если бы только она умела одеваться и если бы нога была у нее поменьше) намного лучше, чем можно было ожидать от женщины в ее положении.

Моя идея вот в чем: одеть ее в платье, которое было на мне сегодня в саду, и выслать ее, с тем чтобы она увела с собой нашего преследователя, а самой, как только горизонт прояснится, выскользнуть отсюда и воссоединиться с вами. Это было бы, конечно, невозможно, если бы меня увидели с поднятой вуалью. Но обстоятельства так сложились (и это одно из преимуществ,

полученных мною в результате ужасных приключений после моего замужества), что я редко показываюсь на публике (и конечно же, никогда в таком многолюдном месте, как Лондон) без плотной, опущенной вуали. Если служанка наденет мое платье, то я не вижу причины, почему ее не смогут принять за меня.

Единственный вопрос: можно ли доверять этой женщине? Если да, то пришлите мне приказ для нее поступить в мое распоряжение. Я не скажу ей ни слова, пока не получу от вас весточку.

Жду ответа сегодня же. Пока мы только говорили о месте гувернантки для меня, я не очень заботилась о том, как все это закончится. Теперь же, когда мы отозвались на объявление майора Мильроя, у меня будет наконец все всерьез. Я намерена стать миссис Армадэль Торп-Эмбросской, и горе тому мужчине или той женщине, кто попытается остановить меня !

Ваша Лидия Гуильт".

"P. S. Я снова распечатываю письмо, чтобы сообщить вам следующее: не бойтесь, что за вашим посланным будет слезка по пути в Пимлико. Он поедет в трактир, где его знают, там отпустит кэб у двери и выйдет с заднего входа, которым пользуется только хозяин и его друзья.

Л. Г."

3. "От миссис Ольдершо к мисс Гуильт

Улица Диана, 10 часов

Любезная Лидия, вы написали мне бездушное письмо. Если бы вы находились в моем неприятном положении, измученная донельзя, как в то время, когда я писала к вам, вы извинили бы вашего друга, если бы заметили, что он не так проницателен, как обыкновенно. Порок настоящего века состоит в недостатке уважения к людям преклонных лет. Ваша душа находится в печальном положении, моя милая, и для вас необходим хороший пример. Вы будете иметь этот хороший пример — я прощаю вам.

Успокоив душу добрым поступком, я теперь хочу доказать вам (хотя и протестую против пошлости вашего выражения), что я могу видеть немножко далее моего бедного старого носа.

Прежде я буду отвечать на ваш вопрос о горничной. Вы можете, безусловно, на нее положиться: она имела свои неприятности и научилась скромности. Она также, кажется, одних с вами лет, хотя справедливость требует сказать, что она несколькими годами вас моложе. Я включаю в это письмо необходимые распоряжения, по которым она будет во всем вам повиноваться.

О чем же теперь следует толковать? О вашем намерении присоединиться ко мне в Бэйсуоторе. Ваш план очень хорош, но его следует несколько исправить. Есть серьезная необходимость (почему, вы это узнаете сейчас) обмануть пастора, причем более, чем вы намеревались обмануть его. Я желаю, чтобы он увидел лицо горничной при таких обстоятельствах, которые убедили бы его, что это лицо ваше. Я делаю еще шаг далее и желаю, чтобы он увидел, как горничная уехала из Лондона, и думал, что он видел вас отправляющейся в Бразилию. Он не верил этому путешествию, когда я сказала ему о нем на улице. Может быть, он поверит, если вы последуете предписанию, которое я теперь вам изложу.

Завтра суббота. Пошлите горничную в вашем платье, как вы намеревались, но сами не выходите и не приближайтесь к окну. Велите этой женщине спустить вуаль, погулять с полчаса и потом воротиться к вам. Как только она явится, пошлите ее тотчас к открытому окну, велите небрежно поднять вуаль и посмотреть из окна. Велите ей потом отойти, снять шляпку и шаль и опять подойти к окну, а еще лучше выйти на балкон. Она может опять показаться несколько раз (только не слишком часто) в этот день. В воскресенье — так как мы имеем дело с пастором — непременно пошлите ее в церковь. Если это не убедит пастора, что лицо горничной принадлежит вам, и если это не заставит его поверить перемене в вашем характере более, чем когда я говорила ему, стало быть, я даром прожила шестьдесят лет, душа моя, в сей юдоли слез.

Следующий день будет понедельник. Я смотрела в объявлении о пароходах и нашла, что во вторник из Ливерпуля в Бразилию отходит пароход. Ничего не может быть удобнее. Вы поедете в ваше путешествие на самых глазах пастора. Вот каким образом можете вы это устроить.

В час пошлите человека, который чистит вилки и ножи, за кэбом и, когда он приведет его к вашей двери, пошлите его привести другой

кэб, который должен ждать за углом на сквере. Пусть горничная (все в вашем платье) поедет с чемоданами в первом кэбе на железную дорогу. Когда она уедет, бегите к тому кэбу, который будет ждать за углом. Может быть, они будут готовы следовать за кэбом горничной, потому что видели его у двери, но они не будут приготовлены следовать за вашим кэбом, который был спрятан за углом. Когда горничная приедет на станцию и постарается спрятаться в толпе (я выбрала самый многолюдный поезд, в 2 ч. 10 мин. чтобы дать ей более возможности), вы благополучно будете у меня, а узнают они или нет, что она не едет в Ливерпуль, не будет составлять важности в то время. Они потеряют ваш след и пусть следят за горничной по всему Лондону, если хотят. Я приказала ей оставить пустые чемоданы и отправиться к своим знакомым в Сити и остаться там, пока я ей не напишу.

Какая же цель всего этого? Любезная Лидия, эта цель — ваша безопасность (и моя). Мы можем иметь и успех, и неудачу в убеждении пастора, что вы поехали в Бразилию. Если это нам удастся, нам нечего будет бояться его. Если нам не удастся, он предупредит молодого Армадэля, чтобы он остерегался женщины, похожей на мою горничную, а не женщины, похожей на вас. Это последнее очень важно. Может быть, миссис Армадэль сказала ему ваше имя. В таком случае его описание «мисс Гуильт», которая проскользнула мимо его пальцев здесь, будет совершенно не похоже на «мисс Гуильт», поселившуюся в Торп-Эмброзе. Это внушит вам, что тут только сходство имен, а не лиц.

Что вы теперь скажете о том, как я улучшила вашу идею? Так ли пуста моя голова, как вы думали, когда писали? Не думаю, чтобы я чересчур хвалилась моей изобретательностью. Мошенники играют с публикой фокусы поискуснее моих, и каждую неделю о них упоминают в газетах. Я желаю только показать вам, что моя помощь не менее необходима теперь для успеха армадэльской операции, как была в то время, когда я сделала наше первое важное открытие посредством невинной наружности молодого человека и конторы для справок на Шэдисайдской площади.

Более не о чем говорить, как мне кажется, сообщу только, что сейчас я отправлюсь в новую квартиру с чемоданом, на котором написано мое новое имя. Истекают последние минуты миссис

Ольдершо в дамском косметическом магазине, а рождение миссис Мэндевилль, рекомендующей мисс Гуильт, произойдет в кэбе через пять минут. Должно быть, я еще молода сердцем, потому что я уже влюбилась в мое новое романтическое имя. Оно звучит почти так же приятно, как миссис Армадэль Торп-Эмбросская, не правда ли? Спокойной ночи, душа моя, и приятного сна. Если что-нибудь случится до понедельника, напишите мне тут же по городской почте. Если ничего не случится, вы успеете ко мне как раз вовремя для справок, которые майор захочет сделать. Мои последние слова: не выходите из дома и не приближайтесь к окну до понедельника.

Любящая вас М. О."

Глава VI. МИДУИНТЕР В ЗАМЕШАТЕЛЬСТВЕ

В полдень двадцать первого числа мисс Мильрой прогуливалась по саду коттеджа, освободившись от своих обязанностей по уходу за больной, — наступило некоторое улучшение в здоровье матери. Неожиданно ее внимание было привлечено звуком голосов в парке. В одном она сейчас же узнала голос Аллэна, другой был ей незнаком. Она раздвинула ветви близ садового палисада и, заглянув сквозь них, увидела Аллэна, подходившего к калитке коттеджа вместе с худощавым смуглым мужчиной ниже среднего роста, который разговаривал и смеялся чрезвычайно громко. Мисс Мильрой побежала в комнаты сказать своему отцу о приходе мистера Армадэля и прибавить, что он ведет с собой какого-то веселого гостя, по всей вероятности, того самого друга, который, как говорили, жил со сквайром в большом доме.

Справедливо ли угадала дочь майора? Верно ли спутник сквайра, так громко разговаривавший и так громко смеявшийся, был некогда такой скромный и застенчивый Мидуинтер? Именно. В присутствии Аллэна в это утро произошла необыкновенная перемена в его друге.

Когда Мидуинтер пришел в столовую, положив в сторону удивительное письмо мистера Брока, Аллэн был слишком занят для того, чтобы обращать на него особенное внимание. Нерешенное затруднение выбрать день для фермерского обеда было наконец решено, и обед назначен (по совету буфетчика) в субботу двадцать восьмого числа. Только когда Аллэн обернулся напомнить Мидуинтеру, что времени с избытком довольно для того, чтобы ознакомиться с управительскими книгами, даже легкомысленное внимание Аллэна было привлечено заметной переменой в лице его друга. Он громко объявил об этой перемене, и его тотчас заставил умолкнуть недовольный, почти сердитый ответ. Оба друга стали завтракать без обыкновенного дружелюбия, и завтрак продолжался угрюмо, пока Мидуинтер не нарушил молчание внезапным порывом веселости, обнаружившей Аллэну новую сторону в характере его друга.

Как почти во всех суждениях Аллена, заключение, выведенное им, было ошибочно. Это не была новая сторона в характере Мидуинтера, а только новое проявление постоянной борьбы в жизни Мидуинтера.

Раздраженный тем, что Аллен заметил в нем перемену, которую ему самому не удалось заметить в зеркале, когда он смотрелся в него, выходя из комнаты, чувствуя, что глаза Аллена неотрывно вопросительно устремлены на его лицо, и опасаясь вопросов, которые Аллен из любопытства мог ему задать, Мидуинтер принудил себя усилием воли изгладить впечатление, произведенное его изменившейся физиономией. Это было одно из тех усилий, на которые способны только люди с его живым характером и чувствительной женской организацией. Вся душа его была еще наполнена твердым убеждением, что рок сделал один большой шаг ближе к Аллену и к нему после открытия ректора в Кенсингтонском саду. Лицо его еще обнаруживало то, что он выстрадал при возобновлении уверенности, что предсмертные предостережения его отца имеют основания и что ему следует расстаться во что бы то ни стало с единственным человеческим существом, которое он любил. В сердце его была еще боязнь, что первое таинственное видение во сне Аллена может осуществиться, прежде чем кончится этот день. Эти узы, свитые его собственным суеверием, спутали его в эту минуту, как ничто еще не спутывало, и он безжалостно подстрекал свою решимость к отчаянному усилию поддерживать в присутствии Аллена его веселость и хорошее расположение духа. Он разговаривал, смеялся и накладывал на свою тарелку с каждого блюда, стоявшего на столе. Он шумно отпускал шуточки, в которых не было веселости, и рассказывал истории, совсем не интересные. Сначала он удивлял Аллена, потом забавлял его, потом легко приобрел его доверие насчет мисс Мильрой. Он громко расхохотался, когда Аллен объявил ему о своем намерении жениться, так что слуги начали думать, что странный друг их господина сошел с ума. Наконец он, как самый сговорчивый человек на свете, принял предложение Аллена быть представленным дочери майора и самому судить о ней. Вот они оба подошли к калитке коттеджа. Голос Мидуинтера все громче и громче заглушал голос Аллена. Природная скромность Мидуинтера была скрыта (как безумно и жалко, знал только он один!) грубой маской

смелости — непомерной, нестерпимой смелости застенчивого человека.

Их приняла в гостиной дочь майора.

Аллэн хотел представить своего друга с надлежащей формальностью. К удивлению Аллэна, Мидуинтер перебил его и сам отрекомендовался, стараясь своим взглядом, неестественным смехом и неловким поклоном показать, что чувствует себя как дома, непринужденно, но все это выставило его в худшем виде. Его искусственная веселость, которую он постоянно подстрекал с утра, теперь истерически дошла до такой степени, что он сам не имел уже над ней власти. Он говорил с той страшной свободой, которая бывает необходимым следствием, когда скромный человек преодолевает свою сдержанность. Он запутался в нескончаемых извинениях, которые совсем не были нужны, и в комплиментах, которые показались бы чересчур приторными даже тщеславию дикаря. Мидуинтер посмотрел на мисс Мильрой, на Аллэна и шутливо объявил, что он теперь понимает, почему друг его по утрам всегда ходит гулять в одну сторону. Он закидал мисс Мильрой вопросами о матери и перебивал ее ответы замечаниями о погоде. В одно и то же время он говорил, что ей должно быть жарко, и уверял, что он завидует ее прохладному кисейному платью.

Пришел майор. Прежде чем он успел сказать два слова, Мидуинтер напал на него с той же неистовой фамильярностью и с той же самой лихорадочной говорливостью. Он выразил свое участие к здоровью миссис Мильрой, которое показалось бы преувеличенным даже и от друга дома. Он рассыпался в извинениях, что мешает механическим занятиям майора. Он передал в преувеличенном виде рассказ Аллэна о часах и выразил свое нетерпение видеть эти часы в выражениях, еще более преувеличенных. Он выказал свое поверхностное знание страсбургских часов при человеке, который изучил каждое колесо в этом сложном механизме и в продолжение многих лет своей жизни старался подражать ему.

— Я умираю, положительно умираю, майор, от нетерпения видеть ваши удивительные часы, — прибавил Мидуинтер.

Майор Мильрой вошел в комнату, поглощенный, как обыкновенно, своим механическим занятием, но фамильярность

Мидуинтера вдруг привела его в себя и опять заставила сделаться светским человеком.

— Извините, если я перебыю вас, — сказал он твердо, остановив Мидуинтера и окинув его удивленным взглядом. — Я видел страсбургские часы, и мне как-то неловко слышать (простите, если я это говорю), что моя работа может хоть сколько-нибудь сравниться с таким удивительным произведением. В целом свете нет ничего подобного!

Он остановился, чтобы сдержать свой энтузиазм. Страсбургские часы были для майора Мильроя то, что имя Микеланджело для сэра Джошуа Рейнолдса [\[12\]](#).

— Доброта мистера Армадэля заставила его несколько преувеличить, — прибавил майор, улыбаясь Аллэну и не обращая внимания на новую попытку Мидуинтера овладеть разговором. — Между большими страсбургскими часами и моими домашними есть только одно сходство: они показывают свое искусство ровно в полдень, а так как теперь время приближается к двенадцати, если вы еще желаете взглянуть на мою мастерскую, мистер Мидуинтер, то, чем скорее я покажу вам туда дорогу, тем лучше.

Он отворил дверь и, извиняясь перед Мидуинтером с заметной церемонностью, вышел прежде него из комнаты.

— Что вы думаете о моем друге? — шепнул Аллэн, идя с мисс Мильрой.

— Сказать вам правду, мистер Армадэль? — шепнула она в ответ.

— Разумеется.

— Он совсем мне не нравится.

— Это самый лучший и добрейший человек на свете! — возразил откровенный Аллэн. — Он больше вам понравится, когда вы узнаете его короче, я в этом уверен.

Мисс Мильрой сделала гримасу, показывавшую совершенное равнодушие к Мидуинтеру и лукавое удивление на старание Аллэна выставлять достоинства своего друга.

«Неужели он ничего не имеет сказать мне поинтереснее этого, — спрашивала она себя, — после того как он вчера два раза поцеловал мою руку?».

Они вошли в мастерскую майора, прежде чем Аллэн успел начать разговор о более привлекательном предмете. На грубом деревянном

ящике, в котором, очевидно, помещался механизм, стояли удивительные часы. Над циферблатом возвышался стеклянный пьедестал на подставке из резного дерева, а на вершине пьедестала располагалась неизбежная фигура Времени с вечной косой в руке. Под циферблатом помещалась маленькая платформа, на каждом конце которой возвышались две миниатюрные будочки с закрытыми дверями. Снаружи ничего не было видно, пока не наступило магическое мгновение, когда часы пробьют.

Оставалось три минуты до двенадцати, и майор Мильрой воспользовался случаем объяснить, в чем будет состоять ожидаемое явление. При первых же словах о часах мысли майора целиком устремились к единственному занятию его жизни. Он обернулся к Мидуинтеру (который разговаривал все время, выходя из гостиной), и в обращении его не осталось ни малейшего следа хладнокровного и твердого спокойствия, с которыми он говорил несколько минут тому назад. Шумный, фамильярный человек, казавшийся неприятным гостем в гостиной, сделался приятным посетителем в мастерской, потому что тут он обладал всеизвиняющим преимуществом: он еще не видел удивительных часов.

— При первом ударе двенадцати, мистер Мидуинтер, — сказал майор с жаром, — не спускайте глаз с фигуры Времени: она укажет своей косой на стеклянный пьедестал, потом вы увидите, как за стеклом появится карта, на которой будет напечатано число и день. При последнем ударе двенадцати коса Времени примет свое прежнее положение, и часы заиграют любимый марш моего прежнего полка, а потом настанет последнее представление: будочки, которые вы видите с каждой стороны, откроются в одно время, в одной вы увидите часового, а из другой капрал с двумя рядовыми пройдет через платформу сменить часового, а потом исчезнет, оставив нового часового на его посту. Я должен попросить у вас извинения за последнюю часть представления. Механизм несколько сложен, и в нем есть недостатки, которых, к стыду моему, я не мог еще до сих пор устранить. Иногда фигуры идут не правильно, а иногда и правильно. Надеюсь, что они постараются, так как вы их видите в первый раз.

Когда майор, стоя возле своих часов, сказал последние слова, три слушателя, собравшись на противоположной стороне комнаты, увидели, как часовая и минутная стрелки указали на двенадцать.

Первый удар раздался, и Время, повинувшись сигналу, привело в движение свою косу: число и день присутствующие увидели сквозь стекло. Мидуинтер встретил их появление шумным выражением удивления, которое мисс Мильрой приняла за грубую насмешку над занятием ее отца. Аллэн, видя, что она обиделась, старался умирить Мидуинтера, дотронувшись до локтя своего друга. Между тем представление в часах продолжалось. При последнем ударе двенадцати Время опять приподняло свою косу, куранты заиграли марш старого полка майора, а смена часовых началась колебанием будочек и внезапным исчезновением майора позади часов.

Будочка с правой стороны платформы отворилась так аккуратно, как только можно было желать. Дверь с другой стороны, однако, оставалась упорно закрытой. Не ведая об этой остановке, капрал с двумя рядовыми появились на своем месте и со строгой дисциплиной перешли через платформу. Все трое, дрожа всеми членами, наткнулись на запертую дверь и не произвели далее ни малейшего давления на неподвижного часового, скрывавшегося внутри. В механизме слышалось бряцание ключей и инструментов майора. Капрал и двое рядовых вдруг вернулись назад через платформу, хлопнув дверью. Именно в эту самую минуту другая дверь отворилась в первый раз, и непослушный часовой появился на своем посту, ожидая, чтобы его сменили. Он должен был ждать. В другой будке ничего не происходило, слышался только стук в дверь, как будто капрал и его рядовые с нетерпением просились, чтобы их выпустили. Опять в механизме послышалось бряцание инструментов майора, Капрал и его рядовые были выпущены на свободу и бешено промчались по платформе. Но как они ни торопились, до сих пор медленный часовой на другой стороне вдруг назло им оказался еще проворнее. Он исчез, как молния, в своей будке, затворив за собой дверь, капрал и рядовые во второй раз наткнулись на нее, и майор, обойдя вокруг часов, невинно спросил своих зрителей, не угодно ли им сказать ему, все ли происходило без ошибки?

Нелепость представления, увеличенная вполне серьезным вопросом майора Мильроя, была так непреодолимо смешна, что гости громко расхохотались, и даже мисс Мильрой при всем своем уважении к обидчивой гордости отца, когда дело шло о его часах, не могла удержаться, чтоб не разделить веселость, возбужденную катастрофой

с марионетками. Но есть границы даже для свободы смеха, и эти границы так давно уже нарушались одним членом маленького мужского общества, что другие двое немедленно смолкли. Лихорадка ложной веселости Мидуинтера перешла в чистый бред, когда кончилось представление. Приступы его смеха следовали один за другим с такой силой, что мисс Мильрой с испугом отскочила от него, и даже терпеливый майор бросил на него взгляд, ясно говоривший: «Уйдите отсюда!» Аллэн в первый раз в жизни с благоразумным побуждением схватил Мидуинтера за руку и насильно вытащил его в сад, а потом в парк.

— Боже мой! Что случилось с вами? — воскликнул он, отступив при виде измученного лица Мидуинтера, на которое пристально взглянул в первый раз.

С минуту Мидуинтер не мог отвечать. Истеричный приступ перешел из одной крайности в другую. Он прислонился к дереву, зарыдал, с трудом перевел дух и протянул руку с безмолвной мольбой к Аллэну дать ему время.

— Лучше бы вы не ухаживали за мной, когда у меня была горячка, — сказал он слабым голосом, как только был в состоянии заговорить. — Я безумен и несчастен, Аллэн. Я еще не совсем выздоровел. Подите и попросите их простить меня, мне стыдно идти просить прощения самому. Я не могу сказать, как это случилось, я могу только просить прощения у вас и у них.

Он быстро отвернулся, чтобы скрыть свое лицо.

— Не оставайтесь здесь, — продолжал он. — Не смотрите на меня, я скоро оправлюсь.

Аллэн все еще колебался и непременно хотел проводить Мидуинтера до дома.

— Вы разобьете мое сердце своей добротой, — запальчиво вскричал Мидуинтер. — Ради Бога, оставьте меня одного!

Аллэн воротился в коттедж и просил снисхождения к Мидуинтеру с серьезностью и простотой, которые тотчас возвысили его в уважении майора, но вовсе не произвели такого благоприятного впечатления на мисс Мильрой. Как мало ни подозревала этого она сама, но она уже настолько любила Аллэна, что ревновала его к другу.

«Как это нелепо! — думала она с сердцем. — Как будто папа или я придаем какую-нибудь важность такому человеку!»

— Вы перемените ваше мнение, майор Мильрой? — сказал Аллэн при расставании.

— С величайшим удовольствием, — отвечал майор, дружески пожимая ему руку.

— И вы также, мисс Мильрой? — прибавил Аллэн.

Мисс Мильрой сделала безжалостно бесцеремонный поклон.

— Мое мнение, мистер Армадэль, не имеет ни малейшей важности, — отвечала она.

Аллэн вышел из коттеджа, недоумевая насчет внезапной холодности к нему мисс Мильрой. Его великая идея примириться со всеми соседями, сделавшись женатым человеком, получила некоторое изменение, когда он запер за собой садовую калитку. Добродетель, называемая благоразумием, и сквайр торп-эмброзский вдруг познакомились в этом случае в первый раз, и Аллэн по обыкновению устремился очертя голову к нравственному улучшению, решившись ничего не делать второпях.

Но добродетель не всегда получает свою награду, и путь, ведущий к ней, замечательно дурно освещен для такого достойного уважения пути. Аллэн вдруг заразился унынием своего друга. Идя домой, он тоже начал сомневаться — совсем другим образом и совсем по другим причинам, — такую ли прекрасную будущность обещает жизнь в Торп-Эмброзе, какую она обещала сначала.

Глава VII. ЗАГОВОР УСЛОЖНЯЕТСЯ

Два известия ждали Аллена, когда он воротился домой. Мидуинтер велел сказать ему, что он пошел гулять, и мистер Армадэль не должен тревожиться, если он долго не вернется. Человек из конторы мистера Педгифта приходил, когда оба джентльмена были у майора, и велел сказать, что мистер Бэшуд кланяется и будет иметь честь опять зайти к мистеру Армадэлю вечером.

К пяти часам Мидуинтер вернулся, бледный и молчаливый. Аллен поспешил уверить его, что он помирил его с обитателями коттеджа, а потом, чтобы переменить предмет разговора, упомянул о посещении Бэшуда. Мидуинтер был так озабочен, что как будто не помнил этого имени. Аллен был принужден напомнить, что Бэшуд пожилой клерк, которому Педгифт поручил быть его наставником в обязанностях управителя. Он выслушал, не сделав никакого замечания, и ушел в свою комнату отдохнуть до обеда.

Оставшись один, Аллен пошел в библиотеку посмотреть, не может ли он провести время за книгой. Он снял с полки несколько томов и опять поставил их назад, тем все и кончилось. Мисс Мильрой умела каким-то таинственным образом вставать между читателем и книгой. Ее церемонный поклон и ее безжалостная прощальная речь не выходили из головы Аллена, как он ни старался их забыть. По мере того как пролетали праздные часы, он начал все с большим нетерпением желать занять потерянное место в ее благорасположении. Опять зайти в коттедж и спросить, чем он имел несчастье оскорбить ее, было невозможно. Задать вопрос письменно в приличных выражениях на опыте оказалось свыше его литературных способностей. Он начал ходить взад и вперед по комнате с пером во рту и выбрал более дипломатический способ, который оказался в этом случае самым легким, — написать к мисс Мильрой так дружелюбно, как будто не случилось ничего, и выяснить по ответу, который она ему пришлет, какое место он занимает в ее благорасположении. Приглашение какое-нибудь (включающее, разумеется, ее отца, но адресованное к ней самой) надо было изложить надлежащим способом, чтобы заставить ее прислать письменный ответ, но тут

являлось затруднение: какого рода приглашение это могло быть. О бале нечего было и думать в настоящем положении Аллэна относительно его соседей. Об обеде без пожилой дамы, которая могла бы принять мисс Мильрой, кроме миссис Гриппер, которая могла принять ее только в кухне, также нечего было и говорить. Какого же рода могло быть приглашение? Никогда не останавливаясь, когда ему нужна была помощь, а спрашивая ее направо и налево во всех возможных направлениях, Аллэн, чувствуя, что все ресурсы его истощились, хладнокровно позвонил в колокольчик и удивил слугу, пришедшего на зов, спросив, какие удовольствия имело последнее семейство, жившее в Торп-Эмброзе, и какого рода приглашения обыкновенно посылали они своим друзьям.

— Здесь жили так, как живут все дворяне, сэра, — отвечал слуга, с изумлением смотря на своего господина. — Давали обеды и балы, а в хорошую летнюю погоду, такую, как эта, устраивали пикники...

— Довольно! — закричал Аллэн. — Именно пикник может ей понравиться. Ричард, вы человек драгоценный, вы можете идти вниз.

Ричард удалился с удивлением, а господин Ричарда схватил перо.

"Любезная мисс Мильрой! С тех пор как я оставил вас, мне вдруг пришло в голову, что мы можем устроить пикник. Небольшая перемена и развлечение для вас необходимы после вашего продолжительного заключения в комнате миссис Мильрой. Пикник послужит переменной и (когда вино хорошо) также и развлечением. Не спросите ли вы майора, согласится ли он на пикник. И если у вас есть какие-нибудь друзья по соседству, которым было бы приятно быть на пикнике, пожалуйста, пригласите их, потому что у меня здесь нет друзей. Это будет ваш пикник, но я доставлю все и повезу всех. Назначьте день, и у нас будет пикник, где вы хотите. Я непременно желаю устроить этот пикник.

Прошу вас считать меня преданным вам навсегда.

Аллэн Армадэль".

Перечитывая свое сочинение, прежде чем он его запечатал, Аллэн откровенно признался себе на этот раз, что оно было не совсем безукоризненно.

— Слово «пикник» повторяется слишком часто, — сказал он. — Нужды нет, если ей понравится эта мысль, она не будет на это в претензии.

Он тотчас же послал письмо со строгим приказанием подождать ответа.

Ответ явился через полчаса на раздушенной бумаге, без всяких помарок, благовонный для обоняния и красивый для зрения.

От обнаружения голой правды инстинктивно возмущается деликатность женской души. Никогда дело не было так извортливо перевернуто, как прекрасной корреспонденткой Аллэна. Сам Макиавелли^[14] не подозревал бы из письма мисс Мильрой, как искренно раскаивалась она в своем неудовольствии на молодого сквайра, как только он ушел, и как сумасбродно восхищалась она, когда получила его приглашение. Письмо ее было сочинением образцовой молодой девицы, все душевные ощущения которой держатся под замком родителями и выдаются ей в надлежащих случаях. В ответе мисс Мильрой слово «папа» являлось так же часто, как в приглашении Аллэна слово «пикник». Папа был так же внимательно добр к ней, как мистер Армадэль, желая доставить ей маленькую перемену и развлечение, и согласился расстаться со своими тихими привычками и участвовать в пикнике. С согласия папа она приняла с большим удовольствием предложение мистера Армадэля, и по совету папа она воспользуется добротой мистера Армадэля и пригласит двух друзей, недавно поселившихся в Торп-Эмброзе, на пикник — вдову с сыном. Последний духовного звания и деликатного здоровья. Если в будущий вторник мистеру Армаделю удобно, то это первый день, которым папа может располагать после поправок, требуемых его часами. Все остальное по совету папа она предоставляет мистеру Армадэлю, а пока с поклоном от папа она остается искренно преданной мистеру Армадэлю Элинор Мильрой.

Кто мог бы предполагать, что писавшая это письмо прыгала от радости, получив приглашение от Аллэна? Кто мог бы подозревать, что в дневнике мисс Мильрой явилась уже запись такого рода:

«Милейшее, драгоценнейшее письмо, я знаю от кого. Никогда, пока я жива, не буду неласково обращаться с ним».

Аллэн же был в восхищении от успеха своей проделки. Мисс Мильрой приняла его приглашение, следовательно, мисс Мильрой не

сердилась на него. У него чуть было не сорвалось с языка сказать об этой переписке своему другу, когда они встретились за обедом, но в лице и обращении Мидуинтера было что-то такое (заметное даже для Аллэна), заставившее его подождать, прежде чем он возобновит тягостный предмет визита в коттедж. По общему согласию оба избегали всякого разговора, относившегося к Торп-Эмброзу. Даже о посещении Бэшуда, который должен был прийти вечером, избегали они упоминать. Во весь обед они занимались прежним вечным разговором о кораблях и мореплавании. Буфетчик ушел, кончив прислуживать за столом, с морской проблемой в голове и спрашивал своих товарищей-слуг, знает ли кто-нибудь из них относительные достоинства «под ветром», «за ветром», «шхуны» и «брига».

Молодые люди просидели за столом позднее обыкновенного. Когда они вышли в сад с сигарами, летние сумерки спустились на луг и цветник и суживали постепенно бледнеющий светлый круг в окрестности. Роса выпала сильная, и, побыв несколько минут в саду, они решили пойти на более сухую аллею перед домом.

Друзья подошли к повороту, который вел в кустарник, как вдруг из-за деревьев позади них выскользнула черная фигура, как тень, мрачно движущаяся в тусклом вечернем свете. Мидуинтер вздрогнул при виде ее, и даже менее утонченные нервы его друга дрогнули на одно мгновение.

— Что за черт! — воскликнул Аллэн.

Фигура обнажила голову и медленно сделала шаг ближе. Мидуинтер выступил вперед и посмотрел пристальнее. Это был тот человек с робким обращением и в траурной одежде, у которого он спрашивал дорогу в Торп-Эмброз там, где сходились три дороги.

— Кто вы? — спросил Аллэн.

— Смиренно прошу вашего извинения, сэр, — пролепетал незнакомец, опять с замешательством отступив назад. — Слуги мне сказали, что я найду мистера Армадэля...

— Как, вы мистер Бэшуд?

— Да, с вашего позволения, сэр.

— Извините, что я так грубо заговорил с вами, — сказал Аллэн, — но дело в том, что вы испугали меня. Меня зовут Армадэль. Пожалуйста, наденьте вашу шляпу. А это мой друг, мистер Мидуинтер, который ждет вашей помощи по управительским делам.

— Нам не нужно рекомендоваться, — сказал Мидуинтер. — Я встретил мистера Бэшуда несколько дней тому назад, и он был так добр, что указал мне дорогу, когда я заблудился.

— Наденьте вашу шляпу, — повторил Аллэн, так как мистер Бэшуд все еще с непокрытой головой стойл и кланялся, не говоря ни слова, то одному молодому человеку, то другому. — Пожалуйста, наденьте вашу шляпу и позвольте мне показать вам дорогу к дому. Извините, если я вам замечу, — прибавил Аллэн, когда Бэшуд в какой-то нервной застенчивости уронил свою шляпу, вместо того чтобы надеть ее на голову, — но вы, кажется, несколько растревожены. Рюмка хорошего вина не сделает вам вреда, прежде чем вы и мой друг займетесь делом. Где вы встретились с мистером Бэшудом, Мидуинтер, когда вы заблудились?

— Я не знаю здешних окрестностей. Я должен спросить об этом мистера Бэшуда.

— Скажите нам, где это было? — продолжал Аллэн, стараясь немножко резко разогнать принужденность этого человека, когда они все трое возвращались в дом.

Мера природной робости Бэшуда, по-видимому, переполнилась через край громким голосом Аллэна и его резким вопросом. Он вдался в тот же самый поток слов, которым он наполнил Мидуинтера, когда они встретились в первый раз.

— Это было на дороге, сэр, — начал он, обращаясь попеременно то к Аллэну, которого он называл сэр, то к Мидуинтеру, которого он называл по имени. — Я хочу сказать, если вы позволите, на дороге к Малому Джилль-Беку. Странное имя, мистер Мидуинтер, и странное место. Я говорю не о деревне, а об окрестностях, то есть, извините, я говорю о Бродсах. Может быть, вы слышали о норфолькских Бродсах, сэр? То, что называется озерами в других частях Англии, то здесь называется Бродсами. Бродсов очень много, я думаю, их стоит посетить. Вы видели бы первые из них, мистер Мидуинтер, если бы прошли несколько далее того места, где я имел честь встретить вас. Замечательно многочисленны Бродсы, сэр, между этими окрестностями и морем. Около трех миль от моря, мистер Мидуинтер, около трех миль! Между ними текут реки, прекрасные, уединенные. Страна, обильная водой, мистер Мидуинтер, совершенно отдельная сама по себе. Туда ездят на прогулку, сэр, в

лодках. Это целая сеть озер. В холодную погоду там славная охота. Диких уток там очень много. Да, Бродсы стоит посмотреть, мистер Мидуинтер, в первый же раз, когда вы пойдете в ту сторону. Расстояние отсюда до Малого Джилль-Бека, а от Малого Джилль-Бека до Гардлер-Брода, первого озера, не более как...

Из-за нервной застенчивости, не зная, как остановиться, он, вероятно, говорил бы о норфолькских Бродсах целый вечер, если бы один из слушателей не прервал его бесцеремонно.

— К Бродсам можно отсюда съездить и вернуться назад в один день? — спросил Аллэн, чувствуя, что место для пикника уже найдено.

— О да, сэр! Прекрасно можно съездить из этого прекрасного замка!

Они в эту минуту входили на ступени портика. Аллэн пошел вперед и позвал Мидуинтер и Бэшуда в библиотеку, где была зажжена лампа. В промежуток до появления вина Мидуинтер взглянул на своего случайного знакомого на большой дороге со странной смесью сострадания и недоверия — сострадания, увеличивавшегося против его воли, недоверия, упорно уменьшавшегося, как он ни старался, чтобы оно возросло. Неудобно торча на кончике стула, сидел бедный, унылый несчастливец в своем поношенном черном платье, со своими водянистыми глазами, в своем старом, честном парике, в своем жалком шерстяном галстуке и со своими фальшивыми зубами, которые не могли обмануть никого, сидел из вежливости беспокойно, то вздрагивая от яркого блеска лампы, то дрожа от громкого голоса Аллэна. Этот человек имел на лице морщины шестидесятилетнего старика и обращение ребенка в присутствии посторонних. Он, конечно, представлял предмет сострадания.

— Чего не боялись бы вы, мистер Бэшуд, — закричал Аллэн, наливая вино, — не бойтесь этого, и от целого бочонка не разболится голова. Расположитесь поудобнее, я оставляю вас и мистера Мидуинтера говорить о делах. Все дела в руках мистера Мидуинтера, он действует за меня и решает все, как знает.

Он сказал эти слова в осторожных выражениях, совсем ему не свойственных, и без дальнейших объяснений прямо пошел к двери. Мидуинтер, сидя возле двери, заметил выражение его лица, когда он

выходил. Как ни легко было заслужить расположение Аллэна, мистер Бэшуд каким-то непонятным образом не заслужил его!

Собеседники, так странно походившие характером друг на друга, остались вдвоем, широко разделяемые — так казалось по наружности — от всякого сочувствия, невидимо притягиваемые друг к другу тем магнетическим сходством темперамента, которое перескакивает всякую разницу в летах или положении, наперекор всему наружному несходству в душе и характере. С той минуты, когда Аллэн вышел из комнаты, тайное влияние начало медленно привлекать этих двух людей друг к другу через великую общественную пустыню, которая лежала между ними до сегодня.

Мидуинтер первый приблизился к причине их свидания.

— Могу я спросить, — начал он, — известно ли вам мое положение здесь и почему я прошу вашей помощи?

Бэшуд, все колеблясь и все робея, но, очевидно, успокоенный отсутствием Аллэна, сел подальше на стуле и осмелился подкрепить себя скромным плотком вина.

— Да, сэр, — отвечал он. — По крайней мере, мне кажется, что я могу это сказать. Я должен научить или, может быть, я должен бы сказать, посоветовать...

— Нет, мистер Бэшуд, первые слова вернее. Мне совсем неизвестны обязанности, которые мистер Армадэль по доброте своей возложил на меня. Сколько я понял, в вашей способности наставить меня не может быть сомнения, потому что вы сами занимали место управителя. Могу я спросить где?

— У сэра Джона Меллоушина, сэр, в западном Норфольке. Может быть, вам угодно — он со мною — взглянуть на мой аттестат? Сэр Джон мог бы поступить со мной добрее, но я жаловаться не могу, теперь все кончено!

Его водянистые глаза сделались еще водянистее, и трепет рук распространился до губ, когда он вынул из записной книжки старое письмо и положил его на стол.

Аттестат был написан очень кратко и очень холодно, но был удовлетворителен. Сэр Джон считал справедливым сказать, что он не может пожаловаться на недостаток способности или честности своего управителя. Если бы домашнее положение мистера Бэшуда позволило ему продолжать свои обязанности по управлению имениями, сэр

Джон охотно оставил бы его у себя. Теперь же затруднения, возбужденные личными делами мистера Бэшуда, делали невозможным для него оставаться в службе сэра Джона, и по этой причине — только по этой — сэр Джон расстался со своим управителем. Вот как аттестовал сэр Джон мистера Бэшуда. Когда Мидуинтер читал последние строчки аттестата мистера Бэшуда, он подумал о другом аттестате, еще находившемся у него, который дали ему в школе, когда выгнали больного учителя на все четыре стороны. Его суеверие, не доверявшее всем новым событиям и всем новым лицам в Торп-Эмброзе, еще сомневалось в человеке, находившемся перед ним, так же упорно, как и прежде. Но когда теперь он старался выразить эти сомнения словами, сердце упрекало его, и он молча положил аттестат на стол.

Внезапное молчание в разговоре как будто испугало Бэшуда. Он подкрепил себя еще плотком вина и, не дотрагиваясь до аттестата, заговорил скороговоркой, как будто молчание было для него нестерпимо.

— Я готов отвечать на все вопросы, сэр. Мистер Педгифт сказал мне, что я должен отвечать на вопросы, потому что ни вы, ни мистер Армадэль не будете довольствоваться одним аттестатом. Сэр Джон не сказал, он мог выразиться добрее, но я не жалею, сэр Джон не сказал, по каким неприятностям я лишился моего места. Может быть, вам угодно знать?..

Он остановился в замешательстве, посмотрел на аттестат и не сказал ничего более.

— Если бы дело шло только о моих интересах, — отвечал Мидуинтер, — уверяю вас, аттестата было бы совершенно для меня достаточно, но, пока я стану учиться моим новым обязанностям, человек, который будет меня учить, на самом деле будет управителем имения моего друга. Мне очень неприятно просить вас говорить о предмете, может быть, тягостном для вас, и во мне недостает опытности делать такие вопросы, какие следовало бы, но, может быть, для интересов мистера Армадэля мне следует узнать более или от вас, или от мистера Педгифта, если вы это предпочитаете.

Он также остановился в замешательстве, посмотрел на аттестат и не сказал ничего более.

Наступило минутное молчание. Вечер был теплый, и мистер Бэшуд между другими своими бедствиями имел печальный недуг — у него потели ладони. Он вынул жалкий бумажный носовой платок, свернутый в комочек, и начал вытирать им руки. Если бы это сделал кто-нибудь другой при подобных обстоятельствах, это могло бы показаться смешно, но этот поступок от этого человека в таком месте беседы казался неуместным.

— Время мистера Педгифта слишком драгоценно, сэр, чтобы терять его для меня, — сказал он. — Я расскажу то, что следует рассказать вам, если вы позволите мне. Я был несчастлив в своем семействе. Это несчастье трудно было переносить, хотя на словах это и не покажется. Жена моя... — одной рукой он крепко схватил носовой платок, вытер свои сухие губы, борясь сам с собой, и продолжал:

— Жена моя, сэр, несколько мне мешала, она — я боюсь, что должен признаться в этом — повредила мне в глазах сэра Джона. Вскоре после того как я занял место управителя, она начала..., она взяла привычку..., я, право, не знаю, как это сказать..., пить. Я не мог отучить ее от этого и не всегда мог скрывать это от сэра Джона. Она раза два выводила его из терпения, когда он приходил в контору по делам. Сэр Джон извинял это не очень ласково, но все-таки извинял. Я не жалею на сэра Джона, я..., не жалею теперь и на мою жену.

Он трепещущей рукой указал на жалкий креп, которым обвязана была его шляпа.

— Я ношу по ней траур, — сказал он слабым голосом. — Она умерла около года тому назад в здешнем доме умалишенных.

Губы его начали судорожно подергиваться. Он взял рюмку вина и, вместо того чтобы отхлебнуть, на этот раз осушил ее всю.

— Я не очень привык к вину, сэр, — сказал он, сознавая, вероятно, румянец, выступивший на лице его.

— Я прошу вас, мистер Бэшуд, не огорчать себя, рассказывая мне более, — сказал Мидуинтер, не желая настаивать на признаниях, которые уже довольно обнаружили горести этого несчастного человека.

— Я очень вам благодарен, сэр, — сказал мистер Бэшуд. — Но если я не задерживаю вас слишком долго и если вам угодно будет вспомнить, что инструкции мистера Педгифта были очень

настоятельны, кроме того, я только упомянул о моей покойной жене оттого, что если бы она не выводила из терпения сэра Джона, то все могло бы устроиться иначе... — Он остановился, бросил неоконченную фразу, в которой запутался, и начал другую:

— У меня было только двое детей, сэр, сын и дочь. Дочь умерла в младенчестве, сын мой вырос, но я через него лишился моего места. Я сделал для него все, что мог. Я определил его в хорошую контору в Лондоне. Его не хотели взять без денежного обеспечения. Я боюсь, что это было неблагоприятно, по у меня не было богатых друзей, которые могли бы помочь мне, я сам поручился за него. Сын мой оказался дурным человеком, сэр. Он, может быть, вы поймете меня, если я скажу, что он поступил нечестно. Его хозяева согласились по моей просьбе отпустить его без судебных преследований. Я просил очень усердно, я любил моего сына Джэмса, взял его домой и употреблял все силы, чтобы исправить его. Он не хотел остаться со мной, он опять отправился в Лондон, он, извините, сэр, боюсь, что я все перепутываю, боюсь, что я отступаю от главного пункта...

— Нет, нет, — ласково сказал Мидуинтер, — если вы считаете нужным рассказать мне эту печальную историю, рассказывайте, как хотите. Вы видели вашего сына после того, как он уехал от вас в Лондон?

— Нет, сэр, он еще в Лондоне, сколько мне известно. В последний раз, как я имел о нем известие, он зарабатывал себе пропитание не весьма честным образом. Он служил в Частной Справочной Конторе на Шэдисайдской площади.

Он сказал эти последние слова очень рассеянно, осматриваясь вокруг в замешательстве и напрасно стараясь отыскать потерянную нить рассказа.

Мидуинтер сострадательно помог ему.

— Вы мне говорили, — сказал он, — что вы лишились места по милости вашего сына. Как это случилось?

— Вот каким образом, сэр, — отвечал Бэшуд, с волнением возвращаясь к надлежащему пункту. — Его хозяева согласились отпустить его, но они обратились к его поручителю — это был я. Конечно, их порицать нельзя, это поручительство покрывало их потерю. Я не мог заплатить всего, я должен был занять. Мой кредитор стал преследовать меня. Это, конечно, жестоко, но так как ему нужны

были деньги, он, конечно, поступал справедливо. Но, верно, и другие джентльмены сказали бы то же, что сказал сэр Джон; наверно, и другие не захотели бы оставить управителя, которого преследовала полиция и мебель которого продавали за долги. Вот как это кончилось, мистер Мидуинтер! Я не стану задерживать вас долее, вот адрес сэра Джона, если вы желаете обратиться к нему.

Мидуинтер великодушно отказался взять этот адрес.

— Благодарю вас, сэр, — сказал Бэшуд, вставая. — Кажется, не о чем более говорить, кроме как... Мистер Педгифт поручится за меня, если вы желаете узнать о моем поведении с тех пор, как я служу у него. Я очень обязан мистеру Педгифту, он иногда бывает несколько груб со мной, но если бы он не взял меня в свою контору, я, кажется, поступил бы в богадельню, когда оставил сэра Джона, — я так был разбит душой.

Он поднял свою грязную шляпу с пола.

— Я не буду долее задерживать вас, сэр, я с удовольствием зайду, если вы желаете подумать, прежде чем решитесь.

— Мне не нужно думать после того, что вы мне сказали, — горячо отвечал Мидуинтер, вспоминая то время, когда он рассказывал свою историю мистеру Броку, и ждал великодушного слова, как теперь ждал человек, находившийся перед ним. — Сегодня суббота, — продолжал он. — Можете вы дать мне первый урок в понедельник утром? Извините, — прибавил он, перебив многоречивые выражения мистера Бэшуда, в которых он выражал свое согласие, и остановив его, когда он выходил из комнаты, — нам надо решить еще одно, не так ли? Мы еще не говорили о вашем вознаграждении в этом деле, то есть об условиях.

Он с некоторым замешательством намекал на денежную часть предмета. Бэшуд, все ближе и ближе подвигаясь к двери, отвечал с еще большим замешательством:

— Сколько-нибудь, сэр, сколько вы сочтете нужным. Я не стану задерживать вас долее... Я предоставляю это решить вам и мистеру Армадэлю.

— Я пошлю за мистером Армадэлем, если вам угодно, — сказал Мидуинтер, провожая Бэшуда в переднюю, — но я боюсь, что он так же малоопытен в этом, как и я. Может быть, если вы не против, мы спросим мистера Педгифта?

Мистер Бэшуд с жаром ухватился за последний намек, все подвигаясь к парадной двери.

— Да, сэр, о, да-да! Никто не может знать этого лучше мистера Педгифта. Пожалуйста, не беспокойте мистера Армадэля!

Его водянистые глаза сделались совершенно дики от нервного испуга, когда он обернулся при свете лампы, висевшей в передней, сделать эту вежливую просьбу. Если бы послать за Аллэном, было бы то же, что спустить с цепи свирепую собаку. Мистер Бэшуд едва ли мог бы быть более испуган.

— Желаю вам доброго вечера, сэр, — продолжал он, выходя. — Я непременно буду в понедельник утром, я надеюсь..., я думаю..., я уверен, что вы скоро научитесь всему, чему я могу научить вас. Это нетрудно. О! Совсем нетрудно. Желаю вам доброго вечера, сэр. Прекрасная ночь, да, прекрасная ночь для того, чтобы возвращаться домой!

С этими словами, не замечая в своем замешательстве протянутой руки Мидуинтера, он шумно спустился со ступеней и исчез в ночной темноте.

Когда Мидуинтер повернулся, чтобы вернуться в комнату, дверь в столовой отворилась, и его друг вышел к нему в переднюю.

— Ушел мистер Бэшуд? — спросил Аллэн.

— Ушел, — отвечал Мидуинтер, — рассказав мне очень печальную историю и заставив меня стыдиться, что я сомневался в нем без причины. Я условился, что он даст мне первый урок в понедельник утром.

— Хорошо, — сказал Аллэн. — Вам нечего бояться, старикашка, что я стану прерывать ваши занятия. Наверно, это впечатление ошибочно, но мне не нравится мистер Бэшуд.

— Наверно, мое впечатление ошибочно, — отвечал Мидуинтер несколько сердито.

В воскресенье утром Мидуинтер вышел в парк, ожидая почтальона, в надежде получить письмо от мистера Брока.

В обыкновенный час почтальон явился и подал ожидаемое письмо Мидуинтеру. Он распечатал и прочел:

"Любезный Мидуинтер, я пишу более для того, чтобы успокоить вас, а не потому, чтобы я мог сказать вам что-нибудь определенное."

В моем последнем торопливом письме я не имел времени сказать вам, что старшая из двух женщин, которых я встретил в Кенсингтонском саду, пошла за мной и заговорила на улице. Кажется, я могу назвать то, что она говорила, не делая ей несправедливости, цепью лжи с начала до конца. По крайней мере, она утвердила меня в подозрении, что затевается что-то недоброе, для чего Аллэн предназначен быть жертвой, и что первым двигателем заговора является та самая гнусная женщина, которая помогла замужеству его матери и ускорила ее смерть.

Будучи убежден в этом, я не колебался сделать для Аллэна то, чего не сделал бы ни для кого на свете. Я оставил мой отель и поселился с моим старым слугой Робертом в доме, напротив того дома, в котором живут обе эти женщины. Мы попеременно наблюдаем за ними — чего, как я уверен, совершенно они не подозревают — и день и ночь. Все мои чувства, как джентльмена и пастора, возмущаются против подобного занятия, но делать нечего. Я должен или нарушать таким образом уважение к самому себе, или предоставить Аллэну с его легкомысленным характером защищаться против негодной женщины, которая, как я твердо убежден, готовится воспользоваться самым бессовестным образом его слабостью и молодостью. Просьба его умирающей матери не выходит у меня из головы, и да поможет мне Господь, а я теперь унижаюсь в моих собственных глазах вследствие этого.

За мою жертву уже было некоторое вознаграждение. Сегодня, в субботу, я приобрел огромную выгоду — наконец видел лицо этой женщины. Она выходила с опущенной вуалью и воротилась домой. Я видел ее лицо без вуали у окна, а потом опять на балконе. Если представится случай описать ее подробно, вы будете иметь это описание. Теперь мне нужно только сказать, что ей на вид тридцать пять лет и что она совсем не так хороша собой, как я ожидал, сам не зная почему.

Вот все, что я теперь могу сказать вам. Если ничего более не случится до понедельника или до вторника, мне ничего более не остается, как обратиться к моим нотариусам за помощью, хотя мне очень не хочется доверить это щекотливое дело в чужие руки. Оставив, однако, в стороне мои чувства, дело, которое было причиной моей поездки в Лондон, так важно, что им нельзя

пренебрегать далее, так как я пренебрегаю им теперь. Во всяком случае, будьте уверены, что я уведомя вас о том, что будет, и считайте меня искренно вам преданным.

Децимус Брок".

Мидуинтер положил письмо, так же как первое, в свою записную книжку вместе с описанием сна Аллена.

«Сколько еще дней? — спрашивал он себя, возвращаясь в дом. — Сколько еще дней?»

Немного. Время, ожидаемое им, уже приближалось. Настал понедельник, и мистер Бэшуд аккуратно явился в назначенный час. Настал понедельник, и Аллен погрузился в приготовления к пикнику. Он имел разные свидания и дома, и вне дома целый день. Он устраивал дело с миссис Гриппер, с буфетчиком, с кучером, в их трех разных департаментах — еды, питья и езды. Он отправился в город советоваться с Педгифтом насчет Бродсов и пригласить отца и сына (так как ему некого было больше приглашать) на пикник. Педгифт-старший (в своем департаменте) доставил общие сведения, но просил извинить его от присутствия на пикнике по случаю деловых занятий. Педгифт-младший (в своем департаменте) прибавил все подробности и, отложив в сторону занятия, принял приглашение с величайшим удовольствием. Возвратясь из конторы стряпчего, Аллен отправился в коттедж майора получить согласие мисс Мильрой на место, выбранное для пикника. Исполнив это, он воротился домой решить последнее затруднение — затруднение уговорить Мидуинтера присоединиться к поездке к Бродсам.

Аллен нашел своего друга твердо решившимся остаться дома. Естественное нежелание Мидуинтера встретиться с майором и его дочерью после того, что случилось в коттедже, можно было бы преодолеть, но решимость Мидуинтера не прерывать занятий с мистером Бэшудом устояла против всех усилий поколебать ее. Аллен принужден был согласиться на сделку. Мидуинтер обещал, не весьма охотно, присоединиться к обществу вечером там, где назначено было пить чай. Таким образом, он согласился воспользоваться случаем стать на дружеской ноге с Мильроями.

Более он не хотел уступить, даже на убеждения Аллена, и о большем бесполезно было его просить.

Настал день, назначенный для пикника. Прекрасное утро, веселые хлопоты нисколько не прельстили Мидуинтера и не заставили его переменить намерение. В назначенный час он ушел от завтрака к мистеру Бэшуду в управительскую контору. Они оба спокойно занялись счетами в задней стороне дома, между тем как в передней шли приготовления к пикнику. Молодой Педгифт, невысокого роста, щегольски одетый и с самоуверенным обращением, приехал незадолго до часа, назначенного для отъезда, чтобы помочь в окончательных приготовлениях своим местным знанием. Аллэн и он еще совещались, когда вдруг явилось препятствие. Пришли сказать, что служанка из коттеджа ждет внизу ответа на записку своей барышни. По записке было видно, что душевные ощущения мисс Мильрой преодолели в ней чувства приличия. Тон письма был лихорадочный, и почерк шел вкось и вкривь.

"О, мистер Армадэль! — писала дочь майора. — Какое несчастье! Что нам делать? Папа получил сегодня утром письмо от бабушки насчет новой гувернантки. Ее аттестация оказалась удовлетворительной во всех отношениях, и она готова приехать хоть сейчас. Бабушка думает (как это досадно!), что чем скорее, тем лучше, и пишет, что мы должны ожидать новую гувернантку или сегодня, или завтра. Папа говорит (он всегда нелепо внимателен ко всему), что мы не можем допустить мисс Гуильт приехать сюда (если она приедет сегодня) и не найти никого дома. Что делать? Я готова расплакаться от досады. Я получила самое дурное впечатление (хотя бабушка пишет, что она очаровательна) о мисс Гуильт. Не можете ли вы посоветовать что-нибудь, мистер Армадэль? Я уверена, что папа согласится. Не пишите, пришлите мне ответ на словах. Я купила новую шляпку для пикника и — ах! Как мучительно не знать, должна я снять ее или оставить.

Искренно вам преданная Э. М."

— Черт побери мисс Гуильт! — вскричал Аллэн, вытаращив глаза на своего стряпчего с отчаянием.

— Позвольте спросить, что случилось? — заметил Педгифт-младший.

Аллэн сказал ему. Мистер Педгифт-младший мог иметь свои недостатки, но ненаходчивость не числилась среди них.

— Можно выпутаться из этого затруднения, мистер Армадэль, — сказал он. — Если гувернантка приедет сегодня, пусть она также поедет на пикник.

Аллэн с удивлением вытаращил глаза.

— Не все же лошади и экипажи в Торп-Эмброзе будут употреблены на нашу поездку, — продолжал Педгифт-младший. — Конечно, нет. Очень хорошо. Если мисс Гуильт приедет сегодня, она не может приехать прежде пяти часов. Хорошо. Прикажите, чтобы коляска ждала у дверей майора к тому времени, мистер Армадэль, а я растолкую кучеру, куда ехать. Когда гувернантка приедет в коттедж, пусть она найдет извинительную записочку (с холодным цыпленком или с чем-нибудь другим, что они приготовят ей закусить после дороги), в которой ее просят присоединиться к пикнику. Ей-богу, сэр! — вскричал весело молодой Педгифт. — Она должна быть обидчива, если останется недовольна после этого!

— Отлично! — закричал Аллэн. — Ей будет оказано всевозможное внимание. Я дам ей кабриолет, запряженный пони, и белую упряжь. Она может править сама, если хочет.

Он написал ответ мисс Мильрой, чтобы успокоить ее, и сделал необходимые распоряжения насчет кабриолета. Через десять минут экипажи для гостей стояли у дверей.

— Теперь, когда мы столько хлопотали для нее, — сказал Аллэн, говоря о гувернантке, когда они выходили из дома, — желал бы я знать, приедет ли она сегодня и увидим ли мы ее на пикнике?

— Это решительно зависит от ее возраста, сэр, — заметил молодой Педгифт, произнося свое мнение со счастливой самоуверенностью, отличавшей его. — Если она стара, она устанет от дороги и останется за холодным цыпленком в коттедже; если она молода, то или я совсем не знаю женщин, или пони в белой упряжи привезут ее на пикник.

Они отправились к коттеджу майора.

Глава VIII. НОРФОЛЬКСКИЕ ОЗЕРА

Маленькая группа, собравшаяся в гостиной майора Мильроя ждать экипаж из Торп-Эмброза, едва ли могла дать понять ничего не знающему человеку, вошедшему туда, что это общество собралось ехать на пикник. Судя по наружности, все были очень скучны, так что можно было подумать, что это общество собралось на свадьбу.

Даже сама мисс Мильрой, хотя она сознавала, что очень привлекательна в светлом кисейном платье и новой шляпке с перьями, была в эту минуту несколько нахмуренна. Записка Аллена несколько успокоила ее, что поставленная цель уладить приезд гувернантки с пикником была достигнута, но у нее все еще оставалось сомнение, одобрил ее отец предложенный план, словом, мисс Мильрой не хотела быть уверенной в удовольствии этого дня до тех пор, пока экипаж не увезет ее. Майор, со своей стороны, наряженный для праздника в узкий синий фрак, который он не надевал уже несколько лет, и расстроенный разлукой на целый день со своим старым товарищем и другом — часами, был не в своей стихии. Что касается друзей, приглашенных по просьбе Аллена, — вдовы (миссис Пентикост) и ее сына (пастора Сэмюэля), молодого человека слабого здоровья, то людей, наименее способных по наружности увеличить веселость дня, трудно было бы найти во всей Англии. Молодой человек, играющий свою роль в обществе, смотря в зеленые очки и слушая с болезненной улыбкой, может быть чудом ума и источником добродетели, но вряд ли годится для пикника. Старая дама, страдающая глухотой и интересующаяся только своим сыном и спрашивающая каждого (по счастью, в редких случаях, когда сын ее раскрывает губы): «Что говорит мой сын?» — заслуживает сострадания по своему недугу и уважения за свою материнскую преданность, но ее не следует, если только это возможно избежать, приглашать на пикник. Однако таковы были пастор Сэмюэль Пентикост и его мать, и за неимением других гостей они были приглашены есть, пить и веселиться на пикнике мистера Армадэля.

Приход Аллена с его верным последователем Педгифтом-младшим пробудил павший дух общества, собравшегося в коттедже.

План, позволявший гувернантке приехать на пикник, если бы она приехала в этот день, успокоил даже майора Мильроя, желавшего оказать всевозможное внимание особе, которая должна была жить у него. Написав необходимую записку, извинительную и пригласительную, самым лучшим своим почерком, мисс Мильрой побежала наверх проститься с матерью и возвратилась с улыбкой на лице и бросая косвенный взгляд на отца, говоривший, что теперь ничто не задерживает их долее. Общество тотчас направилось к калитке сада и там должно было встретиться лицом к лицу со вторым великим затруднением этого дня как шести особам, участвующим в пикнике, разделиться на две коляски, ожидавшие их?

Тут опять Педгифт-младший выказал свою находчивость. Этот высокообразованный молодой человек обладал в высшей степени достоинством, более или менее свойственным всем молодым людям того века, в котором мы живем. Он мог наслаждаться жизнью и не забывать дела. Такой клиент, как торп-эмброзский владелец, редко попадался его отцу, и оказывать особенное, но ненавязчивое внимание Аллэну целый день было делом, которое молодой Педгифт ни разу не терял из виду с начала до конца праздника, выказывая себя в то же время душой пикника. Он понял, какие отношения сложились между мисс Мильрой и Аллэном, с первого взгляда и тотчас, чтобы услужить своему клиенту в этом отношении, предложил (так как он знал местность) показывать дорогу первой коляске и просил майора Мильроя и пастора сделать честь ехать вместе с ним.

— Мы проедем очень интересное место для военного, сэра, :

— обратился молодой Педгифт к майору со своей счастливой самоуверенностью, — остатки римского лагеря. Отец мой, сэра, — продолжал этот многообещающий юрист, обращаясь к пастору, — поручил мне спросить ваше мнение насчет здания новой детской школы. Будьте так добры, скажите ваше мнение, когда мы проедем мимо.

Он отворил дверцу коляски и помог майору и пастору сесть, прежде чем они успели возразить. Достигнут необходимый результат: Аллэн и мисс Мильрой поехали в одном экипаже, имея удобством общество глухой старухи для того, чтобы сдерживать в необходимых границах комплименты сквайра.

Никогда еще Аллэн не наслаждался таким свиданием с мисс Мильрой, как то, которое ему досталось по дороге в Броксли. Милая старушка, рассказав несколько анекдотов о своем сыне, сделала именно то, чего недоставало для совершенного блаженства ее молодым спутникам: она стала слепа на этот случай, не только глуха. Через четверть часа после того, как коляска отъехала от коттеджа майора, бедная старушка, сидя на мягких подушках и убаюкиваемая прекрасным летним воздухом, спокойно заснула. Единственная помеха была в коляске, ехавшей впереди. Не довольствуясь римским лагерем майора и детской школой пастора, Педгифт-младший приподнимался время от времени со своего места и, почтительно окликая задний экипаж, обращал внимание Аллэна пронзительным тенором и в отборных выражениях на интересные предметы на дороге. Единственный способ успокоить его было отвечать, как Аллэн: «Да, прекрасно». Затем молодой Педгифт опять исчезал в глубине передней коляски и брался за римлян и детей там, где оставил их.

Местоположение, по которому ехало общество, заслуживало гораздо больше внимания, чем получало от Аллэна и его друзей. Через час Армадэль со своими гостями проехал к границе уединенной прогулки Мидуинтера и приближался к одному из самых странных и прелестных видов, какие только может предположить природа не только в Норфольке, но и во всей Англии. Мало-помалу местоположение начало изменяться, когда коляска приближалась к отдаленным и уединенным озерам. Полей уже встречалось гораздо меньше; зеленые пастбища с каждой стороны расстилались шире. Кучи сухого тростника и камыша, приготовленные для корзишников и кровельщиков, начали встречаться на дороге. Старинные коттеджи с остроконечными кровлями исчезли, а вместо них появились хижины с глиняными стенами. Вместе со старинными церковными колокольнями и ветряными и водяными мельницами, которые до сих пор были единственными предметами, видневшимися над плоской равниной, теперь на всем горизонте кругом виднелась бахрома подрезанных ив, паруса невидимых судов, двигавшихся по невидимой воде. Все странные и изумительные аномалии, представляемые земледельческим округом, отделенным от других округов цепью озер и источников и имеющим сообщения и отправляющим свои

произведения по воде, а не по земле, начали являться все чаще и чаще. Сети виднелись на заборах коттеджей, маленькие плоскодонные лодки спокойно лежали между цветов в садах. Работники проходили в сложном костюме, прибрежном и полевом, — в шляпах моряков, в сапогах рыбаков и в блузах пахарей. Низко лежащий уровень воды, запрятанный в таинственное уединение, был еще скрытым лабиринтом. Через минуту экипажи свернули с жесткой большой дороги в маленький извилистый переулок. Колеса катились неслышно по сырой почве. Показался уединенный коттедж с сетями и лодками. Через несколько ярдов последний кусок твердой земли вдруг кончился крошечным заливом и набережной. Еще поворот — и справа и слева широкой водяной полосой, гладкой и блестящей, такой же чистой лазурью, как летнее небо над нею, разостлалось первое Норфолькское озеро.

Экипажи остановились, и почтенная миссис Пентикост, в одно мгновение пришедшая в себя, сурово устремила глаза на Аллэна.

— Я вижу по вашему лицу, мистер Армадэль, — резко сказала она, — что вы думаете, будто я спала.

Сознание в вине различно действует на оба пола. Девять раз из десяти женщина умеет лучше мужчины справиться со своей виной. В этом случае смущение оказалось на стороне мужчины. Аллэн покраснел и сконфузился. Находчивая мисс Мильрой тотчас расцеловала старушку с невинным смехом.

— Он совершенно не способен, милая миссис Пентикост, — сказала маленькая лицемерка, — к такой нелепости. Как же может он думать, что вы спали?

— Я желаю только, чтобы мистер Армадэль знал, — продолжала старушка, все подозревая Аллэна, — что так как я страдаю головокружением, то я принуждена закрывать глаза в коляске. Закрывать глаза — одно, мистер Армадэль, а спать — другое. Где мой сын?

Сэмюэль молча подошел к коляске в своих зеленых очках и со своей болезненной улыбкой и помог матери выйти.

— Тебе понравилась поездка, Сэмми? — спросила старушка. — Прекрасное местоположение, не правда ли?

Молодой Педгифт, на которого пали все хлопоты этой поездки, суетился и давал приказания лодочникам. Майор Мильрой,

бесстрастный и терпеливый, сидел поодаль на перевернутом плоту для починки судов и тайком смотрел на часы. Неужели уже полдень прошел? Уже второй час. В первый раз после многих лет знаменитые часы пробили в пустой мастерской. Время подняло свою удивительную косу, и капрал с рядовыми сменил часового, а глаза мастера не следили за их подвигами, и рука мастера не поощряла их. Майор вздохнул, положив часы в карман.

«Я боюсь, что я уже устарел для всего этого, — подумал добрый майор, задумчиво осматриваясь вокруг. — Я не нахожу, чтобы я наслаждался этим так много, как я думал. Когда мы сядем в лодку, желал бы я знать? Где Нили?»

Нили — собственно говоря, мисс Мильрой — стояла позади коляски с хозяином пикника. Они были погружены в интересное рассуждение о их собственных именах, и Аллэн так был близок к предложению своей руки, как только это возможно для легкомысленного двадцатидвухлетно с молодого человека.

— Скажите мне правду, — говорила мисс Мильрой скромно потупив глаза в землю, — когда вы узнали, как меня зовут, вам не понравилось мое имя?

— Мне нравится все, принадлежащее вам, — энергично возразил Аллэн. — Я нахожу, что Элино́р прелестное имя, а между тем, не знаю почему, мне кажется, что майор сделал его еще прелестнее, переименовав его в Нили.

— Я вам скажу почему, мистер Армадэль, — продолжала дочь майора очень серьезно. — Есть такие несчастные люди на свете, имена которых, как бы мне выразиться, совсем не идут к ним. Я не осуждаю моих родителей, потому что, разумеется, невозможно было узнать, когда я родилась, какой я вырасту. Но теперь я и мое имя совсем не идем друг к другу. Когда вы слышите, что молодую девушку зовут Элино́р, вам тотчас представляется высокое, прекрасное, интересное существо — совершенная противоположность со мной! С моей наружностью Элино́р звучит смешно, а Нили, как вы сами заметили, как раз кстати. Нет, нет, не говорите ничего больше! Мне это надоело. У меня в голове есть другое имя, если мы уже говорим об именах, о котором гораздо более стоит говорить, чем о моем.

Она украдкой бросила на своего собеседника взгляд, довольно ясно говоривший: это имя ваше. Аллэн сделал шаг ближе к ней и

понижил голос (без малейшей необходимости) до таинственного шепота. Мисс Мильрой опять начала рассматривать землю; она смотрела на нее с таким необыкновенным интересом, что геолог мог бы подозревать ее в ученом кокетстве с поверхностным слоем.

— О каком имени думаете вы? — спросил Аллэн.

Мисс Мильрой сделала ответ в виде замечания поверхностному слою и предоставила ему поступить с ним в качестве проводника звука.

— Если бы я была мужчиной, — сказала она, — я хотела бы, чтобы меня звали Аллэном!

Она чувствовала, что глаза Аллэна устремлены на нее, и, отвернувшись, погрузилась в созерцание коляски.

— Как это прекрасно выкрашено! — воскликнула она. — Желала бы я знать, как они это делают?

Мужчины настаивают, и женщины уступают. Аллэн не захотел перенести предмет разговора от любви к экипажам. Мисс Мильрой замолчала.

— Зовите меня по имени, если оно вам нравится, — шепнул он просительно. — Назовите меня Аллэн хоть раз, чтобы попробовать.

Она колебалась, с румянцем на щеках и очаровательной улыбкой, и покачала головой.

— Я еще не могу, — отвечала она тихо.

— А я могу назвать вас Нили? Или это слишком скоро?

Она опять взглянула на него с внезапным проблеском нежности в темно-серых глазах.

— Вы сами знаете лучше, — шепнула она слабым голосом.

Неизбежный ответ чуть не сорвался с языка Аллэна. В ту самую минуту, когда он раскрыл губы, пронзительный тенор Педгифта-младшего раздался в спокойном воздухе.

— Мистер Армадэль! — звал он.

В ту же минуту с другой стороны коляски зеленые очки пастора Сэмюэля услужливо показали в поисках Армадэля, и голос его матери (чрезвычайно проворно соединившей воду с внезапным движением в обществе) рассеянно спрашивал, не утонул ли кто-нибудь? Чувство улетает, а любовь дрожит при всяких шумных демонстрациях. Аллэн сказал: «Черт побери!» — и пошел к молодому Педгифту. Мисс Мильрой вздохнула и подошла к отцу.

— Я все устроил, мистер Армадэль! — вскричал Педгифт, весело встречая своего клиента. — Мы все вместе можем ехать по воде: я достал самую большую лодку. Маленькие ялики, — прибавил он тихим тоном, спускаясь со ступеней набережной, — кроме того, что легко опрокидываются, не могут поместить более двух человек с лодочником, а майор сказал мне, что он считает своей обязанностью ехать с дочерью, если мы все поедem в разных лодках. Я думал, что это не годится, сэр, — продолжал Педгифт-младший, почтительно сделав легкое ударение на слове «это». — И кроме того, если бы мы посадили старую даму в ялик с ее тяжестью, она была бы по пояс в воде. Вот лодка, мистер Армадэль. Что вы думаете о ней?

Лодка еще увеличила странные предметы, являвшиеся на озерах. Это было не что иное, как старый спасательный бот, проводивший свои преклонные лета над гладкой пресной воде после бурных дней молодости, проведенных в море. Уютная каюта для птицеловов в зимнее время была устроена в середине лодки, и мачта с парусом стояла впереди. Места было довольно для гостей, для обеда и для трех лодочников. Аллэн одобрительно потрепал по плечу своего верного наместника, и даже миссис Пентикост, когда все общество расположилось в лодке, стала смотреть на пикник со сравнительно веселой точки зрения.

— Если что случится, — сказала старушка, обращаясь ко всему обществу вообще, — для всех нас есть одно утешение — сын мой умеет плавать.

Лодка выплыла из залива на спокойную поверхность озера, и вся красота местоположения представилась взорам.

К северу и западу, когда лодка была уже на середине озера, низменный берег оказался весь в солнечном сиянии, окаймленный темнеющими в некоторых местах рядами низких деревьев и застроенный там и сям в открытых местах ветряными мельницами и коттеджами с камышовыми кровлями. К югу водяная скатерть постепенно суживалась в группу островков, замыкавших вид, а к востоку длинная извилистая линия тростника следовала за извилинами озера и примыкала к островам. Летний воздух был так чист и прозрачен, что единственное облачко на небе было оставлено пароходом, проходившим за три мили на невидимом море. Когда голоса разговаривавших в лодке замолкали, не слышалось ни

малейшего звука, кроме легкого шума, производимого длинными веслами лодочников, тихо толкавших лодку по гладкой воде. Суэта и шум, казалось, остались позади на земле. Тишина была очаровательна: восхитительное смешение нежной чистоты неба и светлого спокойствия на озере.

Сидя весьма удобно в лодке, майор с дочерью, с одной стороны, пастор с матерью с другой, Аллэн с Педгифтом между ними, общество спокойно плыло к маленьким островкам в конце озера. Мисс Мильрой была в восторге, Аллэн в восхищении, и майор раз в жизни забыл свои часы. Все чувствовали по-своему и различным образом спокойствие и красоту этой сцены. Миссис Пентикост чувствовала это, как ясновидящая, с закрытыми глазами.

— Оглянитесь назад, мистер Армадэль, — сказал молодой Педгифт. — Мне кажется, пастор начинает наслаждаться.

Необыкновенное одушевление виделось в эту минуту в поведении пастора. Он поворачивал голову из стороны в сторону, как птица, прокашливался и с кротким интересом смотрел на общество. По-видимому, для этого превосходного человека приходить в хорошее расположение духа было точно то же, что всходить на кафедру.

— Даже в этой спокойной сцене, — сказал мистер Сэмюэль, принося свою первую дань обществу в виде замечания, — душа христианина увлекается, так сказать, от одной крайности к другой и не помнит о непостоянном свойстве всех земных удовольствий. Что, если эта тишина не продолжится? Что, если поднимется ветер и вода начнет волноваться?

— Вам нечего этого бояться, сэр, — сказал младший Педгифт. — Здесь июнь самое лучшее время года, и притом вы умеете плавать.

Миссис Пентикост (месмерически привлеченная, по всей вероятности, близким соседством сына) вдруг раскрыла глаза и спросила со своей обыкновенной поспешностью:

— Что говорит мой сын?

Пастор Сэмюэль повторил свои слова тоном, приличествовавшим недугу его матери. Старушка одобрительно кивнула и продолжала мысль своего сына.

— Ах! — сказала миссис Пентикост с необычайным облегчением. — Господь управляет вихрями и бурей!

— Благородные слова! — сказал пастор Сэмюэль. — Благородные и утешительные слова!

— Если он будет продолжать таким образом, что мы будем делать? — шепнул Аллэн.

— Я говорила вам, папа, что их опасно приглашать, — прибавила шепотом миссис Мильрой.

— Милая моя, — возразил майор, — мы никого другого не знаем здесь, и так как мистер Армадэль был так добр, что просил нас пригласить наших друзей, то что же мы могли сделать?

— Мы не можем опрокинуть лодку, — заметил младший Педгифт с сардонической серьезностью. — К несчастью, это спасательная лодка. Не могу ли я посоветовать закрыть рот господину пастору чем-нибудь съестным, мистер Армадэль? Почти три часа. Что вы скажете? Не велеть ли подавать обед, сэр?

Никогда никто не был так на своем месте, как Педгифт-младший на пикнике. Через десять минут лодка остановилась между тростником. Торп-эмброзские корзины были распакованы, и поток красноречия пастора был остановлен на целый день.

Как неопределимо важны по своим нравственным результатам — и следовательно, как достохвальны сами по себе — еда и питье! Общественные добродетели сосредоточиваются в желудке. Человек, который не бывает лучшим мужем, отцом и братом после обеда, чем до обеда, — неизлечимо порочный человек. Какие скрытые прелести характера обнаруживаются, какие спящие любезности пробуждаются, когда люди собираются вместе насладиться обедом! Когда открылись корзинки из Торп-Эмброза, приятное общение (отрасль счастливого союза цивилизации и миссис Гриппер) распространилось между обществом и превратило в содружество враждебные элементы, из которых это общество до сих пор было составлено. Пастор Пентикост доказал наконец, что он может сделать что-нибудь, показав, как он может есть. Педгифт-младший засиял ярче прежнего насмешливым юмором и находчивостью. Сквайр и его очаровательная гостья выказали тройную связь между искрометным шампанским, любовью, которая делается смелее, и глазами, в словаре которых не стоит слова «нет». Веселое старое время вернулось на память майору, и веселые истории, не рассказываемые уже много лет, полились с губ майора. Миссис Пентикост со всей силой своего почтенного материнского

чувства схватила лишнюю вилку и этим полезным инструментом выбирала лучшие куски и накладывала их на тарелку пастора Сэмюэля.

— Не смейтесь над моим сыном! — вскричала старушка, заметив веселость, возбуждаемую в обществе ее поступком. — Это моя вина, бедняжка! Я заставляю его есть.

В свете встречаются люди, которые, видя подобные добродетели, обнаруживаемые за столом так, как они не обнаруживаются нигде, могут, несмотря на это, пользоваться блестящей привилегией обедать в застегнутом жилете и в зашнурованном корсете! Не доверяйте подобному чудовищу ваши нежные тайны, вашу любовь и ненависть, ваши надежды и опасения. Его сердце не праведно, как его желудок, и в нем нет общественных добродетелей.

Последние теплые часы дня и первый прохладный ветерок длинного летнего вечера встретились, прежде чем поставлены были на стол последние кушанья и осушены бутылки. Общество лениво смотрело на Педгифта-младшего, чтобы узнать, что теперь следует делать. Этот неистощимый собеседник был готов на все. Он уже приготовил новое удовольствие, прежде чем его успели спросить, в чем будет состоять это удовольствие.

— Вы любите музыку на воде, мисс Мильрой? — спросил он самым приятным тоном.

Мисс Мильрой обожала музыку и на воде, и на земле, за исключением того, когда она сама играла у себя дома на фортепьяно.

— Мы прежде выедем из тростника, — сказал молодой Педгифт.

Он отдал приказание лодочникам, исчез в маленькой каюте и появился с концертиной ^[13] в руке.

— Не правда ли, красиво, мисс Мильрой? — спросил он, указывая на начальные буквы своего имени, выложенные на инструменте перламутром. — Меня зовут Август, как моего отца. Некоторые из моих друзей выпускают "А" и зовут Густ-младший. Небольшая шутка далеко распространяется между друзьями, не правда ли, мистер Армадэль? Я пою немного, аккомпанируя сам себе, милостивые государыни и государи, и, если это будет вам приятно, я буду и горд и счастлив спеть, как умею.

— Пойдите! — сказала миссис Пентикост. — Я обожаю музыку.

С этим страшным предупреждением старая дама раскрыла огромный мешок, с которым она не расставалась ни день, ни ночь, и вынула старинный слуховой рожок.

— Я не люблю употреблять эту вещь, — объяснила миссис Пентикост. — Я боюсь, что это увеличивает мою глухоту, но я не хочу пропустить музыку. Я обожаю музыку. Если ты поддержишь другой конец, Сэмми, я воткну его в ухо. Нили, душа моя, скажите ему, чтобы он начал.

Молодой Педгифт не страдал застенчивостью, он тотчас начал не легкой и современной песнью, как можно было ожидать от любителя его лет и характера, но патриотическими стихами, положенными на смелую и громогласную музыку, которые англичане очень любили и нервную половину нынешнего столетия.

— Скажите мне, когда вам надоест, милостивые государыни и государи, — сказал менестрель-хорист. — Во мне нет тщеславия. Не хотите ли чего-нибудь сентиментального для разнообразия?

Спев слушателям две веселые мелодии, молодой Педгифт почтительно просил все общество последовать его примеру, предлагая аккомпанировать экспромтом.

— Продолжайте кто-нибудь! — закричала миссис Пентикост. — Повторяю вам, я обожаю музыку. Для нас этого мало, не так ли, Сэмми?

Пастор Сэмюэль не отвечал. Несчастный имел свои причины, не в груди, а несколько ниже, чтобы молчать среди всеобщей веселости и всеобщих похвал. Увы! Даже материнская любовь подлежит человеческим недостаткам. Будучи уже обязан своей превосходной матери, пастор Сэмюэль был теперь ей обязан расстройством желудка.

Однако никто еще не заметил признаков внутреннего переворота на лице пастора. Все упрашивали друг друга петь. Мисс Мильрой обратилась к хозяину праздника.

— Спойте что-нибудь, мистер Армадэль, — сказала она. — Мне было бы приятно послушать вас.

— Только начинайте, — прибавил веселый Педгифт. — Вы увидите, как вам легко будет продолжать.

— Очень рад, — сказал Аллэн со своим обыкновенным добродушием. — Я знаю множество мелодий, но вечно забываю

слова. Не знаю, вспомню ли я Мурову мелодию? Моя бедная матушка любила учить меня Муровым мелодиям, когда я был мальчиком.

— Чьим мелодиям? — спросила миссис Пентикост. — Муровым? Ага! Я знаю наизусть Тома Мура.

— Может быть, в таком случае вы поможете, если память изменит мне, — отвечал Аллэн. — Я выберу самую легкую мелодию во всей коллекции. Если вы позволите мне, «Беседка Эвелины».

— Мне знакомы национальные мелодии английские, шотландские и ирландские, — сказал Педгифт-младший. — Я буду аккомпанировать вам, сэр, с величайшим удовольствием.

Он сел верхом на крышу каюты и начал музыкальную импровизацию, изумительную для слуха — смесь плясового напева с похоронным.

— Начинайте же, сэр! — сказал Педгифт-младший с самоуверенной улыбкой.

Миссис Пентикост подняла свой рожок, а Аллэн запел:

— О! Плачь о том часе, когда в беседку Эвелины...

Аллэн остановился, аккомпанемент остановился, слушатели ждали.

— Странно! — сказал Аллэн. — Следующая строчка так и вертится у меня на языке, а вспомнить не могу. Я опять начну, если вы позволите. О! Плачь о том часе, когда в беседку Эвелины...

— Владелец долины с ложными обетами вошел, — подсказала миссис Пентикост.

— Благодарю вас, — сказал Аллэн. — Теперь я буду продолжать. О! Плачь о том часе, когда в беседку Эвелины владелец долины с ложными обетами вошел. Луна ярко сияла...

— Нет, — перебила миссис Пентикост.

— Извините, так, — возразил Аллэн. — Луна сияла ярко...

— Луна ничего подобного не делала, — перебила миссис Пентикост.

Педгифт-младший, предвидя спор, продолжал аккомпанировать *sotto voce*.

— Собственные слова Мура, — сказал Аллэн. — Так написано в тетради моей матери, где списаны стихи Мура.

— В тетради вашей матери были ошибки, — возразила миссис Пентикост. — Ведь я вам говорила, что наизусть знаю Тома Мура.

Миротворная концертина Педгифта-младшего все пела и стонала в минорном тоне.

— Что же делала луна? — с отчаянием спросил Аллэн.

— То, что луна должна была делать, сэр, или Том Мур никогда не написал бы этого, — возразила миссис Пентикост. — Луна скрыла свой свет в эту ночь и плакала за облаками над стыдом девицы! Я желала бы, чтобы этот молодой человек перестал играть, — прибавила миссис Пентикост, выливая свое возрастающее негодование на Густа-младшего. — Уж для меня довольно его музыки: он прожужжал мне уши.

— Я очень этим горжусь, — сказал незастенчивый Педгифт. — Вся наука музыки состоит в том, чтобы жужжать в ушах.

— Чем прибегать к аргументам, — спокойно сказал майор Мильрой, — не лучше ли мистеру Армадэлю продолжать петь?

— Продолжайте, мистер Армадэль, — прибавила дочь майора. — Продолжайте, мистер Педгифт.

— Один не знает слов, другой не знает музыки, — сказала миссис Пентикост. — Пусть их продолжают, если могут.

— Очень жалею, что не оправдываю ваших ожиданий, — сказал Педгифт-младший. — Я готов продолжать. Ну, мистер Армадэль!

Аллэн раскрыл рот, чтобы продолжать неконченную песню с того места, где он остановился, но вдруг пастор вскочил, весь бледный, судорожно прижимая руку к средней части жилета.

— Что такое с вами? — спросило хором все общество.

— Я чрезвычайно нездоров, — сказал пастор Сэмюэль.

На лодке поднялась суматоха. «Беседка Эвелины» замерла на губах Аллэна, и даже концертина Педгифта замолкла наконец. Тревога оказалась бесполезной. Сын миссис Пентикост имел мать, а у этой матери был мешок. В две минуты медицинское искусство заняло место, оставленное вакантным во внимании публики музыкальным искусством.

— Потри потихоньку, Сэмми, — сказала миссис Пентикост. — Я выну склянку и дам тебе лекарство. Это его бедный желудок, майор. Подержите кто-нибудь мой рожок и остановите лодку. Нили, душечка, возьмите эту склянку, а вы эту, мистер Армадэль, и подайте мне, когда они мне понадобятся. Ах, бедняжка! Я знаю, что с ним: недостаток силы. Здесь, майор, холод, кислота, слабость. Инбирь согревает его,

сода поправляет, летучая соль подкрепляет. Вот, Сэмми, выпей, а потом поди и ляг, друг мой, в этой конуре, которую называют каютой. Не надо больше музыки, — прибавила миссис Пентикост, грозя пальцем владельцу концертины. — Разве гимн. На это я согласна.

Никто не казался расположен петь гимн, и находчивый Педгифт предложил новую идею. Лодка переменяла направление, через несколько минут общество очутилось в маленьком заливе у острова, на конце которого была уединенная хижина, целый лес тростника замыкал вид вокруг.

— Что вы скажете, милостивые государыни и милостивые государи, не выйти ли на берег и не посмотреть ли на эту хижину? — спросил молодой Педгифт.

— Мы, разумеется, согласны, — отвечал Аллэн. — Я думаю, что мы несколько приуныли от болезни мистера Пентикоста и мешка миссис Пентикост, — прибавил он шепотом мисс Мильрой. — Нам именно нужна перемена такого рода.

Он и молодой Педгифт помогли мисс Мильрой выйти из лодки, потом вышел майор. Миссис Пентикост сидела неподвижно, как египетский сфинкс, с мешком на коленях и стерегла Сэмми в каюте.

— Мы должны еще продолжить наши удовольствия, сэр, — сказал Аллэн, помогая майору сойти из лодки. — Мы еще и вполовину не кончили удовольствий этого дня.

Его голос придавал такую прекрасную искреннюю уверенность его добрым намерениям, что даже миссис Пентикост услышала его и покачала головой зловещим образом.

— Ах! — сказала со вздохом мать пастора. — Если бы вы были так стары, как я, вы не были бы так уверены в удовольствиях этого дня.

Опрометчивость молодости останавливала осторожная старость. Отрицательное воззрение, самое здоровое во всем свете, и пентикостская философия вообще всегда бывает права.

Глава IX. СУДЬБА ИЛИ СЛУЧАЙ

Было около шести часов, когда Аллэн и его друзья вышли из лодки, и вечернее влияние уже проявлялось в своей таинственности и тишине над уединенными озерами.

Берег в этих диких областях не походил ни на какие другие берега. Земля в саду перед коттеджем, как ни казалась тверда на вид, подавалась и просачивалась под ногами. Лодочники, провожавшие приезжих, предостерегали их, чтобы они не сходили с тропинки, и указали сквозь просеки тростника и ив на травянистые места, где земля не могла выдержать даже тяжесть ребенка над неизведанной глубиной тины и воды. Уединенный коттедж, выстроенный из засмоленных досок, стоял на земле, укрепленный сваями. Маленькая деревянная башня возвышалась на кровле и служила для наблюдений в сезон охоты за птицами. От этого возвышения взору представлялось Далекое пространство воды и болот. Если бы житель этого коттеджа Лишился своей лодки, он был бы отрезан от всяких сообщений с городом или деревней, как будто его жилище было маяком, а не коттеджем. Ни хозяин, ни его семейство не жаловались на свое одиночество и не казались ни грубее и ни злее от этого. Жена его гостеприимно приняла посетителей в уютной комнатке с бревенчатым потолком и окнами, походившими на окна в каюте корабля. Отец его жены рассказал о тех далеких днях, когда контрабандисты приезжали с моря по ночам, гребя по сети рек обернутыми тряпками веслами, пока не добирались до озер, и прятали в воде бочки со спиртом подальше от береговой стражи. Его маленькие дети играли в гулячки с посетителями, а посетители то входили в коттедж, то выходили из коттеджа, удивляясь и восхищаясь новизной всего виденного ими. Единственный человек, заметивший позднее время, единственный человек, подумавший об улетающем времени и о Пентикостах, оставшихся в лодке, был молодой Педгифт. Этот опытный лоцман Бродсов посмотрел на часы и отвел Аллэна в сторону при первом удобном случае.

— Я не желаю торопить вас, мистер Армадэль, — сказал Педгифт-младший, — но время уходит, а дело идет о даме.

— О даме? — повторил Аллэн.

— Да, сэр, — подтвердил молодой Педгифт. — О даме из Лондона, которая должна приехать в кабриолете, запряженном пони с белой упряжью.

— Боже! Гувернантка! — вскричал Аллэн. — Мы совсем о ней забыли!

— Не пугайтесь, сэр. Времени довольно, если только мы опять сядем в лодку. Мистер Армадэль, мы решили, если вы помните, пить чай на следующем озере у Герля Мира?

— Конечно, отвечал Аллэн. — Герль Мир — то место, куда друг мой Мидуинтер обещал приехать к нам навстречу.

— К Герлю Миру приедет гувернантка, сэр, если ваш кучер исполнит мои распоряжения, — продолжал молодой Педгифт. — Нам придется пробираться час между извилинами и поворотами узкого пролива, который называют здесь Зундом, до Герля Мира, и, по моим расчетам, мы должны быть в лодке через пять минут, чтобы успеть вовремя и съехаться с гувернанткой и вашим другом.

— Мы никак не должны разъехаться с нашим другом, — сказал Аллэн, — и с гувернанткой также, разумеется. Я скажу майору.

Майор Мильрой приготовлялся к эту минуту влезть на деревянную башню посмотреть на вид. Всегда полезный Педгифт вызвался идти с ним и дать все необходимые местные объяснения в половину того времени, которое употребил бы хозяин коттеджа на описание своих окрестностей постороннему.

Аллэн остался перед коттеджем, спокойнее и задумчивее обыкновенного. Его разговор с молодым Педгифтом напомнил ему отсутствующего друга в первый раз во время этой поездки. Аллэн удивился, что Мидуинтер, о котором он так много думал всегда, теперь совсем вышел у него из памяти. Что-то взволновало Аллэна, подобно упреку совести, когда его мысли обратились к верному другу, оставшемуся дома и прилежно трудящемуся над управительскими книгами для его интересов и для него.

«Милый товарищ, — думал Аллэн. — Я так буду рад видеть его в Мире. Удовольствие этого дня не будет полно, пока он не присоединится к нам!»

— Ошибусь я или нет, мистер Армадэль, если угадаю, что вы думаете о ком-то? — тихо спросил голос позади Аллэна.

Он обернулся и увидел возле себя дочь майора. Мисс Мильрой, не забыв нежного свидания, происходившего за коляской, заметила своего поклонника, задумчиво стоящего одного, и решила доставить ему новый случай, пока ее отец и молодой Педгифт стояли на башне.

— Вы знаете все, — отвечал Аллэн, улыбаясь. — Я думал о ком-то.

Мисс Мильрой украдкой посмотрела на него: взгляд ее ободрял его говорить. В голове мистера Армадэля могло быть только одно существо после того, что произошло между ними в то утро. Воротить его к прерванному разговору об именах будет истинным милосердием.

— Я тоже думала о ком-то, — сказала миссис Мильрой, и вызывая, и отталкивая признание. — Если я скажу вам первую букву имени моего кого-то, вы мне скажете первую букву вашего?

— Я скажу вам все, что вам угодно, — отвечал Аллэн с энтузиазмом.

Она кокетливо отступала от того самого предмета, к которому желала приблизиться.

— Скажите мне прежде вашу букву, — сказала она тихо, не смотря на него.

Аллэн засмеялся.

— Моя первая буква "М", — сказал он.

Она вздрогнула. Страшно было, что он думал о ней по фамилии, а не по имени, но это было все равно, если только он думал о ней.

— А ваша буква? — спросил Аллэн.

Она покраснела и улыбнулась.

— "А", если уж вы непременно хотите знать! — отвечала она шепотом и неохотно.

Она еще раз украдкой посмотрела на него и с наслаждением откладывала блаженство признания.

— Сколько слогов в этом имени? — спросила она, застенчиво чертя узоры по песку своим зонтиком.

Никакой мужчина, хоть сколько-нибудь знающий женщин, не был бы так опрометчив в положении Аллэна, чтобы сказать ей правду. Аллэн, не знавший совершенно женской природы и говоривший правду, сплошь да рядом отвечал, точно на допросе в суде:

— Это имя состоит из четырех слогов.

Потупленные глаза мисс Мильрой сверкнули на него, как молния.
— Из трех! — повторила она с изумлением.

Аллэн был так простодушен, что даже теперь не понял предостережения.

— Я знаю, что я не мастер различать слоги, — сказал он со своим добродушным смехом, — но не думаю, чтобы я ошибался, разделяя имя Мидуинтера на четыре слога. Я думал о моем друге... Но оставим мои мысли. Скажите мне, кто "А". Скажите мне, о ком думали вы?

— О первой букве в азбуке, мистер Армадэль, и я решительно не скажу вам ничего больше.

С этим уничтожающим ответом дочь майора ушла к лодке.

Аллэн окаменел от изумления. Если бы мисс Мильрой дала ему пощечину (и нельзя отрицать, что она мысленно имела это намерение), он едва был бы больше изумлен.

«Что такое я сделал? — спрашивал он себя с отчаянием, когда майор и молодой Педгифт подошли к нему и все трое отправились к берегу. — Желал бы я знать, что теперь она мне скажет».

Она не сказала решительно ничего, она даже не взглянула на Аллэна, когда он садился в лодку. Она сидела, с глазами, более блестящими, и с румянцем, более ярким, чем обыкновенно, принимая глубокое участие в выздоровлении пастора, в расположении духа миссис Пентикост, в Педгифте-младшем, которому она дала место возле себя, в местоположении, во всех и во всем, кроме Аллэна, за которого она вышла бы замуж с чрезвычайным удовольствием пять минут назад.

«Я никогда не прощу ему, — думала дочь майора. — Думать об этом гадком грубияне, когда я думала о нем, и чуть было не заставить меня признаться, прежде чем я узнала, каков он! Слава Богу, мистер Педгифт сидит в лодке!»

В таком расположении духа мисс Нили принялась очаровывать Педгифта и приводить в отчаяние Аллэна.

— О, мистер Педгифт! Как вы добры, что вздумали показать нам этот миленький коттедж! Вы находите, что он похож на пустыню, мистер Армадэль? Я совсем этого не нахожу, мне очень хотелось бы жить здесь. Что был бы этот пикник без вас, мистер Педгифт? Вы не можете себе представить, как мне было весело, с тех пор как мы сели в лодку. Холодно, мистер Армадэль? Как вы можете это говорить!

Это самый теплый вечер из всего лета. Л музыка, мистер Педгифт! Как вы хорошо сделали, что взяли вашу концертину! Желала бы я знать, могу ли я аккомпанировать вам на фортепьяно? Мне так хотелось бы попробовать. И вы, мистер Армадэль, наверно, поете хорошо, когда знаете слова, но, сказать вам по правде, я терпеть не могу Муровы мелодии!

Таким образом, с безжалостной скоростью мисс Мильрой действовала острым женским орудием — языком и продолжала бы действовать долее, если бы Аллэн выказал необходимую ревность или Педгифт подал малейшее поощрение. Но злая судьба определила, чтобы мисс Мильрой выбрала своими жертвами двух мужчин, совершенно неприступных при существующих обстоятельствах, Аллэн так был несведущ в женских хитростях и капризах, что не понимал ничего, кроме того, что очаровательная Нили безрассудно сердилась на него без всякой причины. Осторожный Педгифт — как и следует умному молодому человеку своего поколения — подчинился женскому влиянию, не упуская из виду своих интересов все время. Много молодых людей прошлого столетия, неглупых, пожертвовали всем для любви. Ни один молодой человек из десяти тысяч настоящего поколения, кроме глупцов, не пожертвовал и полпенни. Дочери Евы все еще наследуют достоинства и проступки своей матери, но сыновья Адама в это последнее время способны бросить назад знаменитое яблоко с поклоном и со словами: «Нет, благодарю, оно может ввести меня в беду». Когда Аллэн, удивленный и разочарованный, отошел от мисс Мильрой на переднюю часть лодки, Педгифт-младший встал и пошел за ним.

«Вы премиленькая девушка, — думал этот дальновидный и умный молодой человек, — но клиент все-таки клиент, и мне жаль сообщить нам, мисс, что это не годится». Он тотчас принялся развлекать Аллэна, обратив его внимание на новый предмет. Осенью на озерах будут гонки судов, и мнение его клиента, как владельца яхты, могло быть важно для комитета.

— Это для вас должно быть нечто новое, сэр, — гонки судов на пресной воде, — сказал он вкрадчивым тоном.

Аллэн тотчас заинтересовался и отвечал:

— Совершенно новое. Пожалуйста, расскажите мне.

Что касается остального общества на другом конце лодки, то оно как будто хотело подтвердить сомнения миссис Пентикост относительно того, будет ли продолжаться удовольствие этого дня. Естественное чувство раздражения при обманутом ожидании, в которое повергла ее неловкость Аллена, перешло у мисс Мильрой теперь в безмолвную досаду от собственного чувства унижения и поражения. Майор впал в свою обычную задумчивость и рассеянность, его мысли однообразно вертелись с колесами его часов. Пастор все еще скрывал расстройство своего желудка от глаз публики в углублении каюты, а мать пастора с готовым лекарством сидела на страже у дверей. Женщины в летах миссис Пентикост и с ее характером вообще любят предаваться дурному расположению духа.

— Так вот что вы называете удовольствием! — говорила старушка, качая головой с кислой улыбкой. — Как глупы были мы все, что оставили наши спокойные дома!

Между тем лодка тихо плыла по извилинам водяного лабиринта, лежавшего между двумя озерами. Вид с каждой стороны теперь ограничивался только нескончаемыми рядами тростника. Не было слышно ни малейшего звука ни вблизи, ни вдали. Ни малейшего проблеска обработанной или обитаемой земли не виднелось нигде.

— Здесь немножко печально, мистер Армадэль, — сказал всегда веселый Педгифт. — Но мы сейчас выедем отсюда. Посмотрите сюда, сэр: вот Герль Мир.

Тростник расступился направо и налево, и лодка вдруг выехала в широкий круг воды. Около ближайшей половины круга вечный тростник еще окаймлял край воды. Вокруг дальней половины опять показалась земля — то печальными песочными холмами, то травянистым берегом. В одном месте земля была занята плантацией, в другом — строениями уединенного старого кирпичного дома, с дорожкой, шедшей около садовой стены и кончавшейся у воды. Солнце спускалось к горизонту на чистом небе, и вода, где отражение солнца не падало на нее, начала казаться черной и холодной. Уединение, бывшее успокоительным, тишина, казавшаяся очаровательной на другом озере при дневном свете, здесь наводили грусть и холод в безмолвии и меланхолии кончавшегося дня.

Лодку направляли через Мир к заливу, у травянистого берега. Две плоскодонные лодочки, употребляемые на Бродсах, лежали в заливе, и

люди, занимающиеся рубкой тростника, которым принадлежали эти лодки, удивляясь появлению посторонних, молча выглядывали из-за угла старой садовой стены. Никакого другого признака жизни не чувствовалось нигде. Жители Герля Мира не видали никакого экипажа. Ни мужчина, ни женщина не приближались к берегам Герля Мира в этот день.

Молодой Педгифт еще раз посмотрел на свои часы и обратился к мисс Мильрой.

— Может быть, вы увидите гувернантку, когда приедете в Торп-Эмброс, — сказал он, — но теперь вы уже не увидите ее здесь.

— Вы лучше знаете, мистер Армадэль, — прибавил он, обратившись к Аллэну, — можно ли положиться, что ваш друг сдержит слово.

— Я в этом уверен, — отвечал Аллэн, осматриваясь вокруг с видом обманутого ожидания, которое он не думал скрывать от присутствующих.

— Очень хорошо, — продолжал Педгифт-младший. — Если мы разведем огонь для чая на открытом месте здесь, ваш друг найдет нас по дыму. Это индейский способ отыскивать человека в степи, мисс Мильрой, а здесь почти так же дико, как и в степи.

Есть искушения, особенно небольшие, против которых никак не может устоять женская натура. Искушение направить всю силу своего влияния, как единственной молодой девушки во всем обществе, чтобы расстроить намерение Аллэна встретиться с его другом, было слишком сильным для дочери майора. Она бросила на улыбающегося Педгифта взгляд, который должен был бы поразить его, но кто когда поражал нотариуса?

— Я нахожу, что это самое пустынное, самое скучное и самое отвратительное место, какое только случалось мне видеть! — сказала мисс Нили. — Если вы непременно хотите делать здесь чай, мистер Педгифт, для меня не делайте. Пет, я останусь в лодке, и, хотя решительно умираю от жажды, я не дотронусь ни до чего, пока мы не вернемся к другому озеру.

Майор раскрыл губы, чтобы возражать, к неописуемому восторгу его дочери. Миссис Пентикост встала со своего места, прежде чем он успел сказать слово, и, осмотрев всю перспективу и не видя нигде экипажей, спросила с негодованием: «Неужели они вернуться опять к

тому самому месту, где они оставили экипажи?» Узнав, что именно это и предложено и что по свойству местности экипажи не могли приехать к Герлю Миру, не вернувшись опять назад в Торп-Эмброз, миссис Пентикост, имея в виду интересы сына, тотчас объявила, что никакая власть на свете не заставит ее остаться на воде после сумерек.

— Кликните мне лодку! — закричала старушка в сильном волнении. — Где есть вода, там есть и ночной туман, а где есть ночной туман, там сын мой Самюэль простужается. Не говорите мне о лунном сиянии и о чае, вы сошли с ума! Эй! Вы, двое! — закричала миссис Пентикост безмолвным людям на берегу. — По шести песов каждому из вас, если вы отвезете меня и моего сына назад.

Прежде чем Педгифт успел вмешаться, Аллэн сам решил затруднение с терпением и добродушием.

— Я никак не могу допустить, миссис Пентикост, чтобы вы вернулись в какой-нибудь другой лодке, а не в той в которой вы приехали, сказал он. — Нет никакой необходимости, так как вам и мисс Мильрой не нравится это место, чтобы кто-нибудь сходил на берег, кроме меня. Я должен выйти. Друг мой Мидуинтер никогда еще не нарушал данного мне слова, и я не могу оставить Герль Мир, пока есть возможность видеть его здесь. Но нет никакого повода, чтобы я мешал вам по этой причине. С вами поедут майор и мистер Педгифт, и вы можете возвратиться к экипажам до сумерек, если поедете сейчас. Я подожду здесь с полчаса, а потом приеду к вам в лодке этих людей.

— Вы ничего умнее не говорили сегодня, мистер Армадэль, — сказала миссис Пентикост, садясь с поспешностью. — Скажите же им, чтобы поторопились! — закричала старушка, грозя лодочникам кулаком. — Скажите им, чтобы они поторопились!

Аллэн отдал необходимые приказания и вышел на берег. Осторожный Педгифт хотел идти за ним.

— Мы не можем оставить вас здесь одного, сэр, — сказал он шепотом. — Майор поедет с дамами, а мне позвольте остаться с вами в Мире.

— Нет, нет! — сказал Аллэн. — На лодке все не в духе. Если вы хотите услужить мне, останьтесь с ними и употребите все силы, чтобы развеселить их.

Он махнул рукой, и гребцы оттолкнули лодку от берега. Все также замахали руками, кроме дочери майора, которая сидела поодаль от других, закрывая лицо зонтиком. Крупные слезы выступили на глазах Нили. Ее гнев против Аллена прошел, и сердце ее с раскаянием стремилось к нему с той минуты, как он вышел из лодки.

«Как он добр ко всем нам! — думала она. — А какая я злая!»

Все великодушные чувства ее натуры побуждали ее заглядеть перед ним свою вину. Она встала, не обращая внимания на приличия, и посмотрела ему вслед с раскрасневшимися щеками, между тем как он один стоял на берегу.

— Не долго оставайтесь, мистер Армадэль! — сказала она с отчаянным невниманием к тому, что подумает о ней остальное общество.

Лодка отъехала уже далеко, и при всей решимости Нили эти слова были сказаны тихим голосом, который не дошел до ушей Аллена. Единственный звук, слышанный им, когда лодка доехала до противоположной оконечности Мира и медленно исчезла за тростником, был звук концертины. Неутомимый Педгифт поддерживал веселость общества, очевидно подчинившись влиянию миссис Пентикост, разыгрывая священную мелодию.

Оставшись один, Аллен закурил сигару и прошелся по берегу взад и вперед.

«Она могла сказать мне слово на прощание, — думал он. — Я все устроил к лучшему, я почти сказал ей, как к ней привязан. А она вот каким образом обращается со мною!»

Он остановился и рассеянно смотрел на заходящее солнце и на темнеющую воду Мира. Какое-то неуловимое чувство в этот миг украдкой прокралось в его душу и отвлекло от мысли от мисс Мильрой к его отсутствующему другу. Он вздрогнул и" осмотрелся вокруг.

Жители Мира ушли за угол стены, не было видно ни одного живого существа, ни малейшего звука не раздавалось на всем этом печальном берегу. Даже Аллен пришел в уныние. Прошло уже больше часа после того времени, когда Мидуинтер обещал быть в Герле Мире. Он хотел прийти пешком, взяв в проводники конюха из Торп-Эмброза, по переулкам и тропинкам, укорачивавшим расстояние. Конюх знал местность хорошо, и Мидуинтер обыкновенно был аккуратен в своих

обещаниях. Не случилось ли чего в Торп-Эмброзе? Решившись не оставаться долее в сомнении и бездействии, Аллэн вздумал идти пешком из Мира, надеясь встретить своего друга. Он тотчас обошел угол стены и попросил хозяина коттеджа показать ему дорогу к Торп-Эмброзу. Этот человек свел Аллэна с дороги и указал на едва приметную просеку в деревьях плантации. Бросив еще несколько бесполезных взглядов вокруг, Аллэн повернулся спиной к Миру и направился к деревьям.

Несколько шагов тропинка шла через плантацию, потом она вдруг повернула, вода и открытая местность скрылись из глаз. Аллэн все шел по травянистой тропинке, не видя и не слыша ничего, пока не дошел до другого поворота тропинки. Повернув по новому направлению, он увидел человеческую фигуру, сидящую под деревом. Сделав ближе два шага, он узнал знакомое лицо.

— Мидуинтер! — воскликнул он с удивлением. — Я не здесь должен был вас встретить. Чего вы ждете здесь?

Мидуинтер встал, ничего не отвечая. Вечерние сумерки между деревьями, скрывавшие его лицо, делали его молчание вдвое странным. Аллэн продолжал его расспрашивать:

— Вы одни сюда пришли? Я думал, что вас будет провожать конюх.

На этот раз Мидуинтер отвечал:

— Когда мы дошли до этих деревьев, я отослал конюха назад. Он сказал мне, что назначенное место близко и я заблудиться не могу.

— Зачем вы остались здесь, когда он ушел? — продолжал Аллэн. — Зачем вы не пошли дальше?

— Не презирайте меня, — отвечал Мидуинтер. — У меня не хватило мужества.

— Не хватило мужества? — повторил Аллэн.

Он помолчал с минуту.

— О! Я знаю, — продолжал он весело, положив руку на плечо Мидуинтера, — вы все еще дичитесь Мильросв. Какие пустяки, когда я сам сказал вам, что в коттедже с вами помирились.

— Я не думал, Аллэн, о ваших друзьях в коттедже. Дело в том, что я сам не свой сегодня, я нездоров и расстроен нервами, безделица пугает меня.

Он остановился и задрожал от тревожной пронизательности взгляда Аллэна.

— Если вы хотите знать, — сказал он вдруг — ужас той ночи на корабле опять овладел мною, в голове моей страшное смятение, в сердце страшная тоска. Я боюсь, как бы с вами не случилось чего-нибудь, если мы не расстанемся, пока не пройдет этот день. Я не могу нарушить обещания, данного вам. Ради Бога, освободите меня от него и отпустите назад.

Отговаривать Мидуинтера в эту минуту было совершенно бесполезно. Аллэн исполнил его прихоть.

— Выйдем из этого темного и душного места, — сказал Аллэн, — и мы поговорим. Вода и открытое небо в десяти шагах от нас. Я ненавижу лес вечером, даже на меня он наводит ужас. Вы чересчур заработались над управительскими книгами. Пойдемте и вздохните свободно на открытом воздухе Мидуинтер подумал с минуту и вдруг покорился.

— Вы правы, — сказал он, — а я по обыкновению не прав. Я теряю время и расстраиваю вас без всякой надобности. Какая глупость просить вас отпустить меня? Положим, вы сказали бы «да»?

— Ну? — спросил Аллэн.

— Ну, — повторил Мидуинтер, — а что-нибудь остановило бы меня с первого шага, вот и все. Пойдемте.

Они пошли молча к Миру. При последнем повороте тропинки сигара Аллэна погасла. Потом он остановился опять зажечь ее, Мидуинтер пошел "перед и первый вышел на открытую местность. Аллэн только что зажег спичку, когда, к удивлению его, друг его вернулся к нему. Света было довольно, чтобы показывать предметы яснее в этой части плантации. Спичка выпала из руки Аллэна, когда Мидуинтер подошел к нему.

— Великий Боже! — вскричал он, отступая назад. — У вас такой вид, какой был на корабле!

Мидуинтер молча поднял руку. Он заговорил, дико устремив глаза на лицо Аллэна и приложившись своими белыми губами к его уху.

— Вы помните, какой я имел вид, — отвечал он шепотом, — а помните ли, что я сказал, когда вы и доктор разговаривали о сне?

— Я забыл этот сон, — сказал Аллэн.

Когда он дал этот ответ, Мидуинтер взял его за руку и повел к повороту тропинки.

— Теперь помните? — спросил он указывая на Мир.

Солнце закатывалось на безоблачном западном небе.

Вода Мира была окрашена пурпуром погасающего света. Открытая местность расстилалась направо и налево, уже покрытая печальной темнотой. На ближайшем краю озера, где прежде всего было пустынно, стояла теперь прямо против заходящего солнца фигура женщины.

Оба Армадэля стояли молча и смотрели на одинокую фигуру и на печальный вид.

Мидуинтер заговорил первый:

— Ваши собственные глаза это видели, теперь посмотрите на ваши собственные слова.

Он подал Аллэну описание сновидения, указывая пальцем на строчки, в которых рассказывалось первое видение. Голос его все понижался, когда он повторил слова:

— "Мне показалось, что я остался один в темноте. Я ждал.

Темнота раскрылась и показала мне видение, как в картине: широкий, уединенный пруд, окруженный открытой местностью. Над дальним краем пруда я увидел безоблачное западное небо, покрасневшее от заходящего солнца.

На ближнем краю пруда стояла тень женщины".

Он замолчал, опустил руку, державшую рукопись. Другая рука указывала на одинокую фигуру, стоявшую спиной к ним, напротив заходящего солнца.

— Тут стоит живая женщина вместо тени, — сказал он. — Это первое предостережение сна вам и мне! Пусть в будущий раз мы будем стоять вместе, а вторая фигура, которая будет стоять вместо тени, будет моя.

Даже Аллэна заставило молчать странное убеждение, с которым он говорил.

Во время наступившего молчания женская фигура двинулась и медленно пошла по берегу. Аллэн вышел из-за деревьев, и первый предмет, представившийся его глазам, был кабриолет из Торп-Эмброза. Он обернулся к Мидуинтеру, засмеявшись с облегчением.

— Какого вздора наговорили вы! — сказал он. — И какой вздор слушал я! Это гувернантка наконец!

Мидуинтер не отвечал. Аллэн взял его за руку и хотел вести. Он вдруг вырвался и схватил Аллэна обеими руками, не пуская его к женской фигуре у озера, как он не пускал его в каюту корабля. Опять усилие было напрасно, опять Аллэн вырвался так же легко, как и в первый раз.

— Один из нас должен поговорить с ней, — сказал он. — И если вы не хотите, то заговорю я.

Только что он сделал несколько шагов к озеру, как услышал или ему послышался голос, слабо сказавший ему вслед раз, один только раз, слово «прощайте». Он остановился с чувством тревожного удивления и оглянулся.

— Это вы, Мидуинтер? — спросил он.

Ответа не было. Поколебавшись еще с минуту, Аллэн вернулся к плантации. Мидуинтер ушел. Аллэн оглянулся на озеро, не зная при этом новом непредвиденном случае, что ему делать. Одинокая фигура переменила между тем направление своей прогулки. Она повернулась и шла к деревьям. Она, очевидно, или увидела, или услышала Аллэна. Невозможно было оставить женщину одну в таком неприятном положении и в таком уединенном месте. Во второй раз Аллэн вышел из деревьев навстречу ей.

Когда он подошел так близко, что мог увидеть ее лицо, он остановился в непреодолимом удивлении. Ее красота, когда она, улыбаясь, посмотрела на него вопросительно заставила его остановиться и слова замереть на губах. Им овладело сомнение: гувернантка ли это?

Он опомнился и, сделав несколько шагов вперед, назвал свое имя.

— Могу я спросить, прибавил он, — не имею ли я удовольствие?..

Дама свободно и любезно dokonчила его вопрос.

— Гувернантка дочери майора Мильроя, — сказала она, — мисс Гуильт.

Глава X. ПРЕДЧУВСТВИЕ СЛУЖАНКИ

Между тем в Торп-Эмброзе все было тихо и спокойно. В холле было пустынно, в комнатах темно. В ожидании часа вечерней трапезы слуги собрались в саду за домом и, скучая, поглядывали на ясное небо и восходящую луну. Все соглашались, что мало было надежды на возвращение компании с пикника до наступления ночи. Высказанное таким высоким авторитетом, как повар, и принятое всеми мнение заключалось в том, что все они могут спокойно сесть и поужинать, нисколько не опасаясь, что трапеза будет прервана звонком. Придя к этому заключению, слуги собрались вокруг стола, и именно в тот момент, когда все уселись, зазвонил звонок.

Швейцар, в недоумении поднявшийся наверх открыть дверь, обнаружил там, к своему удивлению, Мидуинтера, одиноко стоявшего у порога и выглядевшего (по впечатлению того же швейцара) крайне несчастным и больным.

Мидуинтер попросил свечу и, сказав, что ему больше ничего не надо, сразу же удалился в свою комнату. Швейцар вернулся к товарищам-слугам и сообщил, что с другом их хозяина определенно случилась неприятность.

Войдя в свою комнату, Мидуинтер закрыл дверь, тут же достал дорожный мешок и начал торопливо укладывать в него все необходимое для путешествия. Сделав это, он открыл и выдвинул один из ящичков стола и переложил из него в нагрудный карман пальто небольшие вещицы, подаренные ему Аллэном, — сигаретницу, кошелек, набор запонок из чистого золота. При виде этих предметов волна воспоминаний нахлынула на него, но Мидуинтер овладел собой, схватил дорожный мешок и взялся было за ручку двери, и тут он внезапно остановился в нерешительности. Порывистая торопливость в движениях вдруг сменилась спокойствием, черты лица, выражавшие глубокое отчаяние, начали смягчаться.

Он постоял некоторое время, держась за ручку двери. Вплоть до этого момента им руководил только один побудительный мотив, он стремился только к одной цели. «Я должен это сделать ради Аллэна», — сказал Мидуинтер сам себе уже тогда, когда там, у озера,

обернулся, уходя в лес, и на фоне зловещего ландшафта увидел, как его друг удаляется от него и приближается к той женщине. «Ради Аллэна я должен уйти», — сказал он себе вновь, когда пересек открытое пространство за лесом и увидел мерцающие в сером сумраке огни фонарей вдоль ограды железнодорожной станции.

Только теперь, когда Мидуинтер вдруг остановился, перед тем как выйти и закрыть за собой дверь, только теперь, когда он ясно осознал, что слишком уж торопится, благородные начала в его натуре вдруг восстали, протестуя против столь отчаянного решения, навеянного мистическим страхом и гнавшего его теперь от всего того, что было дорого сердцу. До сих пор, с того момента, когда Мидуинтер на берегу озера увидел, как первое видение из сна Аллэна становится явью, его решение оставить Аллэна ради блага самого Аллэна не было поколеблено ни на одно мгновение, но теперь, в первый раз после этого, сердце Мидуинтера восстало против него же, и он ничего не мог возразить на его упреки. Сердце как бы говорило ему: «Что же, уходи, если так надо и если ты так решил. Но вспомни то время, когда ты был болен. Аллэн все время сидел у твоей кровати. Ты был одинок, у тебя не было ни друзей, ни близких. А вот Аллэн открыл тебе свое сердце... Если боишься сказать ему в лицо о своем уходе, то хоть напиши другу. Напиши и попроси у него прощения, прежде чем навсегда оставишь его!»

Мидуинтер тихо закрыл дверь, сел за письменный стол и взялся за перо. Он принимался писать вновь и вновь, но никак не мог найти нужных прощальных слов; весь пол вокруг стола покрылся порванными листами бумаги. И в какую бы сторону Мидуинтер не повернул голову, все увиденное в его воображении как бы упрекало и напоминало старые добрые времена. Просторная спальня, в которой он теперь сидел, помимо воли то и дело сужалась до размеров тесной комнатенки в гостинице, где он лежал больной. Теплая рука Аллэна легко поглаживала его и снова и снова мягко прикасалась к нему; тихий голос ласково говорил с ним, и столько дружелюбия было в его тоне...

Он положил на стол руки и в отчаянии уронил на них голову. Перо было бессильно написать те слова, которые он не мог сказать другу. Безжалостно и ежечасно мистическое чувство Мидуинтера требовало от него ухода от Аллэна, а его любовь к другу, так же

жестоко и неумолимо, удерживала его, требовала написать прощальное послание с извинениями и мольбой о снисхождении.

Мидуинтер вдруг решительно встал из-за стола и позвонил слуге. «Когда вернется мистер Армадэль, — сказал он, — попросите его извинить меня за то, что я не спущусь к нему вниз. Скажите, что я попытаюсь уснуть».

Затем он запер за слугой дверь, загасил свечу и сел в темноте. «Ночь разделит нас на время, — сказал Мидуинтер сам себе, — и, может быть, за это время я смогу написать ему. Я уйду рано утром, я могу уйти, когда...»

Он не закончил мысль, остановился на полуфразе, и острая боль, вызванная внутренней душевной борьбой, вырвалась вдруг в болезненном стоне от страшных мук, которые до сих пор ему еще не приходилось испытывать.

Он посидел еще немного в темноте. Время шло, но чувство безысходности продолжало волновать его душу, хотя острота его начала потихоньку притупляться, видимо, под тяжестью огромного напряжения, которое пришлось испытать несколько часов назад. Мидуинтер почувствовал в себе какую-то отупляющую пустоту, он даже не пытался зажечь свечу и еще раз начать писать. Время летело, а он так и сидел у стола и даже не сдвинулся с места, чтобы выпянуть из окна, когда стук колес приближающихся экипажей нарушил тишину ночи. Он слышал, как экипажи приблизились к подъезду и остановились, слышал, как лошади грызли удила, слышал голос Аллена и Педгифта-младшего, но все оставался сидеть неподвижно в темноте, не проявляя к звукам, доносившимся снаружи, ни малейшего интереса.

Он слышал голоса и после того, как экипажи удалились — молодые люди явно не спешили расставаться. Через открытое окно доносилось каждое их слово. А единственной темой, полностью поглотившей их внимание, была новая гувернантка. Аллен на все лады расхваливал ее. Целый час, пока они плыли в лодке от одного берега озера у другому, чтобы присоединиться к остальным участникам пикника, он испытывал такое удовольствие, какого ему еще никогда в жизни не приходилось испытывать, рассказывал Аллен. Соглашаясь с мнением своего клиента о прелестях очаровательной гувернантки, Педгифт-младший в то же время каждый раз, когда ему удавалось

вставить слово, пытался подойти к вопросу с другой точки зрения. Прелести мисс Гуильт не настолько затмили его внимание, чтобы он не заметил того впечатления, которое новая гувернантка произвела на ее нанимателя и ее подопечную.

— В семействе майора Мильроя, сэр, кажется, ослаб где-то какой-то винтик, — слышался голос Педгифта-младшего. — Вы заметили, как выглядели майор и его дочь, когда мисс Гуильт приносила свои извинения за опоздание? Не заметили? А помните, что сказала мисс Гуильт?

— Что-то о миссис Мильрой, не так ли? — ответил Аллэн.

Голос Педгифта странным образом трансформировался на тон ниже:

— Мисс Гуильт прибыла в коттедж сегодня после обеда, сэр, как раз к тому времени, как я и предполагал, и она могла бы присоединиться к нам вовремя, как мы и рассчитывали, если бы не миссис Мильрой, сказала она. Миссис Мильрой потребовала, мол, ее наверх, как только она вошла в дом, и продержала ее у себя добрых полчаса, если не больше. В этом заключались извинения мисс Гуильт за опоздание, мистер Армадэль.

— Ну и что из этого?

— Вы, кажется, забыли, сэр, о том, что все соседи вокруг постоянно слышали о миссис Мильрой с тех пор, как майор поселился среди нас. Нам всегда говорили, ссылаясь, кстати, на доктора, что она слишком больна, чтобы принимать у себя кого-либо. Не странно ли, что она вдруг стала настолько хорошо себя чувствовать, чтобы быть в состоянии принять мисс Гуильт (причем в отсутствие мужа), как только мисс Гуильт вошла в дом?

— Нисколько! Вполне естественно, что она сочла необходимым тут же познакомиться с гувернанткой своей дочери.

— Хорошо, мистер Армадэль. Но майор и мисс Нили смотрели на это несколько иначе. Я наблюдал за ними обоими, когда гувернантка сообщила, что миссис Мильрой потребовала ее наверх. Если я когда-либо видел выражение крайнего испуга, то это было, на лице у мисс Мильрой, и я должен сказать (если мне будет позволено, строго между нами, навести тень на репутацию галантного солдата), что и сам майор был в таком же состоянии. Поверьте моему слову, сэр, там,

наверху, в вашем милом коттедже, что-то неладно, и мисс Гуильт уже замешана во всем этом.

Последовала минута молчания. Потом Мидуинтер снова услышал голоса, но уже несколько подальше от дома. Аллэн, наверное, решил немного проводить Педгифта-младшего.

Некоторое время спустя голос Аллэна послышался снова, уже под порталом. Он справлялся о своем друге. Слуга сообщил ему то, что передавал Мидуинтер. После этого вокруг снова воцарилась тишина, которую ничто не нарушало, пока не пришло время запираеть дом, шаги слуг то тут, то там, лязг запираемых дверей, лай потревоженной собаки, донесшийся с конюшни...

Мидуинтер непроизвольно встал с места, чтобы зажечь свечу, но голова его закружилась, рука дрожала. Он отложил спички и снова сел. Разговор между Аллэном и Педгифтом-младшим перестал занимать его, как только он прекратился. Нисколько не беспокоило его больше и то, что было уже очень поздно, а он так ничего и не написал Аллэну. Его физические и интеллектуальные силы были на пределе, и он с полным безразличием думал теперь о том, что и наступающий день непременно принесет ему массу неприятностей.

Прошло некоторое время и тишина вновь была нарушена голосами на дворе. На этот раз разговаривали мужчина и женщина. По первым же немногим словам, которыми они обменялись, можно было понять, что встречаются они украдкой и что мужчина — один из слуг в Торп-Эмброзе, а женщина — служанка из коттеджа.

И снова, как только они обменялись приветствиями, новая гувернантка оказалась единственной темой разговора. Женщину переполняли недобрые предчувствия, навеянные исключительно прекрасной внешностью мисс Гуильт, которые она без удержу высказывала мужчине, безуспешно пытавшемуся повернуть разговор на другие темы.

Рано или поздно, пусть он запомнит ее слова, говорила служанка, в коттедже разразится ужасный скандал. Ее хозяин (только это никому не надо передавать) живет со своей миссис ужасно. Майор — а он лучший из мужчин — не допускает в свою голову и мысли ни о ком и ни о чем больше, как только о своей дочери и своих вечных часах. Но стоит только милостивой женщине появиться поблизости, как миссис Мильрой уже ревнует его к ней, ревнует, не зная меры, как одержимая

мечется на своей кровати. Так вот, запомни, что я говорю: не пройдет и нескольких дней, как мы увидим, что прибытие миссис Гуильт (а она, конечно же, очень миленькая, несмотря на свои ужасные волосы) подольет масла в огонь, и миссис Мильрой снова взбеленится. Если этого не произойдет, то это будет не миссис, а кто-то другой. И как бы ни обернулось все, вся вина и все проклятия падут на этот раз на дом матушки майора. Старая леди и миссис сильно поссорились два года назад. Старая леди ушла тогда из дома майора в ярости и сказала сыну в присутствии всех слуг, что, если бы у него в голове была хоть искорка разума, он не позволил бы своей жене до такой степени подчинить его своему дурному нраву. Было бы, наверное, не правильно обвинять мать майора в том, что она умышленно подобрала миловидную гувернантку, чтобы насолить его жене. В то же время можно с уверенностью сказать, что старая леди не стала бы потакать ревнивым капризам своей невестки и не отказалась бы от способной и респектабельной гувернантки для своей внучки только потому, что эту гувернантку Господь наградил миловидной внешностью. Как все это кончится (а это, без сомнения, закончиться плохо), никто не может сказать. Уже сейчас все выглядит (по мнению миссис Мильрой) настолько мрачно, что дальше некуда. Мисс Нили плакала после целого дня удовольствий (это один плохой знак); миссис не нашла виноватого в этом (это другой плохой знак); хозяин пожелал ей доброй ночи от двери (третий плохой знак); гувернантка заперлась у себя в комнате (это самый плохой знак, то есть получается, что она не доверяет слугам!)

Так эти излияния непрерывным потоком через открытое окно достигали ушей Мидуинтера, пока не пробили часы на конюшне. Когда отзвучал последний удар, голосов уже не было слышно, и тишина больше не нарушалась ничем.

Прошло еще немного времени, и Мидуинтер сделал новую попытку подняться. На этот раз он зажег свечу без особых затруднений и взял перо.

Теперь, с первой же попытки, у него как будто все пошло хорошо. Неожиданная легкость и выразительность в изложении удивляли его. Заподозрив, что тут что-то не так, он поднялся из-за стола, смочил голову и лицо водой, вернулся к столу и начал читать то, что он написал. Язык был почти непонятен — незаконченные фразы, слова

не на месте, каждая строка отражала протест утомленного мозга против безжалостной воли, вынуждавшей его действовать...

Мидуинтер разорвал листок, точно так же, как он поступил со многими листками до этого, и, сдавшись наконец в неравной борьбе, положил утомленную голову на подушку. Почти в тот же момент им овладело полное изнеможение, и, не успев загасить свечу, он уснул.

Его разбудил шум у дверей. Солнечный свет врвался в комнату, свеча догорела, слуга ждал за дверью с письмом в руке, полученным с утренней почтой.

— Я осмелился разбудить вас, сэр, — сказал слуга, когда Мидуинтер отворил дверь, — потому что на этом письме написано «весьма срочное», и я думал, что, может быть, это письмо очень для вас важно.

Мидуинтер поблагодарил его и взглянул на письмо. Оно было важно: почерк был мистера Брока.

Мидуинтер повременил, чтобы собраться с мыслями. Разорванные бумаги на полу напомнили ему в одно мгновение, в каком положении он находился. Он опять запер дверь, боясь, чтобы Аллэн не встал ранее обыкновенного и не пришел его расспрашивать. Потом, вяло и как бы без интереса к тому, что ректор мог писать ему теперь, он распечатал письмо мистера Брока и прочел:

"Вторник.

Любезный Мидуинтер.

Иногда лучше сообщать прямо дурные новости в нескольких словах. Я сообщу мои новости тотчас, в одной фразе. Мои все усилия оказались напрасными: эта женщина ускользнула от меня.

Это несчастье — потому что это иначе назвать нельзя — случилось вчера (в понедельник). В двенадцатом часу пополудни дело, которое привело меня в Лондон, принудило отправиться в Доктор-Коммонс и оставить моего слугу Роберта наблюдать за домом напротив нашего до моего возвращения. Через полтора часа после моего ухода он заметил, что к двери дома подъехал пустой кэб. Сначала явились чемоданы и мешки, потом сама женщина в том самом платье, в каком я ее видел в первый раз. Наняв заранее кэб, Роберт поехал за ней к северо-западной железной дороге, видел, как

она прошла в кассу за билетом, не выпускал ее из виду до тех пор, пока она вышла на платформу, и там, в толпе и суматохе отправления большого поезда, он потерял ее. Я должен отдать ему справедливость и сказать, что он тотчас же нашелся, как поступить в этом непредвиденном случае. Вместо того чтобы понапрасну терять время и отыскивать ее на платформе, он осмотрел все вагоны и решительно утверждает, что не видел ее ни в одном. Он уверяет в то же время, что его поиски, сделанные от двух часов, когда он потерял ее из виду, до десяти минут третьего, когда поезд отправился, были, конечно, весьма неполны при такой суматохе. Но это последнее обстоятельство, по моему мнению, почти ничего не значит. Я так твердо уверен, что эта женщина не уехала с этим поездом, как если бы осматривал все вагоны сам, и я не сомневаюсь, что и вы Совершенно согласны со мной.

Вы теперь знаете, какое случилось несчастье. Не будем терять ни времени, ни слов на сожаления. Зло совершилось, и мы с вами должны найти способ поправить его.

О, что я уже сделал со своей стороны, можно рассказать в двух словах. Все прежние колебания относительно того, чтобы доверить это дело посторонним людям, прекратились с той минуты, как я узнал эту новость от Роберта. Я тотчас воротился в Сити и передал все дело моим поверенным. Совецание было продолжительное, и, когда я вышел из конторы, час почты уже прошел, а то я написал бы вам вчера, а не сегодня. Мое свидание со стряпчими было не очень утешительно. Они прямо объявили мне, что будет очень трудно найти потерянный след, но обещали употребить все силы, и мы решили, как надо повести это дело, не придя к согласию только по одному пункту. Я должен срочно рассказать вам, в чем состоит это несогласие, потому что, пока дела удерживают меня вдали от Торп-Эмброза, вы единственный человек, на которого я могу положиться, чтобы проверить, верны ли мои убеждения.

Стряпчие держатся мнения, что эта женщина с самого начала знала, что я наблюдаю за нею, и следовательно, нечего бояться, что она поторопится сама явиться в Торп-Эмброс, что, какой вред ни замышляла бы она сделать, сначала сделает его через других и что единственный благоразумный способ действия для друзей Аллена — ждать, что покажут им события. Мое мнение диаметрально

противоположно этому. После того что случилось на железной дороге, я не могу опровергать, что эта женщина, должно быть, узнала, что я наблюдаю за нею, но она не имела причины предполагать, что ей не удалось обмануть меня, и я твердо убежден, что в ней достанет смелости захватить нас врасплох и приобрести доверие Аллена, прежде чем мы приготовимся помешать ей. Вы, и только вы, пока дела задерживают меня в Лондоне, можете решить, прав я или ошибаюсь, и вы можете сделать это вот каким образом. Удостоверьтесь тотчас, не приехала ли с понедельника в Торп-Эмброс или в окрестности его какая-нибудь посторонняя женщина. Если приехала (в провинции никто не ускользнет от внимания), воспользуйтесь первым случаем увидеть ее и приметьте, похожа она или нет на женщину, приметы которой я опишу для вас. Вы можете положиться на мою аккуратность. Я видел эту женщину без вуали несколько раз и в последний раз — в зрительную трубу.

1) Светлы ли каштанового цвета ее волосы и, по-видимому, не совсем густы? 2) Высок ли и узок лоб и идет ли покато к вискам? 3) Слабо ли обозначены ее брови, малы ли глаза и скорее темны, чем светлы — серые или карие (я, не видя ее близко, не мог удостовериться, какие именно)? 4) Орлиный ли у нее нос? 5) Тонки ли ее губы и верхняя длинна? 6) Не кажется ли, что цвет ее лица был первоначально бледным, испортился и перешел в тусклую, болезненную бледность? 7) И последнее, не узкий ли у нее подбородок, а на левой стороне какой-то знак (родимое пятно или шрам — не могу сказать что)?

Я не прибавлю ничего насчет выражения ее лица, потому что вы можете видеть ее при таких обстоятельствах, которые могут изменить выражение, которое видел я. Поэтому ориентируйтесь на черты, которые никакие обстоятельства переменить не могут. Если в окрестности Торп-Эмброза приехала незнакомая там женщина и если ее лицо согласуется с моими семью приметами — вы нашли эту женщину. Ступайте тотчас в таком случае к ближайшему стряпчему и поручитесь моим именем и кредитом за всякие издержки, которые повлечет надзор за нею ночь и день. Сделав это, дайте мне знать; и будут дела мои окончены или нет, я приеду в Норфольк с первым поездом.

Во всяком случае, удастся ли вам или нет подтвердить мои подозрения, напишите мне с первой почтой, хоть бы только для того, чтобы сказать мне, что вы получили мое письмо. Напишите! Я страдаю от беспокойства и неизвестности, будучи в разлуке с Аллэном, которому помочь можете только вы. Я знаю вас так хорошо, что остаюсь уверен, что мне нечего говорить более.

Друг ваш навсегда Децимус Брок"

Ожесточившись роковым убеждением, теперь овладевшим им, Мидуинтер прочел признания ректора в неудаче от первой строчки до последней без малейшего интереса или удивления. Единственная часть письма, которую он прочел опять, был конец. Он прочел последний абзац во второй раз, а потом подождал с минуту, размышляя над ним.

«Я очень обязан доброте мистера Брока, — думал он, — и никогда более не увижу мистера Брока. Это, конечно, бесполезно и безнадежно, но я сделаю все, о чем он просит. Довольно взглянуть на нее один раз — с письмом в руке — и написать одну строчку, что эта женщина здесь!»

Опять он остановился в нерешительности у полуоткрытой двери, опять жестокая необходимость проститься с Аллэном остановила его. Он с сомнением отложил в сторону письмо ректора.

— Я напишу оба письма вместе, — сказал он, — одно может помочь другому.

Лицо его вспыхнуло, когда эти слова сорвались с его губ. Он сознавал, что делает то, что он еще не делал: добровольно откладывает роковой час, делает из мистера Брока предлог выиграть последнюю отсрочку.

Единственный звук, доносившийся до него в открытую дверь, были шаги Аллэна, шумно раздававшиеся в смежной комнате. Мидуинтер тотчас вышел в пустой коридор и, не встретив никого на лестнице, вышел из дома. Страх за то, чтобы его решимость оставить Аллэна не изменила ему, если он опять увидит Аллэна, так живо овладел им, как он мучил его всю ночь. Мидуинтер вздохнул свободнее, когда сошел с лестницы, свободнее оттого, что избежал дружеского утреннего приветствия от единственного человеческого существа, которое он любил.

Он вышел из кустарника с письмом Брока в руке на дорогу, которая вела в коттедж майора. Ни малейшего воспоминания не было в его уме о разговоре, дошедшем до его ушей в эту ночь. Единственная причина, побудившая его видеть эту женщину, было поручение ректора. Единственное воспоминание, ведущее его к тому месту, где она жила, было воспоминание о восклицании Аллэна, по которому он узнал гувернантку в фигуре на берегу озера.

Дойдя до калитки коттеджа, Мидуинтер остановился. Его поразила мысль, что он может не достигнуть своей цели, если будет смотреть на приметы ректора в присутствии этой женщины. Во-первых, ее подозрения, по всей вероятности, будут возбуждены, если он попросит позволения видеть ее (он решился попросить как-нибудь, с предложением или без него), а письмо в его руке может подтвердить эти подозрения. Она, пожалуй, тут же уйдет из комнаты. Решившись прежде твердо запомнить описание примет, а потом уже встретиться с нею, Мидуинтер развернул письмо, медленно отойдя от дома. Он прочел семь примет, будучи заранее в полной уверенности, что лицо этой женщины будет согласовываться с ними.

В утренней тишине парка разносился легкий шум. Этот шум отвлек внимание Мидуинтера от письма.

Он поднял глаза и увидел себя на краю высокого травянистого рва. С одной стороны простирался парк, а с другой была высокая лавровая изгородь. Забор, очевидно, окружал заднюю часть сада коттеджа, а ров защищал от коров, пасущихся в парке. Осторожно прислушавшись к слабому шуму, который отвлек его внимание от письма, Мидуинтер узнал, что это был шелест женского платья. Через несколько шагов от него через ров был перекинут мостик, запертый калиткой и соединявший сад с парком. Мидуинтер прошел в эту калитку через мост и, отворив дверь на другом конце, очутился в беседке, густо покрытой ползучими растениями, откуда открывался вид на весь сад от одного конца до другого.

Он посмотрел и увидел двух женщин, которые медленно удалялись от него к коттеджу. Та, которая была ниже ростом, ни на минуту не привлекла его внимания — он ни на минуту не остановился на мысли: дочь это майора или кто другая. Глаза его были прикованы к другой женщине, которая шла по дорожке сада в длинном легком платье с непринужденной обольстительной грацией.

Прямо перед ним находилась опять женщина, которую он уже видел спиной к нему, женщина на берегу озера.

Можно было надеяться, что они, прогуливаясь по дорожке, повернутся к беседке. Этого-то и ждал Мидуинтер. Сознание того, что он вошел в чужие владения, не остановило его при входе в беседку и не беспокоило его даже теперь. Тонкая чувствительность его натуры, изнемогавшей от жестоких страданий прошлой ночи, притупились. Упорная решимость сделать то, зачем он сюда пришел, было единственным побуждением, одушевлявшим его. Он действовал, он даже смотрел, как самый твердый человек на свете мог бы действовать и смотреть на его месте. Он имел настолько самообладания, прежде чем гувернантка и ее ученица дошли до конца дорожки, чтобы раскрыть письмо Брока и подкрепить свою память последним взглядом на абзац, описывавший ее лицо. Он был еще погружен в это описание, когда услышал шелест платьев, опять направлявшихся к нему женщин. Стоя в тени беседки, он ждал, пока уменьшилось расстояние между ними. С ее портретом, живо запечатленным в его воображении, при помощи светлого утреннего света глаза его допрашивали ее, когда она подходила, и вот какие ответы дало ему ее лицо.

Волосы в описании ректора были светло-каштановые и негустые. Волосы этой женщины, великолепно роскошные, имели непростительно замечательный оттенок, который предубеждение северных наций никогда не прощает, — они были рыжие! Лоб в описании ректора был высок, узок и шел покато к вискам; брови были слабо обозначены, глаза малы и серого или карего цвета. Лоб этой женщины был низок и прям, широк к вискам; брови, резко и нежно обозначенные, были несколько темнее ее волос; глаза большие, блестящие, открытые, чисто голубого цвета, без малейшей примеси серого или зеленоватого, так часто представляемого нашему восторгу в картинах или книгах и так редко встречаемого в живом лице. Нос в описании ректора был орлиный. Нос этой женщины был прямой и нежно очерченный, как у древних статуй и бюстов. Губы в описании ректора были тонки и верхняя длинна; цвет лица тусклый и болезненно бледный, подбородок узкий, и на левой стороне его родимое пятно или шрам. Губы этой женщины были полны, великолепны, чувственны; цвет лица ее был того прелестного оттенка,

который сопровождает такие волосы, какие были у нее, — с самым нежным румянцем на щеках, с самой теплой и мягкой белизной на лбу и на шее. Подбородок, круглый и полный, не имел ни малейшего пятнышка. Она подходила ближе и ближе, все прелестнее и прелестнее при блеске утреннего света, самым поразительным противоречием, какое только могли видеть глаза или представить себе воображением, с описанием в письме ректора.

И гувернантка, и ученица подошли к беседке, прежде чем заметили Мидуинтера, стоявшего в ней. Гувернантка первая увидела его.

— Это ваш знакомый, мисс Мильрой? — спросила она спокойно, не вздрогнув, не обнаружив ни малейшего удивления.

Нили тотчас его узнала. Предубежденная против Мидуинтера его поведением, когда его друг представил его в коттедже, она теперь просто ненавидела его, как первую причину ее размолвки с Аллэном на пикнике. Лицо ее вспыхнуло, и она отошла от беседки с выражением беспощадного удивления.

— Он друг мистера Аллэна, — отвечала она резко. — Я не знаю, что ему нужно и зачем он здесь.

— Друг мистера Армадэля?

Лицо гувернантки просияло внезапным интересом, когда она повторила эти слова. Она отвечала на взгляд Мидуинтера, пристально устремленный на нее, таким же пристальным взглядом.

— С моей стороны, — продолжала Нили, — сердясь на нечувствительность Мидуинтера к ее присутствию, — я нахожу, что обращаться с садом папа, как с открытым парком, очень дерзко.

Гувернантка обернулась и сделала короткий выговор.

— Любезная мисс Мильрой, надо обратить внимание на некоторые различия. Этот джентльмен друг мистера Армадэля, а вы говорите с ним, как с совершенно посторонним человеком.

— Я выражаю мое мнение, — возразила Нили, сердясь от насмешливо-снисходительного тона, с которым гувернантка обращалась к ней. — Это дело вкуса, мисс Гуильт, а вкусы бывают разные.

Она сердито отвернулась и пошла одна к коттеджу.

— Она очень молода, — сказала мисс Гуильт, как бы прося с улыбкою снисхождения Мидуинтера. — Как вы должны сами видеть,

сэр, она — избалованный ребенок.

Она замолчала и выказала только на одно мгновение удивление от странного молчания Мидуинтера и его странной настойчивости не спускать с нее глаз, потом села с очаровательной грацией и готовностью помочь ему выйти из затруднительного положения, в котором он находился.

— Так как вы зашли в вашей прогулке уже так далеко, — продолжала она, — может быть, вы сделаете мне одолжение и возьметесь передать поручение вашему другу? Мистер Армадэль был так добр, что пригласил меня посмотреть торп-эмброзский сад сегодня утром. Будьте так добры, скажите ему, что майор Мильрой (вместе с мисс Мильрой) позволяет мне принять это приглашение. В двенадцатом часу.

Глаза ее остановились на минуту с возросшим интересом на лице Мидуинтера. Она ждала — все напрасно — хоть слова от него в ответ, улыбнулась, как будто его необыкновенное молчание скорее забавляло, чем сердило ее, и пошла за своей ученицей в коттедж.

Только когда она скрылась из виду, Мидуинтер пришел в себя и постарался осознать хорошенько положение, в котором он находился. Удивление, приковывавшее его к месту до этой минуты, происходило вовсе не от красоты гувернантки. Единственное ясное впечатление, которое она произвела на него, заключалось в изумительном противоречии, которое представляло ее лицо, от одной черты до другой, с описанием в письме Брока. Все, кроме этого, было неопределенно и туманно — остались воспоминания о высокой изящной женщине, о ласковых словах, скромно и любезно сказанных ему, и ничего более.

Он сделал несколько шагов по саду, сам не зная зачем, остановился, посмотрел туда и сюда, как заблудившийся, узнал с усилием беседку, как будто прошло много лет с тех пор, как он видел ее, и снова вернулся в парк. И тут он бродил сначала, то в одну сторону, то в другую. Голова его еще кружилась от потрясения, пережитого им; все в голове у него смешалось. Что-то машинально побуждало его двигаться, быстро идти без причины, а куда — он сам не знал.

Человек с менее впечатлительным характером был бы поражен теперь внезапным переверотом чувств, произведенным в его душе

событием последних минут.

В ту достопамятную минуту, когда он отворил дверь беседки, ничто не волновало его чувств. Так или иначе он дошел до окончательного заключения обо всем, что касается его друга, дошел напряженным процессом мысли. Весь смысл причины, побудившей его решиться на разлуку с Аллэном, исходил от убеждения, что он видел в Герле Мире роковое исполнение первого видения во сне, и это убеждение в свою очередь твердо опиралось на то убеждение, что женщина, одна пережившая трагедию на Мадере, непременно должна быть той женщиной, которую он видел стоящей, как тень, во сне на берегу озера. С этим твердым убеждением он сам сравнивал предмет недоверия своего и ректора с описанием, написанным до мелочей, сделанным человеком, на которого можно было положиться вполне, и его собственные глаза сказали ему, что женщина, которую он видел на Мире, и женщина, за которой Брок следил в Лондоне, не одна и та же. Вместо тени во сне перед ним находилась, по приметам в письме ректора, не та женщина, которая была орудием рока, а посторонняя.

Такие сомнения, какие могли бы взволновать менее суеверного человека, не возникли в его душе при открытии, сделанном им. Ему и в голову не пришло спросить себя: не постороннее ли орудие рока теперь, когда письмо убедило его, что не эта женщина была в сновидении. Подобная мысль не пришла и не могла прийти в его голову. Единственная женщина, которая опасалась его суеверия, была та, которая была связана с жизнью обоих Армадэлей в первом поколении и с судьбой обоих Армадэлей во втором, которая была предметом предостережения его отца на предсмертном одре и первой причиной семейных бедствий, которая проложила Аллэну путь к Торп-Эмбросскому поместью. Словом, женщина, которую он узнал бы инстинктивно, если бы не письмо мистера Брока, в женщине, которую он теперь видел.

Смотря на события так, как они случились под влиянием ошибочного суждения, на которое толкнул его ректор самым невинным образом, Мидуинтер тотчас ухватился за это новое заключение и поступил совершенно так, как во время своего свидания с мистером Броком на острове Мэн.

Точно так, как он объявил тогда, что, не встретившись ни разу в своих путешествиях по морю с тем самым кораблем, это служило

достаточным опровержением понятий о роке; так и теперь ухватился он за заключение, сделанное таким же образом, что все притязание сновидения на его сверхъестественное происхождение опровергалось тем, что вместо тени явилась посторонняя. Опираясь на этот вывод, желающий подчиниться влиянию своей любви к Аллэну, он с быстротою молнии проследил за последовавшей цепью мыслей. Если сновидение было не предостережением из другого мира, то, следовательно, случай, а не судьба, привел их ночью на разрушенный корабль, и все события, случившиеся с тех пор, как Аллэн и он расстались с Броком, были сами по себе безвредны, и это его суеверие придало им другое значение. Менее чем через минуту сильно развитое воображение вернуло его к тому утру в Кэстльтоуне, где он открывал ректору тайну своего имени, когда рассказал ему, положив перед ним письмо своего отца, тайну, волновавшую его. Теперь опять он чувствовал, как его сердце твердо держалось братской связью между Аллэном и им; теперь опять он мог сказать с пылкой искренностью прежнего времени:

— Если мысль оставить его раздирает мне сердце, то, стало быть, эта мысль ошибочна.

Когда это благородное убеждение опять овладело его душой, успокоило бурю в ней, расчистило смутный беспорядок его чувств, торп-эмбросский дом и Аллэн, на ступенях лестницы ожидавший его, бросились ему в глаза. Чувство безграничного успокоения сняло с его пылкой души все заботы, все сомнения, все опасения, так долго теснившие его, и опять показало ему лучшее и более ясное будущее его прежних мечтаний. Глаза его наполнились слезами, и он с дикой пылкостью прижал письмо ректора к своим губам, смотря на Аллэна сквозь деревья.

«Если бы не этот листок бумаги, — думал он, — моя жизнь была бы для меня одним продолжительным горем, и преступление моего отца разлучило бы нас навсегда!»

Таков был результат стратегии, показавшей мистеру Броку лицо горничной вместо лица мисс Гуильт. Таким образом, поколебав доверие Мидуинтера к его собственному суеверию в единственном случае, когда это суеверие указывало на правду, хитрость старухи Ольдершо восторжествовала над затруднениями и опасностями, о которых сама старуха Ольдершо и не воображала.

Глава XI. МИСС ГУИЛЬТ «НА ЗЫБУЧЕМ ПЕСКЕ»

1. "От Децимуса Брока к Озайязу Мидуинтеру"

Четверг

Любезный Мидуинтер, никакими словами не могу я описать, какое облегчение почувствовал я, получив ваше письмо сегодня, и как я счастлив, что судил ошибочно. Предосторожности, принятые вами в случае, если эта женщина все-таки подтвердит мои опасения, осмелившись приехать в Торп-Эмброс, по моему мнению, не оставляют ничего желать. Вы, без сомнения, непременно услышите о ней из конторы стряпчего, которого вы просили уведомить вас о появлении посторонней женщины в городе.

Мне тем приятнее узнать, как вполне я могу положиться на вас в этом деле, потому что я, по всей вероятности, буду принужден оставить интересы Аллэна в одних ваших руках долее, чем я предполагал. Мой визит в Торп-Эмброс, я с сожалением принужден сказать, должен быть отложен на два месяца. Единственный пастор из моих лондонских товарищей, который мог занять на время мое место, не может переехать со своим семейством в Сомерсетшир прежде двух месяцев. Мне более ничего не остается, как кончить мои дела здесь и возвратиться в мой пасторат в следующую субботу. Если случится что-нибудь, вы, разумеется, немедленно дадите мне знать, и в таком случае, несмотря ни на какие неудобства, я приеду в Торп-Эмброс. С другой стороны, если всей пойдет лучше, чем мое упорное опасение заставляет меня предполагать, тогда Аллэн, которому я написал, должен ждать меня не прежде, как через два месяца.

Никакой результат до сих пор не вознаградил наши усилия найти следы, потерянные на железной дороге. Впрочем, я не запечатаю моего письма до отхода почты на случай, не случится ли чего-нибудь нового в эти несколько часов.

Искренно ваш навсегда Децимус Брок.

P. S. Я только что получил известие от стряпчего. Они узнали, как звали женщину, пропавшую в Лондоне. Если это открытие (не очень важное, я боюсь) подаст вам мысль о новом образе действия, пожалуйста, действуйте тотчас. Ее имя — мисс Гуильт".

2. "От мисс Гуильт к миссис Ольдершо Коттедж в Торп-Эмброзе.

Суббота 26 июня

Если вы обещаете мне не пугаться, мама Ольдершо, я начну это письмо очень странным образом, скопировав страницу письма, написанного другой. У вас превосходная память, и вы, может быть, не забыли, что я получила записку от матери майора Мильроя (после того, как она наняла меня в гувернантки) прошлый понедельник. На этом письме есть число и подпись. И вот первая страница: «Июня 23 1851 Милостивая государыня, пожалуйста, извините меня, если я беспокою вас, прежде чем вы поедете в Торп-Эмброс, прибавив еще несколько слов о привычках, наблюдаемых в доме моего сына. Когда я имела удовольствие видеть вас в два часа сегодня в Кингстоун-Крешент, я должна была ехать в три часа в отдаленную часть Лондона по другому делу и в торопливости этой минуты я забыла упомянуть о двух-трех вещах, на которые я считаю необходимым обратить ваше внимание». Остальное письмо не имеет ни малейшей важности, но строчки, скопированные мною, стоят всего вашего внимания. Они спасли меня от открытия, душа моя, прежде чем я пробыла у майора Мильроя неделю!

Это случилось не позже вчерашнего вечера и началось и кончилось вот каким образом:

Здесь есть один джентльмен (о котором я скажу после более), короткий друг мистера Армадэля и называющийся странным именем Мидуинтера. Ему удалось вчера поговорить со мной одной в парке. Как только он раскрыл губы, я узнала, что мое имя было открыто в Лондоне (без сомнения, сомерсетширским пастором) и что мистер Мидуинтер был избран (очевидно, тем же самым пастором), чтобы удостовериться, не та ли я мисс Гуильт, которая исчезла из Бронтова,

явилась в Торп-Эмброзе. Вы предвидели эту опасность, я помню, но едва ли могли вообразить, что это открытие будет угрожать мне так скоро.

Избавляю вас от подробностей нашего разговора и перехожу к концу. Мистер Мидуинтер приступил к этому делу очень деликатно, объявив, к моему величайшему удивлению, что он сам совершенно убежден, что я не та мисс Гуильт, которую ищет его друг, и что он только поступал так из уважения к беспокойству человека, желания которого он обязан уважать! Захочу ли я помочь ему уничтожить совершенно это беспокойство, снисходительно ответив на один простой вопрос, который он не имел права задавать мне, кроме того права, которое могло дать ему мое снисхождение? Пропавшая мисс Гуильт пропала в два часа прошлый понедельник в толпе на платформе северо-западной железной дороги. Позволю ли я ему сказать, что в этот день и в этот час мисс Гуильт, гувернантка майора Мильроя, вовсе там не была?

Мне не нужно говорить вам, что я воспользовалась тем прекрасным случаем, который он подал мне разрушить дальнейшие подозрения. Я тотчас заговорила надменным тоном и показала ему письмо старой дамы. Он вежливо отказался прочесть его. Я настаивала.

«Я не хочу, чтобы меня приняли за женщину, которая, может быть, имеет дурную репутацию, — сказала я, — потому что ей случилось иметь такое имя или называться таким именем, как мое. Я настаиваю, чтобы вы прочли первую часть этого письма для моего удовлетворения, если не для вашего».

Он был принужден повиноваться, и вот доказательства, написанные собственной рукой матери майора, что в два часа прошлый понедельник я и она были вместе в Кингстоун-Крешенте, который, как всякий указатель скажет ему, находится в Бэйсуоторе. Представляю вам вообразить его извинения и совершеннейшую кротость, с какой я принимала их.

Разумеется, я могла бы, если бы сохранила письмо, сослаться на вас или на мать майора с одинаковым успехом. Теперь же цель была достигнута без всяких хлопот и замедлений. Я доказала, что я не я, и одна из многочисленных опасностей, угрожавших мне в Торп-Эмброзе, уничтожена с этой минуты. Лицо вашей горничной, может

быть, не очень красиво, но нельзя опровергать, что оно оказало нам превосходную услугу.

Довольно о прошлом, теперь примемся за будущее. Вы услышите, как я лажу с людьми, окружающими меня, и будете судить сами, есть или нет возможность для меня сделаться владелицей Торп-Эмброза.

Начну с молодого Армадэля, потому что это будет начало хорошее. Я уже произвела на него надлежащее впечатление, а небу известно, что этим нечего хвалиться. Всякая недурная собой женщина, которая захочет постараться, может заставить его влюбиться в нее. Он болтлив и глуп, один из тех шумных, румяных, белокурых, веселых мужчин, которых я особенно ненавижу. Я была целый час с ним одна в лодке в первый день моего приезда и хорошо воспользовалась моим временем, могу сказать вам, с того дня до этих пор. Единственное затруднение с ним состоит для меня в том, чтобы скрывать перед ним мои чувства, особенно когда он превращает мое отвращение к нему в чистую ненависть, напоминая мне иногда свою мать. Право, я никогда не видела человека, которому я так охотно сделала бы вред, если бы имела случай. Он подаст мне этот случай, если не случится ничего дурного скорее, чем мы рассчитывали. Я только что возвратилась с обеда в замке, где праздновался день арендного расчета, и внимание сквайра ко мне и мое скромное нежелание принимать это уже возбудило всеобщее внимание.

Теперь очередь моей ученицы мисс Мильрой. Она тоже румяна и глупа, кроме того, неловка, веснушчата, сгорблена, дурного характера и дурно одевается. Ее нечего бояться, хотя она ненавидит меня, как чуму, что весьма для меня утешительно, потому что я освобождена от нее тотчас после уроков и прогулок. Совершенно нетрудно приметить, что она воспользовалась, как умела, удобными случаями с Армадэлем (случаями, сказать кстати, на которые мы не рассчитывали), и она была так глупа, что позволила этим возможностям выскользнуть у нее из-под рук. Когда я говорю вам, что она принуждена из приличия ходить с отцом и со мной на маленькие увеселения в Торп-Эмброс и видеть, как молодой Армадэль восхищается мной, вы поймете, какое место я занимаю в ее сердце. Она испытывает мое терпение сверх всякой меры, но я вижу, что я раздражаю ее, сохраняя хладнокровие, и, разумеется, я его сохраняю. Если я рассержусь, то это будет за нашими уроками — не за французским языком, не за грамматикой,

историей и географией. А за музыкой. Никакими словами не могу выразить, как я жалею ее бедное фортепьяно. У половины девушек, учащих музыке в Англии следовало бы отрубить пальцы в интересах общества, и, если бы это зависело от меня, пальцы мисс Мильрой были бы отрублены прежде всех.

Что касается майора, едва ли я могу занять высшее место в его уважении, какое занимаю теперь. Я всегда готова приготовить ему завтрак, а дочь его — нет. Я всегда умею отыскать вещи, которые он затеряет, а дочь его не умеет. Я никогда не зеваю, когда он пускается в скучные рассуждения, а дочь его зевает. Я люблю этого бедного, милого, безвредного старика и не стану ничего больше говорить о нем.

Ну, не прекрасная ли это перспектива для будущего? Моя добрая Ольдершо, до сих пор еще не было ни одной перспективы без дурного местечка в ней. Моя перспектива имеет два дурных места: одно из них называется миссис Мильрой, а другое — мистер Мидуинтер.

Прежде о миссис Мильрой. Не пробыла я и пяти минут в коттедже в день моего приезда, как что, вы думаете, она сделала? Она послала за мной. Это удивило меня несколько, так как я слышала от старой дамы в Лондоне, что ее невестка так больна, что не принимает никого, но, разумеется, когда она прислала за мной, мне не оставалось ничего более, как пойти к ней. Я нашла ее в постели страдающую от неизлечимой болезни спинного мозга. На нее просто страшно смотреть, но она в полном рассудке, и если не ошибаюсь, то такой фальшивой женщины и с таким скверным характером вряд ли встречали вы за всю вашу продолжительную жизнь. Ее чрезвычайная вежливость и старание скрыть свое лицо в тени занавесей постели, между тем как мое лицо она постаралась видеть освещенное светом, заставило меня остерегаться с той самой минуты, как я вошла в комнату. Мы пробыли вместе полчаса, и я ни разу не попала в маленькие ловушки, которые она расставляла мне. Единственная таинственность в ее поведении, которую я не могла разгадать в то время, было то, что она беспрестанно просила меня приносить вещи (в которых она, очевидно, не нуждалась) из различных частей комнаты.

С тех пор события позволили мне разгадать это. Мои первые подозрения были пробуждены толками слуг, которые удалось мне

послушать, и мнение мое подтвердилось мнением сиделки миссис Мильрой. В те немногие случаи, когда мне случалось оставаться одной с майором, сиделке также случалось иметь надобность к ее господину, и она всегда забывала прежде постучать в дверь. Теперь вы понимаете, почему миссис Мильрой послала за мной, как только я вошла в ее дом, и зачем она заставила меня ходить взад и вперед то за одной вещью, то за другой? Едва ли в моем лице и моей фигуре осталась какая-нибудь привлекательность, которую ревнивые глаза этой женщины уже не изучили. Я теперь уже знаю, почему отец и дочь вздрогнули и переглянулись, когда я в первый раз представилась им, или почему слуги еще смотрят на меня, вытаращив глаза и с лукавым ожиданием в их взгляде, когда я звоню в колокольчик и прошу их сделать что-нибудь. Бесплезно скрывать истину, мама Ольдершо, между вами и мной. Когда я пошла наверх в комнату больной, я слепо попала в когти ревнивой женщины. Если бы миссис Мильрой могла выгнать меня из дома, она сделала бы это. И утром, и вечером она ничего другого не делает в своей постельной тюрьме, как отыскивает способ к этому.

В этом неловком положении моему осторожному поведению удивительно помогает совершенная нечувствительность милого, старого майора. Ревность жены его такое чудовищное помешательство, какое только можно найти в доме сумасшедших. Это — порождение ее скверного характера, усиленного неизлечимой болезнью. Бедный старик не имеет другой мысли, кроме как о своих механических занятиях, и я не думаю, чтобы он знал до сих пор, хороша я собой или нет. С этой случайностью на подмогу мне я могу не бояться проделок госпожи и незваных приходов сиделки, по крайней мере, на время. Но вы знаете, что значит ревнивая женщина, а я знаю, какова миссис Мильрой, и признаюсь, что я вздохну свободнее в тот день, когда Армадэль раскроет свои глупые губы, чтобы сделать мне предложение, и тем заставит майора послать в газеты объявление о новой гувернантке.

Имя Армадэля напоминает мне о его друге. С этой стороны мне угрожает еще большая опасность, и, что еще хуже, я не чувствую себя так хорошо вооруженной против мистера Мидуинтера, как против миссис Мильрой.

Все в этом человеке более или менее таинственно, что мне вовсе не нравится. Начать с того, каким образом случилось, что сомерсетширский пастор доверяет ему? Как много сказал ему этот пастор? Почему он был так твердо убежден, когда говорил со мной в парке, что я не та мисс Гуильт, которую ищет его друг? Я не могу придумать никакого ответа на эти три вопроса, я не могу даже узнать, кто он и каким образом он и Армадэль познакомились между собой. Я ненавижу его... Нет, не то, я только желаю разгадать его. Он очень молод, низок ростом и худощав, деятелен и смугл, с блестящими черными глазами, которые говорят мне ясно: «Мы принадлежим человеку с умной головой и твердой волей, человеку, который не вечно сидел в деревенском доме и ухаживал за дураком». Да, я положительно убеждена, что мистер Мидуинтер сделал что-нибудь или пострадал от чего-нибудь в своей прошлой жизни, как ни молод он, и я отдала бы Бог знает что для того, чтобы добраться до этого. Не сердитесь на меня, что я так много распространяюсь о нем. Он имеет столько влияния над Армадэлем, что может быть весьма неудобным препятствием на пути моем, если я не смогу с самого начала приобрести его доброе мнение.

Ну, можете вы спросить, что же мешает вам приобрести его доброе мнение? Я очень боюсь, мама Ольдершо, что я приобрела его в такой степени, какой я и не надеялась. Я очень боюсь, что этот человек уже влюблен в меня.

Не качайте головой и не говорите: «По-прежнему тщеславна!» После всех ужасов, какие я перенесла, во мне не осталось тщеславия, и мужчина, восхищающийся мной, заставляет меня трепетать. Было время, признаюсь... Фи! Что это я пишу? Сентиментальности! Сентиментальности — вам! Смейтесь, смейтесь, моя душа, а я не смеюсь и не плачу, я чиню перо и продолжаю мой... Как это называют мужчины? Мой рапорт.

Одно, что стоит разузнать, это права я или ошибаюсь насчет того впечатления, которое я произвела на него. Позвольте.., я была Четыре раза в его обществе. Первый раз в саду майора, где мы встретились неожиданно лицом к лицу. Он стоял и смотрел на меня, как окаменелый, не говоря ни слова. Это был, может быть, эффект моих противных рыжих волос. Очень вероятно. Припишем это моим волосам. Во второй раз мы гуляли по торп-эмбросскому саду.

Молодой Армадэль шел по одну сторону со мной, а моя ученица, надувшись, — по другую. Вдруг мистер Мидуинтер подходит к нам, хотя у него было дело в управительской конторе, хотя он никогда не пренебрегал своей работой во всяком другом случае. Лениность, может быть, или привязанность к мисс Мильрой, если хотите. Я знаю только, что он все смотрел на меня. Третий раз было свидание в парке, о котором я уже вам говорила. Я никогда не видела человека, столь взволнованного при таком деликатном вопросе, сделанном женщине. Но это могло быть только неловкостью, а то, что он беспрестанно оглядывался, когда мы расстались, может быть, значило, что он смотрел на пейзаж. Припишем это прекрасному пейзажу, непременно припишем это пейзажу. Четвертый раз было сегодня вечером, на этом маленьком обеде. Меня заставили играть, и, так как фортепьяно было хорошее, я сыграла так хорошо, как могла. Все общество столпилось вокруг меня и наговорило мне комплиментов (моя прелестная ученица тоже сделала мне комплимент, с лицом, похожим на кошку, перед тем как она собирается оцарапать), кроме мистера Мидуинтера. Он подождал, пока мы уходили, а потом поймал меня одну на минуту в передней. Он только что успел взять меня за руку и сказала два слова. Сказать вам, как он взял мою руку и как звучал его голос, когда он говорил, — совершенно бесполезно. Вы все рассказываете мне, как покойный мистер Ольдершо обожал вас. Припомните, как первый раз он взял вашу руку и шепнул два слова собственно для вас. Чему вы приписываете его поведение в этом случае? Я не сомневаюсь, что если бы вы играли на фортепьяно в тот вечер, то приписали бы это совершенно музыке.

Нет, поверьте моему слову, вред сделан. Этот человек не болтун и не дурак, меняющий свои фантазии так же скоро, как он переменял платье. Огонь, освещающий его большие черные глаза, когда женщина зажгла их, нелегко загасить. Я не желаю приводить вас в отчаяние, я не говорю, что вес случайности против нас. Но так как миссис Мильрой угрожает мне с одной стороны, мистер Мидуинтер с другой, то из всех рисков самое худшее будет потеря времени. Армадэль уже намекал так, как только подобный олух может намекать, на тайное свидание. Глаза мисс Мильрой зорки, глаза сиделки еще зорче, и я лишусь места, если которая-нибудь из них подстережет меня. Я должна воспользоваться случаем и согласиться на свидание с ним.

Только бы мне поймать его одного, только бы мне избежать зорких глаз этих женщин, и, если его друг не станет между нами, я отвечаю за результат.

А пока имею ли я сказать вам еще что-нибудь? Нет ли еще кого в Торп-Эмброзе? Ни души! Никто из окрестных фамилий не бывает здесь, так как Армадэль, к счастью, на дурном счету у соседей. К нему в дом не приезжает ни одна красивая и образованная женщина, и ни одна значительная особа не протестует против его внимания к гувернантке. Единственные гости, каких он мог пригласить на сегодняшней обед, были стряпчий со своим семейством (жена, сын и две дочери) и глухая старуха со своим сыном — все совершенно незначительные люди и все покорнейшие, нижайшие слуги глупого сквайра.

Говоря о покорнейших и нижайших слугах, я должна упомянуть об одном человеке, занимающемся в управительской конторе, — о жалком, дряхлом старике по имени Бэшуд. Он совершенно мне незнаком, и я, очевидно, ему совершенно незнакома, потому что он спрашивал служанку в коттедже, кто я. Признаваться в этом, значит, не делать мне самой большого комплимента, но тем не менее это правда, что я произвела самое необыкновенное впечатление на этого слабого и дряхлого старика в первый раз, как он увидел меня. Он переменялся в лице, задрожал и вытаращил на меня глаза, как будто в лице моем показалось ему что-то страшное. Я сама испугалась на одно мгновение, потому что еще ни один мужчина не смотрел на меня таким образом. Видели вы, как в зоологическом саду кормят змею боа? В ее клетку сажают живого кролика, и есть минута, когда оба эти существа смотрят друг на друга. Уверяю вас, мистер Бэшуд напомнил мне этого кролика!

Зачем я упоминаю об этом? Я сама не знаю зачем. Может быть, я уже писала слишком долго, и моя голова начинает изменять мне; может быть, способ обожания мистера Бэшуда поразил меня своей новизной. Нелепость! Я сама себя волную и вас тревожу по пустякам. О, какое утомительно-длинное письмо написала я, и как блестят звезды в окно, и какая это страшно тихая ночь! Пришлите мне сонных капель и напишите милое, злое, забавное письмо. Вы получите от меня известие так скоро, как только я буду знать несколько лучше, как

все это кончится. Спокойной ночи и оставьте уголок в вашем каменном старом сердце для Л. Г."

3. "От миссис Ольдершо к мисс Гуильт — Улица Диана, Пимлико.

Понедельник

Милая Лидия, я не нахожусь в таком расположении духа, чтобы написать вам забавное письмо. Ваши известия очень неутешительны, и ваш небрежный тон просто пугает меня. Сообразите, какие деньги я дала вперед и какие интересы затронуты для нас обеих. Ради Бога, не будьте небрежны!

Что я могу сделать? Я спрашиваю себя, как деловая женщина: чем я могу помочь вам? Я не могу подать вам совет, потому что я не с вами и не знаю, как обстоятельства могут измениться со дня на день. В том положении, в каком мы находимся теперь, я могу быть полезна только в одном: я могу открыть новое препятствие, угрожающее вам, и, кажется, могу уничтожить его.

Вы говорите очень справедливо, что еще не было перспективы без дурного места и что в вашей перспективе есть два дурных места. Душа моя, у вас могут быть три дурных места, если я этому не помешаю, и третье место называется — Брок. Возможно ли, что вы упоминаете о сомерсетширском пасторе и не видите, что успех ваш с Армадэлем рано или поздно будет передан пастору Армадэля? Теперь, когда я подумаю, об этом, вы вдвойне находитесь во власти пастора. Вы зависите от произвола всякого нового подозрения, который может заставить его приехать в Торп-Эмброс каждый день. Вы зависите от произвола его вмешательства с той минуты, как он услышит, что сквайр компрометирует себя с гувернанткой своего соседа. Если я не могу сделать ничего другого, я могу избавить вас от этого добавочного затруднения. И — о Лидия! Как проворно постараюсь я после того, как этот старый негодяй оскорбил меня, когда я рассказывала ему эту жалобную историю на улице! Уверяю вас, я дрожу от удовольствия при этой новой возможности одурачить Брока.

Как же это сделать? Точно так, как мы уже это сделали. — Он потерял мисс Гуильт (иначе — мою горничную), ведь потерял? Очень

хорошо. Он опять ее найдет, где бы он ни был, вдруг поселившуюся около него. Пока она будет оставаться на месте, и он останется, и так как мы знаем, что его не будет в Торп-Эмброзе, вы освободитесь от него! Подозрения старика наделали нам много хлопот до сих пор, извлечем же из них пользу наконец, привяжем его же подозрениями к переднику моей горничной. Чрезвычайно приятно! Совершенно нравственное возмездие, не так ли?

Единственную помощь, о которой я должна вас просить, вы легко можете оказать. Узнайте от мистера Мидуинтера, где теперь пастор, и сообщите мне это с первой почтой. Если он в Лондоне, я сама буду помогать моей горничной мистифицировать его; если он в другом месте, я пошлю ее к нему с одним человеком, на скромность которого я могу положиться вполне.

Завтра вы получите сонные капли. А пока я скажу в конце то, что уже говорила в начале: не будьте небрежны! Не поощряйте поэтических чувств, смотря на звезды, и не говорите, что ночь ужасно тиха. Есть люди (на обсерваториях), которым платят за то, чтобы они смотрели на звезды; предоставьте это им. А что касается ночи, делайте то, что судьба приказала вам делать с ночью, когда дала вам веки — спите.

Любящая вас Мария Ольдершо".

4. "От Децимуса Брока к Озайязу Мидуинтеру

Боскомбский пасторат, Уэст-Сомерсет

Четверг, июня 3

Любезный Мидуинтер, несколько строк, прежде чем уйдет почта, чтобы снять с вас ответственность в Торп-Эмброзе и извиниться перед дамой, которая живет гувернанткой в семействе майора Мильроя.

Мисс Гуильт — или, может быть, мне следовало бы сказать, женщина, называющаяся этим именем, — к моему невыразимому удивлению, явилась прямо сюда, в мой собственный приход! Она остановилась в гостинице с человеком порядочной наружности, который слывет за ее брата. Что значит этот дерзкий поступок (если только он не обозначает нового шага в заговоре против Аллэна, шага,

сделанного его новому совету) этого, разумеется, я еще не могу отгадать.

Мое мнение состоит в том, что, видя невозможность добраться до Аллена, не встретив препятствием на пути меня (или вас), они изменили свои планы и нагло стараются добиться своих целей через меня. Человек этот по наружности кажется способным на всякую подлость, и оба, он и эта женщина, имели бесстыдство поклониться мне, когда я встретился с ними в деревне полчаса тому назад. Они уже расспрашивали о матери Аллена здесь, где высокое мнение о ее примерной жизни не могут поколебать даже самые подробные расспросы. Если они только покусаятся просить денег в награду за молчание этой женщины о поступке бедной миссис Армадэль на Мадере во время ее свадьбы, они найдут меня заранее приготовленным к этому. Я написал с этой почтой моим стряпчим, чтобы они прислали способного человека помочь мне, и он станется в пасторате под таким именем, которое он сочтет лучшим принять при подобных обстоятельствах.

Вы услышите, что случится, дня через два.

Искренно преданный вам Децимус Брок".

Глава XII. НЕБО ПОМРАЧАЕТСЯ

Прошло девять дней, и кончается десятый день с тех пор, как мисс Гуильт со своей ученицей прогуливались утром в саду коттеджа.

Ночь была темная. После заката солнца на небе появились признаки, предвещавшие дождь. Приемные комнаты в большом доме были все пусты и темны. Аллэна не было дома — он проводил вечер у Мильроев, а Мидуинтер ждал его возвращения — не там, где он обыкновенно ждал, среди книг в библиотеке, а в маленькой комнатке, в которой жила мать Аллэна в последние дни своего пребывания в Торп-Эмброзе.

Ничего не было из нее вынесено, но многое было прибавлено в этой комнате с тех пор, как Мидуинтер видел ее. Книги, оставленные миссис Армадэль, мебель, старая циновка на полу, старые обои на стенах — все осталось не тронуто. Статуэтка Ниобеи все еще стояла на пьедестале, а французское окно все еще открывалось в сад. Но теперь к сувенирам, оставленным матерью, прибавились вещи, принадлежащие сыну. Стена, до сих пор пустая, была украшена рисунками акварелью — портрет миссис Армадэль, с одной стороны которого висел вид старого дома в Сомерсетшире, а с другой — изображение яхты. Между книгами, на которых виднелась поблекшими чернилами надпись миссис Армадэль: «От моего отца», были другие книги, книги, надписанные тем же почерком, но более яркими чернилами: «Моему сыну». Висело на стене, лежало на камине, было разбросано по столу множество маленьких вещиц, принадлежащих Аллэну прежде, необходимые принадлежности его настоящих удовольствий и занятий, и все прямо свидетельствовало, что комната, которую он обыкновенно занимал в Торп-Эмброзе, была та самая, которая когда-то напомнила Мидуинтеру второе видение во сне. Здесь, со странной уверенностью не подчиняясь влиянию обстановки, окружавшей его, которая так недавно была предметом его суеверного страха, друг Аллэна теперь спокойно ждал его возвращения, и здесь, еще удивительнее, он смотрел без волнения на перемену в домашнем убранстве, которая была сделана по милости

его самого. Ведь Мидуинтер сам рассказал об открытии, сделанном им в новом доме. Он убедил сына поселиться в комнате матери.

Какие причины побудили его рассказать об этом Аллэну? Причины, естественно ставшие следствием новых надежд и новых интересов, теперь оживлявших его.

Полная перемена, которая произошла в его убеждениях после памятной встречи лицом к лицу с мисс Гуильт, была таковой, что было не в его натуре скрывать ее от Аллэна. Он расскажет об этом откровенно, и так расскажет, как будет сообразно с его характером рассказать. Он не хотел приписывать себе заслуги в том, что победил свое суеверие, до тех пор, пока он беспощадно не обнаружил и не проанализировал этого суеверия, и оно предстало в самом худшем и слабейшем своем виде. Уже после того, как он откровенно признался в побуждении, заставившем его оставить Аллэна у озера, стал он делиться новой точкой зрения, с которой он теперь смотрел на сновидение. Тогда, и только тогда заговорил он об исполнении первого видения, как мог бы говорить доктор на острове Мэн. Он спросил, как доктор мог бы спросить: «Что удивительного, если они видели пруд или озеро при заходе солнца, когда целая сеть озер находилась в нескольких часах езды от них, и что же странного, что они увидели женщину на Море, когда к этому озеру вели дороги, когда поблизости от него находились деревни и по этому озеру ездили лодки и когда его посещали целые общества гуляющих?» Таким образом, он опять ждал, чтобы подкрепить более твердую решимость, с какой он смотрел на будущее до тех пор, пока не рассказал прежде всего, что он думает теперь сам о своих прошлых заблуждениях. Намерение забыть интересы своего друга и обмануть доверие, оказанное ему предложением места управителя, нарушить обязательство, которое Брок возложил на него, все, заключавшееся в этой одной мысли, чтобы оставить Аллэна, явное противоречие, обнаруживавшееся в том, что он считал сновидение как откровение, посланное роком, покушение избегнуть этого рока свободой воли, труды для приобретения познаний в обязанностях управляющего на будущее время и страх, чтобы это будущее не нашло его в доме Аллэна, были в свою очередь беспощадно изложены другу. В каждом заблуждении, в каждой несостоятельности Мидуинтер признался с решимостью, прежде чем решился высказать более ясно и верно свою

точку зрения, прежде чем он осмелился задать этот последний и простой вопрос, кончавший все:

— Положитесь ли вы на меня на будущее время? Простите ли вы и забудете ли прошлое?

Человек, который мог таким образом раскрыть все свое сердце без малейшей сдержанности, внушаемой уважением к себе, не мог забыть даже самый ничтожный, скрытный поступок, в котором эта слабость могла заставить его сделаться виновным относительно своего друга. На совести Мидуинтера тяжело лежало, что он скрыл от Аллэна открытие, которое он должен был сделать ради самых дорогих его интересов, — открытие комнаты его матери.

Но одно сомнение сомкнуло ему уста, сомнение, в тайне ли осталось поведение миссис Армадэль на Мадере после ее возвращения в Англию. Старательные расспросы — сначала слуг, потом крестьян, — тщательный анализ тех немногих слухов, ходивших в то время и повторенных ему немногими людьми, помнившими их, убедили Мидуинтера наконец, что семейная тайна была сохранена в семействе. Удостоверившись, что, какие расспросы ни делал бы сын, они не поведут его к открытию, которое могло бы поколебать его уважение к памяти матери, Мидиунтер более не колебался. Он повел Аллэна в комнату, показал ему книги на полках и сказал:

— Единственная причина, по которой я не сказал вам об этом прежде, исходила из опасения заинтересовать вас комнатой, на которую я смотрел с ужасом, как на вторую сцену, указанную в сновидении. Простите мне также и это, и тогда, вы простите мне все.

При любви Аллэна к памяти его матери из подобного признания мог произойти только один результат: он полюбил маленькую комнату с первого взгляда, как приятный контраст с величием других торп-эмброзских комнат, а теперь, когда он узнал, какие воспоминания соединяются с ней, то тотчас решился сделать ее своей комнатой. В тот же самый день все его вещи были перенесены в комнату матери в присутствии и при помощи Мидуинтера. Таким образом произошла перемена в домашнем устройстве, и таким образом, победа Мидуинтера над своим фатализмом, заставившая Аллэна занимать ту комнату, в которую иначе он, может быть, никогда не вошел бы, заставила сбыться второе видение во сне.

Спокойно прошел час с того времени, когда друг Аллэна ждал его возвращения. То читая, то раздумывая, провел он время. Никакие неприятные заботы, никакие тревожные сомнения не волновали его теперь. День арендного расчета, которого он прежде так опасался, настал и прошел благополучно. Более дружеские сношения были установлены между Аллэном и его арендаторами. Бэшуд оказался достоин доверия, оказанного ему. Педгифты, отец и сын, вполне оправдали доброе мнение их клиента. Куда ни смотрел бы Мидуинтер, перспектива была блестящая, будущее не имело ни облачка.

Мидуинтер поправил лампу на столе и посмотрел в окно в ночную темноту. Часы пробили половину двенадцатого, когда в окно начали падать первые капли дождя. Мидуинтер взялся уже рукой за колокольчик, чтобы позвать слугу и послать его в коттедж с зонтиком, когда вдруг остановился, услышав знакомые шаги на тропинке.

— Как вы поздно! — сказал Мидуинтер, когда Аллэн вошел во французское окно. — В коттедже были гости?

— Нет, только мы одни. Время как-то скоро прошло.

Он отвечал голосом тише обыкновенного и вздохнул, садясь на стул.

— Вы, кажется, не в духе? — спросил Мидуинтер. — Что с вами? Аллэн колебался.

— Почему мне не не сказать вам? — отвечал он через минуту. — Этого нечего стыдиться, я только удивляюсь, как вы сами этого не заметили! Разумеется, речь идет о женщине — я влюблен.

Мидуинтер засмеялся.

— Разве мисс Мильрой была очаровательнее прежнего сегодня? — весело спросил он.

— Мисс Мильрой! — повторил Аллэн. — Что это пришло вам в голову? Я влюблен не в мисс Мильрой.

— В кого же?

— В кого? Есть о чем спрашивать! Кто же может это быть, как не мисс Гуильт?

Наступило внезапное молчание. Аллэн сидел, небрежно засунув руки в карманы и смотря в открытое окно на лившийся дождь. Если бы он повернулся к своему другу, когда назвал мисс Гуильт, он, может, быть, несколько испугался бы перемене, которая произошла в лице Мидуинтера.

— Вы, верно, не одобряете этого? — спросил Аллэн, несколько подождав.

Ответа не было.

— Теперь поздно делать возражения, — продолжал Аллэн. — Я серьезно говорю вам, что я в нее влюблен.

— Две недели назад вы были влюблены в мисс Мильрой, — отвечал Мидуинтер спокойным тоном.

— Фи! То было просто волокитство, теперь совсем другое. Я серьезно влюблен в мисс Гуильт.

Он обернулся, говоря эти слова. Мидуинтер тотчас отвернулся и наклонился над книгой.

— Я вижу, что вы этого не одобряете, — продолжал Аллэн. — : Вы не одобряете потому только, что она гувернантка? Но если бы вы были на моем месте, это не помешало бы вам.

— Нет, — отвечал Мидуинтер, — я не могу сказать по совести, что это помешало бы мне.

Он произнес эти слова неохотно и отодвинул свой стул подальше от лампы.

— Гувернантка не бывает богата, — продолжал Аллэн, — а герцогиня не бывает бедна — вот единственная разница, какую я признаю между ними. Мисс Гуильт старше меня, я этого не опровергаю. Каких она лет, по вашему мнению, Мидуинтер? Я скажу двадцать семь или восемь. Вы что скажете?

— Ничего. Я согласен с вами.

— Вы находите, что женщина в двадцать восемь лет слишком для меня стара? Если бы вы были сами влюблены в двадцативосьмилетнюю женщину, вы не находили бы, что она слишком для вас стара?

— Не могу сказать, чтобы я нашел ее слишком старой, если...

— Если бы вы действительно ее любили?

Опять не было ответа.

— Стало быть, если то, что она гувернантка, и то, что она старше меня, не препятствие, то что же можете вы сказать против мисс Гуильт?

— Я ничего не говорю против нее.

— Но вам, кажется, это неприятно?

Наступило новое молчание. Мидуинтер первый прервал его на этот раз.

— Уверены ли вы в себе, Аллэн? — спросил он, еще ниже наклонившись над книгой. — Действительно ли вы привязаны к этой женщине? Seriously ли вы намерены сделать ей предложение?

— Я думаю серьезно об этом в эту минуту, — сказал Аллэн. — Я не могу быть счастлив, я не могу жить без нее, клянусь моей душой, я обожаю землю, по которой она ступает.

— Давно ли?..

Голос Мидуинтера прервался, и он замолчал.

— Давно ли, — повторил он, — обожаете вы землю, по которой она ступает?

— Долее, чем вы думаете. Я знаю, что я могу доверить вам все мои тайны.

— Не доверяйте мне!

— Пустяки! Вам я доверюсь. Есть маленькое затруднение, о котором я вам еще не упоминал. Это вещь довольно деликатная, и мне хочется посоветоваться с вами. Между нами, я имел несколько тайных свиданий с мисс Гуильт...

Мидуинтер вдруг вскочил и отворил дверь.

— Мы поговорим об этом завтра, — сказал он. — Спокойной ночи.

Аллэн оглянулся с удивлением, дверь затворилась, и он остался в комнате один.

— Он даже не пожал мне руку! — воскликнул Аллэн, с удивлением смотря на пустой стул.

Как только эти слова сорвались с его губ, дверь отворилась и явился Мидуинтер.

— Мы не пожали друг другу руку, — сказал он резко. — Бог да благословит вас, Аллэн! Мы поговорим об этом завтра. Спокойной ночи.

Аллэн остался один у окна, смотря на проливной дождь. Ему было как-то неловко, он сам не знал почему.

«Мидуинтер становится все страннее и страннее, — думал он. — Почему он отложил до завтра, когда я хочу говорить с ним сегодня?»

Он с нетерпением взял свечу, опять поставил ее, воротился к открытому окну и посмотрел в направлении коттеджа.

— Желал бы я знать, думает ли она обо мне? — тихо спросил он сам себя.

Она думала о нем, она только что раскрыла свою письменную шкатулку, чтобы написать к миссис Ольдершо, и ее перо в эту минуту написало первую строку:

«Успокойтесь. Я поймала его!»

Глава XIII. УДАЛЕНИЕ

Всю ночь шел дождь, и, когда настало утро, дождь все еще продолжался.

Против своей обыкновенной привычки Мидуинтер ждал в столовой, когда туда вошел Аллэн. Он казался изнурен и утомлен, но в улыбке его было более кротости, а в обращении более спокойствия, чем обыкновенно. К удивлению Аллэна, он сам заговорил о предмете вчерашнего разговора, как только слуга вышел из комнаты.

— Я боюсь, что вы сочли меня очень нетерпеливым и очень резким вчера, — сказал он. — Я постараюсь загладить сегодня. Я выслушаю все, что вы желаете сказать мне о мисс Гуильт.

— Мне не хотелось бы беспокоить вас, — сказал Аллэн. — По вашему лицу можно подумать, что вы провели дурную ночь.

— Я уже несколько времени дурно сплю, — спокойно отвечал Мидуинтер. — Я чувствую себя как-то нехорошо. Но мне кажется, я нашел средство поправиться, не прибегая к докторам. После я скажу вам подробнее об этом. Воротимся прежде к тому, о чем вы говорили вчера. Вы упомянули о каком-то затруднении...

Он колебался и кончил фразу таким тихим тоном, что Аллэн не расслышал.

— Можете быть, было бы лучше, — продолжал он, — если бы вы поговорили не со мной. А с мистером Броком.

— Я предпочитаю говорить с вами, — сказал Аллэн. — Но скажите мне прежде, прав я был или ошибался вчера, думая, что вы не одобряете моей любви к мисс Гуильт?

Тонкие нервные пальцы Мидуинтера начали мять хлеб на тарелке. Он в первый раз отвел глаза от Аллэна.

— Если вы имеете какие-нибудь возражения, — настаивал Аллэн, — мне хотелось бы слышать их.

Мидуинтер вдруг опять поднял глаза, щеки его смертельно побледнели, и сверкающие черные глаза устремились прямо на лицо Аллэна.

— Вы любите ее, — сказал он. — Любит ли она вас?

— Вы не сочтете меня тщеславным? — отвечал Аллэн. — Я говорил вам вчера, что имел несколько тайных свиданий...

Глаза Мидуинтера опять опустились на крошки хлеба, лежавшие на его тарелке.

— Я понимаю, — перебил он быстро, — вы ошибались вчера. Я не имею никаких возражений.

— Что же вы не поздравите меня? — спросил Аллэн тревожно. — Такая прелестная и такая умная женщина!

Мидуинтер протянул руку.

— Я обязан не только поздравить вас, но и помочь вашему счастью, если только смогу, — сказал он.

Мидуинтер взял Аллэна за руку и крепко ее пожал.

— Могу ли я помочь вам? — спросил он, становясь все бледнее и бледнее.

— Мой милый друг! — воскликнул Аллэн. — Что такое с вами? Ваша рука холодна, как лед.

Мидуинтер слабо улыбнулся.

— У меня всегда крайности, — сказал он. — Моя рука была горяча, как огонь, в первый раз, как вы взяли ее в деревенской гостинице. Перейдем к тому затруднению, о котором вы еще не упомянули. Вы молоды, богаты, сам себе господин, и она любит вас. Какое тут может быть затруднение?

Аллэн колебался.

— Я, право, не знаю, как сказать, — отвечал он. — Как вы сейчас сказали, я люблю ее, и она любит меня, а между тем между нами есть какое-то затруднение. Влюбленные много говорят о себе, по крайней мере я. Я рассказал ей все о себе, о моей матери и как мне досталось это имение, словом, все. Ну, хотя это не поражает меня, когда мы вместе, мне приходит иногда в голову, когда я не с нею, что она немного говорит со своей стороны, словом, я знаю о ней не более вас.

— Вы хотите сказать, что вы ничего не знаете о семействе и родных мисс Гуильт?

— Именно.

— Разве вы никогда не спрашивали ее о них?

— Я упомянул кое-что намедни и боюсь, что сказал не совсем кстати. Она приняла такой вид... Право я не умею вам сказать, не то

чтобы недовольный... О! Что это, как трудно найти слова! Я отдал бы все на свете, Мидуинтер, если бы мог найти настоящее слово, когда оно мне нужно, так, как вы.

— Мисс Гуильт отвечала вам что-нибудь?

— Вот я к этому-то и прихожу. Она сказала: «Я должна буду рассказать вам когда-нибудь грустную историю, мистер Армадэль, о себе и о моем семействе, но вы кажетесь так счастливы, а обстоятельства эти так печальны, что у меня недостает духа говорить с вами о них теперь». Она говорила со слезами на глазах, мой милый, со слезами на глазах! Разумеется, я тотчас переменял разговор. Как же теперь опять воротиться к этому предмету деликатно, не заставляя ее плакать? А мы должны воротиться к нему, не для меня, я очень рад жениться на ней прежде и слышать о ее семейных несчастьях потом. Но я знаю мистера Брока. Если я не смогу сообщить ему удовлетворительных сведений о ее родных, когда напишу ему об этом (а я, разумеется, должен это сделать), он, конечно, выскажется против. Я, разумеется, завишу сам от себя и могу поступить как хочу, но милый старик Брок был таким добрым другом моей бедной матери и таким добрым другом для меня..., вы понимаете, что я хочу сказать?

— Конечно, Аллэн. Мистер Брок был для вас вторым отцом. Всякое разногласие между вами в таком серьезном деле, как это, было бы самым печальным обстоятельством, какое только могло бы случиться. Вы должны уверить его, что мисс Гуильт — в чем я совершенно уверен — достойна, во всех отношениях достойна...

Голос его замер против его воли, и он не кончил фразу.

— Я сам это чувствую, — начал Аллэн. — Теперь мы можем перейти к тому, о чем я особенно желал посоветоваться с вами. Если бы вы были на моем месте, Мидуинтер, вы сумели бы сказать ей все как следует. Вы сказали бы это деликатно, даже если бы начали совершенно издалека. Я не могу этого сделать. Я болтлив и ужасно боюсь сказать что-нибудь такое, что огорчит ее. Семейные несчастья — такой щекотливый предмет, особенно с такими утонченными и нежно сердечными женщинами, как мисс Гуильт. Может быть, в ее семействе была какая-нибудь страшная смерть, может быть, какой-нибудь ее родственник обесславил себя, какая-нибудь адская жестокость принудила бедняжку пойти в гувернантки. Мне пришлось в

голову, не может ли майор помочь мне. Может быть, он знал о семейных обстоятельствах мисс Гуильт, прежде чем нанял ее?

— Это возможно, Аллэн.

— Именно так, как думал я! Мое мнение — поговорить с майором. Если бы я мог узнать ее историю сначала от него, я лучше бы стал говорить об этом с мисс Гуильт потом. Вы советуете мне попробовать спросить майора?

Мидуинтер отвечал не тотчас и отвечал не совсем охотно.

— Я, право, не знаю, что посоветовать вам, Аллэн. Это очень щекотливый предмет.

— Я думаю, что вы обратились бы к майору, если бы были на моем месте, — возразил Аллэн, возвращаясь к своему обыкновенному способу задавать вопросы.

— Может быть, — отвечал Мидуинтер все неохотнее. — Но если бы я говорил с майором, я поступил бы очень осторожно на вашем месте, чтобы не поставить себя в фальшивое положение. Я остерегался бы позволить подозревать меня в низости стараться допытаться секретов женщины тайно от нее.

Лицо Аллэна вспыхнуло.

— Великий Боже! Мидуинтер! — воскликнул он. — Кто может подозревать меня в этом?

— Никто, Аллэн, кто знает вас коротко.

— Майор знает меня, майор менее всех на свете станет подозревать меня, говорить о щекотливом предмете с мисс Гуильт, не оскорбив ее чувства. Что может быть проще между двумя джентльменами?

Вместо ответа Мидуинтер все также неохотно сам задал вопрос:

— Вы намерены сказать майору Мильрою о ваших намерениях относительно мисс Гуильт?

Настроение Аллэна изменилось. Он колебался и сконфузился.

— Я думал об этом, — отвечал он, — и намерен сначала разузнать, а потом сказать ему или нет, как покажут обстоятельства.

Такой осторожный поступок был так поразительно несообразен с характером Аллэна, что не мог не удивить всякого, кто знал его. Мидуинтер прямо выказал свое удивление.

— Вы забываете мое сумасбродное волокитство за мисс Мильрой? — продолжал Аллэн, все более и более конфузясь. —

Может быть, майор заметил это и, может быть, думал, что я имел намерение такое, какого я не имел. Было бы не совсем ловко, не правда ли, прямо в глаза ему сделать предложение его гувернантке, а не его дочери?

Он ждал ответа, но его не было. Мидуинтер раскрыл губы, чтобы заговорить, и вдруг остановился. Аллэн, встревоженный его молчанием и вдвойне встревоженный воспоминаниями о дочери майора, вызванными этим разговором, встал и довольно нетерпеливо прекратил разговор.

— Полно, полно! — сказал он. — Не принимайте такого загадочного выражения лица, не делайте из мухи слона. У вас такая старая голова, Мидуинтер, на ваших молодых плечах. Покончим все эти за и против. Намерены вы сказать мне просто, что мне не годится говорить с майором?

— Я не могу взять на себя ответственность, Аллэн, сказать вам это. Сказать еще проще, я не полагаюсь сам на основательность совета, который я могу подать вам, в., в нашем настоящем положении относительно друг друга. Я уверен только, что не может быть дурно просить вас сделать две вещи.

— Что такое?

— Если вы будете говорить с майором Мильроем, пожалуйста, вспомните мое предостережение, пожалуйста, подумайте о том, что вы скажете, прежде чем станете говорить.

— Я подумаю, не бойтесь! Еще что?

— Прежде чем вы сделаете какой-нибудь серьезный шаг в этом деле, напишите к мистеру Броку. Обещаете вы мне это?

— От всего моего сердца. Еще что?

— Более ничего. Я сказал мои последние слова.

Аллэн пошел к двери.

— Пойдемте в мою комнату, — сказал он. — Я дам вам сигару. Слуги придут сюда сейчас убирать завтрак, а я хочу говорить о мисс Гуильт.

— Не ждите меня, — отвечал Мидуинтер. — Я приду к вам минуты через две.

Он не вставал с места, пока Аллэн не закрыл дверь, потом поднялся и раздвинул занавес в углу комнаты, куда он спрятал дорожный мешок, уложенный для путешествия.

Когда он стоял с мешком в руке у окна и думал, прежняя сильная бледность разлилась по его лицу — оно как будто лишилось последней своей кровинки в одно мгновение.

То, что пронизательность опытной женщины открыла несколько дней назад, стало явным для Мидуинтера только в эту ночь. Огорчение, поразившее его, когда он услышал признание Аллэна, в первый раз обнаружило истину Мидуинтера. Он осознал, что смотрел на мисс Гуильт другими глазами и с новым чувством в следующий раз после достопамятного свидания в саду майора Мильроя. Он сознавал свой увеличившийся интерес к ее обществу, свой увеличившийся восторг к ее красоте, но до сих пор он не знал, какую страсть возбудила она в нем. Узнав наконец, что эта страсть вполне овладела им, Мидуинтер имел мужество, которого человек с менее трагическим прошлым не имел бы, мужество вспомнить, что Аллэн говорил ему о своих чувствах, и решительно взглянуть на будущее сквозь свои благодарные воспоминания о прошлом.

В бессонные часы ночи он твердо решил принести себя в жертву дорогим интересам своего друга в знак великой признательности, какой он был обязан Аллэну. Твердо пришел он к убеждению, что должен победить страсть, овладевшую им, для Аллэна и что единственный способ победить ее — уехать. Никакие сомнения относительно этой жертвы не волновали его, когда настало утро; никакие сомнения не волновали его теперь. Единственный вопрос, заставивший его колебаться, состоял в том, как ему оставить Торп-Эмброс. Хотя письмо мистера Брока избавило его от необходимости наблюдать в Норфольке за женщиной, которая находилась в Сомерсершире, хотя обязанности управляющего могли быть безопасно оставлены в испытанных и надежных руках мистера Бэшуда, все-таки, допуская эти соображения, душа Мидуинтера была беспокойна при мысли оставить Аллэна в такое время, когда в жизни его приближается кризис. Он в последний раз задал своей совести этот вопрос: «Можешь ли ты положиться на себя, чтобы видеть ее каждый день, а ты должен ее видеть? Можешь ты положиться на себя, чтобы слушать, как он будет говорить о ней каждый час, а ты должен его слушать, если останешься в этом доме?» Опять ответ получился такой, каким он был целую ночь, опять сердце Мидуинтера предостерегло его ради интересов этой дружбы, которую он считал

священной, — уехать, пока он мог располагать временем, уехать, прежде чем женщина, овладевшая его любовью, овладеет его способностью к самопожертвованию и его чувством признательности.

Он машинально осмотрелся вокруг. Каждое воспоминание о разговоре, только что происходившем между ним и Аллэном, указывало на то же заключение и предостерегало его, как предостерегало его совесть ехать. Добросовестно ли упомянул он о возражениях, которые и он, и всякий мог видеть в привязанности Аллэна? Предостерег ли он Аллэна — как знание легкомысленного характера его друга обязывало его сделать — не доверять своим первым впечатлениям и испытать себя временем, прежде чем он удостоверится, что счастье всей его жизни зависит от мисс Гуильт? Нет. Сомнение, бескорыстное ли чувство заставить его говорить сомкнуло уста и будет смыкать и в будущем, пока не пройдет пора говорить, терзало Мидуинтера. Разве может удержать Аллэна тот самый человек, который отдал бы целый свет, если бы он имел его, для того чтобы встать на место Аллэна? Был только один способ действия для честного, признательного человека в том положении, в каком он находился. Удалившись от всякой возможности видеть ее и слышать, один со своими верными воспоминаниями о том, чем он был обязан своему другу, он мог надеяться преодолеть свою страсть, как преодолевал слезы в своем детстве под палкой своего хозяина-цыгана, как он преодолевал горе своей одинокой юности в лавке провинциального книгопродавца.

— Я должен ехать, — сказал он уныло, отходя от окна, — прежде чем она войдет опять в этот дом; я должен уехать, прежде чем еще час пронесется над головой моей.

С этим намерением он вышел из комнаты и, выходя, сделал невозвратный шаг от настоящего к будущему.

Дождь все шел. Мрачное небо до самого горизонта было затянуто свинцовыми тучами, когда Мидуинтер, одетый по-дорожному, вошел в комнату Аллэна.

— Великий Боже! — закричал Аллэн, указывая на дорожный мешок. — Это что значит?

— Ничего необыкновенного, — отвечал Мидуинтер. — Это значит только — прощайте.

— Прощайте, — вскочив, повторил Аллэн с изумлением.

Мидуинтер тихо посадил его опять на стул и сам сел возле него.

— Когда вы заметили сегодня утром, что у меня нездоровый вид, — начал он, — я сказал вам, что придумывал способ поправить свое здоровье и намерен поговорить с вами об этом после. Это после наступило теперь. Я уже несколько времени был не в духе, как говорится. Вы сами это заметили, Аллэн, не раз с вашей обыкновенной добротой извиняли многое в моем поведении, которое иначе было бы непростительно даже в ваших дружеских глазах.

— Милый мой, — перебил Аллэн, — неужели вы намерены отправиться в путь в такой проливной дождь?

— Дождь ничего не значит, — возразил Мидуинтер, — дождь и я — старые друзья. Вы немного знаете, Аллэн, жизнь, какую я вел, прежде чем вы встретились со мною. Я с самого детства привык к трудностям и ко всякой погоде. Ночь и день, иногда несколько месяцев кряду голова моя не имела кровли над собой. Много лет я вел жизнь дикого зверя, может быть, мне следовало бы сказать жизнь дикаря, между тем как вы были дома и счастливы. Во мне еще остались задатки бродяги... Вам неприятно слышать, что я говорю о себе таким образом? Я не буду вас огорчать, я только скажу, что комфорт и роскошь нашей здешней жизни иногда, я думаю, слишком обременительны для человека, для которого комфорт и роскошь чужды. Мне ничего более не нужно, для того чтобы поправиться, кроме воздуха и движения, менее сытных завтраков и обедов, мой милый друг, чем я имею здесь. Дайте мне воротиться к тем трудностям, для исключения которых нарочно устроен этот комфортабельный дом, дайте мне встречать ветер и непогоду, как я привык встречать их ребенком, дайте мне поутомляться от долгого пути, не имея экипажа под рукой, и голодать, когда наступает вечер, а впереди целые мили до ужина, дайте мне постранствовать недели две, Аллэн, пешком к северу, к йоркширским болотам, и я обещаю воротиться в Торп-Эмброс лучшим собеседником для вас и для ваших друзей. Я ворочусь, прежде чем вы успеете соскучиться обо мне. Мистер Бэшуд займется делами в конторе. Только на неделю и для моей собственной пользы отпустите меня!

— Мне это не нравится, — сказал Аллэн. — Мне не нравится, что вы оставляете меня так внезапно. В этом есть что-то странное и туманное. Зачем вы не попробуете ездить верхом, если вам нужно

больше движения? Все лошади в конюшне в вашем распоряжении. Во всяком случае, вы не можете ехать сегодня. Посмотрите, какой дождь.

Мидуинтер посмотрел в окно и тихо покачал головой.

— Я совсем не думал о дожде, — сказал он, — когда я был ребенком и зарабатывал себе пропитание с пляшущими собаками. Зачем мне думать об этом теперь? Промокнуть мне и вам, Аллэн, две разные вещи. Когда я служил у рыбака на Гебридских островах, на мне по целым неделям не было сухой нитки.

— Но вы теперь не на Гебридских островах, — настаивал Аллэн. — Я ожидаю наших друзей из коттеджа завтра вечером. Вам нельзя ехать раньше послезавтра. Мисс Гуильт будет играть на фортепьяно, а вы любите игру мисс Гуильт.

Мидуинтер отвернулся застегнуть ремни на своем дорожном мешке.

— Доставьте мне другой случай послушать мисс Гуильт, когда я ворочусь, — сказал он, не поднимая голову и старательно застегивая ремни.

— У вас есть один недостаток, мой милый, и он в вас увеличивается, — заметил Аллэн. — Когда вы что-то забрали себе в голову, вы самый упрямый человек на свете; вас нельзя убедить послушаться рассудка. Если вы хотите уйти, — прибавил Аллэн, вдруг встав, когда Мидуинтер молча взял свою палку, — я хочу идти с вами и попробовать также трудности жизни.

— Идти со мной, — повторил Мидуинтер с какой-то горечью в голосе, — и оставить мисс Гуильт?

Аллэн опять сел и, видимо, согласившись с силой этого возражения, замолчал. Не говоря ни слова более со своей стороны, Мидуинтер протянул руку и простился. Оба были глубоко растроганы, и оба старались скрыть свое волнение друг от друга. Аллэн прибегнул к последнему средству, которое помогало сохранить твердость его духа: он старался продлить минуту прощания шуткой.

— Вот что я скажу вам, — произнес он. — Я начинаю сомневаться: совершенно ли вы вылечились от вашей веры в сон? Я подозреваю, что вы просто бежите от меня.

Мидуинтер посмотрел на него, не зная, шутит Аллэн или говорит серьезно.

— Что вы хотите сказать? — спросил он.

— Что вы мне говорили намеренно? — возразил Аллэн. — Что вы сказали об этой комнате и о втором видении сна? Вот второе видение! — воскликнул он, опять вскочив на ноги. — Дождь бьет в окно. Вот луг и сад. Вот я стою там, где стоял во сне, и вот вы стоите там, где стояла тень. Вся сцена вполне, и за окном, и дома, и это я узнал на этот раз!

На минуту жизнь опять зашевелилась в умерших останках суеверия Мидуинтера. Лицо его изменилось, он с жаром, почти свирепо оспаривал слова Аллэна.

— Нет! — сказал он, указывая на мраморную фигуру, стоявшую на пьедестале. — Сцена неполная, вы забыли кое-что по обыкновению. Сновидение ошибочно на этот раз, слава Богу, совершенно ошибочно! В вашем сновидении вы видели статую, лежавшую в обломках на полу, и вы наклонились над ними с волнением и гневом. А статуя стоит цела и невредима, а в вашей душе нет и следа гневного чувства.

Он схватил Аллэна за руку. В ту же минуту им овладело сознание, что он говорил и действовал так серьезно, как будто верил в сон. Румянец опять вспыхнул на его лице, и он отвернулся в смущении.

— Что я вам говорю? — сказал Аллэн, смеясь, несколько тревожно. — Эта ночь на корабле так же, как прежде, тяготит вашу душу.

Ничего не тяготит меня, отвечал Мидуинтер с нетерпением, — кроме моего мешка на спине и времени, которое я теряю здесь. Я пойду и посмотрю, не прочищается ли небо.

— Вы вернетесь? — спросил Аллэн.

Мидуинтер отворил французское окно и вышел в сад.

— Да, — отвечал он с прежней кротостью в голосе, — я ворочусь через две недели. Прощайте, Аллэн. Желаю вам счастья с мисс Гуильт!

Он затворил окно и вышел в сад, прежде чем его друг успел бы опять открыть окно и последовать за ним. Аллэн встал и сделал шаг в сад, потом остановился у окна и вернулся к своему креслу. Он так хорошо знал Мидуинтера, что чувствовал совершенную бесполезность пытаться следовать за ним или возвратиться его. Он ушел, и не было надежды увидеть его раньше двух недель. Прошло

более часа, дождь все шел, и небо было мрачно. Тяжелое чувство одиночества, чувство, которое прежняя жизнь сделала его менее всего способным понимать, овладело душой Аллэна. Пугаясь своего уединенного дома, он позвонил, чтобы ему подали шляпу и зонтик, и решился укрыться в коттедже майора.

«Я мог бы пройти немного с ним, — говорил себе Аллэн, все думая о Мидуинтере, когда надевал шляпу. — Мне хотелось бы посмотреть, как этот милый старый друг начал свое путешествие».

Он взял свой зонтик. Если бы Аллэн обратил внимание на лицо слуги, который подал ему его, он, может быть, задал бы несколько вопросов и узнал несколько известий, интересных для него в его настоящем расположении духа. Теперь же он вышел, не смотря на слугу и не подозревая, что слуги его знали более о последних минутах Мидуинтера в Торп-Эмброзе, чем знал он сам. Десять минут назад бакалейщик и мясник приходили получить плату по своим счетам, и они видели, как Мидуинтер отправился в путь. Первый встретил его бакалейщик, недалеко от дома. Мидуинтер остановился под проливным дождем поговорить с оборванным мальчишкой, язвой своего околотка. Обычная дерзость этого мальчишки обнаружилась еще необузданнее обыкновенного при виде дорожного мешка Мидуинтера. Что же сделал мистер Мидуинтер? Он остановился с огорченным лицом и кротко положил обе руки на плечи мальчика. Бакалейщик видел это собственными глазами и собственными ушами слышал, как мистер Мидуинтер сказал:

— Бедняжка! Я знаю, как продувает ветер и мочит дождь сквозь оборванное платье, лучше, чем знают многие имеющие хороший сюртук на плечах.

С этими словами он сунул руку в карман и наградил дерзость мальчика шиллингом.

— Здесь неладно, — сказал бакалейщик, коснувшись своего лба. — Вот мое мнение о друге мистера Армадэля!

Мясник видел его далее, на другом конце города. Он остановился — опять на проливном дожде, — и на этот раз затем, чтобы посмотреть на голодную собаку, дрожащую у дверей какого-то дома.

— Я не спускал с него глаз, — сказал мясник. — И что, вы думаете, он сделал? Он перешел через дорогу к моей лавке и купил кусок мяса, который годился бы и для доброго христианина. Очень

хорошо. Простился со мной, воротился назад и — вот вам честное слово — стал на колени на мокрых ступенях, вынул перочинный нож, разрезал мясо и отдал его собаке. Говорю вам опять: кусок, годившийся для христианина! Я человек не жестокий, сударыня, — заключил мясник, обращаясь к кухарке, — но мясо — все-таки мясо и, может быть, друг вашего господина доживет до того, что оно понадобится бы ему самому.

С этим большим сочувствием к старому забытому времени Мидуинтер оставил город и скрылся в туманной дали. Бакалейщик и мясник видели его в последний раз и обсудили великую натуру, как судятся все великие натуры с точки зрения бакалейщика и мясника.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке TheLib.Ru](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)

notes

Примечания

1

«Фрейшюц» («Вольный стрелок») — опера немецкого композитора К. М. Вебера.

Купидон — в античной мифологии: бог любви, изображаемый в виде мальчика с луком и стрелами; Амур, Эрот.

Writer to the Signet. — Слово Signet означает частную королевскую печать, употребляемую при некоторых дипломах и патентах. Writer to the Signet — особая коронная должность в Шотландии, состоявшая в прежнее время в связи с приложением этой печати (прим, переводчика).

4

Фордевин — ветер, по направлению совпадающий с курсом судна, или ветер, дующий прямо в корму.

Имеется в виду древнегреческий философ-киник Диоген Синопский, практиковавший крайний аскетизм. По преданию, жил в бочке.

6

Соверен — английская золотая монета в один фунт стерлингов.

7

Макбет — шотландский король с 1040 года.

Сонетка — колокольчик, комнатный звонок для вызова прислуги, приводимый в действие шнурком.

Промокательной.

Авгиевыми конюшнями.

11

Непривлекательна.

Джошуа Рейнолдс — английский живописец и теоретик искусства. Организатор и первый президент лондонской Академии художеств.

Род гармоник. (Прим, пер.)

Макиавелли — итальянский политический мыслитель, писатель. Считал, что для упрочения государства все средства хороши. Отсюда — макиавеллизм, то есть политика, пренебрегающая нормами морали.